

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И. С. ТУРГЕНЕВА»
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

**ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ:
ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ**

**Материалы
IV Международной научно-практической конференции
(13 октября 2020 года, г. Орёл)**

Орёл
ОГУ имени И. С. Тургенева
2020

УДК 811.15 (08)
ББК 81.2
Я41

Редакционная коллегия:

Якушев Максим Валерьевич – директор Института иностранных языков,
кандидат педагогических наук, доцент
Абакумова Ольга Борисовна – профессор кафедры английской филологии,
доктор филологических наук, доцент
Бакина Анна Дмитриевна – и. о. зав. кафедрой английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
Иванова Оксана Юрьевна – зав. кафедрой иностранных языков,
кандидат педагогических наук, доцент
Клочков Алексей Валерьевич – зам. директора ИИЯ, кандидат филологических наук, доцент
Ретинская Татьяна Ивановна – зав. кафедрой романской филологии,
доктор филологических наук, доцент
Макарова Наталья Анатольевна – зав. кафедрой иностранных языков сфере
в профессиональной коммуникации, кандидат филологических наук, доцент
Щекотихина Ирина Николаевна – зав. кафедрой английского языка,
кандидат филологических наук, доцент
Калашникова Лариса Валентиновна – профессор кафедры английского языка,
доктор филологических наук, профессор
Новикова Татьяна Васильевна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
Александрова Анжелика Паруйровна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
Комарова Алла Михайловна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
Иванишин Дмитрий Александрович – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
Яковлева Юлия Михайловна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат педагогических наук, доцент
Тимошенко Ирина Владимировна – старший преподаватель кафедры английской филологии, кандидат
филологических наук
Кирюхина Надежда Владимировна – ассистент кафедры английской филологии
Дормидонтова Екатерина Валерьевна – ассистент кафедры немецкого языка

Я41 Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение /
материалы IV Международной научно-практической
конференции (13 октября 2020 г., г. Орёл). – Орёл: ОГУ имени
И. С. Тургенева, 2020. – 598 с.

ISBN 978-5-9929-0904-3

Сборник научных трудов отечественных и зарубежных ученых посвящен актуальным проблемам лингвистики в аспекте взаимосвязи языка, культуры, коммуникации, проблемам обучения иностранному языку и переводу, проблемам когниции, коммуникации и анализа дискурса.

Издание адресовано лингвистам, филологам, специалистам в области методики, перевода, межкультурной коммуникации, студентам, магистрантам, аспирантам, всем, кто интересуется проблемами языка, культуры, коммуникации в их взаимодействии.

УДК 811. 15 (08)
ББК 81.2

ISBN 978-5-9929-0904-3

© ОГУ имени И. С. Тургенева, 2020

Программный комитет

Абакумова Ольга Борисовна – доктор филологических наук, профессор ОГУ имени И. С. Тургенева (Орел, Россия) – *председатель*

Бакина Анна Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ОГУ имени И. С. Тургенева (Орел, Россия) – *заместитель председателя*

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия)

Иоанесян Евгения Рафаэлевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института языкознания Российской Академии наук (Москва, Россия)

Иванова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор ЛГУ имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

Котова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)

Боева-Омелечко Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор ЮФУ (Ростов-на-Дону, Россия)

Бриз Эндрю Чарльз – доктор философии, профессор Наваррского университета (Памплона, Испания)

Коростенски Йиржи – зав. отделением славистики Западночешского университета (Пльзень, Чешская Республика)

Петрова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, профессор Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия)

Вознесенская Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, доцент Академии ФСО России (Орел).

Дмитриев Олег Аркадьевич – профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ (Москва, Россия).

Тарса Ядвига – кандидат филологических наук, доцент Государственного университета в Ополе (Ополе, Польша)

Супрун Василий Иванович – доктор филологических наук, профессор Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград, Россия)

Олянич Андрей Владимирович – доктор филологических наук, профессор Адыгейского государственного университета (Майкоп, Россия)

**Калашникова Лариса Валентиновна – доктор филологических наук, профессор
ОГУ имени И.С. Тургенева (Орел, Россия)**

**Жуков Анатолий Власович – доктор филологических наук, профессор ЛГУ имени
А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)**

**Дубровская Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор
Пензенского государственного университета (Пенза, Россия)**

**Синеокова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор
Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А.
Добролюбова (Нижний Новгород, Россия)**

**Мартынова Елена Михайловна – доктор филологических наук, профессор
Академии ФСО России (Орел, Россия).**

**Королькова Анжелика Викторовна – доктор филологических наук, профессор
Смоленского ГУ (Смоленск, Россия)**

**Мещерякова Ольга Александровна – доктор филологических наук, профессор
Елецкого ГУ имени И.А. Бунина (Елец, Россия)**

**Савицкий Владимир Михайлович – доктор филологических наук, профессор
Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара,
Россия)**

Члены редакционной коллегии

Якушев Максим Валерьевич – директор Института иностранных языков, к.п.н., доцент

Абакумова Ольга Борисовна – профессор кафедры английской филологии, д.ф.н., доцент

Бакина Анна Дмитриевна – и. о. зав. кафедрой английской филологии, к.ф.н, доцент

Иванова Оксана Юрьевна - зав.кафедрой иностранных языков, к.п.н., доцент

Клочков Алексей Валерьевич - зам.директора ИИЯ, к.ф.н., доцент

Ретинская Татьяна Ивановна - зав.кафедрой романской филологии, д.ф.н., доцент

Макарова Наталья Анатольевна - зав.кафедрой иностранных языков сфере в профессиональной коммуникации, к.ф.н., доцент

Щекотихина Ирина Николаевна – зав. кафедрой английского языка, к.ф.н., доцент

Калашникова Лариса Валентиновна – профессор кафедры английского языка, д.ф.н, профессор

Новикова Татьяна Васильевна – доцент кафедры английской филологии, к.ф.н, доцент

Александрова Анжелика Паруйровна – доцент кафедры английской филологии, к.ф.н., доцент

Комарова Алла Михайловна – доцент кафедры английской филологии, к.ф.н., доцент

Иванишин Дмитрий Александрович – доцент кафедры английской филологии, к.ф.н, доцент

Яковлева Юлия Михайловна – доцент кафедры английской филологии, к.п.н., доцент

Тимошенко Ирина Владимировна – старший преподаватель кафедры английской филологии, к.ф.н.

Кирюхина Надежда Владимировна – ассистент кафедры английской филологии

Дормидонтова Екатерина Валерьевна – ассистент кафедры немецкого языка

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	11
Карасик В.И., ИМИТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ.....	11
Иоанесян Е.Р., СЕМАНТИКА КВАНТОРНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ	20
Боева-Омелечко Н.Б., РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКСПРЕССИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА АНТОНИМИИ В РЕКЛАМНОМ СЛОГАНЕ	27
Иванова С.В., ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНТРОПОНИМИКОН В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: ЧТО В ИМЕНИ?.....	35
Савицкий В.М., ОБРАЗНАЯ ОСНОВА СЛОВА КАК ФАКТОР МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИДИОМАТИЧНОСТИ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ	42
Петрова О.В., ЧТО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ И УМЕТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ПЕРЕВОДА?	49
Бриз Э. Ч., KINGFISHERS AND ANGELS IN THE EXETER BOOK RIDDLES	57
Абакумова О.Б., ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНО- ДИСКУРСИВНОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ	73
Дмитриев О.А., ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ СТАТЕЙ САЙТА ТЕЛЕКАНАЛА RT)	84
Коростенски Йиржи, ВОКРУГ ВОПРОСОВ О ВЫДЕЛЕНИИ КОНЦЕПТА	93
Тарса Ядвига, КОТЫ НАТАШИ – КВИНТЭССЕНЦИЯ ИНТЕРНЕТ-МЕМА	98
СЕКЦИЯ №1: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ: ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ	104
Дубровская Т.В., ЛЕКСИКА С СЕМАНТИКОЙ ЕДИНЕНИЯ В ТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	104
Савицкая Е.В., ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЫДЕННО-ЯЗЫКОВОЙ И НАУЧНО- ЯЗЫКОВОЙ КАРТИН МИРА В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА	112
Сахарова А.В., ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ <i>ОЧЕВИДНО</i>).....	119
Померанцева Т.П., ИСТОРИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВ <i>ЧЕЛОВЕК</i> И <i>ЛЮДИ</i>	126
Хачатурьян Е.А., Олянич А.В., ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО КОДА КУБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-ГЛЮТТОНИМОВ В ГОВОРАХ КУБАНИ).....	133
Хут Ю.Ю., КОНЦЕПТ «ПИЦЦА АДЫГОВ»: ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.....	141
Шашкова В.Н., СЕМАНТИКА И НОМИНАЦИЯ ИМЁН ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СВОБОДЫ, ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	150
СЕКЦИЯ №2: ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ПОДХОДЫ, ПРОЕКТЫ, РЕСУРСЫ, ТЕХНОЛОГИИ	158
Борискина О.В., РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ СО СТУДЕНТАМИ – ИНОФОНАМИ.....	158

Ващекина Т.В., РУССКИЙ ЯЗЫК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В СОВМЕСТНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ МГУ-ППИ В ШЭНЬЧЖЭНЕ)	164
Верижникова Е.А., Верижников А.А., НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В СВЕТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	169
Власов К.А., ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР И ИГРОВЫХ СИМУЛЯТОРОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ	176
Ефанова О.А., АКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ	183
Макарова Е.Л., О ВЛИЯНИИ ТЕМАТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ПРАКТИЧЕСКИЙ КУРС АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА» НА ОПТИМИЗАЦИЮ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ	190
Марченко О.С., ФОРМАЛЬНАЯ И СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТОРОНА ВИДОВОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ (ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВИДА ГЛАГОЛА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ)	198
Мнацаканян Д.И., СЛЕНГ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА	205
Супрун В.И., ОСОБЕННОСТИ ИНТЕНСИВНОГО ОНЛАЙН-ПРЕПОДАВАНИЯ СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА	211
Терновых Т.Ю., Филиппова Л.Б., ВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ	219
Харлашина Е.В., ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В МАГИСТРАТУРЕ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» ЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ	225
Яковлева Ю.М., ОРАТОРСКИЕ УМЕНИЯ КАК КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	232
Якушев М.В., ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ОСВОЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ	236
СЕКЦИЯ №3: ПЕРЕВОД В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ	243
Вознесенская Л.Н., О ВАРИАТИВНОСТИ НОРМЫ ПЕРЕВОДА	243
Глаголев Я.Б., Кушнина Л.В., МЕТАПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ПЕРЕДАЧИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ	249
Иванишин Д.А., МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА: ОЦЕНКА КАЧЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ	259
Козельская Е.А., ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРЕВОДА: ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА И ВНУТРИЯЗЫКОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ГАЗЕТНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛАХ	266
Миронова Т.П., «ГОВОРЯЩИЕ» ФАМИЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ПЕРЕВОДИТЬ ИЛИ ТРАНСКРИБИРОВАТЬ?	273

Могилевцева С.Э., ПЕРЕВОД БИМЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ В КОНТЕКСТЕ УЧЕБНОЙ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	280
Новикова Т.В., СНОСКА, КОММЕНТАРИЙ И ПРИМЕЧАНИЕ КАК СПОСОБ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ.....	289
Скрипкина Г.В., ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПРЕДИКАТОВ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ.....	297
Титова Г.А., РУССКИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ XIX ВЕКА В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	308
СЕКЦИЯ №4 ДИСКУРС И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ	316
Волошина С.В., ВОСПОМИНАНИЯ О РОДИТЕЛЯХ В СТРУКТУРЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ СИБИРЯКОВ.....	316
Логачева А.А., Ермакова Н.Л., МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЧИНИТЕЛЬНОЙ И БЕССОЮЗНОЙ СВЯЗЬЮ В ЯЗЫКЕ ЛИРИКИ XIX-XX ВЕКОВ	323
Мартынова Е.М., ТЕМА СОЛДАТСКОГО МУЖЕСТВА В ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ К. СИМОНОВА	332
Мартынова Н.А., ПРАВОВОЙ ТЕКСТ КАК ОБРАЗЕЦ РЕЧЕВОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО АКТА	340
Королькова А.В., КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ АФОРИСТИКИ.....	345
Юдкин-Рипун И.Н., СИТУАЦИОННАЯ СИНОНИМИЯ И МЕРОНИМИЯ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ СУБЪЕКТОВ ДЕЙСТВИЯ ПРОЗЫ	352
СЕКЦИЯ №5 КОГНИЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ	360
Гордиевская М.Л., СОКРЫТИЕ <i>АГЕНСА</i> КАК ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ.....	360
Зайцева Н.В., СРЕДСТВА СМЯГЧЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В ДИСКУРСЕ ВЕЖЛИВОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ.....	364
Калашникова Л.В., ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ ИДИОМ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА СТАДИИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ.....	371
Макшанцева А.Л., ОСОБЕННОСТИ СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «УДАЧА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	381
Фадеева Е.В., СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКОМФОРТА НА МОРФЕМНО-МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	388
Щекотихина И.Н., ПАРАДОКСЫ СВЕРХСЛОВНОЙ НОМИНАЦИИ (К ВОПРОСУ О ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ/ТВОРИМОСТИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ)	396
СЕКЦИЯ №6 СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СМИ И ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИИ	404
Видинеева Н.Ю., ГРАФИЧЕСКИЕ И МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ИМПЛИЦИТНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БЛОГАХ	404
Долгова Е.В., Кравцова А.А., ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	411

Жуков А.В., Жукова М.Е., О ФРАЗЕОЛОГИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.....	419
Осипова О.С., ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ОБРАЗА ДОНАЛЬДА ТРАМПА В СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ)	425
Синеокова Т.Н., РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА <i>GENERATION</i> В ИНАУГУРАЦИОННЫХ РЕЧАХ Б. ОБАМЫ И Д. ТРАМПА	432
Тимошина С.А., ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ КОНЦА 1940-х гг. О ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ	438
Хлопотунов Я.Ю., КОНФРОНТАЦИОННАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ САМОЗАЩИТЫ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	442
СЕКЦИЯ №7 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ	450
Бакина А.Д., СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЦИТАТНЫХ ЕДИНИЦ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ	450
Дорофеева Д.С., Бакина А.Д., ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ.....	459
Василенко А.П., МЕТОНИМИЯ В ОБРАЗЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА	466
Дворянинова К.А., СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРА В АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ	471
Кирюхина Н.В., АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И АНТИПОСЛОВИЦ С ПРЯМОЙ МАСКУЛИННОЙ ГЕНДЕРНОЙ РЕФЕРЕНЦИЕЙ В РАМКАХ ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СУПРУЖЕСТВО»	476
Котова М.Ю., СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДВУПЛАНОВОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ В ЭЛЕКТРОННОМ СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННЫХ АКТИВНЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПОСЛОВИЦ.....	483
Мущинская В.В., УКРАИНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ С ЗООНИМАМИ В ЭЛЕКТРОННОМ СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННЫХ АКТИВНЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПОСЛОВИЦ	492
Прохоренко М.А., КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГАДОК)	499
Филичкина Т.П., МОДАЛЬНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНТИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	504
Огольцева Е.В., ФОРМА ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	511
СЕКЦИЯ №8 МОЛОДЕЖНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ	525
Абарникова А.О., Цуканова Е.М., ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ПРИЕМ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА Г. ШЕВЧЕНКО РОМАНА И. НОЛЛЬ «АПТЕКАРША» НА РУССКИЙ ЯЗЫК)	525
Быльчинская В.С., ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ И СПОСОБЫ ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ В КУРСЕ ТМК.....	533
Гридасов А.К., Новикова Т.В., ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. ХОРНБИ «МОЙ МАЛЬЧИК»)	540

Дровникова П.К., Абакумова О.Б., ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ПАРЕМИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ	545
Калиш Д.В., СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	552
Кибизова Е.Р., АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ПОСЛОВИЦЫ В ДИСКУРСЕ ПО МОДЕЛИ КДМ	558
Кононова М.В., ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АКТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА ПОСЛОВИЦЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ ПОСРЕДСТВОМ МОДЕЛИ КДМ	563
Леонидов И.А., ДЕОНТИЧЕСКИЕ НОРМЫ И УСТАНОВКИ КУЛЬТУРЫ В ПОСЛОВИЦАХ О СЧАСТЬЕ	570
Проконина Н.И., Бакина А.Д., АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ГАЗЕТНЫЕ ЗАГОЛОВКИ: АНАЛИЗ ТРУДНОСТЕЙ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК	576
Репина А.Д., ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКО-СЕРБСКИХ ПОСЛОВИЧНЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ С ОБРАЗНОЙ ОСНОВОЙ	584
Тимофеев А.А., Абакумова О.Б., АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНОГО ЭПИЗОДА ПО МОДЕЛИ КДМ В РАМКАХ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ	591

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 81'27

ИМИТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

В.И. Карасик

*Государственный институт русского языка
имени А.С. Пушкина, г. Москва, Россия*

Аннотация: В статье рассматривается имитация коммуникативного действия, понимаемая как прагматически релевантная разновидность общения. Важнейшим признаком такого действия является его двуплановость – соотнесенность данного поступка с некоторым коммуникативным образцом, известным участникам общения. Можно выделить следующие типы имитации коммуникативных действий: формальное, игровое, юмористическое, сатирическое и учебное уподобление.

Ключевые слова: прагматика, коммуникация, имитация, действие, иллокуция.

Abstract: The paper deals with an imitation of a communicative action treated as a pragmatically relevant variety of communication. The main distinctive feature of such actions is their binary character – they are correlated with certain actions which are taken as communicative models known to interaction participants. The following imitation action types may be singled out: formal, ludic, humorous, satirical, and training.

Key words: Pragmatics, communication, imitation, action, illocution.

Теория коммуникативных актов является, как известно, одним из детально разработанных направлений прагмалингвистики [1; 2, 3; 4; 5; 7; 8; 9; 10; 11]. Основу этой теории составляют тезисы о том, что речевое действие

подчиняется общим характеристикам деятельности как таковой, что действия культурно и ситуативно обусловлены, что коммуникативные установки поддаются исчислению и моделированию, хотя и подвержены моментальным изменениям, что агенты коммуникативных действий по-разному ведут себя в личностно и статусно-обусловленных типах общения, что типы коммуникативных действий построены по полевому принципу, т.е. включают более и менее прототипные образцы поведения. К этому списку положений о природе коммуникативных актов необходимо добавить важное уточнение о том, что существуют действия и их имитации, распадающиеся на ряд разновидностей, еще недостаточно изученных в лингвистике.

Конститутивным признаком имитационного коммуникативного действия является его сходство с неким образцом только по форме, в то время как содержательно в его основе лежат иные мотивы и цели. Например, это выражение формальной поддержки реплики, которую произнес партнер по общению:

- Дистанционное образование в высшей школе открывает перед нами большие перспективы.

- Полностью согласен с вами. Но думаю, что издержки такого образования перевешивают его предполагаемую пользу.

Уточняющая реплика в диалоге сводит на нет выражение согласия с тем, что только что было сказано.

Имитация коммуникативного действия распадается на несколько типов.

Можно выделить действия, которые полностью или частично противоречат по своему содержанию имитируемому образцу. Такая градация отражена в значениях античных префиксов «псевдо-» и «квази-»¹. Первый префикс, заимствованный из греческого языка, означает нечто ложное (псевдонаука – учение, которое представляется его сторонниками как научное, но в действительности таковым не являющееся), второй префикс,

¹ Я благодарен О.А. Леонтович за предложение рассмотреть этот тип имитаций коммуникативного действия.

заимствованный из латыни, означает подобие (квазигруппа – в социологии: совокупность индивидов, между которыми отсутствуют устойчивые связи). Высказана интересная точка зрения о противопоставлении псевдонауки и лженауки: если первая эксплуатирует стремление людей к популярности, то вторая нацелена на освоение материальной поддержки настоящей науки [6]. Применительно к науке такая дистинкция может быть признана существенной, но во многих других ситуациях она нерелевантна (например, псевдоаргументация и лжеаргументация – это тождественные обозначения одного и того же явления).

Феномены, квалифицируемые с помощью префикса «псевдо», содержат явно выраженную отрицательную оценку, те же явления, которые обозначены с помощью морфемы «квази», фиксируют не столько отрицательную оценку обозначаемого, сколько его сходство с неким образцом, при этом допускается, что со временем такое сходство может стать устойчивым и оба явления, имитирующее и имитируемое, станут равнозначными.

Поскольку имитация речевого действия имеет градуальный характер, можно противопоставить варианты этого действия, различающиеся по степени формализации. Наиболее ярко это проявляется в этикетных поступках: произнесенное сквозь зубы поздравление, приветствие с явно выраженной неприязнью к партнеру по общению, комплимент, в котором видно нежелание говорящего доставить удовольствие адресату, и т.д. Обратим внимание на то, что формализованные этикетные действия осуществляются в рамках официальных или квази-официальных ситуаций. Адресат принимает такое поведение, понимая, что говорящий произносит эти этикетные формулы сугубо по протоколу. Отсутствие этих формул означает выход на конфликт. На личностном уровне коммуникации подобное поведение вызывает протест либо свидетельствует о выражении обиды, нанесенной говорящему со стороны адресата.

Второй вид имитации речевого действия (и любого действия вообще) – это игровое подражание некоторому образцу, от детской игры, когда ребенок

воображает себя кем-то и ведет себя соответствующим образом, до сценического перевоплощения. Отметим, что в театральной практике существуют две разных позиции по отношению к актерскому перевоплощению: позиция, условно обозначенная как игра по Станиславскому, предполагает полное вживание актера в роль, своеобразное личностное растворение в роли, в то время как позиция, которую можно обозначить как игра по Брехту, предполагает некоторое дистанцирование актера от роли, включающее оценку персонажа, его критику или окарикатуривание. Исходным вариантом игровой имитации является вживание в роль, дети не критикуют свое ролевое воплощение, такая критика представляет собой развитие игровой имитации, противопоставление агента действия и наблюдателя. Игровая имитация может влиять на актера, роль становится характером человека.

Театральная игра, выходящая за рамки сцены, обычно вызывает у партнеров по общению критику. Считается, что такое поведение не является искренним. Показательны взятые из Национального корпуса русского языка примеры оценочного использования наречия «театрально» (заметим, что слово «сценически» такой отрицательной оценки не выражает):

«Возвращаю!» — раздув ноздри, театрально крикнул он и бросил ей под ноги бриллиантовое кольцо (И. Муравьева).

Они геньяльничают, декламируют, бросаются друг в дружку фразами, театрально швыряют салфетки об стол, утерев бритые рты (Б. Пастернак).

Названные коммуникативные действия являются акцентированной имитацией обычного поведения, они показывают поступки персонажей как разыгранные перед публикой.

Третий тип имитации речевого действия относится к сфере его комического осмысления. Варианты такого осмысления весьма многочисленны и могут быть противопоставлены по жанровым признакам комического — юмористической, либо сатирической, либо саркастической тональности. Например, взрослый человек в ответ на критику говорит, подражая ребенку: *«Я больше не буду»*. Такая имитация обещания превращает акт извинения в

буффонаду. Аналогичным поступком является произнесение фразы «*Нет мне прощения*» в ответ на критику поведения. Разные варианты комической имитации речевых действий часто обыгрываются в шутках и анекдотах. Например:

Одно время в парикмахерских, ресторанах, банях СССР висели объявления: «Чаевые оскорбляют достоинство советского человека». Плятт, рассчитываясь с парикмахером, неизменно приговаривал, косясь на плакат: «Обожаю оскорблять достоинство советского человека». Расплатившись и дав при этом щедрые чаевые, спрашивал: «Я достаточно оскорбил ваше достоинство?»

Герой этого анекдота, известный отечественный актер Р.Я Плятт, превращает ситуацию в абсурд, спрашивая парикмахера, достаточно ли тот оскорблён полученными чаевыми. Заметим, что в данном примере используется прием «иллюкутивного самоубийства». Оскорбление теряет свой смысл, если говорящий превращает его в открыто выраженный перформатив: *Я оскорбляю вас и говорю то-то и то-то*. Вариант подобного речевого действия прослеживается в вопросе студентки, обращенном к преподавателю перед экзаменом: *«Я правильно боюсь, что у нас эти вопросы будут в билетах?»*. Такое уточнение в запросе информации превращает коммуникативное действие в шутку. Говорящий показывает, что понимает абсурдность такой формулировки.

Заслуживает внимания замещение речевого акта. Например, просьба камуфлирует угрозу:

Нищий на улице:

- Добрый вечер сэр! Уделите мне минуточку внимания, пожалуйста. Я хотел бы попросить у вас немного денег. Видите ли, у меня нет ни дома, ни машины, ни жены, ни друзей - нет ничего, кроме этого старого армейского пистолета 45 калибра...

Перед нами ситуация вооруженного ограбления с имитацией просьбы.

Замещение коммуникативного действия может быть выражено перифрастически:

Никогда не говори: «Я ошибся». Лучше скажи: «Надо же, как интересно получилось!».

Настоящий интеллигент никогда не скажет: «Как была дура-дурой, так ею и осталась». Он скажет: «Время над ней не властно».

В комической перифразе прослеживается имитация другого речевого действия, при этом мы понимаем, что оно в данной ситуации является замещением иного высказывания. Обратим внимание на эвфемистическую технику таких коммуникативных приемов: произнесенная фраза стилистически выше замещаемой.

Четвертый тип имитации коммуникативного действия – сатирический – в некоторой мере пересекается с игровым и юмористическим подражанием, но отличается от них четко выраженной интенцией унижить и высмеять адресата или третье лицо. Это детские или взрослые дразнилки, высмеивающие нарушения речи, манерное или диалектное произношение: *«Как итрашно!»*, *«Мне кааэтся»*, *«Когда мы играм, мы потем»*. Типичной насмешливой имитацией является подражание речи иностранцев или носителей русского языка как неродного: *«И тоже я хочу сказать»*, *«Спасибо за взять меня на работу»*, *«Я имею выйти»*. Известно, что в голливудских фильмах советские солдаты, говоря по-английски, избыточно используют глагол *to get* в значении «получать» и оглушают финальные звонкие согласные (как и носители немецкого языка). Английское выражение *«la-di-da»* объясняется в словаре так: (showing disapproval) trying to impress people by behaving as though you are from a high social class (Macmillan English Dictionary). Осуждается претенциозное поведение, вызванное желанием произвести впечатление принадлежности к высшему классу. Интересно отметить, что в современной русской лингвокультуре высмеивается недостаточная грамотность, показывающая низкий социальный уровень людей:

Объявление: Кандидат наук съмет комнату.

*Интеллигентная семья продаст двух фортепьянов и одну роялю.
Мешаются в калидоре.*

Подчеркнем, что объектом гротескной критики выступают те, кто должен говорить грамотно, высмеивается не принадлежность индивидов к числу недостаточно грамотных, а несоответствие их поведения их претензиям.

Заслуживают внимания случаи самоиронии, характеризующей поведение определенного типа людей:

Мы страстные, но нам некогда.

Я уколов не боюсь, если надо, уколуюсь.

Такая самоирония со временем переходит в ироничное описание людей, заслуживающих критики:

Ныне люди таковы: унеси что с чужого двора – вором назовут! (Даль. Словарь пословиц).

Коммуникативная цель этого речения – заполнить паузу, при этом оно включает две модусные оценочные рамки: унести что-либо с чужого двора – значит совершить кражу, эта констатация самоочевидна, кража относится к типичным преступлениям (внутренняя оценка), оформление этого речения в виде сетования на нравы людей выглядит на первый взгляд абсурдно (внешняя оценка), однако применительно к квалификации поступка адресата или третьего лица эта ироничная пословица является утверждением: *А ведь ты (или он) – вор.* В теории Н. Хомского противопоставлены глубинные и поверхностные структуры. Прагматическое осмысление этого противопоставления позволяет выделить имитируемую и действительную иллюзию, в частности, поверхностное самооправдание, но фактическое самоосуждение, поверхностное позитивное позиционирование и фактическое осуждение тех или иных недостатков, поверхностное осуждение мнения людей и фактическое признание справедливости такого осуждения.

Пятый тип имитации коммуникативного действия весьма частотен в педагогическом дискурсе, это учебная имитация речи. На родном языке такая имитация наблюдается при усвоении коммуникативных оборотов,

свойственных профессиональной речи в определенных сферах деятельности. Это необходимая стадия при овладении тем или иным вторичным речевым жанром (речевые клише и штампы). Аналогичным образом формируются коммуникативные умения и навыки на иностранном языке. Особенно важны те речевые обороты, которые выражают этнокультурную специфику формулировок коммуникативных действий. Например, такова констатация различий во взглядах при сохранении уважительного отношения друг к другу по-английски: *Let's agree to differ.* – *Давайте признаем, что наши позиции по этому вопросу не совпадают.*

Таким образом, имитация коммуникативного действия представляет собой прагматически релевантную разновидность общения, представленную в нескольких разновидностях. Важнейшим признаком такого действия является его двуплановость – соотнесенность данного поступка с некоторым коммуникативным образцом, известным участникам общения. Можно выделить следующие типы имитации коммуникативных действий: формальное, игровое, юмористическое, сатирическое и учебное уподобление.

Список литературы:

Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. С.7-44.

2. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Лингвистическая прагматика. М.:Прогресс,1985. С.3-42.

3. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1993. 182 с.

4. Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т.40. 1981. № 4. С.333-342.

5. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С.217-237.
6. Кутателадзе С. С. О псевдонауке и лженауке // Вестник Владикавказского научного центра. 2004. Т.4 №2. С.24-26.
7. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып.17. Теория речевых актов. М., 1986. С.22-129.
8. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
9. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. Пособие по теоретическим курсам. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
10. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 151-169.
11. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова Книга, 2009. 272 с.

Сведения об авторе

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков.

1174856 Москва, ул. Академика Волгина, 6.

vkarasik@yandex.ru

Karasik, Vladimir Ilyich, Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Moscow State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, China.

СЕМАНТИКА КВАНТОРНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Иоанесян Е.Р.

Институт языкознания РАН

г. Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются высказывания с кванторными прилагательными, образующими с существительными универсальные именные группы, т.е. именные группы с открытым экстенсионалом. Исследуется особый класс конструкций с кванторами, в которых эксплицируются эталоны и стереотипы, закрепленные в картине мира языка.

Ключевые слова: Квантор семантика, прагматика, стереотип, эталон.

Abstract: The article deals with utterances containing adjectival quantifiers that form universal, open-extension nominal parts with nouns. Emphasis is put on a specific class of quantifier constructions expressing templates and stereotypes rooted in the language worldview.

Key words: Quantifier, semantics, pragmatics, stereotype, template.

Кванторные прилагательные соотносятся в логике с квантором общности — $\forall xP(x)$: «для всех x имеет место свойство P » [6, с. 253], см. также понятие «квантификатор» в [1, с. 505]. Мы рассматриваем кванторные прилагательные *всякий* и *любой*, которые в сочетании с именами существительными образуют универсальные именные группы (далее — ИГ), т.е. именные группы с открытым экстенсионалом. *Каждый* не входит в этот класс единиц. Сравнивая предложения (а) *Каждый из ее недостатков можно устранить* и (б) *Любой ее недостаток можно устранить*, Е. В. Падучева пишет, что «в (б) ИГ является универсальной, поскольку (б) предполагает неограниченное открытое множество недостатков; а в (а) ИГ референтная определенная: *каждый* —

показатель дистрибутивной множественности, а не универсальности» [5, с. 96]. Необходимо отметить, что прилагательное *любой* выступает также и в роли показателя дистрибутивной множественности (*любой из ее недостатков*), этот класс его употреблений в статье не рассматривается.

Высказывания вида *делать что-л. лучше/хуже/не лучше/не хуже X, S лучше/хуже/богаче/страшнее X* и т.п. интересны тем, что в них в качестве *X* часто выступают слова-эталоны — единицы, обозначающие в языке эталонных носителей каких-то свойств, способностей, навыков, обозначающие объект или ситуацию, которые с точки зрения социума являются носителями некоторого признака в максимальной или, наоборот, минимальной степени. Так, врач, по определению, лучше других должен уметь ставить диагноз, лечить, бухгалтер в силу специфики своей работы должен хорошо считать и т.п., например: *лечить, ставить диагноз лучше врача, считать лучше бухгалтера* и т.п. В таких конструкциях эталоны эксплицитно выражены, хотя и не в форме «традиционного сравнения»: «эталоны могут иметь эксплицитную и имплицитную формы. Первая предполагает обязательную форму сравнения типа: *как, подобно, come*» [7, с. 86]; см. также работы [2; 3].

Наличие кванторных прилагательных, являющихся **показателями универсальности**, в высказываниях вида *делать что-л. лучше/хуже/не лучше/не хуже X, S лучше/хуже/богаче/страшнее X* (например, *Он сводит баланс лучше любого бухгалтера*) свидетельствует о том, что элемент *X* выступает в них в роли эталона. Высказывания с *любой* в роли показателя дистрибутивной множественности (и это очень существенный момент) подобным свойством не обладают, ср. фразы (а) и (б): (а) *Он сводит баланс лучше любого бухгалтера (любой — показатель универсальной множественности, бухгалтер — эталон)*; (б) *Он сводит баланс лучше любого бухгалтера из их отдела (любой — показатель дистрибутивной множественности; сравнение работающих в отделе бухгалтеров)*.

В некоторых случаях только наличие кванторных прилагательных перед именем существительным или именем собственным в рассматриваемых

конструкциях говорит нам о том, что это существительное или имя собственное выступает в качестве эталона каких-то качеств. Ср. следующие предложения: (а) *У нее фигура лучше, чем у Натальи Водяновой*; (б) *У нее фигура лучше, чем у любой Натальи Водяновой*. Даже если адресат не знает, кто такая Наталья Водянова, услышав предложение (б), он понимает, что фигура этой женщины расценивается говорящим как эталон красоты и стройности. Ср. примеры с квантором и без квантора: (а) *В двенадцатом часу ночи подали ужин, состоявший из куска старого, сухого сыру и каких-то холодных пирожков с рубленой ветчиной, которые мне показались **вкуснее всяких паштетов*** (И. С. Тургенев. Первая любовь (1860)) [4]; (б) *В двенадцатом часу ночи подали ужин, состоявший из куска старого, сухого сыру и каких-то холодных пирожков с рубленой ветчиной, которые мне показались **вкуснее паштетов***. В предложении (б) объектом сравнения является еда, предложенная герою во время ужина, с паштетами, которые, например, ему довелось попробовать раньше; в предложении (а) паштет выступает в роли эталона изысканной и вкусной еды — предложенная герою еда сравнивается с эталоном.

На наш взгляд, во фразах типа *эти пирожки показались вкуснее всяких паштетов* эталон может иметь разные статусы: 1) паштет является общепризнанным, в том числе и для автора высказывания, эталоном изысканной и вкусной еды; 2) паштет для многих, но не для автора высказывания (!) является эталоном изысканной и вкусной еды, и в подобных фразах говорящий выражает свое ироничное отношение к выбору этого блюда в качестве эталона.

Предложения вида *делать что-л. лучше/хуже/не лучше/не хуже любого/всякого X, S лучше/хуже/богаче/страшнее любого/всякого X* и т.п. интересны также тем, что они проявляют имплицитно содержащиеся в них стереотипы, существующие в картине мира конкретного языка, иногда даже неосознаваемые его носителями. Указанные высказывания маркируют нарушение нормального хода вещей, отход от стереотипа, несовпадение стереотипа с реальностью.

Приведем несколько примеров стереотипов, закрепленных в картине мира русского языка.

1. Стереотип «Самым информативным при определении эмоционального состояния человека, его отношения к собеседнику или обсуждаемой ситуации является вербальный акт». Вербальный акт оценивается как наиболее информативный по сравнению с симптомами, т.е. телесными признаками проявления эмоций, выражениями, обозначающими неконтролируемые физиологические реакции на эмоцию или на ее причину, с жестами, с неречевыми звуками, тем более — с намеренным молчанием (умолчанием). Например: (1) *Не ответив, она сморщила нос, и эта ее гримаса, исполненная чисто женского, даже скорее девичьего презрения, была внятнее любых слов* (Л. Юзефович. *Костюм Арлекина* (2001)) [4]. (2) *Старик не отвечал ни слова, но взгляд, брошенный им на барыню, передавал его благодарность лучше всякой речи* (Д. В. Григорович. *Бобыль* (1847)) [4]. (3) *В ответ полковник, оскаливая зубы, мог только издавать гортанные звуки, выражавшие лучше всяких слов одновременно и ужас, и восторг* (А. А. Игнатъев. *Пятьдесят лет в строю*. Кн. 1-2 (1947—1953)) [4]. (4) *Калерия Матвеевна воздержалась от всяческих характеристик, что было красноречивее любых слов* (М. Баконина. *Школа двойников* (2000)) [4], воздержание от характеристик — акт умолчания. (5) *Последовало торжественное молчание, лучше всяких слов выразившее высокое настроение души* (Ф. М. Степняк-Личкус [перевод книги С. М. Степняка-Кравчинского с английского]. *Андрей Кожухов* (1898)) [4]. (6) *Поэтому узнать, рад, расстроен, сердит или доволен человек, можно с первого взгляда, ведь улыбка или опущенные уголки губ, прищуренные глаза или складка между бровями говорят красноречивее любых слов* (ЛЮЛЬЧАК. *Эмоциональный паралич* // РБК Daily, 2010.02.03) [4].

Семантика конструкций вида *делать что-л. лучше/хуже/не лучше/не хуже любого/всякого X, S лучше/хуже/богаче/страшнее любого/всякого X* и т.п. отличается от значений аналогичных конструкций без кванторов. Ср.: (а) *Слезы матери говорили о ее состоянии лучше любых слов*; (б) *Слезы матери говорили*

о ее состоянии лучше слов. Предложение (а), в отличие от предложения (б), не предполагает произнесения матерью каких-либо слов.

Вербальный акт предстает эталонным носителем информации об эмоциональном состоянии человека, его отношении к адресату, эталонным средством убеждения адресата в чем-л. Это подтверждается невозможностью инверсных конструкций, т.е. невозможностью изменения сферы действия кванторов в рассматриваемых случаях. Ср.: *Смех, который лучше всяких слов говорит, что люди довольны и даже счастливы* и **Слова, которые лучше всякого смеха говорят, что люди довольны и даже счастливы*.

Перечислим кратко еще несколько стереотипов.

2. Стереотипы «Правда некрасива, ложь красива», «Правда — хорошо, ложь — плохо»: (1) *Я правду об тебе порасскажу такую, Что хуже всякой лжи* (Ю. Н. Тынянов. Сюжет «Горя от ума» (1943)) [4]. (2) *Но эта правда оказалась для него страшнее любой лжи* (В. Розов. Удивление перед жизнью (1960—2000)) [4]. (3) *Я правду о тебе порасскажу такую, что краше всякой лжи* (Г. Горин. Иронические мемуары (1990—1998)) [4]. Необходимо помнить, что речь идет о тех стереотипах, которые закреплены в языке. Ложь, вообще говоря, мало кому представляется красивой, тем не менее, сочетания типа *краше всякой лжи/вымысла* кажутся естественными, а сочетания вида *краше всякой правды/реальности* представляются сомнительными.

3. Стереотип, противопоставляющий жизненный опыт и умозрительные науки и утверждающий за последними бóльшую объективность в оценке и понимании действительности и — как следствие — бóльшую дидактическую силу: *Чему учить других, когда жизнь учит лучше всякого философа?* (М. А. Осоргин. Сивцев Вражек (1928)) [4].

4. Стереотип, характеризующий разные способы получения человеком информации о мире, о конкретных ситуациях — интуицию и логику, ведущую роль отдает логическим операциям: *Я человек опытный и знаю, что женское непосредственное чутье может быть иногда ценнее всяких логических*

выводов (Артур Конан Дойл. Человек с рассеченной губой (М. Н. Чуковская, Н. К. Чуковский, 1945)) [4].

5. Стереотип, определяющий статус людей, окружающих человека в этом мире: «Самые самоотверженные, бескорыстные, самые близкие человеку люди — его родные». Например: *О близком человеке! — с ненавистью возразил Тарантьев. — Что он тебе за родня такая? Немец — известно. Ближе всякой родни: я вместе с ним рос, учился и не позволю дерзостей...* (И. А. Гончаров. Обломов (1848—1859)) [4].

6. Стереотип «Самую надежную защиту человеку обеспечивает оружие, крепостные стены и т.п.», например: *Его не трогали. В нем была та, непоколебимая душевная смелость, та небоязнь боязни, которая охраняет даже слабого человека лучше всяких браунингов* (А. И. Куприн. Гамбринус (1907)) [4].

Существование некоторых стереотипов представляется необычным, но языковые факты свидетельствуют о том, что они имеют место. Таков, например, стереотип «Главное в человеке ум (а не душа)»: *За то, что в нем дороже всякого ума: честное, верное сердце!* (И. А. Гончаров. Обломов (1848—1859)) [4]. Обратим внимание, что порядок следования компонентов в указанной сравнительной конструкции изменен не может быть, и это свидетельствует о том, что приоритет отдается именно уму, а не душе. Ср., например: * *За то, что в нем дороже всякого сердца: глубокий ум!*

Таким образом объектом нашего изучения были высказывания с кванторными прилагательными *всякий* и *любой*, образующими с именами существительными универсальные именные группы, т.е. именные группы с открытым экстенционалом. Исследование высказываний вида *делать что-л. лучше/хуже/не лучше/не хуже любого/всякого X, S лучше/хуже/богаче/страшнее любого/всякого X* и т.п. представляет интерес с той точки зрения, что в них получают экспликацию эталоны, в том числе авторские, и стереотипы, закрепленные в картине мира языка. Подобные

высказывания маркируют нарушение нормального хода вещей, нарушение стереотипа, несовпадение стереотипа с реальностью.

Список литературы:

1. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М., Языки славянских культур, 2009. 568 с.

2. Иоанесян Е.Р. Имплицитная оценка и аргументация// Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 62-77. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-62-77.

3. Иоанесян Е.Р. Об одном классе высказываний с эталонами и стереотипами // Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методы исследования. Материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике. Когнитивные исследования языка, вып. 2 (41), 2020. — С. 87-91.

4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://ruscorpora.ru/new/>]

5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., Наука, 1985. 272 с.

6. ФЭС — Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н., Ковалев С.М., Панов В.Г. М., Советская энциклопедия, 1983. 843 с.

7. Черданцева Т.З. Эталоны и стереотипные ситуации во фразеологизмах различных типов (на материале итальянского языка) // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М., Языки славянской культуры, 2004. — С. 86-93.

Сведения об авторе

Иоанесян Евгения Рафаэлевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное учреждение науки Институт

языкознания РАН, 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1;
ioanevg@mail.ru; 8-903-128-73-22

Ioanesyan Yevgeniya Rafaelevna; Doctor of Pfilology, Leading Researcher,
Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences 1/1 Bol'shoy Kislovsky per.,
Moscow, 125009 Russia, ioanevg@mail.ru; 8-903-128-73-22/

УДК 81

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКСПРЕССИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА АНТОНИМИИ В РЕКЛАМНОМ СЛОГАНЕ

Боева-Омелечко Н.Б.

Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: Актуальность данной работы обусловлена как повышенным интересом лингвистов к изучению персуазивных возможностей рекламы и лингвокреативной деятельности создателей слоганов, так и потребностью в расширении представлений об экспрессивном потенциале антонимии в составе рекламного слогана. Цель работы заключается в анализе способов создания необычных антонимических противопоставлений в слоганах русского и английского языков для усиления экспрессивности данных слоганов. Автор уделяет особое внимание созданию эффекта обманутого ожидания с помощью антонимов и их вовлечению в языковую игру, а также слоганам с антонимами, требующим декодирования смысла.

Ключевые слова: реклама, лингвокреативность, антитеза, оксюморон, игра слов, прецедентный феномен.

Abstract: The article is topical due to the increased interest of linguists in studying the pervasive possibilities of advertising and the linguocreative activity of the creators of slogans, as well as to the need to expand the understanding of the

expressive potential of antonymy in an advertising slogan. The purpose of this work is to analyze ways of creating unusual antonymic oppositions in Russian and English slogans to enhance the expressiveness of these slogans. The author pays special attention to creating the effect of deceived expectations with the help of antonyms and their involvement in the language game, as well as to slogans with antonyms that require decoding the meaning.

Keywords: advertising, linguocreativity, antithesis, oxymoron, pun, precedent phenomenon.

Начиная с 60-х гг. XX века в центре внимания различных научных дисциплин, включая лингвистику, находится феномен персуазивности, который в рамках лингвистики понимается как воздействие средствами языка на адресата с целью побуждения его к тем или иным действиям [5, с.54]. Персуазивность реализуется через персуазивные тексты, адресанты которых с помощью различных аргументов пытаются убедить реципиентов в принятии определённой точки зрения [9, с. 80]. К числу таких текстов относятся, в частности, тексты рекламы, которые призваны убедить потребителя в том, что именно данный товар или услугу необходимо приобрести [6, с. 80].

Как признают специалисты в области риторики, убеждающая сила персуазивного текста зависит не только от логической основы доказательств, но и от воздействия на эмоции и чувства адресатов, т.е. от эмоциональных аргументов [7, с. 96]. Именно последние чрезвычайно важны для текста рекламы и особенно такой её части, как слоган, который представляет собой краткое сообщение, суммирующее преимущества товара или услуги и являющееся центром рекламного текста [1, с. 26]. Эффективность слогана определяется его способностью привлекать внимание потребителей, т.е. его экспрессивностью, неотделимой от лингвокреативности [10, с. 180].

Благодатным материалом для последней выступают языковые единицы, для которых типичная реализация экспрессивной функции в составе связного текста, а именно лексические и грамматические антонимы. К последним

относятся антонимичные послелого, коннекторы (предлоги и союзы), грамматические формы, репрезентирующие категориальные оппозиции, межчастеречные антонимы [2, с. 42] и высказывания с одинаковым лексическим наполнением, построенные по антонимичным моделям [2, с. 18].

Таким образом, актуальность данной работы обусловлена как повышенным интересом лингвистов к изучению персуазивных возможностей рекламы и лингвокреативной деятельности создателей слоганов, так и потребностью в расширении представлений об экспрессивном потенциале антонимии в составе рекламного слогана как вида персуазивного текста. Цель работы заключается в анализе способов создания необычных антонимических противопоставлений в слоганах русского и английского языков для усиления экспрессивности данных слоганов.

Прежде всего, что вполне закономерно для антонимов, они участвуют в создании **антитез** различной конфигурации, подчёркивая контрастность определённых понятий. Необычность антонимических противопоставлений при этом достигается следующими способами:

1) сочетанием системных антонимичных прилагательных не с одинаковыми, как это бывает в речи (*большой /маленький дом, красивая / некрасивая девушка* и под.), а с разными словами. При этом слово, употреблённое после второго прилагательного, часто является неожиданным для адресата, т.е. имеет место эффект обманутого ожидания. Например:

(1) ***Новая весна. Старая цена*** (реклама магазинов «Мода@Комфорт» в Москве).

(2) ***Незаметная коррекция заметных проблем*** (реклама медицинского препарата Тромблесс).

(3) ***For ordinary people with extraordinary dreams*** (Для обычных людей с необычными мечтами) (слоган банка TC BANK, Тайвань);

2) усилением антитезы с помощью гиперболы (преувеличения) или литоты (преуменьшения), в создании которых также проявляется лингвокреативность авторов. Например:

(4) *Большой кредит для маленькой, маленькой такой компании...*
(реклама кредитных программ для малого бизнеса банка Номос).

Литота создаётся за счёт повтора слова *маленькая*, позволяющего подчеркнуть крошечный размер компании. Реклама убеждает аудиторию, что даже самая маленькая компания может получить большую сумму денег на развитие бизнеса в банке Номос;

3) включением антонимов в состав слогана-трузизма, то есть высказывания, содержащего известную истину, против которой трудно возразить. Например, такой слоган используется в рекламе снеков Marmite:

(5) *You'll either love them or you'll hate them* (Вы их полюбите или возненавидите).

Оригинальность слогана заключается в том, что в отличие от обычного для рекламы подчёркивания достоинств продукта, данный слоган честно указывает на возможность полярного отношения к нему;

4) имплицитным представлением одного из членов оппозиции. Так, например, в слогане, рекламирующем краску для волос Palette, после местоимения *мои* опущены прилагательные *некрасивые* и *неухоженные*, являющиеся антонимами к расположенным в первой части слогана словам *красивые* и *ухоженные*. Однако адресат без труда понимает намёк:

(6) *You, её волосы такие красивые и ухоженные, а мои ...*

В случае таких слоганов внимание адресатов привлекается именно потребностью в восполнении недостающего элемента. То есть адресат оказывается вовлечённым в рекламный интерактив;

5) созданием с помощью антитезы своеобразных загадок, разгадать которые можно только зная, что именно рекламируется. Подобные слоганы описывают непонятные на первый взгляд ситуации, и их смысл аудитория должна декодировать, что опять-таки способствует её вовлечению в рекламный интерактив. Например, такой слоган с участием антонимичных предлогов используют производители кислородной косметики Faberlic:

(7) *С кислородом работаем. Без кислорода не работаем* (реклама кислородной косметики Faberlic).

Не менее интересен слоган, рекламирующий краску для волос Clairol и созданный с помощью грамматической антитезы, противопоставляющей антонимичные синтаксические конструкции с семами «аффирмативность / негативность»:

(8) *Does she ... or doesn't she?* (Она это делает ... или нет?).

Вне контекста рекламы смысл слогана очень расплывчат. Маркетологи в данном случае использовали необычный ход: они подчеркнули не яркость краски, а её естественный цвет, не позволяющий с уверенностью сказать, окрашены ли у женщины волосы;

б) включением в слоган индивидуально-авторских антонимов, т.е. слов значения которых «противопоставляются с помощью сем, типичных для системных антонимов, с той разницей, что для индивидуально-авторских антонимов – это периферийные семы в системе языка, а для системных антонимов они являются центральными» [3, с. 41]. Такие антонимы являются яркими показателями лингвокреативности их создателей [2, с. 158]. Например:

(9) *Buy a bucket of chicken and have a barrel of fun* (Купите ведёрко курицы и получите бочку удовольствия) (реклама сети ресторанов быстрого питания KFC).

Антитеза в данном слогане, подчёркивающим хороший вкус блюд ресторанов KFC, создаётся путём противопоставления слов *bucket / barrel*, имеющих в структурах значений периферийные семы «маленькое / большое».

(10) *Премиум кухня по демократичной цене* (реклама ресторана «Зов Ильича» в Петербурге).

Антитеза в этом слогане, отмечающем высокое качество кухни ресторана и умеренные цены в нём, основана на противопоставлении слов *премиум / демократичный*, имеющих в структурах значений периферийные семы «дорогое/дешёвое»;

7) противопоставлением межчастеречных антонимов, которые «имеют противоположные лексические значения, как и системные антонимы, но разные грамматические формы и синтаксические функции» [8, с. 113]. Например:

(11) Дом **вырос**, а цены пока **маленькие** (реклама жилого комплекса в Сергиевом Посаде г. Москвы).

Слоган побуждает аудиторию к покупке жилья, акцентируя внимание на сдаче комплекса в эксплуатацию и привлекательных ценах на квартиры в нём. В создании антитезы участвуют глагол *вырасти* и прилагательное *маленькие*, противопоставленные как в прямом (семь «высокое/низкое»), так и переносном (семь «взрослое/ детское») значениях.

Другие примеры:

(12) **Горячее сердце холода** (реклама холодильников Sharp).

(13) **Сегодня – это уже вчерашний день** (реклама процессора INTEL).

Наряду с антитезой создатели слоганов используют **оксюмороны** – словосочетания (обычно существительное с прилагательным), состоящие из противоположных по значению слов, и – чаще – фигуру, переходную между антитезой и оксюморон, также основанную на несовместимости значений, но представленную иными моделями, чем классический оксюморон [4, с.64]. В силу необычности сочетаний слов в подобных фигурах здесь также речь идёт об эффекте обманутого ожидания. Например:

(14) **Кипр: и зимой – лето!** (реклама онлайн-магазина туров KiVi).

(15) У нас **есть** даже то, чего ещё **нет** (реклама техномолла «Горбушкин двор»).

(16) **Нельзя значит можно** (реклама автомобиля Dodge Caliber).

Интересно отметить, что иногда при переводе оксюморона получается ещё более яркий оксюморон, где несовместимость значений видна более отчётливо, как это произошло со слоганом бренда Adidas *Impossible is nothing*, который на русский язык переведён с помощью оксюморона с межчастеречными однокоренными антонимами *Невозможное возможно*.

Излюбленным средством, используемым создателями слоганов, является приём **игра слов**, основанная на обыгрывании прямых и переносных значений антонимов. В последнем случае формально антонимичные слова могут обозначать семантически несопоставимые понятия. Например:

(17) **Little** pieces. **BIG** TASTE (реклама хлопьев Cocoa Pebbles).

Убеждая потребителей в том, что несмотря на маленький размер хлопья имеют насыщенный вкус, создатели слоганы используют антонимическую оппозицию *little / big*, в которой второй элемент употреблён в переносном значении – «великолепный» по аналогии со словом *great*. В обыгрывании значений антонимов принимает участие и графика: сочетание *big taste* написано заглавными буквами.

Дополнительным средством привлечения внимания могут служить слоганы, не просто обыгрывающие первичные и вторичные значения антонимов, но и описывающие ситуацию, требующую декодирования. Например:

(18) *Сидит и идёт* (реклама одежды марки «Штаймлан»).

В первичном значении слова *сидит* и *идёт* являются антонимами, и поэтому без знания контекста слогана он воспринимается как загадка, в которой одному субъекту приписываются противоположные действия. Во вторичном значении данные слова выступают синонимами, обозначающими хорошую посадку изделия на фигуре, его соответствие внешности покупателя.

Источником необычных, часто шуточных, слоганов выступают различные **прецедентные феномены** с антонимами, переосмысленные или перефразированные, часто имеющие характер шутки. Например, реклама компьютера бренда MacPro обыгрывает название сказки «Beauty and the Beast», подчёркивая стильный дизайн и большую мощность компьютера:

(19) *Beauty Outside. Beast Inside.*

Приведём ещё примеры.

(20) **Нетронутый** пейзаж, который **трогает** душу (реклама отеля в Афинах).

(21) *Разрешён конфликт отцов и детей* (реклама комплекта, состоящего из взрослого и детского кресел, в магазинах ИКЕА).

(22) *Сделай из слона муху* (реклама медицинского препарата Магней В6 для укрепления нервной системы).

Иногда один из членов антонимической оппозиции не представлен эксплицитно, но легко воспроизводится на основании ассоциаций. Например:

(23) *Красота на ваших руках* (слоган ногтевой студии Е. Якимцевой).

Источником слогана выступает фразеологизм *Всё в ваших руках*, включающий предлог *в*, антонимичный предлогу *на* в составе слогана (антонимичные семы «внешнее / внутреннее»). Выразительность усиливается за счёт переосмысления значения фразеологизма от переносного (возможность человека управлять своей судьбой) к буквальному (иметь что-то в руках).

Итак, результаты исследования показывают, что антонимы в слоганах участвуют в создании эффекта обманутого ожидания и в вовлечении аудитории в декодирование смысла необычного слогана. Слоганы с антонимами воздействуют на эмоции людей, создавая яркие, запоминающиеся образы, в том числе за счёт приданию слогану характера шутки.

Список литературы:

1. Балахнина, В.Ю. Мастер-класс «Работа с текстами в рекламе»: Учеб. пособие. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013.– 60 с.

2. Боева-Омелечко Н.Б. Индивидуально-авторская антонимия как проявление лингвокреативного потенциала личности // Личность и модусы её реализации в языке. – Москва – Иркутск: Ин-т языкозн. РАН, 2008. – С. 158-187.

3. Боева-Омелечко Н.Б., Зайцева Н.В. Антонимическая когезия в современном английском и русском языках. Ростов н/Д: СКАГС, 2011. 128 с.

4. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Высш. шк., 1977. 331 с.

5. Гончарова Е.А. Персуазивность и способы её языковой реализации в дискурсе рекламы // *Studia linguistica*. – 2000. – № 10. – С. 54– 92.
6. Сердобинцева Е. Н. Структура и язык рекламных текстов. – М: Флинта: Наука, 2010 – 160 с.
7. Хазагеров, Г.Г. Риторический словарь. – М.: Флинта, 2009. – 431 с.
8. Boeva-Omelechko N.B., Zheltukhina M.R., Ryabko O.P., Matveeva G.G., Murugova E.V., Zyubina I.A. Unusual Antonyms: Inter-Part-Of-Speech Interaction in English Fictional Discourse // *Space And Culture, India*. 2018. Т. 6. № 4. С. 112 – 121.
9. Brinker K. *Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grunbergriffe und Methoden.*– Berlin: Erich Schmidt, 1997. – 135 S.
10. Crystal D. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. London, Blackwell Publishing, 2008, 529 p.

УДК 811'42

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНТРОПОНИМИКОН В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: ЧТО В ИМЕНИ?

Иванова С.В.

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена исследованию антропонимов американского политического дискурса. В качестве материала используются прозвища американских президентов. Гипотезой для проведения исследования послужило понимание того, что как сами руководители государства, так и прозвища, которые они получают, в определенной степени отражают аксиологические доминанты лингво-культурного сообщества. Соответственно, анализ прозвищ может стать средством проникновения в аксиосферу

сообщества. Теоретической базой исследования служит концепция культурно-исторического универсума, выдвинутая Анной Вежбицкой.

Ключевые слова: политический дискурс, лингвокультурология, ценности, аксиосфера, лингвокультура, антропоним.

Abstract: *The article focuses on anthroponyms in American political discourse. The study draws upon nicknames of American presidents which serve as empiric material. The study is based on the hypothesis that both the leaders of the nation themselves and the nicknames they receive reflect the axiological dominants of the linguacultural community. Accordingly, the analysis of nicknames can become a means of revealing the axiosphere of the community. Theoretically the research is based on the idea of cultural and historical universe put forward by Anna Wierzbicka.*

Key words: *political discourse, Cultural Linguistics, values, axiological sphere, linguaculture, anthroponym.*

В политическом дискурсе имя собственное играет чрезвычайно важную роль. Его особый статус связан с тем, что оно не только обозначает лицо, но и становится символом – символом эпохи, власти, настроений общества, ценностных ориентиров. Особого внимания в этом отношении заслуживают прозвища, то есть номинации, которые даются политическим деятелям на основе их характерных черт, присущего им стиля поведения, специфических внешних проявлений.

Демократическое отношение к высшему лицу государства в США, которое в том числе отражается и в существовании вполне официально принятых прозвищ президентов, обусловлено целым рядом факторов, характеризующих американскую культуру: отсутствие дистанции власти, достаточно высокий образовательный уровень общества, имеющиеся демократические институты, существующая культура партиципации. Очевидно, оставаясь символом власти, руководители государства отражают

ценностные ориентиры и культурные практики, царящие в обществе. Все это передается в тех наименованиях, которые руководители страны получают в прессе и среди обычных жителей страны. Можно с определенной долей уверенности констатировать, что, акцентируя ту или иную черту адресата, прозвище отражает определенные ожидания и стереотипы мышления того, кто это прозвище дает. Цель данной работы состоит в выявлении скрытых в семантике антропонимических прозвищных единиц культурных смыслов, которые в результате экспликации позволяют проникнуть и даже реконструировать аксиосферу определенного лингво-культурного сообщества. Обозначенная цель может потребовать ответа на несколько вопросов: (1) какого рода прозвища президентов преобладают в политическом дискурсе, (2) что отражается в данных прозвищах: дают ли они характеристику политической деятельности руководителя или его личностных качеств, (3) как это соотносится с ценностными установками общества. Но в рамках настоящей публикации освещение получит один небольшой фрагмент политического антропонимикона – прозвищные номинации, которые получил 40-ой президент США Рональд Рейган. Соответственно, в этой статье хотелось бы ответить на конкретные вопросы, касающиеся прозвищ, использованных по отношению данной политической фигуры: (1) почему существует множественность прозвищных номинаций (президент Рейган не единственный, кто имел несколько прозвищ), (2) остались ли эти номинации жестко закреплены за единственным президентом и (3) за счет чего произошла экстраполяция одного из прозвищ?

Прозвища американских президентов становились объектом некоторых лингвистических исследований, которые проводились как с позиции лингвокультурологии [1; 2], так и дискурсивного анализа [3]. Данное исследование базируется на идее Анны Вежбицкой о существовании культурно-исторического универсума, который включает базовую культурно-историческую и политическую реальность (*cultural and political reality*), совокупный коллективный опыт, закреплённый в культурном ядре (*shared*

cultural core), разделяемые идеи и культурные нормы (*shared understandings and shared cultural norms*), историческое наследие (*historical heritage*), культурную преемственность (*cultural continuity*) [4, с. 8-13]. Культурно-исторический универсум, с точки зрения А. Вежбицкой, это и есть то, что часто именуется неоднозначным термином «культура». Культурно-исторический универсум – это своего рода культурный интертекст, который насыщает специфическими культурными смыслами языковые единицы [2, с. 827], очевидные для представителей лингвокультуры и остающиеся за пределами понимания для ее аутсайдеров.

Культурно-исторический универсум вовлекает в свое пространство язык, что отражается в наличии культурных смыслов его единиц. При этом культурная семантика слова интерпретируется нами как «ценностная информация об объекте, которая известна о нем в данном коллективе» [2, с. 828]. Следовательно, доступ к культурной семантике можно получить в результате анализа этимологии слова с дальнейшим рассмотрением узуальных употреблений в различных дискурсивных практиках. Соответственно, при анализе потребовался целый комплекс методов, который включает этимологический анализ, семантический анализ в дефинитивном варианте, контекстуальный анализ, культурный комментарий, интерпретативный метод, использование корпусных данных.

Достаточно интересным примером аксиологических смыслов, которые получили экспликацию в прозвищных номинациях, являются прозвища, которые использовались для 40-ого президента США Рональда Рейгана. Есть все основания полагать, что эти прозвища указывают не только на отличительные черты президентства Рейгана, но и на то, что представляется ценностью для американского лингво-культурного сообщества и что получило отражение в знаках американской лингвокультуры. С именем Рейгана связаны две прозвищные номинации – *Teflon president* и *Great Communicator*. Первоначально используемое исключительно для Рональда Рейгана, первое из названных прозвищ означало, что к имени Рейгана не «липнет» ничего дурного:

так, представитель из штата Колорадо Пэт Шредер (Pat Schroeder) в 1983 году сказал о президенте Рейгане: *“He has been perfecting **the Teflon-coated presidency**: He sees to it that nothing sticks to him”*. Однако со временем эта единица потеряла индивидуальную отнесенность и стала обозначать любого президента, имя которого остается не замаранным, несмотря ни на какие недостатки. Примеры из современного живого словаря [5] служат подтверждением сказанному: (1) *Iran-contra? It slides right off **the Teflon president***. (2) *Monica Lewinsky? Impeachment, maybe, but the polls don't look too bad for this **Teflon president***. (3) *Plamegate? Wire-tapping? Maybe your average Joe would be affected, but this is **a Teflon president***.

Такого же рода и примеры, взятые непосредственно из современных медиа: (4) *Obama's Teflon Presidency? Is Barack Obama our nation's second **“Teflon president”**? Which is why it's now time to ask the question — does Obama have the “Teflon” quality of having nothing stick to him, no matter what?* (Huffington Post 06/12/17). (5) *Trump is made of Teflon: I wouldn't rule out a second – and third – term* (The Guardian 17/04/18). (6) *Tariffs, the economy, and other ways Donald Trump's **Teflon presidency** is wearing thin. Trump's **Teflon shell** is not shatterproof, and reality may have an unpleasant reckoning in store for this former television reality-show host. The president has no special gift that allows him to avoid consequences for his actions — unless Americans continue to participate in his charade* (MarketWatch 15/03/18). Характерно, что прозвище *Teflon president* получает разнообразное языковое оформление с сохранением метафоры, отсылающей к наименованию материала *Teflon*, к которому ничего не прилипает.

Использование имеющегося прозвища, перенесение его на новые персонажи и в новые контексты говорит о том, что умение внушить избирателям желание прощать отдельные недостатки их политического лидера достаточно востребовано и не может остаться незамеченным. Соответственно, *Teflon president* часто используется и по сей день по отношению к разным

политическим деятелям. Данный образ эксплуатируется и при обозначении срока президентства – *Teflon presidency*.

Еще одно прозвище, которое заслужил Рональд Рейган, связано с его способностью коммуницировать с обществом, способностью говорить с обществом и доносить до людей свои идеи. Именно это понимание заложено и отражено в единице *the Great Communicator*. Экстраполяция положительной семантики прилагательного *great* на идущее вслед за ним определяемое обуславливает положительную оценку, передаваемую нейтральной лексемой *communicator*. Способность коммуницировать представляет собой одну из базовых ценностей американской культуры, и по этому параметру Рональд Рейган выделяется на фоне других президентов США. Весьма интересно, что корпусные данные подтверждают связь аксиологических доминант, которые оказались эксплицированы в номинациях тефлонового президента (того, кому прощают недостатки, которого освобождают от вины) и президента-коммуникатора: (7) *Why was Reagan so blame-free? The answer can be found in the label that did stick to him — “The Great Communicator”* (USA Today 06/06/2004). (8) *But Reagan's incredible ability to communicate and his staff's genius in exploiting that ability are the reasons his presidency will be sealed forever in a Teflon coat* (USA Today 6/6/2004). Если контекстуальный анализ примеров (1)–(6) позволяет говорить о неоднозначности оценки, заложенной в *Teflon president*, даже об элементе энантиосемии, то в примерах (7) и (8), касающихся Рейгана, потенциальная негативная оценка гасится за счет иррадиации положительных смыслов, переданных прозвищем *the Great Communicator*, а также положительно маркированным прилагательным *incredible*, определяющим следующее за ним существительное в словосочетании *ability to communicate*.

Таким образом, динамика использования данных прозвищных номинаций, их экстраполяция на другие личности и ситуации указывают на доминанты, которые доказывают свою ценность на довольно протяженном отрезке времени в рамках политического дискурса США. Умение оставаться

незапятнанным, несмотря на перипетии политической жизни, как и умение быть на связи, быть в состоянии донести свои идеи до своего электората остаются непреходящими ценностями американского лингво-культурного сообщества, что находит отражение в американской лингвокультуре.

Представляется, что дальнейший анализ прозвищных номинаций с позиции культурно-исторического универсума с особым вниманием к множественным номинациям мог бы помочь выделить не только ценностные доминанты лингво-культурного сообщества, но и проследить динамику аксиосферы.

Список литературы:

1. Гладкова А.Н. Лингвокультурологический анализ прозвищных номинаций президентов США: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – Нижний Новгород, 2003. – 160 с.

2. Иванова С.В., Чанышева З.З. Слово в контексте культурно-исторического универсума: на примере политического дискурса США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 4. С. 821—843.

3. Ненашева Т. А., Меркулова Э. Н. К вопросу о роли прозвищной номинации в создании образа политика [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL: <https://medialing.ru/k-voprosu-o-rol-i-prozvischnoj-nominacii-v-sozdanii-obraza-politika/>]

4. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. – New York: Oxford University Press, 2006. – VI, 352 p.

5. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL: <https://www.urbandictionary.com/>]

Сведения об авторе

Иванова Светлана Викторовна; доктор филологических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 196605,

Российская Федерация, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10;
svet_victoria@mail.ru; + 7 (812) 466-56-75.

Ivanova Svetlana Viktorovna; Doctor of Philology, Professor, Pushkin
Leningrad State University, 10 Peterburgskoye shosse, Pushkin, Saint Petersburg,
196605, Russian Federation; svet_victoria@mail.ru; +7 (812) 466-56-75

УДК 81.1

ОБРАЗНАЯ ОСНОВА СЛОВА КАК ФАКТОР МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИДИОМАТИЧНОСТИ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Савицкий В.М.

Самарский государственный социально-педагогический университет

г. Самара, Россия

Аннотация. В статье комментируются и сопоставляются такие феномены, как речевой идиоэтноцизм и языковая идиоматичность. Описывается характер их взаимосвязи и взаимоперехода, их отношение к системе языка и норме речи. Проводится разграничение межъязыковой и внутриязыковой идиоматичности. Описывается один из факторов межъязыковой идиоматичности устойчивых словесных оборотов – наличие образной основы у главенствующего слова. Проводится разграничение между эксплицитной и имплицитной образными основами слова. Исследование проведено на английском языковом материале.

Ключевые слова: идиоэтноцизм речи, идиоматичность языка, схема языка, норма речи, эксплицитная / имплицитная образная основа, лексическая сочетаемость

Abstract. *The author comments on and compares such phenomena as speech idioethnicity and language idiomaticity, describes the nature of their interconnection and mutual transition, their relationship to language system and speech norm, makes a distinction between interlingual and intralingual idiomaticity, describes one of the*

factors of set phrases' interlingual idiomaticity, viz. the presence of an eidetic base in the dominant word. The research is based on the English language material.

Keywords: *speech idioethnicity, language idiomaticity, language scheme, speech norm, explicit / implicit eidetic base of a word, lexical combinability*

Рассмотрим вопрос о взаимосвязи таких явлений, как идиоэтнизм речи и идиоматичность языка. **Идиоэтнизм речи** – это специфика формы мысли в речи на данном языке, определяемая этнокультурным и этноязыковым факторами. Как известно, схема (система) языка допускает богатое разнообразие способов выражения мысли. Но норма речи ограничивает это разнообразие, устанавливая предпочтительность выбора упомянутых способов при порождении речи. Так, англоязычные информанты (участники психолингвистического эксперимента) охарактеризовали предъявленную им формулировку I want to drink (кальку с рус. *Хочу пить*) как понятную и в принципе допустимую (т.е. соответствующую схеме английского языка), но необычную и не принятую в практике общения (т.е. **не** соответствующую норме английской речи).

Степень предпочтительности выбора словесных оборотов варьирует в определенных пределах. Соответственно, варьирует и степень устойчивости оборотов. Когда предпочтительность выбора того или иного оборота достигает своей крайней степени (детерминированности), неустойчивый (речевой) оборот становится устойчивым (языковым). Речь является **способом**, а язык **средством** формирования и формулирования мысли (об этом см.: [1, с. 157-166]; [3, с. 453]; [4, с.12]). Превращаясь из способа в средство, оборот речи становится единицей языка, которая занимает свою нишу в номинационной системе языка; с тех пор альтернативные (синонимичные) обороты обычно уходят из употребления.

Язык – это «кристаллизованная» речемысль. Идиоэтнизм речемысли, застывая, переходит в **идиоматичность языка** (этносвоеобразие его формы). Между идиоэтнизмом речи и идиоматичностью языка существует глубокая двусторонняя каузальная взаимосвязь: с одной стороны, своеобразие речевых

способов формулирования мысли закрепляется в системе языка, а с другой, идиоматичность языка в большой мере обуславливает этносвоеобразие речи.

Идиоматичность подразделяется на меж- и внутриязыковую. В обоих случаях под нею подразумевается структурное своеобразие знаковой системы на фоне эталона. В первом случае в качестве знаковой системы выступает этноязык, рассматриваемый на фоне другого этноязыка / этноязыков. Во втором случае в качестве таковой фигурирует система знаков вторичной номинации на фоне системы знаков первичной номинации внутри этноязыка. В связи с нашей темой нас интересует первый случай – межъязыковая идиоматичность.

Факторы межъязыковой идиоматичности изучаются в рамках комплекса лингвистических отраслей. Вследствие малого объема статьи мы ограничимся кратким анализом одного из таких факторов, а именно специфики образной основы слов, определяющей особенности строения сочетаний с этими словами.

Сочетаемость слова **не** обусловлена непосредственно логикой устройства экстралингвистической реальности. Эта логика преломляется сквозь призму языковой семантики. Лексическое значение слова представляет собой семный комплекс, который выступает как модель отражения денотата. Она определяет характер модели сочетаемости слова. По существу, это две стороны одной медали: в модели сочетаемости разворачивается культурный сценарий, который в модели отражения содержится в свернутом виде. Это убедительно показал М.В. Никитин [2], установивший наличие корреляции между семным составом импликационала значения и характером сочетаемости слова в данном значении.

Так, английский глагол treat (to) означает “**покупать** что-либо кому-либо в качестве дружеского жеста, с целью доставить ему удовольствие” [5, p. 125]. Такой состав и структура этого значения задают границы (объем) его денотата, моделируют его структуру и определяют характер модели сочетаемости глагола treat (to): согласно данным справочника Дж. Поуви, он сочетается с именами существительными и субстантивными группами highball “коктейль”, ice-cream “мороженое”, lunch at a restaurant “обед в ресторане”, music show “концерт” и т.п., т.е. с названиями того, что приобретается за деньги [5, p. 125-126].

Частичный русский эквивалент данного глагола, глагол *угощать*, имеет значение “предлагать кому-либо кушанья / напитки / курево в виде дружеского жеста, с целью доставить ему удовольствие”. В отличие от глагола *treat (to)*, у глагола *угощать* облигаторна сема “предмет потребления”, а сема “покупка” факультативна. Отсюда модель сочетаемости “угощать кого-л. [кушаньями и / или напитками]”, например: *угощать кого-л. мороженым / пирогами / вареньем / чаем / вином*. Модели сочетаемости этих разноязыковых глаголов отчасти изоморфны, отчасти же – нет, что обусловлено, соответственно, сходством и различием семного состава и структур их лексических значений.

Поскольку здесь сочетаемость слов является «свободной», это явление относится к области идиоэтнизма речи. Что касается **устойчивой** сочетаемости слова, она в значительной мере обусловлена тем семным комплексом, который составляет **образную основу** слова. Для примера обратимся к сочетаемости лексико-семантического варианта английского имени существительного *way* (букв. “путь”, перен. “способ”).

1) “Свободные” словосочетания, обусловленные характером значения “способ”: *an effective / efficient way, a mechanical way, a rational way, a clumsy way* (эффективный, механический, рациональный, неуклюжий способ) и т.п.;

2) “свободные” словосочетания, равно обусловленные характером значения “способ” и образной основы “путь”: *a good / bad way, a hard / easy way, the right / wrong way, to find / use a way* (хороший / плохой, трудный / легкий, верный / неверный, найти / использовать путь) и т.п.;

3) устойчивые словосочетания, обусловленные характером образной основы “путь”: *a straight / roundabout way (to achieve a goal), the broad / narrow way, to know one’s way blindfold, to feel / grope one’s way* (прямой / окольный путь к достижению цели, широкий / узкий путь, нащупывать путь) и т.п.

В русском языке значение “способ” тоже может передаваться словом *путь*. Модели сочетаемости англ. *way* и рус. *путь* в этом значении в основном изоморфны, и устойчивые словосочетания в рамках этих моделей в своем

большинстве **не** обладают межъязыковой идиоматичностью по отношению друг к другу. Ср.: *прямой / окольный путь* (к цели), *нащупывать путь* и т.п.

В других случаях разница в образной основе слов, имеющих одно и то же значение, обуславливает взаимную идиоматичность разноязыковых сочетаний.

Ср. англ. *snare* (букв. “силки”) и рус. *удочка* в одном и том же значении “соблазн”: англ. *to set a snare* (букв. “расставить силки”), *to fall into a snare* (букв. “попасться в силки”) – рус. *закинуть удочку*, *попасться на удочку*. В образной основе английских словесных оборотов в роли жертвы фигурируют птицы и зверьки, а в русских оборотах – рыбы. Как видим, сравниваемые образы отчасти сходны, отчасти различны (такое соотношение называют гомоморфизмом).

Образную основу слова, зафиксированную средствами плана выражения, можно назвать **эксплицитной**. Однако существует и **имплицитная** (скрытая) образная основа слова, которая выявляется лишь из всего спектра устойчивых сочетаний с данным словом в данном значении. Например, в английском имени существительном *breath* денотат (порция вдыхаемого воздуха) представлен как некий запас (по аналогии с запасом денег, табака, патронов и т.п.), который можно приобретать, хранить, экономить, тратить, испытывать нехватку, терять, вновь обретать. Знание этой особенности слова *breath* дает ключ к пониманию закономерностей его устойчивой сочетаемости. Ср.: *to find / take one's breath*, *to keep / hold one's breath*, *to bate / save one's breath*, *to spend / waste one's breath*, *to take smb.'s breath away*, *to run short / be short of breath*, *to reach the end of one's breath*, *to get one's breath back*, *to get second breath*, *to be out of breath*.

Аналогичные сочетания со словами *money*, *tobacco*, *sugar* и т.п. считаются «свободными», так как они обусловлены конфигурацией их прямого значения, а вышеперечисленные сочетания со словом *breath* фиксируются в словарях как устойчивые, поскольку они порождены метафорой, скрытой в слове *breath*. В русском языке нет существительного, изоморфного существительному *breath*. Хотя оно нередко переводится русским словом *дыхание*, это слово ближе к

англ. *breathing / respiration*, и их модели сочетаемости в основном совпадают: англ. *heavy / light breathing* – рус. *тяжелое / легкое дыхание*; англ. *even / intermittent breathing* – рус. *ровное / прерывистое дыхание* и мн. др. Только словосочетания *экономить дыхание, обрести второе дыхание* (о спортсмене) в порядке исключения изоморфны английским сочетаниям со словом *breath*: *to save one's breath, to get second breath*.

У слова в каждом данном значении бывает только одна эксплицитная образная основа, поскольку она зафиксирована лексико-грамматически и не может быть заменена другой; имплицитных же образных основ может быть несколько. Так бывает тогда, когда сложный денотат не «покрывается» во всей полноте одной образной моделью, и для моделирования разных его сторон требуется ряд образов. Вследствие этого слово может иметь несколько моделей сочетаемости. В качестве примера рассмотрим английское слово *memory* в значении «память».

1) Память как контейнер (мешок, склад и т. п.): *to keep / retain smth. in one's*

memory, retentive memory, to put smth. into one's memory, to fall/ drop out of one's

memory, to slip / escape smb.'s memory, to pass from smb.'s memory (о памяти человека): *to store smth. in memory, a memory cell, memory volume, to enter smth. in memory* (о памяти компьютера).

2) Память как поверхность для нанесения текста: *to be engraved / stamped in smb.'s memory, to erase smth. from one's memory, a gap in smb.'s memory*.

3) Память как орган, подобный мускулу, когтю и т.п.: *strong / powerful / weak memory, sound memory, tenacious memory*.

4) Память как отражение в зеркале, изображение на фото и т.п.: *distinct / clear / accurate memory, photographic memory*; ср. также *camera eye* «фотографическая память» и *memory* в значении «воспоминание»: *a bright / obscure memory*.

У русского слова *память* модели отражения денотата и, соответственно, модели сочетаемости в основном такие же, как у слова *memoгу*, вследствие чего сочетания с этим русским словом в своем большинстве **не** идиоматичны по отношению к английским (ср.: *хранить в памяти, запечатлеть в памяти, цепкая память* и др.). Но, кроме того, в русском языке память представлена как такой открытый сверху контейнер, в который содержимое может падать и из которого оно может вылетать (*запасть в память, осесть в памяти, вылететь из памяти, улетучиться из памяти*). Это не свойственно английскому образу памяти, в результате чего в английском языке нет таких сочетаний со словом *memoгу*. Помимо этого, к числу русских образов памяти относится образ носа (от глагола *носить*), т.е. деревянной палочки для памятных отметок топором (*сделать зарубку в памяти, зарубить себе на носу*), зато отсутствует образ гравировальной доски, имеющийся в числе английских образов памяти, что обуславливает межъязыковую идиоматичность соответствующих английских и русских словосочетаний.

Многие отвлеченные понятия осмысливаются по аналогии с конкретно-наглядными представлениями; разница в образных кодах этнических культур определяет межъязыковую идиоматичность оборотов. В одних случаях имеет место различие значений при совпадении образных основ: англ. *sharp words* (букв. “острые слова”, перен. “грубое высказывание”) – рус. *острое слово* (“меткое сатирическое замечание”). В других случаях, напротив, имеет место совпадение значений при разнице в образных основах: англ. *broad hint* (букв. “широкий намек”, перен. “легкодоступный для понимания намек”) – рус. *прозрачный намек* с тем же переносным значением.

Из всего сказанного выше можно заключить, что культурно-исторически детерминированный характер образной основы слова служит важным фактором этноспецифики устойчивой сочетаемости слов – фактором, обуславливающим межъязыковую идиоматичность устойчивых сочетаний слов, национальное своеобразие способов моделирования действительности и неповторимость языковой картины мира.

Список литературы:

1. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку (на материале русского языка как иностранного). – М.: Русский язык, 1989. – 221 с.
2. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения.– М.: Едиториал URSS, 2009. – 168 с.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2015.– 705 с.
4. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М.: ЛКИ, 2007.– 296 с.
5. Povey J. Get It Right. – Moscow: Vysshaya Shkola, 1984. – 152 pp.

Сведения об авторе

Савицкий Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, 65/67; lampasha90@mail.ru; +7-909-344-32-61.

Savitsky Vladimir Mikhailovich; Doctor of Philology, Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 Maxim Gorki Street, 443090 Samara, Russian Federation; lampasha90@mail.ru; +7-909-344-32-61.

УДК: 81`25

ЧТО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ И УМЕТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ПЕРЕВОДА?

Петрова О.В.

Нижегородский государственный лингвистический университет

имени Н.А.Добролюбова

г. Нижний Новгород, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00149.

Аннотация: Для того чтобы готовить профессиональных переводчиков, преподаватель перевода должен быть практикующим переводчиком, обладать знаниями в области теории перевода и дидактики перевода. Анализ показывает, что сегодня в вузах большинство преподавателей не обладает всей совокупностью этих компетенций. Для повышения качества переводов на переводческом рынке необходимо создать систему подготовки и переподготовки преподавателей перевода.

Ключевые слова: преподаватель перевода, компетенции, практикующий переводчик, переводоведение, дидактика перевода, подготовка преподавателей.

Abstract: To train professional translators the teacher must have professional translation practice, knowledge of Translation Studies and translation didactics. A survey shows that today in universities, the majority of teachers do not have the entire set of these competencies. To enhance the quality of translations in the translation market it is necessary to develop a system of training and retraining translation teachers.

Key words: Translation teacher, competences, professional translation practice, Translation Studies, translation didactics, training the trainers.

Вопрос о том, что должны знать и уметь преподаватели перевода, уже несколько десятилетий обсуждается в мировой и отечественной переводоведческой литературе. Вызвано это тем, что существующая в разных странах практика подготовки переводчиков нередко в тех или иных аспектах вступает в противоречие с тем, что при общем подходе к проблеме кажется очевидным. Прежде всего это касается базовой подготовки самих преподавателей.

Естественно предположить, что так же, как тренер по плаванию обязательно должен уметь плавать, преподаватель перевода должен уметь переводить. Но именно на этом этапе и начинают возникать вопросы и

сомнения. Что значит – уметь переводить? Чем определяется и как оценивается это умение?

Когда в девяностые годы прошлого века в Россию хлынул огромный поток информации, требующей перевода, оказалось, что имевшееся в то время в стране весьма ограниченное количество профессиональных переводчиков просто не в состоянии было с этим потоком справиться. И на начавший стихийно складываться рынок переводческих услуг пришло большое количество людей, ничего не знавших о переводе и переводческой профессии, но так или иначе владевших иностранными языками. Они брались за любой перевод – от технического и коммерческого до художественного. Исключение, пожалуй, составляли лишь дипломатическая и военная области, в которых по-прежнему работали профессионалы. В какой-то мере доморощенные, дилетантские переводы, конечно, помогали решать проблемы, возникавшие из-за тотальной нехватки профессионально выполненных переводов, но было понятно, что долго так продолжаться не может: нужно было срочно организовывать массовую подготовку переводчиков. И сразу же возник вопрос: а кто их будет готовить?

Поскольку в СССР запрос на переводы был фактически ограничен государственными и военными учреждениями, переводчиков готовили лишь в нескольких вузах. Преподавали в них высококвалифицированные переводчики. Именно они и заложили основы отечественного переводоведения, включая дидактику перевода. Но их было очень мало. И тогда к подготовке переводчиков стали массово привлекать преподавателей иностранных языков. Не имея, фактически, никакого представления о том, что такое профессиональный перевод, организаторы этой подготовки полагали, что это всего лишь замена знаков одного языка знаками другого языка. А значит, для того чтобы переводить, достаточно знать соответствующий иностранный язык. Так в преподавание перевода пришли (причем не всегда по своей воле) люди, не только не имевшие переводческого образования, но и зачастую никогда до этого практическим переводом не занимавшиеся. Оказалось, что учить плавать

пришлось тренерам, многие из которых не только не были пловцами, но даже никогда до этого и не входили в воду.

А дальше начался процесс воспроизводства такого дилетантского подхода и к переводу, и к его преподаванию, поскольку следующее поколение преподавателей, не имея специальных знаний в области дидактики перевода, просто копировало своих учителей, повторяя на своих занятиях то, как учили их самих. В случае если их учили профессиональные переводчики, такое копирование могло дать хорошие результаты. В случае же, если их учили спешно переквалифицировавшиеся преподаватели языка, происходило тиражирование непрофессионализма.

Казалось бы, эта ситуация, изначально обусловленная особенностями нашей новейшей истории, должна быть специфически российской. Однако анализ работ зарубежных переводоведов из разных стран показывает, что эта проблема примерно в те же годы была актуальна и там. Возросшая потребность в переводах во всем мире заставила обратиться к проблеме подготовки преподавателей перевода и попытаться определить, что они должны знать и уметь и чему их, следовательно, нужно учить. Так, именно в девяностые на необходимость того, чтобы преподаватель перевода обладал навыками переводчика, указывал Питер Ньюмарк [5]. Дональд Кирали писал: «Нельзя ожидать, что преподаватели языка, не имеющие опыта профессионального перевода, будут сами воспринимать себя как профессиональных переводчиков или что они смогут помочь своим студентам обрести такое самовосприятие» (перевод мой – О.П.) [4, с. 3]. Несколькими годами позже Даниэль Гудек писал о том, что человеку, собирающемуся стать преподавателем перевода, необходимо обязательно минимум по месяцу проработать в каждом из трех переводческих статусов: а) переводчиком в переводческом агентстве, б) переводчиком в переводческом бюро какой-либо компании и в) переводчиком-фрилансером. Этого, по мнению автора, достаточно – подчеркнем – для начала [2, с. 13].

У нас о том же писал Вилен Наумович Комиссаров: «Не каждый переводчик-практик способен успешно обучать переводу, но каждый преподаватель перевода должен уметь профессионально переводить» [1, сс. 340-341].

Сегодня это требование уже практически не подвергается не только сомнению, но даже и обсуждению как нечто очевидное. Причем речь идет не только об обязательном умении переводить как о владении профессиональными навыками работы с текстом, но и о знании состояния самой переводческой отрасли (о чем, собственно, и говорит Даниэль Гудек), поскольку преподаватель должен учить студентов переводить в соответствии требованиями, предъявляемыми на переводческом рынке [6]. И тем не менее проведенный недавно опрос показал, что в наших вузах практически половина преподавателей перевода (54 человека из 118 респондентов) не имеют базового переводческого образования и лишь 6 человек из них прошли профессиональную подготовку по профилю «Преподаватель перевода». Причем значительная часть этих преподавателей не только не совмещает преподавание с профессиональной работой переводчика, но фактически и вообще более или менее регулярно переводом не занимается.

Анализ возрастных групп и стажа преподавания у преподавателей, не имеющих базового переводческого образования, показывает, что 44,4% – это люди, пришедшие в преподавание перевода в последние 20 лет, а треть из них – даже в последние 10 лет. Таким образом, практика привлечения к преподаванию перевода людей, имеющих квалификацию преподавателей иностранных языков, лингвистов и филологов, продолжается и сегодня. Вспомним в этой связи слова Дональда Кирали.

В своей знаменитой работе 2005 года Дороти Келли выделила три основные компетенции, которыми должен обладать преподаватель перевода: а) он должен быть профессиональным переводчиком, б) он должен быть переводоведом и 3) он должен уметь учить [3].

Относительно того, должен ли преподаватель перевода обязательно заниматься исследованиями в области теории перевода, существуют разные точки зрения. Но все так или иначе сходятся в том, что знать хотя бы основы этой теории он должен. Иначе он не сможет помочь студентам обрести то профессиональное самовосприятие, о котором писал Даниэль Гудек, осознать свое место в ситуации коммуникации через перевод, понять, **что** он может и должен делать, а на что не имеет права, выработать то особое переводческое мышление, которое отличает профессионального переводчика. Однако то обстоятельство, что почти половина наших преподавателей перевода никакого переводческого образования не имеет, заставляет предположить, что далеко не все они в достаточной степени знакомы с теорией перевода. Разумеется, есть преподаватели, самостоятельно изучавшие и изучающие переводоведение. Более того, как показал опрос, 42,6% преподавателей, не имеющих переводческого образования, преподают теорию перевода. Однако очевидно, что и в этом случае речь идет не о системной теоретической подготовке, а о самообразовании, причем зачастую, как, к сожалению, показывает опыт, весьма эклектичном.

Что касается третьей из выделенных Дороти Келли компетенций – умения учить, – то ситуация в наших вузах оказывается еще более сложной. Поскольку тех, кто закончил вузы с дипломами преподавателей иностранных языков, филологов и лингвистов, не учили дидактике перевода, а выпускников переводческих факультетов и отделений не учили преподавать что бы то ни было вообще, 90,3% опрошенных преподавателей перевода не имеют никакой специальной подготовки в этом качестве. Остальные 9,7% составляют те, кто прошел профессиональную переподготовку по профилю «Преподаватель перевода».

Итак, подведем итоги. Для того чтобы преподавать перевод, нужно владеть знаниями и умениями профессионального переводчика, обладать

профессиональным переводческим мышлением, знать особенности и требования сегодняшнего переводческого рынка – иными словами, быть практикующим переводчиком; быть в курсе современных теоретических основ переводоведения; владеть приемами дидактики перевода. Совершенно очевидно, что никакие краткосрочные курсы повышения квалификации преподавателей перевода решить проблему подготовки таких специалистов не могут. Такие курсы, укладываемые обычно в одну неделю, т.е. фактически состоящие не более чем из 36 аудиторных часов, могут лишь помочь снять какие-то наиболее острые проблемы, возникающие у преподавателей на занятиях, и продемонстрировать примеры того, как можно провести занятие по тому или иному виду перевода (т.е. опять-таки принцип «делай, как я»).

Поэтому необходима система целенаправленной подготовки преподавателей перевода. Это могут быть магистерские программы, причем отдельно для бакалавров-переводчиков и отдельно – для преподавателей иностранных языков. По такому же принципу могут быть построены программы профессиональной переподготовки объемом не менее 300-350 часов контактных занятий. Для того чтобы они не требовали длительного отрыва преподавателей от работы, их можно проводить в комбинированной контактно-дистанционной (но не очно-заочной!) форме, когда часть вопросов обсуждается в формате видеоконференции. Однако все занятия, касающиеся методики работы в аудитории и собственно перевода, должны проходить в очном формате, в непосредственном контакте с преподавателями, ведущими эти программы.

Возможно также создание программ бакалавриата и специалитета по профилю «Преподаватель перевода», где, помимо обучения профессиональному переводу, студентов будут учить психолого-педагогическим основам деятельности преподавателя и дидактике перевода.

Мы все ежедневно сталкиваемся с переводами чрезвычайно низкого качества. В какой-то мере виной тому требования, предъявляемые сегодня многими работодателями к объемам и срокам выполнения переводов, к использованию средств автоматизированного, а иногда даже и автоматического перевода с постредактированием. Но в значительной мере причина кроется в самих переводчиках, в недостаточной подготовленности выходящих на переводческий рынок выпускников к новым условиям и требованиям этого рынка. И единственный путь решения этой проблемы – создание системы профессиональной подготовки преподавателей перевода, обладающих всеми теми компетенциями, по поводу которых так единодушны переводоведы, но которые пока так труднодостижимы на практике.

Список литературы:

1. В.Н.Комиссаров. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС. — 2001. — 424 с.
2. Gouadec, Daniel. Notes on translator-training (replies to a questionnaire). In: *Innovation & E-Learning in Translator Training* / Ed. by Anthony Pym, Carmina Fallada, José Ramón Biau, Jill Orenstein. Intercultural Studies Group, Universitat Rovira i Virgili. – 2003. – 98 p.
3. Kelly, Dorothy A Handbook for Translator Trainers: A Guide to Reflective Practice. Manchester: St. Jerome. – 2005. – 173 p.
4. Kiraly, Donald C. (1995) : Pathways to Translation: Pedagogy and Process, Kent (Ohio), The Kent State University Press – 1995. – 175 p.
5. Newmark, Peter (1991). About Translation, Clevedon, Multilingual Matters – 1991. – 184 p.
6. The EMT Translator Trainer Profile. Competences of the Trainer of Translation (Version 12 September 2013) // <http://docplayer.net/14445272-The-emt-translator-trainer-profile-competences-of-the-trainer-in-translation.html>.

Сведения об авторе

Петрова Ольга Владимировна; канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 603155, Российская Федерация, Нижний Новгород, Провиантская, 20, кв. 153; o.v.petrova.nn@gmail.com; +7 905 865 86 32.

Olga V. Petrova; Cand. Sc. (Philology), professor, LUNN (Linguistic University of Nizhny Novgorod), School of Translation and Interpreting, 153 – 20 Proviantskaya Street, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation; o.v.petrova.nn@gmail.com; +7 905 865 86 32.

UDC 398

KINGFISHERS AND ANGELS IN THE EXETER BOOK RIDDLES

Andrew Charles Breeze

University of Navarra

Pamplona, Spain

Abstract:

The Exeter Book, in the library of Exeter Cathedral in the west of England, is a tenth-century manuscript of Old English poetry. It contains a collection of riddles in verse, several of which have remained unsolved. Despite that, it seems that riddles 4, 39, 43, 48, 59, and 74 can now be given a solution. The 'servant' in chains of 4 is the door of a city gate; the moving being of 39 is neither day nor the moon, but Hope; 43 concerns not body and soul, but a guardian angel; 48 and 59 both describe not a chalice, but a ciborium, an altar-vessel containing the wafers for communion; and 74 is not about a mermaid or cuttle-fish, but the legendary Greek couple Ceyx and Alcyone, whom Ovid describes as transformed after their death into kingfishers. The various poets were thus better writers than modern scholars suppose, and were familiar with both the Bible and the poetry of Ovid.

Key-words: *Exeter Book; Old English Poetry; Riddles; Church Altar-Vessels; Ceyx and Alcyone*

The Exeter Book is a collection of poetry, written in the English of over a thousand years ago, and kept since the eleventh century in the cathedral library at Exeter, in the West of England. It is a treasure from the Anglo-Saxon past. Its most famous item is a collection of over ninety verse riddles. Some of them are unsolved to this day. This paper deals with three of them, suggesting new solutions for each one.

We start with riddle 43. The solution is 'Everyman and his Guardian Angel', a belief familiar to early Christians. The classic formulation is by St Basil (d. 379), stating that 'All the faithful have at their side an angel as protector and shepherd to guide them to life' (this in book three of his Adversus Eunomium, a reply to a bishop of Cyzicus, Byzantium's wealthy rival on the Sea of Marmara). Here is the poem in a translation of 2017 by the American poet Craig Williamson:

A noble guest of great lineage dwells
In the house of man. Grim hunger
Cannot harm him, nor feverish thirst,
Nor age, nor illness. If the servant
Of the guest who rules, serves well
On the journey, they will find together
Bliss and well-being, a feast of fate.
If the slave will not as a brother be ruled
By a lord he should fear and follow,
Then both will suffer and sire a family
Of sorrows when, springing from the world,
They leave the bright bosom of one kinswoman,
Mother and sister, who nourished them.
Let the man who knows noble words
Say what the guest and servant are called

-- where the translator follows nineteenth-century philologists for the answer 'Body and Soul'. But that does not show why a body should find bliss after its journey or have a kinswoman who is 'mother and sister'. Allusion to guardian angels in St Matthew's Gospel (18:10), to 'ministering spirits' in Hebrews (1:14), to Divine Wisdom as 'sister' and 'kinswoman' in Proverbs (7:4), and to Wisdom as one who 'exalteth her children' in Ecclesiasticus (4:11) instead points to the solution 'Everyman and his Guardian Angel', to whom Holy Wisdom is mother and sister.

Another can now be added to them.

Behold, I send an Angel before thee, to keep thee in the way, and to bring thee into the place which I have prepared. Beware of him, and obey his voice, provoke him not; for he will not pardon your transgressions: for my name is in him. But if thou shalt indeed obey his voice, and do all that I speak; then I will be an enemy unto thine enemies, and an adversary unto thy adversaries.

The passage (Exodus 23:20-23) lies behind the riddle's language of a journey to the good place in the company of a guardian and guide who should be obeyed, because disobedience to him will bring misery. The poet knew it well. It confirms the solution 'Everyman and his Guardian Angel' for Riddle 43, underlining the unknown poet's knowledge of Scripture, one far deeper than that of any of his modern commentators,

Now for Riddle 74. Its obscurity is notorious, so that an early editor here admitted defeat. 'No satisfactory solution has yet been proposed'; this despite the proposals 'cuttlefish', 'siren', and 'water'. In 1934 it was translated:

At the same time I was a young maid,
A grey-haired woman, and a handsome man.
I flew among the birds, and I swam on the water;
When dead I dived under the wave among the fishes;
And I trod on the ground when I had a living soul

-- with the translator dismissing as 'improbable' the suggested answers 'siren', 'water', and (put forward in 1859 by Dietrich) 'cuttlefish'. Krapp and Dobbie listed

them just the same (plus Holthausen's 1926 proposal 'swan') and thought 'siren' the best of the bunch.

Muddle continues. It prompts the following remark by Craig Williams. 'This riddle has given the riddle-solvers fits.' It has had these answers: ship, ship's figurehead, sun, whooper swan, sea eagle, water bird, barnacle goose, siren, soul, cuttlefish, writing, reflection or shadow. We hear that, as scribes write, their quills rise through the air (hence 'writing'); vapour soars as clouds (hence 'water'); and vessels charge through the waves like a warrior (rinc), swoop through air, dive through spray, and stand up when beached (hence 'ship').

These solutions are all worthless. 'And I trod on the ground when I had a living soul' indicates a person or land animal, which eliminates most of them. The creature had feet and underwent transformation. A vital clue. It prompts one to consult Ovid's Metamorphoses, where an answer emerges in five minutes or so. It is this.

Book eleven of Ovid's Metamorphoses contains the story of Ceyx and Alcyone. Ceyx was a legendary king of Trachis (west of Thermopylae in northern Greece) and his queen was Alcyone or Halcyone. They were a devoted couple. Wanting to consult an oracle, however, Ceyx bade his wife farewell, promising a speedy return. But there was a storm, the ship sank, and Ceyx drowned. Warned by a dream, Alcyone went to the coast, found his floating body, and in despair flung herself into the sea. The gods took pity, turned them into kingfishers, and kept the ocean calm whenever the two nested. Hence, after Queen Alcyone or Halcyone, the expression 'halcyon days'.

The riddle is now intelligible. The 'young maid' and 'grey-haired woman' are Alcyone, before and after her marriage. The 'handsome man' is Ceyx, her husband. When the gods transformed them into kingfishers, each 'flew among the birds' and 'swam on the water' (with a floating nest for their nestlings); each had 'dived under the wave among the fishes'; each in human form had 'trod on the ground'. So the answer is 'kingfisher'. Previous answers (ship, ship's figurehead, sun, whooper swan, sea eagle, water bird, barnacle goose, siren, soul, cuttlefish, writing, reflection or shadow) may be dismissed.

If 'kingfisher' is right, there are other points. The new solution is testimony for the circulation of Ovid's poetry amongst the Anglo-Saxons. Since the riddle was meant to be solved, they clearly knew Ovid better than anyone has since 1859, when Franz Dietrich was the first modern to offer a solution ('cuttlefish', which he did hesitantly and withdrew in 1865). This is of special interest, because early medieval references to Ovid are rarer than expected. In the age of Alcuin (d. 804), precise knowledge of Ovid was 'unusual' in the West; Theodulf of Orleans (a bishop and talented poet) was one of the few to know him well. In the 990s the verses of Wulfstan of Winchester 'show a wide familiarity with classical Latin poetry' including Vergil, Ovid, and Horace. A century previous, King Alfred's translation of Boethius was influenced by Ovid. Two hundred years before Alfred was Aldhelm, also showing knowledge (in his own latin riddles) of Ovid tales of transformations. So there is a precedent from early England for riddles showing Ovid's influence. Riddle 74 adds to this dossier. An English poet (surely a cleric) read Ovid and used him to compose a verse which has for generations baffled professors of Anglo-Saxon.

The present explanation also extends English poetry. The story of Ceyx and Alcyone will have figured there long before it appears in one of the very earliest poems of Chaucer, or in a longer work by Chaucer's friend John Gower. In the twentieth century, Alcyone's wraith still haunted an ocean rock in one of T. S. Eliot's last poems.

On a halcyon day it is merely a monument,
In navigable weather it is always a seamark
To lay a course by; but in the sombre season,
Or the sudden fury, is what it always was.

If, then, the answer to Riddle 74 is 'kingfisher', with reference to Ceyx and Alcyone, it resolves a thorny problem of Anglo-Saxon Studies; breaks new ground on classical verse in early England; and shows an ancient story as a presence in English poetry during the thousand years between the Exeter Book and T. S. Eliot.

Finally, Riddles 48 and 59. Most commentators relate them to church plate, the solution supposedly being a gold paten or chalice or pyx. Yet these answers are not

compelling. Problems remain. Recent discussion of the Malmesbury Ciborium and other twelfth-century ciboria in London or New York now permits a fresh approach. The solution to both Old English riddles will be 'ciborium', a vessel of precious metal used to contain consecrated wafers or hosts at the eucharist. The Malmesbury Ciborium and similar pieces make this clear. Round and made of gold, they had a shorter and squatter outline than a chalice; they possessed lids, inscriptions, and representations of Bible scenes (the Crucifixion amongst them); they were yet larger than a pyx (used not in services but to carry a few wafers only, as on visits to the sick). These aspects parallel those of the object in the two riddles: a ring-like item of gold which is gazed upon and revered by people in a hall, which makes no noise and yet conveys a message of salvation, and which (in the second riddle) displays Christ's wounds. If this analysis is sound, it deepens understanding of early English poetry. It also informs us on Anglo-Saxon goldsmiths, who produced magnificent works of art (as the literary sources prove) now lost, the gold having long been melted down for the purpose of exchange or as loot. Study of the two poems indicates as well how philologists and experts on material culture can work together, especially for the Exeter Book's other riddles.

We start with W. S. Mackie's translations of 1934.

I have heard of a bright ring announcing good tidings
In the presence of men, though tongueless, and though it did not
Cry out with strong words in a loud voice.

The precious thing, while keeping silent, said before men,
'Save me, helper of souls'.

Many men understand the mysterious saying,
The charmed speech of the red gold, and may those that are wise
Entrust their salvation to God, as the ring said.

Gaps in his version of the second riddle underline its problematic nature.

I saw men who were wise in mind
And prudent in spirit gaze in a hall
Upon a golden ring. He who turned the ring round

Prayed to God the Saviour for peace and happiness
For his soul. The ring afterwards spoke words
In the congregation, named the Saviour
Of those who do good, and, though dumb, brought
The name of the Lord clearly into their remembrance
And into the sight of their eyes, if one could understand
The significance of the noble gold,
The wounded Lord ...
As the wounds of the ring said.
When the prayer ...
Of any man is unfulfilled, his soul
Cannot go to God's princely capital,
The city of the skies. Let him who will
Explain how the wounds of that wonderful ring
Spoke to men, when in the hall it was
Turned round and round in the hands of proud men.

In his list of solutions, Mackie gave 'chalice' or 'pyx' as surely the answer to riddle 48, and 'chalice' to Riddle 59.

The text of the riddles was tidied up in 1936 by the Anglo-Saxon Poetic Records edition, with elimination of gaps left by previous editors. It was there noted how Dietrich in 1859 solved the first as 'chrismal', regarded as 'the pyx or vessel which holds the chrism', with Tupper thereafter proposing 'paten' and Wyatt 'chalice'; 'chalice' was universally accepted for the second, despite objections made in 1915 by Moritz Trautmann. Yet if 'chalice' is unsatisfactory, 'chrismal' is still more so. Seen on rare occasions only, a chrismal lacks the associations with Scripture and daily worship that the two riddles surely imply.

Recent scholars add details. For Riddle 48, Salvador-Bello observes that Tupper's 1910 suggestion 'paten' was supported in 2006 by John Niles, although she herself is undecided between 'paten' or 'chalice'. For Riddle 59 she cites others on how this entity's 'wounds' allude 'to the fact that the chalice bears an inscription'. One wonders.

An inscription on metal might be taken as a 'wound'. Yet the comparison appears strained. A simpler explanation is offered below. As for Corinne Dale, whose subject is eco-criticism and eco-theology (not man-made objects), she accepts the received answers (if noting dissent from them), adding that the 'wounds' in Riddle 59 are 'markings on the chalice'.

Craig Williamson of Swarthmore College similarly accepts 'paten or chalice' for Riddle 48 and 'chalice' for 59. His translations can be compared with those of Mackie eighty-three years previous.

This bright circle spoke to men,
The tongueless treasure without voice --
The ring wrought power in silence saying,
'Save me, Healer of souls!' Let those
Who read the red gold's silent song-craft
Catch the incantation, solve the song,
And give their souls to God as the ring said.
I saw heart-strong, mind-sharp men
Gazing in a hall at a golden ring.
Who turned the ring prayed to God
For abiding peace, the hall-guests'
Grace. The bright circle of gold
Spoke the name of the Saviour of good
Men to the gathering, proclaimed to the eye
And mind of man the most glorious token,
Spoke though dumb of the suffering king
To all who could see in its bodied wounds
The hard carving of Christ. An unfulfilled
Prayer has no power in heaven; the dark
Soul will not find the city of saints,
The throne of power, the camp of God.
Let the man who knows how the wounds

Of the strange ring spoke as it passed round

The hall -- twisting, turning in the hands

Of proud men -- explain the riddle.

Williamson again takes the first as 'paten or chalice' and the second as 'chalice', the 'wounds' being 'probably icons or inscriptions'.

The above reveals continuity from Dietrich in 1859 to Williamson in 2017. There are yet unanswered questions, some of which disturbed Trautmann in 1915 and are still troubling. Chalices are round, no doubt; but they tend to be tall, so that hring or beag 'ring' seems a curious term for them. Stranger are the words on 'wounds'. No chalice or paten has been produced as evidence on that. It seems a forced reading of the text. Nor, in poems allegedly about chalices, is there any reference to wine, which is also strange. Hence the need for a different interpretation, modifying earlier ones.

Let us turn from chalices and patens to ciboria. The word ciborium has a basic sense 'container'; and there was a natural graduation from the idea of the tomb as the body's last container to that of the vessel which contained Christ's Body, ready for distribution to the faithful, and with a lid (to prevent the holy wafers inside from falling out). Chalices were tall; ciboria were lower and more bulbous. In addition, the wine within a chalice was not usually given to the faithful at celebrations of the eucharist from the seventh century onwards (so that Luther eventually made an issue of the practice).

Information on the Anglo-Saxon Church's plate indicates further why 'chalice' is not a satisfactory answer. A sumptuous benedictional from tenth-century Winchester has an illustration of a bishop before an altar with chalice and paten. The chalice has a tall cup-like shape and is unadorned. It is hard to see it as a 'ring', harder to perceive its 'wounds'. The same may be said in different ways of the seventh-century Hexham Chalice (seven centimetres high); the elaborate eighth-century chalice (twenty-seven centimetres high and of English design) presented by Duke Tassilo to a monastery in Austria; or the ninth-century silver chalice found in 1774 at Cornish tin-workings by Trewhiddle, near St Austell. None of these is much like a ring.

Other sources do not help either. A Latin poem composed in about 690 by Aldhelm for the Abbess of Withington (in present-day Gloucestershire) details the splendours of her church, with a brilliant jewelled chalice amongst them. If 'virtually all endowments of this kind have perished', there is 'no lack of written evidence' on what has gone. Peterborough Abbey in the late tenth century had four chalices of silver, and there are indications of similar wealth at Bury St Edmunds, Ely, Abingdon, Glastonbury, and Worcester. The classic comment must yet be that of King Alfred, reflecting how 'before everything was ravaged and burnt' by Viking attacks, 'the churches throughout all England stood filled with treasures and books'. There is still nothing in this to nail down the solution 'chalice' (or 'paten') for the riddles. If we are to find an answer, it will have to come from after 1066, and specifically from the twelfth century.

That brings us to the Warwick, Balfour, and Malmesbury Ciboria, their features conveniently summarized in a Victoria and Albert Museum catalogue. All of them have six Old Testament scenes on their bowl, regarded as foreshadowing six New Testament scenes on their cover; all are of similar date and are probably from the same workshop. The Warwick Ciborium (discovered in 1717, its lid already lost) was damaged in a Warwick Castle fire of 1871, and is now best appreciated from an early watercolour belonging to the Society of Antiquaries. Amongst the six images on its bowl are ones of Isaac's carrying of logs, the sacrifice of Isaac, and Jonah and the Whale. All three were related to Christ's Passion. On the analogy of the two other ciboria, the cover would have shown Christ's carrying of the Cross, the Crucifixion, and the women at the Sepulchre. On the Balfour Ciborium (18.3 centimetres high and of the 1160s) there appear (on its bowl) Isaac carrying logs and the Sacrifice of Isaac, but now with Samson and the Harlot of Gaza (not Jonah and the Whale); on the lid are the corresponding *via dolorosa*, Crucifixion, and women at Christ's Tomb. These subjects had known equivalents in twelfth-century wall-paintings at Worcester and Peterborough cathedrals. The Malmesbury Ciborium (19 centimetres high), now in New York, again shows Isaac (carrying logs) and Samson, but this time with Moses and the Brazen Serpent (not the Sacrifice of Isaac). On the lid are the Way of the

Cross, Calvary, and Women at the Tomb. The low rotund outline of all three vessels also contrasts with that of a chalice. Finally, the lids have or had Latin inscriptions. To those we shall return.

Before that, further accounts of Anglo-Saxon chalices again rule out the answer 'chalice'. If the one from Trewiddle demonstrates the silver wealth of late ninth-century England, greater splendours are revealed by the Tassilo Chalice, given to the monastery of Kremsmünster (and there to this day) by Tassilo, Duke of Bavaria (until Charlemagne deposed him in 778). This impressive gilt object has engravings of Christ with the saints and a cast inscription on Tassilo and Liutpirc (his duchess). Its features show the influence of English craftsmanship. The Trewiddle Chalice is plain, the Tassilokelch is ornate; yet the contrasts between them and our three English ciboria are marked. Here are some of them.

A chalice contained wine, not usually given to the laity at a medieval mass. A ciborium contained bread for distribution to communicants. The nature of a consecrated wafer should be stressed. At the Consecration the bread miraculously became 'the body of Christ; what had been indeed the work of human hands became the holiest object in the universe'. Hence, we submit, the powerful religious feelings conveyed by the two riddles. Whereas the chalices are tall, the ciboria have a dumpy (almost bun-like) outline, being almost as broad as they are high. They present Christ's passion and have inscriptions on it. The nature of the last may be discovered from an edition of an Old English poem and its bibliography. On the Malmesbury Ciborium, for Christ bearing the Cross, are the words SIC A LAPIDIBUS CESUS PIA DUCITUR HOSTIA IHESUS, 'Jesus, like a man dead by stoning, is led forth, a blessed sacrifice.' For Christ on the Cross is the text UT VIVAS MECUM FELIX HOMO DORMIO TECUM, 'I sleep with you [in death], O Man, that you should live with me in bliss.' On the Balfour Ciborium for the Crucifixion (also with allusion to the Brazen Serpent raised up by Moses) is written IN CRUCE MACTATUR, PERIT ANGUIS, OVIS REVOCATUR, 'On the cross he is slain, the serpent perishes, the sheep is reclaimed.' These phrases in mind, we return to the Exeter Book.

Even with a foot (and a pommel to lift the cover), the twelfth-century ciboria are (as noted) almost as wide as they are tall. They hence look more like a ring than a chalice does. They have inscriptions which certainly convey a silent message before men strongum wordum 'with strong words, in a loud voice'; words that some might think could hardly be stronger. Other expressions relate to liturgy. The first riddle has the phrase *Gehíle mec, Helpend gísta*, 'Save me, helper of souls'; the second tells how 'He who turned the ring round / Prayed to God the Saviour for peace and happiness / For his soul.' The second and perhaps the first of these may be linked to Psalm 51:2, 'Wash me thoroughly from my iniquity, and cleanse me from my sin.' At mass, after the bread and wine have been brought to him, the celebrant utters this phrase as he washes his hands before going on to the Eucharistic Prayer and Consecration. What he says fits the solution presented here as no other proposal does. It accords too with the lines following, on how 'The ring afterwards spoke words / In the congregation' and 'brought / The name of the Lord clearly into their remembrance / And into the sight of their eyes'. The bread has been consecrated, the faithful go up to the altar, standing or kneeling they receive on their tongues the communion wafers which the priest takes from a ciborium. At this point, before returning to the body of the church, the communicants had such a vessel clearly in 'the sight of their eyes'.

As for the images and phrases that they might see, these are equally urgent. The old serpent is vanquished, the sheep is saved. Christ dies that humanity should live with him in bliss. In word and picture, Christ's wounds were manifested before the men and women at mass. We can say more. These objects are covered in gold leaf and are beautiful to look at. That explains the terms *torhte, readan goldes, hryng gyldenne*, 'splendid', 'of red gold', 'a golden ring'. The lines on how if the prayer 'Of any man is unfulfilled, his soul / Cannot go to God's princely capital' also relate to the eucharist, and specifically to St Paul's warning on it: 'But let a man examine himself, and so let him eat of that bread, and drink of that cup' (I Corinthians 11:28). If communicants do not do this, eating and drinking 'unworthily', they commit sacrilege. (On what that leads to, Paul has sharp things to say.)

If, then, we can assume that English ciboria of the tenth century had on them representations of Christ, accompanied with inscriptions; that in this they resembled the Tassilo Chalice (designed on eighth-century English models); that, like twelfth-century English ciboria, they were covered in gold leaf (or even made of gold); that, unlike chalices, they were not tall and did not contain wine; that they were handled by priests who were 'proud' and who used them to give Christ's body to the faithful; that they brought the Easter story before the eyes and imagination of worshippers, inspiring them to pray; then we could take the solution to Riddles 48 and 59 as 'ciborium'. Such items were familiar to the clerics who wrote these poems. In the 'hall' of a church, ciboria were every day 'Turned round and round in the hands of proud men', the form wlonc 'proud, exultant, splendid' here applying to the priests who handled those precious things. Containing the Body of Christ, ciboria had profound religious associations; perhaps now not easy to grasp when one sees them displayed inside a museum's glass case.

Whether 'ciborium' is here correct or not, one thing that Riddles 48 and 59 cannot possibly describe is an inscribed gold ring, despite arguments of Professor Peter Orton in an unpublished talk preliminary to the 2019 IAUPE conference at Poznan, Poland. It is true that Anglo-Saxons wore gold rings, some of which had pious inscriptions. Yet there are four reasons why his proposed answer cannot be right. First, no ring, not even a bishop's one, had a fraction of the religious authority possessed by an altar vessel. Second, while a ciborium might show Christ's wounds in the most obvious way, no ring was likely to do that. Third, rings are worn on fingers, but they are not usually passed round a hall; and (unless one came up close) one would not know the import of any religious inscription on them. A ciborium, seen by all at mass, was another matter. Finally and (one might think) definitively, the riddlers call their items a hring, wri■a, and beag. These all mean 'ring', and it would be a poor riddler who gave away his answer so ineptly. The answer 'ciborium' remains.

If the above arguments are sound, two more Exeter Book riddles may be taken as solved. That should interest art historians on what Anglo-Saxon goldsmiths might produce for a great church, what it looked like, and how it was regarded. As a clue to

pre-Conquest treasures today all but lost, it should also interest researchers on other Exeter Book riddles. Amongst such investigators are Jennifer Neville at Royal Holloway College and Rafael Pascual at Oxford. The following shows how verses other than the above can sharpen our focus on early English life and learning.

For those weary of dragons and bloodbaths, the Exeter Book's riddles conjure up other aspects of the Anglo-Saxons, whether a town gate by night and day, scholars reading the Vulgate or (in lighter mood) Ovid's *Metamorphoses*, or priests and people at Holy Communion; the last of these apparently letting one solve numbers 48 and 59 in the collection as 'ciborium'.

References

1. Allen, M. J. B., and Calder, D. G., 1976, *Sources and Analogues of Old English Poetry*. Cambridge: D. S. Brewer
2. Bitterli, Dieter, 2019, Exeter Book Riddle 95: 'The Sun', A New Solution, *Anglia* 137, 612©38
3. Braun, J., 1932, *Das christliche AltargerAAat in seinem Sein und in seiner Entwicklung*, MAGAnchen: Max Hueber
4. Breeze, A., 1997, Aepplede Gold in Juliana, Elene, and The Phoenix, *Notes and Queries* 242, 452-3
5. Breeze, A., 2017a, The Exeter Book's Riddle 43 and Guardian Angels, *Devon and Cornwall Notes and Queries* 40/2, 44©9
6. Breeze, A., 2020b, Exeter Book Riddles 4 and 43: City Gate and Guardian Angel, *Devon and Cornwall Notes and Queries* 42/7, 213©18
7. Campbell, M., 1983, *An Introduction to Medieval Enamels*. London: HMSO
8. Clark, David, 2009, *Between Medieval Men*. Oxford: OUP
9. Dale, Corinne, 2017, *The Natural World in the Exeter Book Riddles*. Cambridge: D. S. Brewer.
10. Dix, G., 1945, *The Shape of the Liturgy*, 2nd edn. London: Adam and Charles Black

11. Estepa Llaurens, J. M., et al., 1994, *Catecismo de la Iglesia Católica*; Alicia. Madrid: Asociación de Editores del Catecismo
12. Hirn, Yrjo, 1957, *The Sacred Shrine*. London: Faber
13. Howse, Christopher, 2004, *Comfort*. London: Continuum
14. Howse, Christopher, 2005, *Prayers for This Life*. London: Continuum
15. Hunter Blair, Peter, 1977, *An Introduction to Anglo-Saxon England*, 2nd edn. Cambridge: Cambridge UP
16. Kamerick, K., 2002, *Popular Piety and Art in the Late Middle Ages*. New York: Palgrave
17. Krapp, G. P., and Dobbie, E. V. K. (eds), 1936, *The Exeter Book*. New York: Columbia UP
18. Lapidge, Michael, and Herren, Michael (trs), 1979, *The Prose Works [of Aldhelm]*. Ipswich: D. S. Brewer
19. Lewis, C. T., 1901, *A Latin Dictionary for Schools*. Oxford: Clarendon Press
20. Lindsay, W. M. (ed.), 1921, *The Corpus Glossary*. Cambridge: CUP
21. Love, Rosalind, 2016, *Anglo-Latin Literature in the Foreground*, in Paul E. Szarmach (ed.), 'Books Most Needful to Know', 1-59. Kalamazoo: Medieval Institute Publications
22. Mackie, W. S. (ed.), 1934, *The Exeter Book: Part II*. London: OUP
23. Mayr-Harting, Henry, 1972, *The Coming of Christianity to Anglo-Saxon England*. London: Batsford
24. Orchard, Andy, 1999, *Enigmata*, in Michael Lapidge, John Blair, Simon Keynes, and Donald Scragg (eds), *The Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England*, 171-2, Oxford: Blackwell
25. Rambaran-Olm, M. R. (ed.), 2014, 'John the Baptist's Prayer' or 'The Descent into Hell' from the Exeter Book. Cambridge: D.S. Brewer
26. Roberts, Jane, 2014, *A Context for the Exeter Book*, in Michiko Ogura (ed.), *Aspects of Anglo-Saxon and Medieval England*, 31-48. Frankfurt: Peter Lang
- Salvador Bello, Mercedes, 2015, *Isidorean Perceptions of Order*. Morgantown: West Virginia UP

27. Santano Moreno, Bernardo, and Birtwistle, Adrian, 1992, *EnA1Agmas anglosajones del 'Codex Exoniensis'*. Badajoz: Universidad de Extremadura
28. Santano Moreno, Bernardo, and Birtwistle, Adrian, 1992, *EnA1Agmas anglosajones del 'Codex Exoniensis'*. Badajoz: Universidad de Extremadura
29. Stanley, E. G., 1991, *Stanley B. Greenfield's Solution of Riddle (ASPR) 39: 'Dream', Notes and Queries 236, 148*
30. Thomas, Charles, 1971b, *The Early Christian Archaeology of North Britain*. London: OUP
31. Whitelock, Dorothy (ed.), 1979, *English Historical Documents c. 500-1042, 2nd edn*. London: Eyre Methuen
32. Williamson, Craig, 2017, *The Complete Old English Poems*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press
33. Wilson, David, 1991, *The Tassilo Chalice*, in Leslie Webster and Janet Backhouse (eds), *The Making of England: Anglo-Saxon Art and Culture AD 600-900*, 168. London: British Museum Press
34. Wilson, John, 1991, *Old English Riddle No. 39: 'Comet', Notes and Queries 236, 442*
35. Wormald, Francis, 1959, *The Benedictional of St Ethelwold*. London: Faber
36. Wyatt, A. J. (ed.), 1912, *Old English Riddles*. Boston: D. C. Heath

Сведения об авторе

Бриз Эндрю Чарльз, профессор Наваррского университета, Памплона, Испания

Breeze Andrew Charles, Doctor of Philosophy, Full professor, University of Navarra, Spain.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Абакумова О. Б.

доктор филологических наук, доцент,

профессор кафедры английской филологии

Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

г.Орел, Россия

Аннотация: Статья посвящена проблемам лингвокультурологии и когнитивно-дискурсивной парадигмы исследований в области паремиологии. Опираясь на определения предметной области лингвокультурологии современными исследователями, автор предлагает описание русских и английских пословиц о счастье с выявлением в их семантике разных типов концептуальных метафор в неактуализованном режиме, а также применяет свою когнитивно-дискурсивную модель актуализации смысла пословицы в дискурсе для описания актуализованной пословицы в художественном тексте.

Ключевые слова: лингвокультурология, когнитивно-дискурсивная паремиология, пословица, концептуальная метафора, когнитивно-дискурсивное моделирование.

Abstract: The paper deals with problems of linguoculturology and cognition-discourse paradigm in paremiology. Based on the definition of the subject of linguoculturology by contemporary linguists the author offers her description of Russian and English proverbs of happiness by means of singling out conceptual metaphors in their semantics and makes use of her cognition-discourse model of proverb's sense actualization in the text of fiction.

Keywords: linguoculturology, cognition-discourse paradigm, proverb, conceptual metaphor, cognition-discourse modelling.

Как известно, единицы паремиологического фонда занимают центральное место среди языковых единиц, являющихся объектом лингвокультурологии. Лингвокультурология имеет глубокие философские, лингвистические и психологические корни, но все же в настоящий период является молодой наукой, возникшей на рубеже XX – XXI вв. По поводу ее предмета существуют разные точки зрения. Н.Ф. Алефиренко считает, что объектом лингвокультурологии является языковая/дискурсивная деятельность, рассматриваемая с ценностно-смысловой точки зрения, а предметом – ценностно-смысловое пространство языка [2]. По мнению В.А. Масловой объект лингвокультурологии – исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с её установками и предпочтениями и человека, который создал эту культуру, пользуясь языком [12]. Почти все исследователи сходятся во мнении, что лингвокультурология соединяет три компонента – язык, культуру, личность – и призвана изучать их взаимодействие. Авторы «Словаря лингвокультурологических терминов» М.Л. Ковшова и Д.Б. Гудков определяют лингвокультурологию как «молодое научное направление, изучающее взаимодействие двух семиотических областей – языка и культуры, которые понимаются как формы сознания, отражающие мировоззрение человека, и описываются в синтезе, как целостный феномен» [10, с.6]. В центре внимания исследователей лингвокультурологии находится язык, конструирующий ментальность человека, в том числе его культурное самосознание. Основная цель лингвокультурологии – в выявлении способов и средств воплощения «языка» культуры в языковых структурах и в изучении культурно-языковой компетенции субъекта языка и культуры, проявляемой им в процессе употребления языковых знаков на фоне живых коммуникативных процессов. Наиболее значимым представляется описание путей интерпретации языкового знака в пространстве культуры и культурных коннотаций как результата этой интерпретации [6]. В Словаре представлены 25 центральных терминов лингвокультурологии: коды культуры, культурная коннотация, культурно-языковая интерпретация, концептосфера культуры, символ, эталон,

мифологема, прецедентные феномены, установки культуры и другие понятия, образующие терминологический аппарат дисциплины, которая продолжает развивать свою теоретическую, практическую и понятийную основу.

По мнению многих исследователей, лингвокультурология как дисциплина, изучающая взаимосвязи и взаимовлияния языка и культуры, фокусирует свои исследования на образных и фразеологических единицах языка, а также на анализе речевых действий, событий, ситуаций, в которых проявляется культурно значимый выбор языковых средств, характер построения которых отличается культурной маркированностью. Именно система образов, закрепленных в языковой семантике, является зоной сосредоточения культурной информации в естественном человеческом языке [13]. Ассоциативно-парадигматические связи в устойчивых словосочетаниях, обозначающих концепты культуры, интерпретируются через коннотации. Понятие культурной коннотации является ключевым в работах лингвокультурологического направления во фразеологии (см.[9]). В лингвокультурологической парадигме исследование содержания культурной коннотации видится в «ценностно осмысленных установках культуры, т. е. ментальных предписаниях (предписаниях), оценивающих социальные и духовные практики человека» [16]. Представляется, что установки культуры наиболее ярко представлены в семантике и прагматике пословиц как в автономном режиме, в императивных по своей синтаксической структуре паремиях, где они представлены эксплицитно, так и в актуализованном, где имплицитные установки культуры проявляют себя в контекстах.

По поводу языкового статуса пословиц существуют разные точки зрения. Их давно изучают в фольклористике, где считают фольклорными текстами, художественными миниатюрами (Потебня, Григас), их не так давно изучают в лингвистике, где мнения исследователей разделились по поводу включения пословиц во фразеологический уровень языка. Третья точка зрения связана с выделением паремиологического уровня языковой системы, куда должны

войти фразеологизмы, пословицы вместе с загадками, притчами, баснями, сказками и тому подобными явлениями [14].

А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский трактуют пословицу как фразеологизм, имеющий структуру предложения, с семантикой всеобщности, выражающий рекомендацию (совет, нравоучение или запрет) или объясняющий обсуждаемое положение дел с точки зрения правил наивной логики. При этом рекомендательная и объяснительная сила пословиц основывается на общем знании, разделяемом всеми носителями данного языка, поэтому они культурно зависимы [3, с.79]. А.В. Кунин считает пословицы коммуникативными фразологизмами [11].

И.В. Зыкова рассматривает фразеологические знаки в качестве особых элементов или механизмов культурной памяти. Поскольку фразеологические единицы формируются под воздействием концептосферы культуры, то их глубинный слой, культурно обусловленные основания значения, являются носителями постепенно накапливаемых типов чувственной и интеллектуальной информации: эмоционально-чувственной, этической и эстетической; архетипической, мифологической, религиозной, философской и научной [7, с.18].

Л.Г. Пермяков указывает на тройственную природу пословицы, выявляя в ней свойства языкового знака (поскольку моделирует ситуацию и называет ее), единицы логики (так как она выражает суждение) и литературного произведения (поскольку это художественная миниатюра) [14, с.8]. Он предлагает логико-семиотическую типологию пословиц, в основе которой находятся вещи и их свойства.

Исследователи фольклора, относящие пословицы к текстам, считают, что их семантика складывается из темы (идеи), образа и синтаксической конструкции (структуры) (см. работы Каньо, Кууси, Григаса и др.), но ведущим, по мнению К. Григаса [6], является ядерный образ, связанный с метафорой.

Мы полагаем, что пословица представляет собой сложный знак гибридного типа с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, практическое оценочное суждение, функционирующее в речи как косвенный речевой акт чаще всего директивного типа, который используется как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего [1]. Взятые в совокупности своих интертекстуальных связей, образности и оценочности, они передают национально детерминированные представления об абстрактных сущностях и их видение в данной культуре.

В данной статье предлагается использование когнитивно-дискурсивной модели (КДМ) для выявления лингвокультурологических аспектов в актуализации смысла пословицы в дискурсе. Но сначала считаем необходимым представить некоторые концептуальные метафоры в семантической структуре русских и английских пословиц о любви и счастье с использованием предложенной нами тематической роли «квалитатив», который позволяет описать качество действия или состояния, выраженного пословичным предикатом и соответствующими актантом или сирконстантом пословичного предложения-высказывания [1]. Эти метафоры являются репрезентантами культурных кодов сопоставляемых языков и дают оценку культурно-значимым явлениям и концептам. М.Л. Ковшова отмечает, что слова-компоненты пословицы являются именами не реалий (в широком смысле этого слова), а культурных знаков, т.е. реалий, получивших культурное переосмысление. «Ключевые слова-компоненты пословицы изначально являются знаками вербального кода культуры, и в этом качестве они воспринимаются носителем языка, вызывают представления, знания, ассоциации, которые соотносятся с предметами, текстами и действиями культуры» [9].

В.Н. Телия в своей монографии, посвященной метафоре, подробно описала процесс метафоризации, который включает субъекта метафоры, его знание языковых значений и их ассоциативных комплексов, его замысел и фактор адресата, а также модус фиктивности (als ob), модус антропоцентричности, оценочный модус, эмотивный модус [15].

В.Г. Гак утверждал, что изучение метафоры в сопоставительно-типологическом плане позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка, отделяющего его от общего и всеобщего. Общее проявляется в том, что в разных языках слово А приобретает метафорическое значение В. Специфика выражается в том, что внутри общего значения В в разных языках могут акцентироваться различные «подзначения» в 1, в 2, в 3, а также в том, что к переносу В могут добавляться переносы в иные сферы понятий [5, с.11-26].

С. Ульман выделил три универсальных типа метафоризации: антропоморфизм, перенос от конкретного к абстрактному и синестезию. Другие исследователи выделяли пространственные, метеорологические, антропоморфные, зооморфные, ботанические, технические, социоморфные метафоры [5, с.17]. Дж. Лакофф и М. Джонсон [17] предлагают рассмотреть ряд метафор: ориентационные метафоры (с оппозициями: верх-низ, центр-периферия, далеко-близко и т.п.), структурные, онтологические и др.

Существует уже определенный список метафорических концептов, используемых для репрезентации эмоций. Эмоции часто персонифицируются или, наоборот, объективируются, т.е. представляются в виде неодушевленных материальных объектов. Е.Г. Беляевская полагает, что особую роль в презентации эмоций играет метафора контейнера [4, с.122]. Такая же метафорическая модель используется, когда речь идет об упоминании сердца и души человека, которые символически представляют человеческие эмоции: *сердце, полное любви, в глубине его души все еще жила любовь* и т.п. Е.Г. Беляевская предлагает рассмотреть несколько разновидностей одной концептуальной метафоры, связанных с антропоцентрическим фактором – изменением позиции наблюдателя. Так при использовании метафоры контейнера человек может концептуализироваться как вместилище эмоций (внутренний контейнер), но эмоции можно рассмотреть и как некоторый контейнер, в который погружается человек (контейнер-пространство): *на него*

нахлынула волна нежности, она погрузилась в воспоминания и т.п. [4, с.122-124].

Рассмотрим типы концептуальных метафор, которые нам удалось выявить на материале пословиц о счастье двух неблизкородственных языков.

Онтологические метафоры:

- метафоры персонификации: *Счастье едет в карете, а и с умом, да ходят пешком* - квалитатив удачи; *Joy and sorrow are next door neighbours* – квалитатив эфемерности;

- метафоры объективации: *Счастье, как и стекло: легко разбивается* – квалитатив хрупкости, *We should publish our joys and conceal our griefs* – квалитатив публичности, внешнего выражения радости и успеха;

- метафора «контейнер»: *One day of pleasure is worth two of sorrow* – квалитатив радости, веселья; *У кого в чем счастье, а у свиньи в корыте* – квалитатив индивидуального выбора; *Счастье идет как вода на плот* – квалитатив удачи; *Content is happiness* – квалитатив удовольствия, удовлетворенности.

Ориентационные (пространственные) метафоры:

Оппозиция «верх/низ»: *Счастье что солнышко: и улыбнется, и скроется* – квалитатив высокой ценности/ непостоянства; *God send you joy, for sorrow will come fast enough* – квалитатив высокой ценности/ эфемерности; *Со счастьем – на коне, без счастья – под конем* – квалитатив победы.

Оппозиция «далеко/близко», «центр/периферия»:

He who leaves his house in search of happiness pursues a shadow - квалитатив своего/личного пространства); *Счастье – вольная птичка: где захотела, там и села, Счастье куда хочет повезет* – квалитатив свободы/влияния внешних сил, обстоятельств.

Оппозиция «начало/конец»

Sadness and gladness succeed each other (квалитатив транзитивности); *Счастлив не тот, кто счастьем обладает, счастлив лишь тот, кто счастья ожидает* – квалитатив ожидания, мечты.

Как показал анализ, модус фиктивности в структуре метафорических пословичных высказываний сохраняется, хоть и несколько ослаблен в силу опоры на эталоны и стереотипы, мифологемы и культурные коннотации. На первый план в русской культуре чаще выходит эмотивный модус, в английской оценочный, что связано с опорой на систему ценностей каждой лингвокультуры.

Проведенный сопоставительный анализ выявил как универсальное, так и специфическое в структуре метафорических образов пословиц о счастье. Универсальное проявляется в довольно ограниченном выборе областей целей и источников концептуальной метафоры, которые совпадают у носителей двух даже неблизкородственных языков. Национально специфическое связано с изменением фокуса метафорического концепта, вызванного позицией наблюдателя.

Посмотрим, как проявляются особенности лингвокультуры в интерпретации смысла пословиц, актуализированных в контексте на примере художественного текста. Рассмотрим коммуникативный эпизод из романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита».

Коммуникативная ситуация представляет беседу двух мужчин после вечеринки, которая дала им возможность забыть на какое-то время об их бедах и невзгодах. Говорящий предлагает выпить вина и использует известную пословицу в качестве тоста.

“This,” he said, in allusion to the party, not the wine, “is a Mingling that repays one for much disappointment and vexation. Let us be merry.” Here he took a captain’s biscuit. “It is a poor heart that never rejoices; and our hearts are not poor? – No!” (Dickens. The Life and Adventures of Martin Chuzzlewit).

Коммуникативная составляющая. Говорящий использует собственно коммуникативное действие, целью которого является взаимопонимание и дальнейшая совместная деятельность. Русский аналог пословицы: *Кто умеет веселиться, тот горя не боится.*

Констативная (когнитивное использование языка) составляющая:

Пропозиция высказывания выражена предикатом (never) *rejoice* – ‘to feel or show great joy’ (радоваться, веселиться, праздновать что-л).

Семантический тип предиката: нелокативное состояние качества (квалитатив радости, веселья).

На уровне образного фрейма представлена ситуация, в центре которой находится сердце человека, которое символически наделяется человеческими качествами: способностью грустить или радоваться.

На уровне обобщенного фрейма рассматривается объект и его свойства: если какая-то вещь обладает одним свойством, то она обладает и другим (1я логико-семиотическая модель по классификации Г.Л. Пермякова) [14].

На уровне окказионального фрейма описана ситуация, участники которой подбадривают друг друга в не самый счастливый период жизни и пытаются поднять друг другу настроение, внушить веру в себя и в то, что все в их жизни будет хорошо.

Экспрессивная составляющая модели связана с выражением алетической и аксиологической модальности, ситуация уныния оценивается отрицательно. Иллокутивная сила: эксплицитный ассертив. Утверждается, что только тот, кто не умеет радоваться, не способен противостоять невгодам. Косвенный директив представлен имплицитно. Говорящий призывает слушающего радоваться жизни и верить в успех своего дела.

Регулятивная составляющая опирается на социальные нормы и установки английской лингвокультуры, в которой одобряется внешнее выражение радости, удовольствия, уверенности в своих силах и способность бросить вызов судьбе (см. утилитарные нормы реализма и благоразумия: *Не следует слишком рано подводить итоги, впадать в уныние; Следует рассчитывать на себя и предпочесть наиболее реальное благо и наименьшее зло*) [8].

Культурное представление о счастье кодируется в данном случае антропным кодом в комбинации с сематическим, модус фиктивности уходит на задний план, опираясь на существующие стереотипы и метонимический перенос, уступая место оценочному модусу. Культурные коннотации и

установки культуры проявляются в положительной оценке образа человека, спокойного, сдержанного в проявлении эмоций, уверенного в себе, способного веселиться в трудную минуту и бросить вызов судьбе, противостоять жизненным трудностям.

Наш анализ показал, что модель КДМ дает интересные результаты в области выявления лингвокультурологических особенностей пословиц как в неактуализованном, так и в актуализованном режимах и позволяет выявить универсальные и национально-специфические свойства лингвокультуры сопоставляемых языков.

Литература:

1.Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб: Алеф-пресс, 2012.

2.Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.:Флинта, 2016.

3.Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Классификация фразеологизмов: новый взгляд на классическую проблему // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах. Орел: Изд. ОГУ, 2010. С.80-87.

4.Беляевская Е.Г. Антропоцентризм в конструировании метафорических концептов // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVII. С.119-127.

5.Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С.11-26.

6.Григас К. Литовские пословицы: Сравнительное исследование. Вильнюс: Вага, 1987.

7.Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология. Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015.

8.Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М: Гнозис, 2004.

9.Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Либроком, 2013.

10.Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017.

11.Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Изд. Феникс, 1986.

12.Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Изд.центр «Академия», 2001.

13. Опарина Е.О. Язык и культура. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия: сб. обзоров (Электронное издание) М., 1999.

14.Пермяков Г.Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). – М.: Наука, 1978. – С.105-135.

15.Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С.26-52.

16.Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М., 2004. С. 19-30.

17.Lakoff G., Johnson M. Women, fire and dangerous things/ What categories reveal about the mind. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1990.

Словари:

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011.

The Penguin Dictionary of Proverbs / Editors R. Fergusson, J. Law. London: Market House Books Ltd, 2000.

Сведения об авторе

Абакумова Ольга Борисовна, д.ф.н., профессор кафедры английской филологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

e-mail: abakumova-ob@mail.ru

Abakumova Olga B., Dr of Philological Sciences, professor of Chair of English Philology at the Orel State University named after I.S. Turgenev.

e-mail: abakumova-ob@mail.ru

УДК 379:8

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ
АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ
СТАТЕЙ САЙТА ТЕЛЕКАНАЛА RT)**

Дмитриев О.А.

(МИА «Россия сегодня»),

НИУ «Высшая школа экономики»,

г. Москва, Россия

Аннотация: В статье представлена часть результатов проводимого исследования по интерпретации картины мира международными альтернативными медиа. Анализируется структура информационного текста, которой придерживается редакция телеканала RT на своих мультимедийных ресурсах. В материале представлены лексические единицы, которые наиболее эффективно передают мнение людей, которое не учитывается международными мейнстримовскими медиа. В заключении обобщены ключевые особенности информационного текста на ресурсах телеканала RT.

Ключевые слова: текст, коронавирус, сообщение, структура, лексема, новости, альтернативные медиа.

Abstract: The article represents a part of the research connected with international alternative media and the view on the world which is projected to the target audience. The subject of analysis is the structure of the news item in RT multimedia platforms. The research highlights lexical units that convey the views of those who is ignored by international mainstream media. At the end of the article there's a summary of key features of RT news items.

Key words: text, coronavirus, message, structure, lexical unit, news, alternative media.

В настоящее время автором проводится многокомпонентное исследование международных альтернативных медиа². При анализе мультимедийного контента автор выбрал ключевую тему мировых новостей весны 2020 года - борьбу с коронавирусом. Для исследования были выбраны международные альтернативные медиа, которые вещают из неанглоязычных стран. Среди них - телеканалы RT (известный в России как Russia Today) и Al Jazeera из Катара. Альтернативные медиа отличаются от мейнстрима наличием контента, который под воздействием политики крупных транснациональных компаний не попадает в крупные информационные холдинги³.

Материал для анализа органичен двумя неделями с 31 марта по 13 апреля 2020 года: в выбранный нами промежуток времени наблюдался резкий рост числа инфицированных коронавирусом в России, странах Западной Европы и в Северной Америки. Были проанализированы более 500 мультимедийных статей разного жанра – последние новости, мнения экспертов, редакционные статьи, видеоматериалы, а также статьи, содержащие инфографику.

Если говорить об особенностях организации текста в информационных материалах онлайн-ресурсов RT, то на первых позициях на сайте телеканала находятся короткие статьи, в которых отражаются происходящие события. Как правило, в них сообщалось о развитии ситуации с коронавирусом в той или иной стране.

Типология информационных сообщений выстраивается таким образом, что основную информацию потребитель черпает из заголовков и

² Дмитриев О. А. Альтернативные медиа как инструмент изменения принципов традиционной журналистики / О. А. Дмитриев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2017. — Т. 23, № 3 (165). — С. 72-81

³ Дмитриев О.А. Интерпретация реальности в отражении альтернативных медиа. – М.: Академия Медиаиндустрии, 2019 – 189с.

первых предложений статей. Именно в таких заголовках присутствуют цифры и факты, заставляющие пользователей дочитать статьи до конца.

Несколько примеров таких заголовков:

- *Head of Germany's Robert Koch Institute defends Covid-19 optimism but says current mortality rate will rise*⁴ (в данном случае достигается двойной эффект: актуализируется концепт «хорошие новости» и сообщается о проблемах, которые могут ухудшить ситуацию);

- *Spain's Covid-19 death toll rises by a RECORD 849 overnight, as known cases reach almost 95,000*⁵ (интерес к прочтению данной статьи развивается благодаря цифрам, которые показывают весь масштаб развития коронавируса в Испании);

- *Czech govt extends restrictions on movement until April 11*⁶ (констатация ограничений передвижения в одной из европейских стран, что является крайне важной и востребованной темой именно для международной аудитории).

Структура контента информационных сообщений является стандартной, однако приводимые в сообщениях цифры и факты не всегда попадают в эфир и на веб-ресурсы мейнстримовских редакций. Как правило, структура материала в альтернативных новостях телеканала RT выглядит следующим образом:

Заголовок

Тор line (первое предложение, в котором подчеркивается новая информация)

Подтверждающая цитата (как словесная, так и фрагмент поста в социальных сетях)

Детализация информации, содержащаяся в top line

«Фоновая информация» от предыдущих событиях либо о фактах, которые могут произойти в будущем

⁴ <https://www.rt.com/news/484550-robert-koch-head-optimistic-germany/>

⁵ <https://www.rt.com/news/484562-spains-covid-19-sees-record/>

⁶ <https://www.rt.com/newslines/484522-czechs-extend-restrictions-movement/>

Во время проводимого нами исследования контента кратких информационных сообщений обозначается тенденция в концентрации альтернативного контента как раз на «нижних этажах» информационной пирамиды, а именно на стадиях детализации обобщения фактов вместе с фоновой информацией. Одна из таких стратегий- усиление негативной информации несколькими цифрами для большего усвоения целевой аудиторией.

He was replaced by his deputy chief, Maria Jose Sierra, who confirmed that at least 12,298 health workers have tested positive for Covid-19 infection so far, accounting for roughly 14 percent of the total infections in the country⁷.

В данном случае приводятся не только сами данные о степени заражения вирусом, но и демонстрируется процент зараженных от общего количества населения в Испании.

В проанализированных нами подтверждающих цитатах также намечается предпочтение «серьезным» утверждениям, которые усиливают масштаб происходящего.

"Whoever does so, of course, underestimates the risk," - he said, warning that the pandemic will continue for months, not weeks, adding that the picture will be clearer after Easter⁸.

В данной цитате представителя одного из научных учреждений Германии содержится озабоченность по поводу некоторых официальных данных о коронавирусе. Такого рода трактовки и мнения усиливают интерес пользователей к освещению проблемы, в ходе которой потребителей информации заставляют сомневаться и перепроверять официальные данные, которые составляют основной блок информации на мейнстримовских информационных ресурсах. Однако встречаются и «позитивные»

⁷ <https://www.rt.com/news/484562-spains-covid-19-sees-record/>

⁸ <https://www.rt.com/news/484550-robert-koch-head-optimistic-germany/>

подтверждающие цитаты, которые, в отличие от негативных не всегда усиливаются.

Prime Minister Andrej Babis said the restrictions would now be in place for the same duration as the state of emergency, a legal framework currently due to expire on April 12, but both would need to be continued to tackle the virus. “We hope that the epidemic will develop in such a way that, after Easter, it will be possible to loosen some measures,” Babis said.⁹

Такого рода позитивные заявления, как правило, появляются в альтернативных медиа и после указанных мер и событий. В частности, они используются для того, чтобы подтвердить или опровергнуть те прогнозы, которые приводились в альтернативных медиа.

Если говорить о материалах, представляющих авторскую позицию, то прежде всего, как и в кратких информационных сообщениях также отмечаются заголовки с сильной эмоциональной коннотацией. Однако в этом случае – помимо сути события, которое отображается в top-line, зачастую присутствует и номинативный ассоциативный комплекс: как правило, это символическая фраза, которая призвана вызвать определенные концепты, формирующие у аудитории альтернативных медиа определенное отношение к ситуации с пандемией. Это отношение связано с работой властей, ухудшающейся эпидемиологической ситуацией, неясными перспективами на ближайшее будущее. Вот несколько таких примеров:

Culling’ the old & weak: Eugenics and Social Darwinism rear their ugly heads in the Covid-19 pandemic¹⁰

First quarantine, now digital leper bells: How much freedom are Britons willing to surrender in a fit of Covid-19 panic?¹¹

⁹ <https://www.rt.com/newsline/484522-czechs-extend-restrictions-movement/>

¹⁰ <https://www.rt.com/op-ed/484696-eugenics-social-darwinism-coronavirus/>

¹¹ <https://www.rt.com/op-ed/484712-covid-tracking-leper-bell/>

*Guess what, liberal thinkers? The working class doesn't need your condescending op-eds*¹²

*Over the worst? Signs suggest Covid-19 may be peaking in Europe already*¹³

*Solidarity (in)action: EU Commission head apologizes to Italy, pledges €100bn Covid-19 relief fund... which may not happen*¹⁴

Последний заголовок оказывается наиболее показательным. В его символической части мы видим заключенную в скобках частицу *in*, что придает фразе двойное значение. Сочетание данной фразы со словом *action* может означать как «действие», так и «бездействие».

Все приведенные автором заголовки показывают, что по сравнению с заголовками в кратких информационных сообщениях присутствует гораздо больше лексических единиц, с ярко выраженной коннотацией, которая, как правило, носит протестный характер. Это отчетливо видно как в метафорах (*leper bells – колокольчики для прокаженных*), так и различного рода атрибуции к названию областей человеческих знаний (*Social Darwinism*).

В текстах самих статей, отражающих мнения экспертов, также содержатся статистика, которая перемежается с сильными эмоционально заряженными лексемами и стилистическими оборотами.

*Probably the most repulsive take I've heard so far on Corona is the one which goes: "What are we having these lockdowns and 'social distancing' for? It's only – or predominantly – the old and already ill who are dying from Covid-19 – and they didn't have too long to live anyway".*¹⁵

В приведенном примере лексема “*repulsive*” - пример резкой неприязни автором позиции тех, кто не признает мер по самоизоляции как одного из вариантов ограничения распространения коронавируса. Наклеивание «ярлыков»

¹² <https://www.rt.com/op-ed/484614-working-class-liberal-opeds/>

¹³ <https://www.rt.com/op-ed/484814-covid-crest-wave-europe/>

¹⁴ <https://www.rt.com/news/484841-eu-apology-italy-coronavirus/>

¹⁵ <https://www.rt.com/op-ed/484696-eugenics-social-darwinism-coronavirus/>

на событийные реалии является одним из наиболее распространенных приемов интерпретации реалий экспертами в альтернативных медиа.

*India mutated into 36 new Indias on Sunday, as all 29 states and seven union territories closed their borders. Citizens can't cross over them now. The coronavirus can't hop around either; or, at least, that is the fervent hope*¹⁶.

В статье о введении карантина в Индии эксперт употребляет глагол *mutate* – мутировать. Тем самым автор показывает свое, своеобразное, и слегка предвзятое отношение к происходящему в Индии, а именно – к технологии введения защитных мер против коронавируса во всех территориях и штатах Индии. Мутация – это слово, которое практически не используется в мейнстримовских медиа по отношению к мерам индийского правительства.

Еще один прием авторских материалов в альтернативных медиа – игра слов для создания несколько иной устоявшейся точки зрения на определенный образ, предложенный властями либо специалистами по отношению к преодолению проблемы коронавируса.

*The phrase “flattening the peak” has become familiar to billions since the start of the coronavirus outbreak. But when, if ever, will this peak hit? And how will we recognise it when it does? Let's investigate what we might term ‘peakonomics’...*¹⁷

Данное высказывание автора представляет собой различный компонент значений слова *peak*. Отдельный упор идет на то, что образ выражения *flattening the peak* противоречив и абсурден по значениям: пик нельзя выровнять. Именно это и является для автора зацепкой для исследования переносных значений лексемы *peak*. Тем самым, подвергается сомнению терминологическое словосочетание, появившееся в мейнстримовской среде. Такие обороты, как правило, оказываются привлекательными для потребителя альтернативной информации: впоследствии такие фразы могут воспроизводиться в ежедневном дискурсе, но уже в переносном значении.

¹⁶ <https://www.rt.com/op-ed/484481-india-covid19-low-cases/>

¹⁷ <https://www.rt.com/op-ed/484814-covid-crest-wave-europe/>

Весьма распространенная тенденция в авторских текстах RT – наличие вопросов, которые возникают с связи с появлением определенного явления либо реалии в общественно-политической жизни ряда стран . В данном случае речь идет о возможности слежения за гражданами для борьбы с распространением коронавируса¹⁸.

As a country we are running a very real risk of giving up far too much in a fit of hysteria. What happens with this data after the virus is over? How securely is it stored? Can the promised anonymity be guaranteed? As a result of the internet people have got used to handing over data for the sake of convenience, but we shouldn't get complacent about divulging sensitive information. The eagerness of police to flex their new authoritarian muscles should give everyone pause for thought before the rush to engage in the next initiative that comes along in the name of public health.

В данном случае автор статьи с помощью вопросов подвергает сомнению систему сбора данных о гражданах в кризисной ситуации. Такая технология направлена на то, чтобы пользователь задавал и другие вопросы по поводу новых вводимых мер в Великобритании. Такие тексты на онлайн-ресурсах активно поощряются редакциями всех ресурсов телеканала: слоган RT звучит как Question more («Задавайте больше вопросов»).

Таким образом, ключевыми приемами авторских материалов на портале RT являются:

- метафоры с сильной (зачастую отрицательной) коннотацией;*
- перифразы комментируемых событий, официальных заявлений и статистических данных;*

¹⁸ <https://www.rt.com/op-ed/484712-covid-tracking-leper-bell/>

- использование «лидеров мнений», включая парламентариев разных стран, для аргументации альтернативной точки¹⁹;
- постановка вопросов и проблем, связанных с насущными вопросами;
- ссылка на большое количество неофициальных источников, которые не упоминаются в мейнстримовских медиа;
- отсутствие в некоторых случаях дипломатии в споре с потенциальными оппонентами.

Рассмотрение текстовых и визуальных приемов, используемых на RT, позволяет нам более подробно рассмотреть технологию интерпретации картины мира пользователями альтернативных медиа, которые отличаются крайней избирательностью по отношению к тем, кто предпочитает информацию международных мейнстримовских медиа. Впоследствии автором будет проведен сравнительный анализ двух альтернативных медиа – RT и Al Jazeera International.

Список литературы:

1. Дмитриев О.А. Интерпретация реальности в отражении альтернативных медиа. – М.: Академия Медиаиндустрии, 2019, - 189с.
2. Дмитриев О.А. Инструментарий альтернативных медиа в привлечении аудитории в условиях мультимедийности // МедиаАльманах. 2019. № 1. С. 40–47. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2019.4047
3. Дмитриев О. А. Альтернативные медиа как инструмент изменения принципов традиционной журналистики / О. А. Дмитриев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2017. — Т. 23, № 3 (165). — С. 72-81.

¹⁹ Дмитриев О.А. Инструментарий альтернативных медиа в привлечении аудитории в условиях мультимедийности // МедиаАльманах. 2019. № 1. С. 40–47. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2019.4047

Сведения об авторе

Дмитриев Олег Аркадьевич; кандидат филологических наук, советник МИА «Россия Сегодня», профессор департамента медиа НИУ ВШЭ, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20; dmitrievoa@gmail.com; +79166138094.

Dmitriev Oleg Arkadyevich; Candidate of Philology, Advisor, “Rossiya segonya” International News Agency, Professor, Media Department, HSE University, 20, Myasnitskaya Str., 10100, Moscow, Russian Federation; dmitrievoa@gmail.com; +79166138094.

УДК 811

ВОКРУГ ВОПРОСОВ О ВЫДЕЛЕНИИ КОНЦЕПТА

Коростенски, Й.

Западночешский университет

г. Пльзень, Чешская Республика

Аннотация: В статье представлены некоторые вспомогательные методы при выделении концепта в сопоставительном плане двух языков — чешского и русского. Оказывается, что одно концептуальное понятие может формировать несколько профилей значения.

Ключевые слова: Вспомогательные методы, выделение концепта, чешский и русский, понятие, профиль значения.

Abstract: The article presents some auxiliary methods in establishing the concept in a confrontational plan of two languages - Czech and Russian. It turns out that one concept concept can form several profiles of meaning.

Key words: Auxiliary methods, concept determination, Czech and Russian, concept, profile of meaning.

В указанной статье предпринята попытка, основываясь на результатах практических исследований [2], путем *анализа сочетаемости* имен существительных, обозначающих предметные объекты с параметрическими прилагательными, дать вспомогательную характеристику при определении понятийно-семантической структуры *прототипического ядра* категории ‚емкости‘ в рамках *концепта* ‚контейнера-емкости‘. На *линии пересечения* первого ассоциативного теста с результатами анализа сочетаемости создалась группа из 12 русских существительных (*блюдо, бокал, ваза, горшок, стакан, сковорода, овраг, ущелье, яма, впадина, шахта, источник*), которую можно с типовой точки зрения обозначить гипотетическим ядром и на основе которого при определенных условиях в русском языке складывается понятийное оформление концепта ‚контейнера-емкости‘.

Затрагиваем только вопрос *типového определения* прототипических членов указанной группировки слов, так как возможность «замены» членами с типовой точки зрения синонимичными членами довольно частая. Нам кажется, что указанная группа существительных с указанной точки зрения лучше всего соответствует понятию ‚прототипическая емкость‘ и функционирует в качестве «трамплина» для создания концепта ‚контейнера-емкости‘. Причем формообразующие характеристики – ‚стены‘, ‚дно‘, ‚входное отверстие‘ и т.д. – являются отправной точкой, а *функциональная способность ‚коммуникации‘* с окружением создает предпосылки для построения понятийной структуры концепта ‚контейнера-емкости‘.

Антропоцентризм и вопросы концептуализации ‚контейнера-емкости‘. Спектр проявлений антропоцентризма в языковой рефлексии необычайно широк, поэтому мы для русско-чешского сопоставления выбрали только один частный сегмент. Анализируемый нами материал касается сферы человеческой перцепции в её лингвокогнитивном осмыслении. На начальном

этапе процесса восприятия окружающего мира человеком очень важен механизм перцепции восприятий. Следует предполагать, что указанная область не только получит в языковых рефлексиях свое место, а будет даже богато представлена, что может в межъязыковом сравнении иллюстрироваться обилием интересного материала для сопоставления языковой картины мира обоих языков. Данная точка зрения подтверждается и многочисленными статьями, направленными на указанную сферу восприятия [1, 3].

На основе сопоставляемого языкового материала можно подтвердить, что приоритетное положение в процессах перцепции закреплено а нашей культуре несомненно за *визуальной перцепцией*. Тем не менее дело не касается столь изолированных друг от друга «входов». В ряде случаев происходит взаимопроникновение с перцепцией *слуховой, тактильной, вкусовой и обонятельной*. В области источников восприятия составляет сфера визуальной перцепции существенную часть не только с точки зрения самого выражения, а в языковой рефлексии создает самые разнообразные фразеологизированные словосочетания. Значение органа зрения в *русской* языковой картине мира помимо другого подчеркивается языковой рефлексией его *составных частей* (*краешком глаза, глаз, зеница ока, око*) и, как уже было сказано выше, также многочисленными фразеологическими оборотами: *беречь как зеницу ока, ради чьих-л. прекрасных глаз* и т.д.

Хотя в пространстве человеческого восприятия можно найти относительно широкую палитру источников, целевые значения уже менее разнообразны. Источниками концептуализации могут стать не только собственные органы восприятия – глаза, уши, нос и т.п. – а также наименование самых процессов восприятия и многие другие характеристики, причем в итоге многие сводятся к одному общему значению. Например, многие фраземы со словами *глаза, уши, смотреть, глухой* и др. сводятся к одному значению. Этих значений намного меньше, чем источников, вступающих в концептуализацию, что можно, кроме другого, считать результатом воздействия *схем концептуализации*. Схемы концептуализации являются, по нашему мнению,

причиной сокращения числа понятийных «единиц», вступающих в концептуализацию. Мы считаем, что процесс самого «изменения» на пути от ,источника‘ к ,выходу‘ происходит в *трех основных узлах*. Главной является область *источника* и *цели*, хотя вся динамика процесса перемен развивается на фоне *определенной схемы концептуализации*. Схема концептуализации ,*контейнера-емкости*‘ часто передает активные процессы сферы ,значения‘ ,эмоций‘ ,качества‘ ,отношений‘ и т.д.

Заключение

Языковые рефлексии находятся на самом конце *мыслительной цепи* человеческого процесса познания, и его многообразие отражает широкий спектр и одновременно диалектическую *противоречивость* языковой картины мира. Являясь одним из самых значительных факторов, влияющих на процессы познания, антропоцентризм по-разному отражен в языковой форме. На основе результатов анализа и исследования конкретного языкового материала можно утверждать, что в наиболее яркой форме проявляется в сфере сочетаемости слов. Для нашего сопоставления мы выбрали анализ сочетаемости параметрических прилагательных с существительными в атрибутивной позиции на фоне корпуса существительных (123 единицы) из нашего предыдущего, дополнительно проведённого, исследования прототипического ядра категории ,емкости‘ как базы концепта ,контейнера-емкости‘.

Из представленного материала явствует, что ограничение сочетаемости параметрических прилагательных необходимо рассматривать с учетом таких антропогенных факторов, как ,*функциональный аспект*‘ (*толстые трубы vs широкие трубы*), ,*каноническая ориентация объекта*‘ и ,*положение наблюдателя*‘ (*высокие колонны vs глубокие морщины, впереди, сзади*), ,*структура материала предметных объектов*‘ (*мешок vs коробка*), ,*неизмеримость*‘ (*тайга x бактерия*), ,*непрерывность ряда*‘ (*нож, тесак, меч*), ,*наблюдаемость*‘ (*он воевал как Наполеон, он смотрел/глядел Наполеоном*), ,*отделимость*‘ vs ,*неотделимость*‘ (*кромка доски vs ключ от*

замка) и *нормативные влияния* каждого объекта или *группы* объектов, что только самые основные влияния и обстоятельства.

В отношении вопросов концептуализации надо отметить, что параметрические прилагательные влияют на формирование прототипического ядра *категории* объектов, именно по отношению к прилагательному *глубокий*. В рамках схемы концептуализации *контейнер-емкость* данное понятие развивает несколько «профилей» значения, которые обуславливаются *глубиной* погружения в содержимое *емкости*, в которой объекты находятся: *глубокая переработка сырья, глубокие знания*. Дело в том, что одна концептуальная схема в состоянии развивать разные значения – образы, даже на основе одного и того же результата → «нахождение на глубине в ёмкости».

Литература:

1. Алефиренко, Н. Ф. *Язык, познание и культура. Когнитивно-семиологическая синергетика слова*. Федер. агентство по образованию, Белгор. гос. ун-т. - Волгоград : Перемена, 2006. 227 с.

2. Korostenski, J. *Jazykové reflexe některých aspektů konceptu 'kontejneru-nádoby' v ruštině /s přihlédnutím k češtině/*. České Budějovice: Vysoká škola evropských a regionálních studií, 2011. 251 s.

3. Vaňková, I. *Nádoba plná řečí (člověk, řeč a přirozený svět)*. Praha: Karolinum, 2007. 312 s.

Сведения об авторе

Jirzhi Korostenski, associate professor, Ph.D., University of West Bohemia in Pilsen Faculty of Arts, Department of German and Slavic Studies, head of the department of Slavic studies, e-mail: jkoroste@kgs.zcu.cz

КОТЫ НАТАШИ – КВИНТЭССЕНЦИЯ ИНТЕРНЕТ-МЕМА

Тарса Я.

Опольский университет

г. Опале, Польша

Аннотация: Настоящая статья посвящена одному из новейших мемов, который сочетает в себе все черты интернет-мемов. Он полимодальный, его графическая и вербальная части легко поддаются модификациям, что позволяет интернет-пользователям комментировать действительность, а в роли его главного героя выступают кошки – самые популярные животные в виртуальном мире.

Ключевые слова: интернет-мем, коты Наташи, полимодальность, юмор

Abstract: This article is dedicated to one of the newest memes that combines all the features of Internet memes. It is polymodal, its graphic and verbal parts are easily modifiable, which Allowi Internet sers to comment reality, and its main charakter is cats – the most popular Animals in the virtual world.

Key words: Internet meme, Natasha's cats, polymodality, humor

Интернет-мем – это «единица информации, объект, который получил популярность – как правило, спонтанно – в среде, обслуживаемой информационными технологиями» [6, с. 162]. К основным характеристикам интернет-мемов можно отнести: вирусность, реплицируемость, эмоциональность, серийность, мимикрию, минимализм формы, полимодальность, актуальность, юмористическую направленность, медийность, фантазийный характер [4, с. 79]. Интернет-мемом может стать картина (Джоконда), скульптура (ждун), кадр из фильма (Траволта в замешательстве),

фотография (девочка-катастрофа), слова песни (на лабутенах), животное (сердитый кот) и т.д. Трудно определить, почему именно этот, а не другой объект стал интернет-мемом и реплицируется в Сети. Наверное самые большие шансы стать мемом имеют те слова, графики, фотографии и т.д., которые возбуждают большие положительные или отрицательные эмоции, вызывают улыбку и смех, удивляют своей абсурдностью.

«Интернет – совсем как древний Египет. Люди пишут на стенах и поклоняются кошкам» можно прочитать на сайте «Кошачьи истории» [1]. И в этом есть доля правды. Каждый интернет-пользователь не раз видел в Сети забавные фотографии или короткие фильмики с этими животными. В 2019 году посетители Музея движущегося изображения в Нью-Йорке могли посмотреть выставку «Как кошки захватили интернет». На ней была показана популярность котиков во всемирной паутине, начиная с 1995 года, когда появился «мяуспик», гифы с кошками, эволюцию мемов с котами, а также фото и видео кошачьих интернет-селебрити [3].

Одним из видов интернет-мемов с котами являются лолкоты – фотографии котов со смешными надписями. Часто подписи на картинках содержат осознанно и специально сделанные грубые грамматические и орфографические ошибки. Первые лолкоты появились около 2005 года, но широкой популярности они добились в начале 2007 года, когда сайт icanhascheezburger.com начал регулярно публиковать подобные картинки. Мем, которому посвящена настоящая статья относится именно к лолкотам.

16 декабря 2019 года в сообществе «Котизм» появился комикс «Каждое. Мать его. Утро», состоящий из шести фотографий, представляющих женщину в постели и двух сидящих рядом и смотрящих на нее котов. На фотографиях были написаны слова, «произносимые» котами: *Наташ, ты спишь?; уже 5 часов утра, Наташ; вставай, мы там всё уронили; мы уронили вообще всё, Наташ, честно; хватит притворяться, мы видим как ты напрягла брови; кто рано встаёт, тот кушоц даёт Наташ ну* [2] (Во всех примерах в статье сохранены орфография и пунктуация авторов картинок). Наташа это

абстрактный персонаж – в комиксах «Котизма» часто используются человеческие имена. Мем с Наташей и котами стал очень популярным весной 2020 года. Он получил несколько другую графическую форму – это картинка, представляющая котов, которые смотрят сверху в камеру и будят свою хозяйку, сообщая новости и требуя от нее выполнения разных просьб.

Источник: <https://twizz.ru/natash-vstavaj-my-vsyo-uronili-otkuda-311229/>

В связи со сложившейся весной ситуацией многие из картинок посвящены самоизоляции. Коты в масках говорят: *Наташ, ты спишь?*; *Уже 6 часов утра, Наташ.*; *Вставай, мы там всех изолировали.*; *Мы изолировали вообще всех, Наташ, честно* или на другой картинке: *Наташа, он сказал на месяц; На месяц, Наташа; До 1 мая; 4 недели...; Что жрать будем, Наташа?; Гречки уже мало...; И как же Пасха, шашлыки?* В мае кошки сообщают Наташе, что уже можно выходить из дома, только это май 2021 года: *наташ, вставай, уже май; май 2021; наташ, иди, уже можно; уже можно выходить, наташ, честно.*

В картинках с Наташей и котами появляется тоже новый весенний мем *печенег и половцы*, автором которого является В. Путин: *Наташ, ты спишь?; Нас там половцы терзали; И печенег терзали, Наташ; И коронавирусная зараза, Наташ, честно.* В других вариантах мема с котами Наташи упоминается мем – «Карл», возникший на основании сериала «Ходячие мертвецы»: *Карл, наше время ушло!; Знаешь, что они теперь говорят вместо «Карл»? Наташ!; Наташ, Карл!* Ю.В. Щурина считает интернет-мемы

разновидностью прецедентных феноменов, сохраняющих в себе «информацию о том тексте, информационном ресурсе, культурном феномене или историческом событии, которое послужило источником для появления мема. Следовательно, мем обладает культурной коннотацией, предоставляющей адресату возможность идентификации прецедентного феномена. Эффективность коммуникации в этом случае прямо зависит от умения пользователя осуществить экспликацию скрытых культурных коннотаций мема, восстановить те ассоциативные связи, которыми обеспечен комический эффект» [6, с. 163]. Только активный интернет-пользователь может заметить в картинках с мемом *коты Наташи* другие интернет-мемы. В свою очередь, только человек, который знаком со стихотворением Н. Некрасова «Дед Мазай и зайцы» (или одноименным мультфильмом) сможет понять смысл картинки с котами, сидящими в лодке и говорящими: *Дед, ты куда нас везешь?; Дед, мы не зайцы; Нам к Наташе надо, дед.*

Структура вербальной части мема *коты Наташи* позволяет легко комментировать (часто иронически) разные явления жизни. Итак, коты сообщают последние новости не только Наташе, но и другим персонажам, среди которых появляется В. Путин: *Володь, ты спишь?; Уже 6 часов утра, Володь; первый срок; второй срок; Вставай, мы там всё обнулили; 3-й и 4-й сроки; мы обнулили вообще всё, Володь, честно, а также гражданин России: Россиянин, спишь?; Мы там все приняли; конституцию; правки, самодержавие; Вставай, нужно сделать вид, что ты проголосовал; кокаин; Россиянин, мы там приняли вообще ВСЕ. Честно!* Оба эти примера относятся к поправкам к Конституции России, предложенным президентом В. Путиным и вынесенным на общероссийское голосование. Коты сообщают тоже о том, что повысился курс доллара и эвро, упали цены на нефть, дата окончания Второй мировой войны перенесена на 3 сентября.

Авторы новых вариантов мема меняют не только его вербальную, но и графическую часть. На одной из картинок, посвященной теме флешмоба, в котором на карантине люди повторяли известные картины, коты не смотрят

сверху в камеру, а сидят на кухонном столе и говорят *Наташ, ты спишь?*; *Наташ, вставай картину делать*; *Все делают и мы хотим!*; *Давай Гогена, Наташ!*; *С утра ты больше на Мунка похожа.*; *Мы на всё согласны, честно!*; *Только Карлу не говори!* На другой они бегут за улетающим самолетом со словами: *Наташ, ты куда?*; *а как же мы, Наташ?*: *Наташ, мы вернём на место все что уронили!*; *вообще все вернём, Наташ, честно; не будь как эта, прости нас Наташ ну.* В комиксе, посвященном дистанционной работе появляется только один кот, который смотрит прямо в камеру, но структура подписей не меняется: *чёта я смотрю не особо-то ты работаешь на удалёнке, Наташ*; *ютуб свой смотришь*; *может мне стоит доложить куда следует?*; *я сейчас имею ввиду твои тапки.*

Как видно из приведенных примеров, мем *коты Наташи* можно назвать образцовым мемом. Он полимодальный, характеризуется минимализмом формы, легко поддается модификации, что позволяет комментировать действительность, имеет игровой характер, его герои любимые животные Интернета – коты. Н.Б. Мечковская замечает, что в значительной части компьютерных жанров «преобладает шутливо-ироническое и / или игровое (по некоторым оценкам, даже „игроделическое”) отношение к самой сетевой коммуникации, к собеседнику, теме и языку Сети» (5, с. 168). В меме *коты Наташи* отчетливо проявляется карнавальный характер интернет-коммуникации, а также творческий потенциал интернет-пользователей.

Список литературы:

1. 15 доказательств того, что котики правят миром [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://cat-story.ru/15-dokazatelstv-togo-chto-kotiki-pravyat-mirom/>]
2. Каждое. Мать его. Утро [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: https://vk.com/wall-33621085_224129]

3. Как коты захватили Интернет [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://newochem.ru/obshhestvo/kak-koty-zaxvatili-internet/>]
4. Канашина С.В. Что такое интернет-мем? // Науч. ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 28 (277). Вып. 36. – С. 77-82.
5. Мечковская, Нина Б. 2006. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета. *Русский язык в научном освещении* № 2. –165-185.
6. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен коммуникации // Науч. диалог. 2012. Вып. №3: Филология. – С. 160-172.

Сведения об авторе

Тарса Ядвига, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Опольский университет, Польша, 45-040 Ополе, пл. Коперника 11, tarsa@poczta.onet.pl

Tarsa Jadwiga, candidate of philology, senior lecturer, University of Opole, pl. Kopernika 11, 45-040 Opole, tarsa@poczta.onet.pl

**СЕКЦИЯ №1: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ:
ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ**

УДК 81`26

**ЛЕКСИКА С СЕМАНТИКОЙ ЕДИНЕНИЯ В ТЕКСТЕ
КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Дубровская Т.В.

Пензенский государственный университет

г. Пенза, Россия

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина

г. Екатеринбург, Россия

Аннотация: Автор рассматривает текст Конституции РФ и ставит цель выделить наиболее востребованные лексические единицы с семантикой единения, классифицировать их и определить их семантическую и функциональную специфику в юридическом дискурсе. По морфологическому принципу выделены три группы лексических единиц и их типичные сочетания с другими единицами. Показано, как создаются репрезентации единого пространства, общего для всех граждан, организаций, органов власти, субъектов РФ.

Ключевые слова: семантика единения, Конституция РФ, лексика, морфология, контекст, коллокация.

Abstract: The author studies the Constitution of the Russian Federation with the aim to define the frequent lexical units that have the semantics of unity. These units are classified into 3 groups based on their morphology; their semantic, collocational and functional specifics are discovered. The author shows how discursive representations are constructed of a common space that unites all Russian citizens, organizations, authorities, and other subjects.

Keywords: semantics of unity, Constitution of the Russian Federation, lexis, morphology, context, collocation.

В данной статье мы предлагаем некоторые результаты научного исследования, посвященного изучению лексических и фразеологических единиц русского языка, репрезентирующих семантику единения и вражды. (Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда Проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс». The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”.)

Общая задача исследования состоит в систематизации и комплексном представлении лексико-фразеологических средств выражения семантики единения и вражды как в языковой системе, так и в разных типах дискурса. Такая задача предполагает обращение к объемному и разнородному материалу, в котором содержатся единицы с обозначенной семантикой. Социальные процессы объединения и разъединения, отраженные в языке, регулируются посредством законодательных текстов и, прежде всего, Конституции как основного закона РФ, который «имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории страны» [6]. В настоящей статье мы рассматриваем текст Конституции Российской Федерации в последней её версии с принятыми в 2020 году поправками [3] и ставим цель выделить наиболее востребованные лексические единицы с семантикой единения, классифицировать их и определить семантическую и функциональную специфику контекстуального употребления.

Тему дискурсивного конструирования единства в юридическом и политико-правовом дискурсе мы исследовали ранее, однако делали это с применением совершенно иной методологии – через категорию топоса [2; 4]. В настоящем исследовании мы по-прежнему остаемся на позициях конструкционизма, характеризуем юридический дискурс как потенциально

конструирующий социальную действительность [1], но интегрируем в интерпретативный дискурс-анализ более точный лингвистический инструментарий: изучение морфемной структуры лексических единиц, их лексических значений и сочетаний. Для выявления единиц, их подсчета и получения синтагматической информации (данных о типичных коллокациях лексических единиц) мы использовали программное обеспечение для автоматической обработки текста MonoConc Pro 2.2.

В тексте Конституции обнаруживается значительное количество единиц с семантикой единения (некоторые количественные показатели будут приведены далее), которые с точки зрения морфологии и соответствующей семантики можно объединить в несколько групп. В рамках данной публикации мы обсудим:

- лексем с корневой морфемой –един–;
- лексем с корневой морфемой –цел–;
- сложные лексем с морфемой обще–.

1. Группа лексем с корневой морфемой –един– содержит 31 словоформу пяти единиц: *единый, единство, объединение, объединенный, соединенный*. При этом 16 употреблений приходится на лексему *объединение*, которая в разных контекстах может иметь абстрактное и конкретное значения: процесс создания группы, целого из частей или результат этого процесса, материально существующий субъект, группу. (Поисковое окно с коллокациями с лексемой *объединение* представлено на Рис.1.) Абстрактное значение объединения актуализируется в том числе через частотный левый коллокат *в результате*, требующий после себя употребления лексической единиц со значением процесса (н-р, *в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа; в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа*). Языковыми показателями конкретного значения, т.е. материально существующего объединения как группы субъектов, выступают соответствующие коллокаты-определения, из которых ясно основание для объединения: *общественные объединения, религиозные объединения, межгосударственные объединения*.

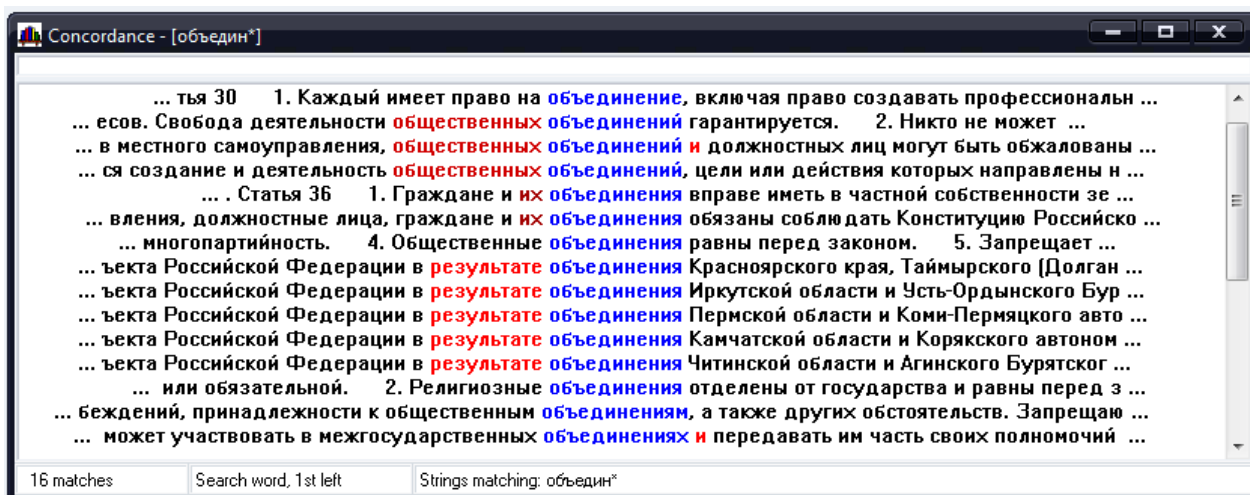

Рис. 1. Коллокации с лексемой ‘объединение’.

Статья 30 Конституции содержит лексему *объединение* как в её абстрактном, отвлеченном значении (*право на объединение*), так и в значении группы людей (*общественных объединений*):

Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется. (Конституция РФ, Ст. 30)

Словоформы прилагательного *единый* встречаются в тексте Конституции 9 раз, а их сочетания с существительными использованы для обозначения разных социальных сфер: *единый рынок; единая социально ориентированная государственная политика; единая финансовая, кредитная и денежная политика; единая система публичной власти* и др.

В Конституции дважды (в преамбуле и в статье 67.1) эксплицитно упоминается государственное единство: *одинаковая формулировка исторически сложившееся государственное единство* конструирует государственное единство как исторический факт, не подверженный изменениям. Таким образом, создается репрезентация единого пространства, общего для всех граждан, организаций, органов власти, субъектов РФ. При этом единство конструируется как категория, характеризующая не только нынешнее состояние государства, но и как категория историческая. Иными словами, единство дискурсивно конструируется на как уровне социальных сфер

и субъектов, так и с точки зрения темпоральности (единства и преемственности во времени). Законодательный документ, будучи направленным на конструирование некой желательной ситуации в будущем, касается и потомков. Актуализация такого межпоколенческого единства актуализируется в преамбуле: *исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями* (Конституция РФ, преамбула). Для сравнения отметим, что Конституция США также выстраивает межпоколенческую связь с потомками: «Американский закон конструирует единение не только между современниками, но и проводит нить преемственности между поколениями американцев (*secure the Blessings of Liberty to ourselves and our Posterity*). Актором принимаемой Конституции становится страна в целом, включая будущих граждан» [2, с. 138].

2. **Единицы с корневой морфемой –цел–** включают словоформы существительного ‘целостность’ и наречное выражение ‘в целом’ (Рис. 2).

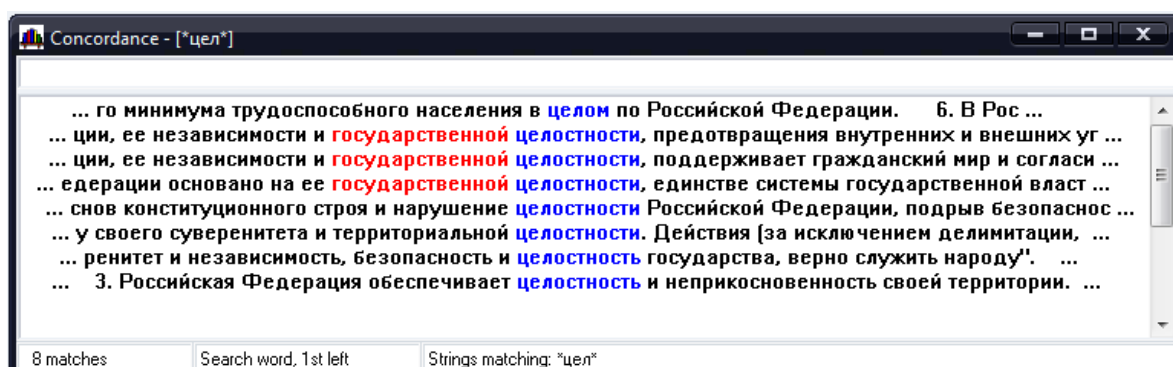

Рис. 2. Единицы с корневой морфемой –цел–.

Сочетание *государственная целостность* (3 употребления) и синонимичные ему *целостность государства* и *целостность Российской Федерации* подкрепляют приоритет государственного единства во всех его проявлениях. Приведем пример, в котором лексические единицы *целостность* и *единство* употреблены в одном контексте:

Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти,

разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации. (Конституция РФ, Ст. 5)

Кроме того, целостность выступает свойством, характеризующим территорию РФ, что получает выражение в следующих словосочетаниях: *суверенитет и территориальная целостность; целостность и неприкосновенность своей территории.*

3. На сложные лексемы с морфемой **обще-** приходится 10 словоупотреблений, и таких лексем всего 3: *общедоступность, общепризнанный, общероссийский* (Рис. 3).

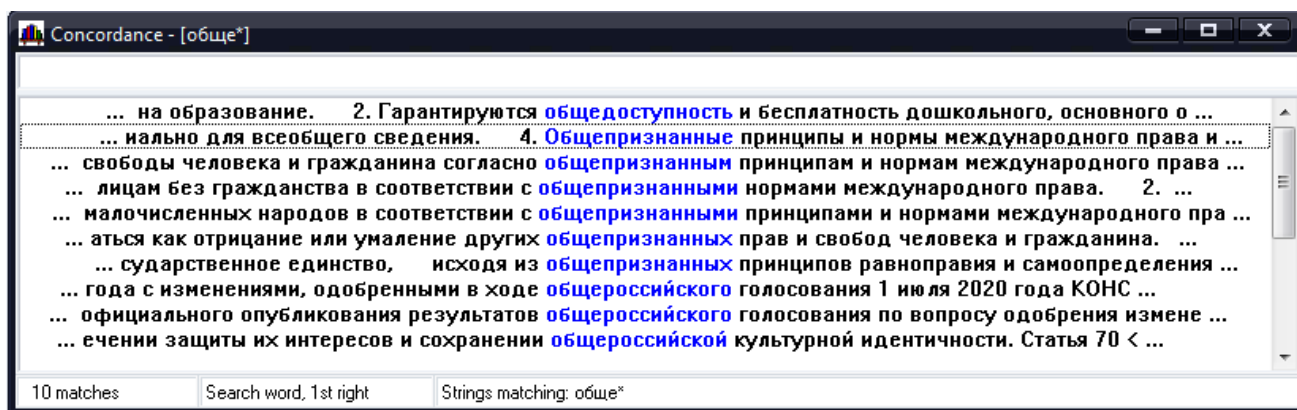

Рис. 3. Лексемы с морфемой **обще-**.

Морфема *обще-* предшествует опорному и конкретизирует его. В классической грамматике семантика компонента *обще-* объясняется следующим образом: «Основа *обще-* равнозначна основе слова *весь, все: общеизвестный* ‘известный всем’, *общеевропейский* ‘относящийся ко всей Европе’<...>» [5, с. 318]. Таким образом, в составе своего семантического значения лексемы с морфемой *обще-* имеют значение некоторого объединяющего признака у нескольких субъектов. С точки зрения прагматики такая ситуация предполагает неединичность субъектов. Обратимся к тексту документа и рассмотрим, какие это субъекты и что их объединяет. Изучение

контекстов показывает, что общепризнанными (т.е. признаваемые всеми) являются принципы и нормы международного права, права и свободы человека и гражданина, принципы равноправия и самоопределения. Видим, что все сочетания связаны с категориями правовой реальности и имеют абстрактные значения. Другой абстрактной категорией с семантикой единения выступает категория *общероссийской культурной идентичности*, которая представлена как объединяющий признак соотечественников, проживающих за рубежом. Очевидно, что Конституция не предполагает толкований сложных социологических категорий, поэтому читатель имеет возможность собственного её толкования. Определение *общероссийский* также используется как атрибут в сочетании *общероссийское голосование* – это сочетание встречается трижды в комментирующих фрагментах Конституции, описывающих порядок принятия её изменений: *Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.*

Самым конкретным значением обладает существительное *общедоступность*, используемое в Статье 43:

Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях. (Конституция РФ, Ст. 43)

Видим, что субъектом единения выступает всё общество, тогда как основанием единства становится общее право – право на доступное и бесплатное образование.

Выводы. Частотность и востребованность единиц с семантикой единения в Конституции РФ свидетельствуют о том, что единство конструируется как национальный приоритет. В Конституции создается репрезентация единого пространства, общего для всех акторов внутри России. Можно говорить о существовании по меньшей мере трех групп лексических единиц, выделенных на основе общности корневых морфем и имеющих семантику единения.

Коллокаты этих единиц определяют их контекстуальный смысл – конкретный или абстрактный, характерный для юридического дискурса. В целом единение конструируется как свойство всех сфер общества, территории, а также как межпоколенческая преемственность. В связи с этим можно говорить о трёх измерениях единения – социальном, пространственном (территориальном) и темпоральном.

Список литературы:

1. Дубровская Т.В. Юридический дискурс как предмет социального конструкционизма (конструирование межнациональных отношений) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – №3. – С. 117-123.

2. Замотина Е.И., Дубровская Т.В. Межнациональные отношения в юридическом дискурсе: репрезентации и топосы (на примере Конституций России и США) // Политическая лингвистика. – 2016. – №5 (59). – С. 136-141.

3. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/]

4. Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации. Коллективная монография/ под ред. Т.В. Дубровской. – М.: Флинта, Наука, 2017. – 248 с.

5. Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – Москва: Наука, 1980. – 789 с.

6. Сайт Президента России. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution>]

Сведения об авторе

Дубровская Татьяна Викторовна; доктор филологических наук, заведующий кафедрой «Английский язык», Пензенский государственный университет; ведущий научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 440061,

Российская Федерация, Пенза, ул. Красная, д. 40; gynergy74@gmail.com; +79603262593.

Dubrovskaya Tatiana Viktorovna; Doctor of Philology, Head of the English language department, Penza State University; leading researcher, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Krasnaya str., 40, Penza, 440061, Russian Federation; gynergy74@gmail.com; +79603262593.

УДК 811.161

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЫДЕННО-ЯЗЫКОВОЙ И НАУЧНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИН МИРА В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Савицкая Е.В.

Самарский государственный социально-педагогический университет

г. Самара, Россия

Аннотация. Статья содержит критический анализ ряда определений картины мира, авторское толкование обыденно-языковой и научно-языковой картин мира, описание их взаимодействия в сознании человека. Делается вывод: выбор картины мира, которая используется в общении, определяется типом дискурса; она сменяется в зависимости от когнитивных, прагматических и коммуникативных потребностей коммуникантов. Картина мира ныне осознаётся **не** как незыблемая и вполне достоверная объективная данность, а как сменный инструмент мировосприятия, мышления и общения. Исследование проведено на английском языковом материале с русским переводом.

Ключевые слова: обыденно-языковая / научно-языковая картина мира, модель мира, значение / внутренняя форма единицы языка, терминосистема

Abstract. *The article contains a critical analysis of some definitions of picture of the world, the author's interpretation of the phenomenon, characterization of various types of picture of the world, comparison of common-language and science-language pictures of the world, a description of interaction of the two pictures. The conclusion*

is drawn: choice of worldview is determined by the type of discourse. Picture of the world varies depending on communicators' cognitive, pragmatic and communicative needs. Nowadays any picture of the world is perceived not as an unshakable and absolutely undoubtable objective reality, but as a replaceable tool for perceiving the world, as well as for thinking and communication. The research is based on the English language material with Russian translation.

Keywords: *common-language/ science-language picture of the world, meaning / inner model of the world, inner form of a language unit, system of terms*

Понятие “картина мира” возникло в теоретической физике на рубеже XIX – XX веков в связи с разрушением ряда традиционных естественнонаучных представлений о структуре мироздания. Необходимость их смены привела ученых к осознанию того, что они имеют дело не с объективной данностью, а с ими же созданной моделью, через призму которой познающее сознание смотрит на мир. Оказалось, что мир можно видеть по-разному, рассматривая его под разными углами зрения и стоя на разных методологических платформах. Моделей (образов, картин) мира может быть множество; каждая из них представляет собой когнитивный «срез» реальности, содержит свою часть истины, и лишь суперпозиция (взаимное наложение) этих срезов может дать объемное представление о мире, соответствующее данному этапу познания.

По Г. Герцу, термин *картина мира* обозначает «совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения о поведении этих предметов» [3, с. 208]. Это толкование содержит мысль о том, что изучение ментального образа объекта анализа должно давать информацию об этом объекте. Как указал В.А. Штофф [5], это самый главный признак модели. Под картиной мира Г. Герц фактически понимал его модель.

В основе картины мира лежит совокупность чувственных образов, которые поступают в сознание по каналам восприятия. Однако Homo sapiens отличается от животных предков тем, что он «дорисовывает» свои сенсорные впечатления с помощью разума, выявляя существенные связи между сенсорными образами,

придавая им человеческий смысл, категоризируя мир, вычленяя из явлений их сущность. По Эйнштейну, «человек стремится каким-то адекватным способом создать себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, в известной мере попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной ... На эту картину ... человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, для того чтобы в ней обрести покой и уверенность» [6, с. 40].

На наш взгляд, нынешнее понимание картины мира удачно выражено в философском толковании, которое предложил В.В. Волков: это «сложившаяся на конкретном этапе развития человечества совокупность представлений о структуре действительности, способах ее функционирования и развития ..., интегрирующая знания и опыт, накопленные человечеством» [2, с. 64].

Виды картин мира постулируются учеными по ряду оснований. В этой области нет единства мнений. Больше всего расхождений имеется во взглядах на то, что такое **языковая** картина мира. Е.С. Кубрякова определила ее как «ту часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и преломлена через языковые формы» [4, с. 3]. Однако трудно представить себе такую часть концептуального мира, которая **не** была бы связана со словесным языком. Не вполне ясно, что такое «привязка к языку» и «преломление через языковые формы». Возможно, имеется в виду моделирование внеязыковых объектов во **внутренней форме** слов – к примеру, презентация ананаса как «соснового яблока» во внутренней форме английского слова pineapple.

Этой точки зрения придерживался и Г.А. Брутян: «В ходе моделирования объективной реальности в сознании номинатора присутствуют две ее картины – концептуальная (логическая) и словесная (языковая)» [1, с. 235]. Но учитывая, что логическая картина мира заключена в значениях слов, придется считать, что языковая картина мира содержится только во внутренней форме языка, а не в системе значений его единиц. Например, у английского кибернетического термина black box значение “объект, чье внутреннее устройство недоступно прямому наблюдению” придется отнести к логической картине, а внутреннюю форму “ящик черного цвета” – к языковой. Если учесть богатую метафорику

внутренней формы языка, нарушающую все логические порядки и идущую вразрез с рациональной категоризацией реальности, то получится, что языковая картина мира носит в большой мере фантастический, даже фантазмагорический характер, а потому она не адекватна реальности и не может служить целям ориентации в ней. Такой вывод противоречил бы наблюдаемым фактам. На наш взгляд, языковая картина мира заключена не только во внутренней форме языка, но и **в значениях** его единиц, прежде всего в тех значениях, которые содержат в себе не научные, а житейские («обыденные») понятия.

Во многих когнитивистских трудах языковая картина мира постулируется в ее оппозиции к когнитивной (научной) картине мира. Но **все** картины мира можно назвать, во-первых, когнитивными (ведь все они являются результатом когниции и аккумулируют в себе знания о мире), а во-вторых, языковыми (ведь все они существуют в языковой форме). Научная картина мира выражена в терминосистемах, а наивная – в обыденном языке.

Если проводить противопоставление по единственному логическому основанию, **научную картину мира**, выстроенную из логических понятий и выражаемую терминологическим языком, надо противопоставить **наивной картине мира**, созданной из обыденных понятий и выражаемой обыденным языком. И та, и другая являются языковыми. **Научно-языковой картиной мира**, по нашему мнению, следует называть ту часть научной картины мира, которая закреплена в научном языке (в значениях терминов и в их внутренней форме). Например, *англ. mumps* (*рус.* свинка) имеет (1) значение “заболевание, проявляющееся в распухании лица около ушей”; (2) внутреннюю форму “тримаса”.

Как в значении слова *mumps*, так и в его внутренней форме отражено житейское представление о **внешних проявлениях** этой болезни. В медицине она называется *parotitis* – “вирусное воспаление слюнных желёз” – и имеет внутреннюю форму *para-* *лат.* “около”, *-ot-* “ухо”, *-itis* “воспаление”. Термин, в отличие от житейского названия, отражает **внутреннюю сущность** болезни. Но оба эти представления зафиксированы в английском языке (соответственно,

обыденном и научном), и это имплицитно противопоставление не языковой и научной, а обыденно-языковой и научно-языковой картин мира.

На современном этапе развития цивилизации эти картины проявляют тенденцию к слиянию. Ныне каждый взрослый цивилизованный человек имеет по меньшей мере среднее образование, в содержании которого существенное внимание уделено формированию естественнонаучной картины мира.

В сознании людей сведения, полученные ими в учебных заведениях, переплетаются со сведениями, которые получены вместе с родным языком и житейскими фоновыми знаниями в онтогенезе речи. В результате переплетения у многих слов развивается соответствующий тип полисемии: одно из значений принадлежит обыденному языку, а другое научному. Например: *англ.* common salt (*рус.* поваренная соль) – (1) “белое сыпучее вещество, используемое как приправа и консервант”; (2) “химическое соединение NaCl, получаемое в ходе реакции соляной кислоты HCl с гидроксидом натрия NaOH”.

Перед нами житейское и научное представления о соли, совмещенные в семантической структуре ее названия. Они совмещены и в сознании взрослых образованных носителей английского языка – настолько, что в ряде словарей они не разделены на два значения, а объединены в одно: “кристаллическое соединение, хлорид натрия, распространенное в природе и используемое как приправа и для консервации пищевых продуктов”.

В наши дни сознание среднего цивилизованного человека характеризуется когнитивным раздвоением. Так, в бытовой обстановке он воспринимает звёзды примерно так же, как и его далекие предки, а в научном контексте он думает о звёздах так, как ему объясняли в школе на уроках астрономии и физики. Как ни удивительно, эти столь разные представления уживаются в сознании субъекта. Он осознаёт условность своего бытового взгляда на вещи, однако в быту ему удобнее руководствоваться обыденным, а не научным взглядом на вещи. В его сознании наивная и научная картины мира не исключают, а дополняют друг друга, располагаясь, соответственно, на уровне явления и на уровне сущности.

Продвигаясь к истине, наука заменяет традиционные представления о мире всё более новыми, более адекватными представлениями. Порой прежние и новые представления **согласуются** друг с другом. Ср. старое название jaundice “желтуха” (от *франц.* jaune – “желтый”), данное по наблюдаемому симптому (пожелтению кожи и склеры) и новое название hepatitis (от *лат.* hepar / hepatitis – “печень”, -itis – “воспаление”). Познание прошло путь от явления к сущности. Обыденное и научное представления хорошо скоординированы.

Но иногда обыденное и научное представления об объекте **противоречат** друг другу. Например, научное представление о бабочках как о стадии жизни чешуекрылых **не** согласуется с мифическим представлением о них как о душах ведьм, отраженным во внутренней форме английского слова butterfly. Налицо расхождения между современными представлениями, которые содержатся в **значениях** языковых единиц, и старинными представлениями, закрепленными в их **внутренней форме**. Такие расхождения отражают эволюцию взглядов на мир. Но они обычно **не** препятствуют адекватному пониманию реальности. Становясь внутренней формой единиц языка, они в дальнейшем ощущаются как условность, хотя в старину они, вероятно, понимались буквально.

Развитие высоких технологий ведет к росту наукоёмкости производства и влечет за собой повышение образованности населения в массовом масштабе. Росту эрудированности способствуют и СМИ, которые во многом формируют у населения современную картину мира. В наше время люди всё меньше мыслят в наивных категориях житейского опыта, замешанных на мифологии, и даже в быту всё больше начинают мыслить в научных и технических категориях; в их картине мира растет удельный вес научного мировоззрения. В наши дни даже в беседах домохозяек, занятых домашними хлопотами, слышатся рассуждения об «арктических массах воздуха, формирующих устойчивый антициклон» (данные, почерпнутые из метеопрогноза), о «коагуляции белка при жарке, влекущей за собой термическое разрушение витаминов и синтез канцерогенных веществ» (сведения из телепередачи о здоровом питании) и т.п. И всё это выносится на обсуждение в бытовой обстановке, в ходе решения рутинных задач – сушки

белья, готовки обеда и др. Обыденная картина мира, эволюционируя, стремится поспевать за быстрыми темпами развития цивилизации.

И всё же в сознании носителей языка и культуры старая «наивная» картина мира, формировавшаяся тысячелетиями, сохраняет свои позиции и по-прежнему **с**осуществует с научной. В бытовой обстановке людям пока еще удобнее мыслить и отражать мир не в научных, а в традиционных категориях. Так, солнце (the sun со строчной буквы) воспринимается и осмысливается ныне так же, как в прежние времена – как непосредственная очевидность: это небольшой желтый диск, который светит, греет и описывает на небосклоне дугу, двигаясь с востока на запад. Это **не** то же, что Солнце (the Sun с заглавной буквы), звезда спектрального класса G2V, расположенная в галактике Млечный путь между спиральными рукавами Стрельца и Персея.

Ныне люди осознают характер связи между обыденными и научными представлениями о нашем светиле, но не могут полностью перейти на научные представления и научный способ их языкового выражения. Так, обычную фразу “The sun is rising” (солнышко встает) невозможно в бытовом дискурсе заменить научной формулировкой “Our geolocation point is entering the solar radiation area” (наша геолокационная точка вступает в зону солярной радиации). Она уместна лишь в астрономическом дискурсе.

Как видим, выбор картины мира, используемой в общении, определяется типом дискурса. Оказалось, что картину мира можно менять в зависимости от когнитивных, прагматических и коммуникативных потребностей людей. Она стала осознаваться **не** как незыблемая и абсолютно достоверная данность, а как сменный инструмент мировосприятия, мышления и общения.

Список литературы:

1. Брутян Г.А. Очерки по анализу философского знания. – Ереван: Айастан, 1972. – 288 с.
2. Волков В.В. Философия. Основные понятия и проблемы. – М.: Ленанд, 2015. – 136 с.

3. Герц Г. Принципы механики, изложенные в новой связи // Жизнь науки. Антология вступлений к классике естествознания / сост. С.П. Капица. – М.: Наука, 1973. – С. 206-210.

4. Кубрякова Е.С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека// Вестник Чувашского государственного педагогического ун-та. – 2003. – № 4 (38). – С. 2-12.

5. Штофф, В.А. Моделирование и философия [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа [URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_nauki_tekhniki/shtoff_v_a_modelirovanie_i_filosofija/30-1-0-2949].

6. Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // А. Эйнштейн. Как изменить

мир к лучшему: Сборник публицистики. – М.: Алгоритм, 2013. – С. 40-43.

Сведения об авторе

Савицкая Екатерина Владимировна; кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, 65/67; lampasha90@mail.ru; +7-903-309-08-67.

Savitskaya Ekaterina Vladimirovna; Candidate of Philology, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 Maxim Gorki Street, Samara, 443090, Russian Federation; lampasha90@mail.ru; +7-903-309-08-67.

УДК 811.161.1

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ ОЧЕВИДНО)

Сахарова А.В.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация: Лексема *очевидно* встречается в научных текстах в трех грамматических позициях: в присловной, рамочной и вводно-модальной. В каждой из них, кроме основного лексического значения и логического значения, модифицирующего модальность пропозиции, лексема *очевидно* может выполнять ряд прагматических функций. Так, в присловной и рамочной позициях слово *очевидно* может быть использовано не просто как выражение модального значения категорической достоверности, а как способ сформировать квазиэпистемическую пропозициональную установку, имеющую значительный полемический и манипулятивный потенциал. В позиции же модального слова лексема может служить для «смягчения» утверждения и уклонения говорящего от эпистемической ответственности за содержание высказывания.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, научный дискурс, прагматика

Abstract: The lexeme *ochevidno* (obviously) occurs in scientific texts in different grammatical positions. In addition to the basic lexical meaning and the logical meaning modifying the modality of the proposition, the lexeme can perform pragmatic functions. So, in some positions the word *ochevidno* (obviously) could be used to form a quasi-epistemic propositional attitude that has polemical and manipulative potential. In another position, the lexeme can serve to "soften" the statement and evade the speaker from epistemic responsibility for the utterance.

Keywords: epistemic modality, scientific discourse, pragmatics

Эпистемическая модальность – одна из ключевых грамматических категорий научного текста. Это связано со спецификой научной деятельности, подразумевающей смещение акцента с онтологического описания явлений к гносеологическому, которое предполагает рассмотрение мира не как он есть «на самом деле», а как мы его изучаем. Иными словами, эпистемическая характеристика высказывания становится более релевантной для читателя

научного текста, чем абсолютная истинностная оценка, что приводит к необходимости её маркировать.

Большая часть концепций эпистемической модальности в лингвистике основывается на принципах формальной логики. Это и не удивительно, ведь само понятие модальности (и эпистемической модальности) лингвистика заимствовала именно из логики. Согласно трактовке, основанной на логическом понимании, эпистемическая модальность определяется как выраженная говорящим степень достоверности сообщаемой им информации [6, с. 91]. Такая интерпретация модальности основана на установке, согласно которой пропозиция является обязательно достоверной, обязательно ложной либо возможно достоверной [5, с. 105].

Однако, помимо логической модификации высказывания, показатели модальности могут вносить в пропозицию дополнительные значения, не связанные напрямую с их логическим значением и выполняющие прагматические функции, выходящие за рамки логического понимания модальности: «часто предметное значение ЭММ уходит на задний план, и главной функцией ЭММ становится не передача логической модальности, а одна из прагматических функций» [11, с. 15–16]

В настоящей статье мы рассматриваем возможные прагматические функции лексических средств выражения эпистемической модальности в научном дискурсе на материале лексемы *очевидно* в различных синтаксических позициях. Выбор предмета исследования обусловлен, во-первых, высокой частотностью и прагматической нагруженностью указанной лексемы в научных текстах, а во-вторых, широким диапазоном модальных значений, которые может выражать лексема в различных контекстах.

Исследование проводилось на материале русскоязычных естественнонаучных статей по тематикам «Физика», «Химия», «Материаловедение», «Металлургия», написанных с 1999 по 2019 год, и представленных в открытом доступе в электронных научных библиотеках

eLibrary и Cyberleninka. База текстов включала более 1000 статей, содержащих контексты с различными маркерами эпистемической модальности.

Лексема *очевидно* не раз привлекала внимание исследователей. Свойства указанной лексемы были описаны лингвистами с точки зрения различных подходов и методологий: например, с диахронической точки зрения [4] и семантической точки зрения [2, с. 427; 1, с. 131–132].

В указанных работах показано, что лексема *очевидно* может встречаться в трех грамматических позициях: в присловной (предикат или определение), в рамочной (безличный предикатив) и в вводно-модальной позиции (модальное слово).

В присловной и рамочной позициях лексема *очевидный/очевидно* привносит в пропозицию модальное значение категорической достоверности.

Прагматическая функция лексемы заключается в усилении убедительности высказывания и формировании квазиэпистемической пропозициональной установки: «Лингвопрагматическая суть использования этих операторов в дискурсе состоит в том, что их буквальное, системно-языковое значение входит в явное противоречие с прагматическим содержанием и специфическим интенциями говорящего, который как раз менее всего озабочен «поисками истины», т. е. установлением соответствия содержания своего высказывания реальному положению дел» [8, с. 46]. Высказывания, содержащие такие контексты могут рассматриваться как средство усиления убедительности высказывания и попытка нейтрализовать возможные возражения: «Начиная высказывание с *очевидно, что...*, *ясно, что...*, говорящий хочет этим нейтрализовать попытку собеседника оспорить суждение» [2, с. 427]. А в сочетании со апелляцией к научной точке зрения об устройстве мира, высказывание и вовсе не терпит возражений.

Так, например, в следующих контекстах: «Термодинамический формализм открывает новые возможности в создании оптимальных алгоритмов для моделирования сложных динамических систем и конструирования эффективных нейронных сетей, что может иметь **очевидное** (*здесь и далее*

*выделение мое – А.С.) приложение в энергетике» [12, с. 1] и «Я думаю, через несколько лет в мире, по-видимому, будет несколько центров хранения и переработки информации индивидуальных геномов человека. Очевидно, что такие центры появятся в Калифорнии, Новой Англии, Нью-Дели, в Китае, Мюнхене, Париже, Лондоне» [10, с. 244–245]. В обоих случаях речь о вероятном развитии событий в будущем, поданном как нечто неизбежное и свершившееся. Причем в первом примере модальность категорической достоверности, выраженная лексемой *очевидно*, противоречит значению эпистемической возможности, выраженному модальным глаголом *может*. А во втором примере модальность первой пропозиции (проблематическая) входит в противоречие с модальностью второй, в которой *очевидно* в рамочной позиции имеет значение категорической достоверности.*

В вводно-модальной синтаксической позиции лексема *очевидно* привносит в пропозицию модальное значение проблематической достоверности. *Очевидно* помогает избежать прямого утверждения, «смягчить» его, сделать менее категоричным. В зарубежной лингвистической традиции подобные языковые средства принято называть словами-«загородками» (англ. hedge). Дж. Лакофф понимал под этим термином речевую актуализацию слов и выражений, функция которых состоит в создании некой смысловой размытости, нечеткости – типа в общем, приблизительно и пр. [цит. по 9, с. 271].

Функцию загородки лексема *очевидно* выполняет, например, в следующих контекстах: «Величины моментов блоков и плит в такой (блоковой вращающейся) среде, **очевидно**, не должны зависеть от их размеров² [3, 132] и «Чем больше значение параметра θ , тем, **очевидно**, сильнее проявляют себя силы притяжения. Обратное утверждение также верно» [7, 50].

В первом примере *очевидно* используется для смягчения долженствования, а во втором – импликации о верности пропозиции (см. «обратное утверждение **также** верно»).

Как мы видим, от грамматической позиции лексемы *очевидно* зависят не только ее семантические характеристики и передаваемое ей логическое модальное значение, но и её прагматические функции.

В присловной и рамочной позициях в качестве одной из возможных функций лексемы *очевидно* можно выделить полемическую. Лексема может быть использована как средство усиления убедительности высказывания и попытка нейтрализовать возможные возражения. Лексема также обладает значительным манипулятивным потенциалом и может использоваться для создания квазиэпистемической пропозициональной установки.

В вводно-модальной позиции лексема *очевидно* может выполнять функцию «загородки» и помогает избежать прямого утверждения и смягчить его.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа "Языки русской культуры", 1999.
3. Викулин А.В. Новый тип упругих ротационных волн в геосреде и вихревая геодинамика // Геодинамика и тектонофизика. 2010. №2. С. 119– 141.
4. Гатинская Н.В. Семантико-синтаксическая история слов *очив□сть*, *очевидно* // Русский□ язык в научном освещении. 2010. № 1(19). С. 169—209.
5. Межеричкая М.И. К вопросу о соотношении эпистемической□ модальности и категории эвиденциальности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. — Сер. 9. — 2009. — Вып. 4. — С. 105–108.
6. Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. М.: Изд. дом ЯСК, 2019. 440 с.

7. Петрик Г.Г. О физическом смысле и связи управляющих параметров моделей □ молекулярного и термодинамического уровней // Мониторинг. Наука и технологии. 2013. № 3 (16). Стр. 43–60.
8. Радбиль Т.Б. Национальные модели коммуникации в лингвистическом освещении: к постановке проблемы // Коммуникативные исследования. 2014. №1. С. 41–50.
9. Радбиль Т.Б. Метаязыковые показатели со значением истинности в речевых стратегиях de re // Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. С. 264–273.
10. Скрыбин К.Г. Фундаментальная и прикладная биотехнология – ответ на вызов XXI века // Вестник российской академии наук. Т. 79. № 3. 2009. Стр. 242–245.
11. Трошина А.В. Эпистемические модальные модификаторы в английском и русском языках: сопоставительный анализ на основе переводов: автореф. дис. ... канд. фил. наук. СПбГУ, Санкт-Петербург, 2008.
12. Ясинский И.Ф., Ясинский Ф.Н. Термодинамический формализм для исследования и конструирования алгоритмов и нейронных сетей // Вестник ИГЭУ. 2012. №5. Стр. 1–3.

Сведения об авторе

Сахарова Анна Владимировна (2020), orcid.org/0000-0001-5707-2281, соискатель по кафедре теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики, инженер кафедры философии, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, e-mail: hanna.lazareva@gmail.com, тел.: +7 (920) 007-18-16.

Anna V. Sakharova (2020), orcid.org/0000-0001-5707-2281, post graduate student; Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism; engineer of Department of Philosophy, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, e-mail: hanna.lazareva@gmail.com, tel.: +7 (920) 007-18-16.

ИСТОРИЯ И ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВ ЧЕЛОВЕК И ЛЮДИ

Померанцева Т.П.

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Россия*

Аннотация: В статье проведен этимологический анализ слов *человек* и *люди*, являющийся частью комплексного лингвокогнитивного анализа вышеназванных концептов. Результаты анализа показывают наличие как закономерно совпадающих элементов значений, так и расхождений в них.

Ключевые слова: концепты ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ, этимология, лингвокогнитивный анализ концептов, лингвокультурология, русский язык.

Abstract: the article presents an etymological analysis of the words «chelovek» («man») and «l'udi» («men»), which is part of a comprehensive linguocognitive analysis of the above-mentioned concepts. The results of the analysis show the presence of both naturally coinciding elements of values, and discrepancies in them.

Key words: concepts of «CHELOVEK» («MAN») AND «L'UDI» («MEN»), etymology, linguistic and cognitive analysis of the concepts, linguo-culturology, Russian language.

Работа представляет собой один из первоначальных этапов исследовательского проекта по описанию концептов ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ, проведённого в соответствии с методикой комплексного лингвокогнитивного описания концептов, принятой в Нижегородской школе концептуального анализа [5; 6; 7]. На данном этапе рассматривается смысловое наполнение концептов ЧЕЛОВЕК и ЛЮДИ по этимологическим и историко-лингвистическим данным.

Уже на уровне происхождения слов можно увидеть определенные смысловые расхождения между *человек* и *люди*, которые потом в языке останутся, несмотря на обобщение их в одну лексему. В современном русском языке для обозначения форм единственного и множественного числа лексемы *человек* по модели супплетивизма используются слова с разными корнями. Мы можем предположить, что на ранних этапах развития русского языка эти формы были самостоятельными словами. Даже на уровне формы эти слова этимологически представляют разные лексемы: у каждого из них есть собственный ряд числовых противопоставлений и пр. Рассмотрим данные основных этимологических и историко-лингвистических словарей.

В словаре А. Преображенского указано значение ‘народ, толпа’ для слова *люди* [3, с. 493-494] и для *человек* ‘имеющий целую силу, полносильный, т.е. взрослый муж’ [4, с. 60-61].

М. Фасмер, анализируя происхождение слова *человек*, приводит значение близкое к ‘отпрыск рода’ [12, с. 545], а для *люди* — ‘народ, люди, свободный человек, дети, расти’ [13, с. 328-329].

В словаре Н.М. Шанского слово «люди» характеризуется как общеславянское, индоевропейского происхождения. Также отмечается употребление старорусского слова *людь* – ‘народ’ в собирательном значении с XVII в.. В целях нашего исследования важно приводимое в словаре мнение академика В.В. Виноградова о том, что в древнерусском языке до XVII в. не нужно было слово, обозначающее личность, индивидуальность, а слова, обозначавшие единичную особь человеческого рода, имели социальную окраску, противопоставляя представителей низших и средних слоёв общества знати [17, с. 201-202].

В «Кратком этимологическом словаре русского языка» слово *человек* названо общеславянским с неясным происхождением и первоначальным значением – ‘обладающий полной силой, взрослый мужчина’ [16, с. 489].

В словаре П. Я. Черных происхождение слова *люди* также возводится к индоевропейскому корню *leudh- со значением ‘вырастать, разрастаться, прибавляться’ [14, с. 498].

По данным словаря П.Я. Черных, значения древнерусского слова *человекъ* с XI в. — ‘существо человеческого рода’, ‘человек как член общества’, ‘человек, находящийся на службе у кого-л.’, ‘чей-л. слуга’. Первоначальное же значение — ‘дитя, отпрыск, потомок семьи, рода, клана’ [15, с. 378].

О.Н.Трубачёв, анализируя этимологию слова *люди* в «Этимологическом словаре славянских языков», приводит слова из родственных языков с главенствующими значениями ‘народ, толпа’ и ‘чужие, другие, посторонние’ [19, с. 198].

Относительно слова *человек* в «Этимологическом словаре славянских языков» зафиксировано наличие в древнерусском и церковнославянском языках следующих значений: ‘существо человеческого рода’, ‘человек как член общества’, ‘слуга’, человек как единица при счёте’. Общее первоначальное значение общеславянского слова *čelovĕkъ — ‘дитя, отпрыск, потомок семьи, рода, клана’ [18, с. 48-50].

Далее рассмотрим историю развития значения слов *человек* и *люди*. Итак, лексическое значение слов *люди* и *человек* не оставалось неизменным на протяжении своего многовекового существования.

«Словарь церковно-славянского и русского языка», изданный в 1847 г., приводит 2 значения и слова *люди*, и слова *человек*. В первом значении *люди* — это ‘вообще человеки: мужской и женский пол’, а *человек* — ‘животное, одарённое разумно-свободною душою и способностью сообщать другим словами свои мысли’. Второе значение слов — ‘служители в отношении к своим господам’, ‘служитель’ [9, с. 420].

И.И.Срезневский в «Материалах для словаря древне-русского языка по письменным памятникам» приводит следующие значения: (1) слово *людие*: «1. Люди. 2. Народ. 3. Низший слой населения. 4. Слуги, челядь, рабы. 5.

Свидетели. 6. Миряне» [10, с. 91-94]; (1) слово *человек*: «1. Существо человеческого рода. 2. Человек как член общества. 3. Находящийся на службе у кого-либо. 4. Человек как единица при счёте» [11, с. 1535].

Также Л.В. Беловинский в «Иллюстрированном энциклопедическом историко-бытовом словаре русского народа» определяет слово *люди* как ‘характерное обиходное название прислуги в помещичьем доме’ [1, с. 360], а *человек* — ‘пренебрежительное название лакея, официанта, слуги мужского пола’ [1, с. 744].

Исторические изменения в лексических значениях интересующих нас слов *человек* и *люди* на протяжении веков подробно освещает современный исследователь В.В. Колесов в книге «Мир человека в слове Древней Руси».

Согласно данным В.В. Колесова, до XIII в слово *люди* имело значение ‘войско, люди, население, собрание, толпа’ и могло именовать лично свободных, но социально зависимых членов общества, всегда представленных в группе себе подобных. При переходе от родового общества к классовому, к феодальным отношениям, происходит переосмысление значения, и теперь слово обозначает социальную группу. В Московской Руси слово *люди* приобретает значение зависимости — ‘слуги, дворовые’. Централизация государства сообщила и слову, именуемому население, значение подчинения. Кроме того, добавляется значение ‘чужие’ — внешние, не свои.

Интересны наблюдения В.В. Колесова над смысловыми расхождениями между словами *человек* и *люди*. Относительно этимологии слова *человек* В.В. Колесов придерживается версии ‘тот, кто имеет полную силу’, ‘взрослый муж, важный для жизни рода член коллектива’. При этом множественное число *человеки* не совпадает по значению со словом *люди*. Слово *люди* не подразумевает физической характеристики, в отличие от слова *человек*, оно характеризует социальную сторону его бытования. В целях нашего исследования важно, что слово *люди* подразумевает единство массы, *человек* же — ‘личное единство’ [2, с. 139-146].

С начала XIII века человек – ‘всякий свободный индивид, не обязательно знатный’. С конца XIV века появляется значение использования личной силы в обслуживании – ‘слуга’. Смена социальных отношений приводит к превращению свободного сильного человека в зависимого слугу. К границе XIV и XV веков у слова *человек* появились значения услужения, противопоставленности более «важным лицам».

Только с XV-XVII веков становится важной человеческая личность вне зависимости от социальной группы. На первых порах в соответствии с этапами развития общества человек — прежде всего часть рода, член социума, и уже с ходом истории и сменой общественно-исторических формаций значение слова *человек* приобретает всё большие черты единичности индивидуального. К концу XV века сведены воедино физическая и социальная значимость человека, поэтому слова *люди* и *человек* употребляются для разных количественных обозначений одного объекта. К XVII веку появляется выражение, подразумевающее, что *человек* — это что-то более ценное, чем *люди*: *Людей много, а человека нет*. Только гораздо позднее в книжном языке слова *человек* и *люди* сходятся как формы одного и того же слова. [2, с. 146-150].

Проведенный анализ происхождения и истории развития значений слов *человек* и *люди* показал, что между этими понятиями были изначально заложены существенные концептуальные расхождения, которые подчеркивают различия в отношении к человеку как индивидуальности и как к части людского множества в русской языковой картине мира.

В большинстве толкований слово *люди* имеет социальную окраску, обозначает принадлежность к какой-либо социальной группе, объединённой по тому или иному признаку. Это безликая масса, характеризующаяся в основном с точки зрения того, кому или чему она служит, подчиняется. Неоднократно зафиксирован оттенок значения ‘чужие’, то есть *люди* — явление по отношению к человеку внешнее.

Человек же более тесно связан с миром природы, важны его личные качества, его социальная и индивидуальная состоятельность, та польза,

которую он приносит своему роду. *Человек* — это социально полноценный член рода, это ‘взрослый муж’, то есть можно говорить об элементе значения ‘ответственность за свои поступки’.

Список литературы:

1. Беловинский Л.В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII — начало XX в. М.: Эксмо, 2007. 784 с.
2. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 311с.
3. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко. 1910. Том 1. 716 с.
4. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М.-Л.: Издание Академии наук. 1949. Том 3. 142 с.
5. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. 375 с.
6. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. Москва: Флинта; Наука, 2012. 328 с.
7. Рылов С.А., Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Ручина Л.И., Жуковская Л.И., Сандакова М.В., Виноградов С.Н., Смирнова Е.Е., Грехнева Л.В., Горшкова Т.М., Кузьмин И.В., Колтунова Е.А., Маркова Е.М. Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии: коллективная монография. Н.Новгород: Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2020. 248 с.
8. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. СПб.: в Тип. Императорской акад. наук, 1847. Т. 2. 471 с.
9. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. СПб.: в Тип. Императорской акад. наук, 1847. Т. 4. 487 с.

10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского. СПб.: издание Отделения рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1895– 1902. Т. 2. 1802 с.
11. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: труд И. И. Срезневского. СПб.: издание Отделения рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1912. Т. 3, вып. 4. 272 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т.4. 864 с.
14. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. 624 с.
15. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 томах. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. 560 с.
16. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
17. Этимологический словарь русского языка. Вып. 9 / Под общей ред. А.Ф.Журавлева и Н.М. Шанского. М.: Изд-во МГУ, 1999. 240 с.
18. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 235 с.
19. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 15. М.: Наука, 1988. 264 с.

Сведения об авторе

Померанцева Татьяна Павловна; соискатель ученой степени кандидата наук по кафедре теоретической и прикладной лингвистики, Институт филологии и журналистики, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», 603950, г.Нижний Новгород, пр.Гагарина, 23; pomer.satan@mail.ru.

Pomerantseva Tatyana, PhD applicant of Science degree candidate in the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Lobachevsky National Research State University of Nizhni Novgorod", 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; pomer.satan@mail.ru.

УДК 81'22

**ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО КОДА КУБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА
ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-ГЛЮТТОНИМОВ В ГОВОРАХ КУБАНИ)**

Хачатурьян Е.А.

МАОУ-СОШ № 25,

г. Армавир, Россия

Олянич А.В.,

д. филол. н., проф.

ФГБОУ ВО «Адыгейский

государственный университет»,

г. Майкоп, Россия

Аннотация: в статье рассматриваются фразеологизмы-глуттонимы, т.е. образные устойчивые сочетания, внешняя форма которых семиотически означена знаками пищи, ее приготовления и / или потребления. Внутренняя форма таких фразеологизмов лингвoseмиотически репрезентирует гастрономический код кубанской культуры, оязыковленный в говорах Краснодарского края (Кубани). Представлена типология знаков-фразеологизмов по сферам означивания (собственно гастрономии, экономии и выгоды, предельных состояний, человеческих недостойных качеств, осуждения злоупотребления спиртным, агональных враждебно-мотивированных или вынужденно-мотивированных действий).

Ключевые слова: агональный, знак, гастрономический, глуттоним, код, лингвосомиотический, фразеологизм

Abstract: the paper discusses phraseological units-gluttonyms, i.e. figurative stable combinations, the external form of which is semiotically indicated by signs of food, its preparation and / or consumption. The internal form of such phraseological units semiolinguistically represents the gastronomic code of the Kuban culture, linguized in the dialects of the Krasnodar Territory (Kuban). The typology of signs-phraseological units is performed according to the spheres of meaning (gastronomy itself, economy and profit, extreme states, human unworthy qualities, condemnation of alcohol abuse, agonal hostile-motivated or forced-motivated actions).

Key words: agonal, sign, gastronomic, gluttonym, code, lingua-semiotic, phraseological unit

Кубанцы любят готовить, сытно поесть и обожают угощать гостей, делаясь всем тем богатством, которое дарит им природа Краснодарского края. В землях Кубани все вертится вокруг еды и готовки: пища, процессы ее добычи, приготовления и подачи определяют жизнь кубанских казаков и гостей Кубани. Образы еды и всего того, что с ней связано, проникают всюду, и, конечно же, явлены в народном языке людей, населяющих Кубань, той самой *балачке*, рассматриваемой сегодня в России как «...письменный диалект русского языка» [Васильев, 2017, с. 172]. Гостеприимство и застолье – те самые семиотические процедуры, которые, отражаясь в национальном языке, формируют особый – *гастрономический* – код культуры, характерный для этого региона.

Код культуры по-разному понимается лингвокультурологами: так, для А.И. Кравченко это «...совокупность знаков (символов) и система определённых правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов, для передачи, обработки и хранения, запоминания <...> как правил, регулирующих кодов,

устанавливаемых по соглашению между носителями одной и той же культуры» [Кравченко 2001, с. 241].

Для В.В. Красных код культуры – это “сетка”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, «...с помощью которой человек членит, категоризует, оценивает и т. д. мир, в котором он живет, а также осмысляет себя самого в этом мире» [Красных 2003, с. 297].

Для В.Н. Телия код культуры – «...формирующая определенный фрагмент картины мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и/или к одной сфере бытия. Имена последних несут в дополнение к основным значениям, отражающим свойства именуемых феноменов, функционально значимые для культуры смыслы <...> Все это обуславливает функционирование данных ментефактов в качестве эталонов, символов и образных оснований метафор и тем самым позволяет рассматривать их имена как тела знаков «языка» культуры, т. е. придает этим именам роль знаков лингвокультуры» (цит. по [Красных, 2003, с. 131; Красных, 2016, с.250-254]).

Код культуры, как это представлялось В.Н. Телия, в значительной степени структурирован на базе образности, которая передается языком в виде фразеологизмов: в их структуре, помимо собственно денотативного значения, семиотизированы важные культуруносные смыслы (см. об этом в: [Телия 1993; Телия 1996; Телия 1999]).

Гастрономический код культуры В.В. Красных относит к наиболее древним и считает его базовым, поскольку он рефлектирует базовую потребность Homo sapiens – потребность в выживании, а значит – в еде и питье [Красных, 2017₁; Красных, 2017₂; Красных, 2019]. На этнокультурную специфику гастрономического кода обращают внимание А.В. Олянич и М.С. Никишкова, одновременно утверждая, что каждый этнос имеет культуру, в основу которой “вшит” собственный оригинальный гастрономический код,

основанный на знаках-глюттонимах²⁰, денотирующих специфичность кулинарного репертуара, типичного и характерного для топоса и локусов проживания данного этноса [Олянич, Никишкова, 2017].

Гастрономическая лексика обильно насыщает кубанские говоры («балачку») как разновидности кубанского диалекта, которые представляют собой гетерогенный феномен; такая их неоднородность, по мнению О.Г. Борисовой, «...унаследована от сформировавших его говоров – южнорусских и украинских» [Борисова 2016, с. 79]. Исследователь правомерно утверждает, что кубанский диалект «...включает значительный в количественном отношении монодиалектный лексико-фразеологический пласт» [Борисова 2016, с. 79].

Если глюттони́мы-кубанони́мы как важные элементы гастрономического кода кубанской лингвокультуры, представленные знаками кубанской гастрономии / глюттони́и и зафиксированные в словарях кубанских говоров, уже получили достаточно подробную лексикографическую репрезентацию (см. [Андрющенко 2009]; [Мастепанов 2013]; [Ткаченко 2008]), то фразеологизмы-глюттони́мы, отвечающие за образную актуализацию гастрономического культурного кода в коммуникации кубанцев пока еще не стали предметом научного анализа и типологизации. Таким образом, целью данной статьи, предлагаемой научной общественности, является анализ того, как осуществляется лингвосомиотическая репрезентация гастрономического кода кубанской культуры с помощью вербальных образных знаков пищи и процессов, происходящих вокруг ее приготовления, эксплицированных в говорах Кубани как фразеологизмы-глюттони́мы.

Типологизация фразеологизмов-глюттони́мов, актуализируемых в дискурсивных практиках кубанских говоров, осуществляется по ряду сфер означивания.

I. *Сфера собственно гастрономии*, где кодируются:

²⁰ Потребностные знаки пищи, ее добычи, приготовления, подачи и потребления (в терминологии А.В. Олянича – знаки-глюттони́мы – от лат. *gluttonāre* – есть, поедать, пожирать, питаться) [Олянич 2007]).

1. Продукты питания (*спета рыба* ‘сушёная, провяленная рыба’; *кавуняча душа* ‘сердцевина, мякоть арбуза’; *вершкова / кувшинна сметана* – сметана ‘сливки’; *хлебына хлиба* – ‘булка хлеба’; *сдоровое сало* – ‘нутряное сало’; *утрошнык* ‘молоко утреннего удоя’; *бабские дрожжи* ‘дрожжи, приготовленные в домашних условиях’; *хоть дёрн дерн* – ‘о сдобном, пышном хлебе’).

2. Блюда (*холодны борщ* ‘окрошка’; *рушена каша* ‘каша, приготовленная из битой кукурузы’; *богата кутья* ‘рождественская кутья’; *бидна кутья* ‘крещенская, постная кутья’; *кислы кисель* ‘кисель из ягод’).

3. Процессы приготовления (*выламувать / ломать рыбу* ‘вынимать рыбу из рассола’; *солить у корень* ‘солить что-л. в крепком рассоле’; *спеть рыбу* ‘засолить рыбу’).

4. Инструментарий приготовления (*отливной горшок* ‘горшок, покрытый глазурью’; *стряпуца печь* ‘печь для приготовления пищи’).

II. **Сфера экономии и выгоды** (*женить молоко* ‘разбавлять молоко водой, чтобы выгодно / побольше продать’; *за шапку сухарей* ‘очень дешево’; *на свий хлиб пийты* ‘перейти на самостоятельное обеспечение’; *кусок выглядать* ‘быть лишним ртом в семье’).

III. **Сфера предельных состояний** (*набыть кендюх* ‘наестся до отвала’; *солёный як / как рона* ‘о чём-то очень / чересчур / чрезвычайно солёном’; *передать кутте меду* ‘переборщить’; *на полный рот* ‘досыта, до отвала, жадно (есть)’; *аж за вухами пицить* ‘есть с жадностью’; *сыдеть у печенках* ‘очень досаждать, сильно раздражать, до крайности надоедать’; *чёрта смять* ‘много съесть’).

IV. **Сфера человеческих недостойных качеств** (*кот влез на сало и кричит: «мало»* ‘о скупом человеке’; *пуста кубышка* ‘о глупом человеке’; *голова як капуста, голова як черепамяна мыска* ‘о глупом человеке’; *заглядать у чужи горшкы* ‘о любящем совать нос в чужие дела’).

V. **Сфера осуждения злоупотребления спиртным** (*нос наварить* ‘напиться пьяным’; *болеть / заболеть ротом* ‘пить или начать пить

алкогольные напитки»; *заглядывать у бутылку* ‘выпивать; заглядывать в рюмку’; *макать рыльце* ‘пьянствовать’; *аж по животу кошки лаят* ‘очень хотеть выпить спиртного’).

VI. *Сфера агональных враждебно-мотивированных или вынужденно-мотивированных действий* (*с-пид ножа* ‘по принуждению’; *натереть нос перцем* ‘досадить кому-л., озлобить, разъярить’; *дать черпа*²¹ ‘ударить, побить’; *дать кабака / гарбуза* ‘отказать сватам, вручив им во время сватовства тыкву’).

Также были отмечены фразеологизмы-глуттонимы:

– индицирующие состояние болезни (*из квасов не вылазить* ‘постоянно болеть’);

– констатирующие неблагоприятное положение дел (*дурна курятина* ‘дело плохо’);

– фиксирующие недостойные хозяина действия, напр. по отношению к наемному работнику (*ложку изо рта брать* ‘не кормить’).

Следует также обратить внимание на наличие в кубанских говорах фразеологизмов-глуттонимов с минимальной мотивированностью, структурированных по типу гендиадиса²², ср.: *ни духу ни хуху* ‘абсолютно ничего’; *куструльки-маструльки* ‘кухонная посуда’; *пундыкы*²³-*мундыкы* ‘деликатесы’; *салаты-малаты* ‘разнообразная еда’; *хурда-мурда* ‘харчи, незатейливая еда’.

Резюмируем.

Гастрономический код кубанской культуры образно репрезентирован в балачке – диалекте русского языка, распространенном на территории Кубани (Краснодарского края) и составляющем базу дискурсивных практик кубанских говоров. Такая репрезентация актуализирована с помощью фразеологизмов-глуттонимов таких сфер означивания, как собственно гастрономия, сфера

²¹ Сокращ. от **черпак** – ‘разливательная ложка’

²² **Гендиадис** (от др.-греч. ἕν διὰ δύοῖν (hen dia dyoin) — «одно через два») — фигура речи, выражающая одно понятие двумя знаками; способ словообразования, в котором второй знаковый элемент представляет собой фонетическую трансформу первого, своеобразный «прицеп» к первому знаку, реитерирующий его, изменяя начальную фонему или группы начальных фонем (см. об этом: Гендиадис // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. — ИНИОН РАН: Интелвак, 2001. — С. 162 – 1596 с.

²³ **Пундик** (кубан.) – род пирожного

экономии и выгоды, сфера предельных состояний, сфера человеческих недостойных качеств, сфера осуждения злоупотребления спиртным, а также сфера агональных враждебно-мотивированных или вынужденно-мотивированных действий.

Кроме того, гастрономический код кубанской культуры представлен фразеологизмами-глуттонимами, индицирующими состояние болезни; констатирующими неблагоприятное положение дел; фиксирующими недостойные хозяина действия. Отмечена также репрезентация гастрономического кода с помощью фразеологизмов-глуттонимов, структурированных по типу гендиадиса.

Список литературы:

Андрющенко В.И. Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион Кубани / В.И. Андрющенко, Р.Я. Иванова, Т.Г. Иванова, В.М. Пелих. – Армавир, 2009

Борисова О.Г. Типологическая характеристика кубанского диалекта. – Известия ВГПУ. филологические науки. – Языкознание. – Волгоград, 2016. – С. 74-79

Васильев, И.Ю. Кубанская балачка – письменный диалект // *Interlinguistica Tartuensis*. – Tartu, 2017. – С. 170-180

Кравченко А.И. Культурология: словарь / А.И. Кравченко – 2-е изд.– М.: Академический проект, 2001. – 672 с.

Красных В.В. Психолингвокультурология как наука о человеке говорящем сквозь призму лингвокультуры // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. Коллективная монография. Авторы: И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева. / Под ред. В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2017₁. – С. 183–261.

Красных В.В. ЕДА/ПИЩА в свете психолингвокультурологии (попытка предварительного анализа) // Лингвосемиотика дискурса: коллективная

монография к 60-летию профессора А.В. Олянич / Науч. ред. В.И. Карасик. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2017₂. – С. 118–132

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Монография. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. – М.: Гнозис, 2016. – 496 с.

Красных В.В. Лингвистика в эпоху неопостпозитивизма: возможные пути развития. – Материалы Международной научной конференции «Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы». – Майкоп: издательство АГУ, 2019. – С. 22-38

Мастепанов С.Д. Словарь говора казачьего населения станицы Отрадной Краснодарского края / отв. ред. В.М. Пелих. – Армавир – Отрадная: издатель Шурыгин В.Е., 2013. - 192с., ил.

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография. – М.: Гнозис, 2007. – 407с.

Олянич А.В., Никишкова М.С. Этнолингвокультурный гастрономический код в потребностной коммуникации : Монография. – Волгоград: ИПК ВолГАУ «Нива», 2017. –192 с.

Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов // Славянское языкознание: XI Международный съезд славистов. – М., 1993. – 308 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Языки русской культуры, 1999. – 336 с.

Ткаченко П.И. Кубанский говор. Опыт авторского словаря. – Краснодар: «Традиция», 2008. – 288с.

Сведения об авторах:

Хачатурьян Евгения Анатольевна, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель русского языка и литературы, муниципальное автономное общеобразовательное учреждение-средняя общеобразовательная школа №25, 352941, Российская Федерация, Армавир, ул. Ставропольская, д.41; OleinikovaEvgeniya@yandex.ru; +79284220660.

Nachaturyan Evgeniya Anatolevna, MAOU-SOSH №25, Vice Director for educational work, Stavropolskaya st. 41; Armavir, 352941, Russian Federation, OleinikovaEvgeniya@yandex.ru; +79284220660.

Олянич Андрей Владимирович, доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», 385000, Российская Федерация, Майкоп, ул. Первомайская, д.208; aolyanitch@mail.ru; +79384987514.

Olyanich Andrei Vladimirovich; Doctor of Philology, Professor, Adyghe State University, Pervomaiskaya st., 208, Maikop, 385000, Russian Federation; aolyanitch@mail.ru; +79384987514.

УДК 81'22

КОНЦЕПТ «ПИЩА АДЫГОВ»: ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

*Хут Ю.Ю.
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия*

Аннотация: в статье рассматриваются ценностные характеристики концепта «Пища адыгов», детерминированные спецификой адыгейского / черкесского этноса, в основе поведения которого лежат такие человеческие качества, как независимость, дружелюбие, любовь к Отечеству, гостеприимство, непримиримость по отношению к врагу. В семиозисе

концептосферы «Мир Адыгеи» концепт «Пища адыгов» занимает одно из ключевых мест и относится к типу лингвокультурных. Его ценностные характеристики транслированы при помощи ценностных глуттонических паремий, семиотическая структура которых предполагает наличие знаков-глуттонимов «пища», «еда», «стол», «припасы», «урожай», «угощение».

Ключевые слова: адыги, глуттония, знак, концепт, лингвокультура, семиотика, ценности, этнос

Abstract: The paper considers the concept “Adyghes’ Food” value characteristics determined by the specifics of the Adyghe / Circassian ethnos, whose behavior is based on such human qualities as independence, friendliness, love for the Fatherland, hospitality, intransigence towards the enemy. In the semiosis of the concept-sphere “World of Adygea” the concept “Adyghes’ Food” occupies one of the key places and belongs to the lingua-cultural type. Its value characteristics are translated with the help of value gluttony-based paremias, the semiotic structure of which presupposes the presence of signs-gluttonyms “food”, “table”, “supplies”, “harvest”, “treat”.

Key words: Adyghes, concept, food, gluttony, sign, semiotics, values, ethnos

Человек на протяжении всей своей жизни последовательно и постепенно формирует картину мира, его окружающего, аккумулируя представления, мнения, суждения, идеи и впечатления о нем; он концентрирует свой когнитивный опыт, преобразуя его в уклад собственного бытия, традиции, обряды, алгоритмы жизненного распорядка, предпочтения и т.д. Эта картина мира вместе со всеми процессами его бытия имеет свою этническую или национальную специфику. Права С.К. Сапиева, когда утверждает, что «...языковая картина мира – это одна из форм экспликации действительности в языковом сознании, ее вербальное овнешнение. Особенностью языковой картины мира является то, что в отличие от других картин мира она обладает способностью проявлять национальную специфику языка» [8, с. 28].

Следует уточнить, что действительность всегда эксплицируется как в вербальном / невербальном смысле, так и в смысле культурно-концептуальном; это согласуется с идеей И.Ф. Янушкевич о специфике базового типа картины мира – лингвосемиотической: «Лингвосемиотическая картина мира представляет собой не жесткую комбинацию «первичной» и «вторичной» (непосредственной – опосредованной, когнитивной – языковой) картин, а взаимосвязанную систему мышления, культуры, языка и речи, в которой мышление формирует (концептуализирует) представление, культура поставляет для него вещественные знаки, язык обеспечивает образующуюся концептосферу словесными знаками как именами концептов, а речь (дискурс) «ищет» новые смыслы уже имеющимся знакам или формирует новые смыслы, находя для них новые знаки» [9, с. 27].

У любого этноса свое мировидение, своя система восприятия действительности, его окружающей. Адыгейская лингвосемиотическая картина мира столь же самобытна, своеобразна, характеризуется своими особенностями восприятия, особой знаковостью. Адыгейский / черкесский этнос за многовековую историю своего существования сформировал собственную систему потребностей, которую народ органично встроил в картину мира, наполненную разнообразными концептами. Как справедливо полагает З.Х. Бижева, адыгская картина мира, как и любая другая, включает в себя культурные концепты; одним из них выступает концепт «Пища адыгов» [2], являющийся центральным или системообразующим в глуттоническом²⁴ секторе адыгской картины мира. В предлагаемой научной общественности статье рассматривается его этнокультурные ценностные характеристики.

«Адыгскость» (по Р. Барту – специфичный семиотический признак национальной принадлежности, такой же как «английскость» или

²⁴ Образовано от глуттонии (лат. *gluttonāre* – есть, питаться, поглощать пищу), термина, под которым понимается «...система знаков – глуттонимов, характеризующих пищевой процесс в целом, добычу пищи, ее первичную обработку, а также собственно процессы приготовления и потребления пищи» [Олянич, 2003, с. 168], [Олянич, 2004, с. 544], [Олянич, 2014, с. 34].

«французскость» [1]) этнокультурных ценностных характеристик обеспечивают многочисленные паремии и фразеологизмы.

Ценность еды у адыгейского этноса семиотизирована как божий дар: так, М.И. Мижаев отмечал: «Подобно тому, как у римлян божество плодородия Церера означает также хлеб, а божество виноделия Вакх – вино, у адыгов Тхаголеджем именуется не только обрядовая пища, но и продукты питания вообще [3 с. 21]. Еще одно свидетельство тому обнаруживаем к М.В. Кантария: «Старики клянутся именем Тхаголеджа и говорят, что любой урожай проса, пшеницы или кукурузы – это Тхаголедж» [4, с. 355].

Ценность еды лингвосемиотически и лингвокультурно адыги связывают с трудом, прикладываемом к ее добыче; у этноса наличествует масса пословиц-аналогов русскому «Не потопаешь – не полопаешь», ср.:

Умылажсьэмэ пыхын бгъотыцтэп (“Не потрудишься – без еды останешься”);

Дэгъоу улажсьэмэ, лахь лые бгъотын (“Хорошо потрудишься – получишь лишний кусок”);

Узэдэлажсьэмэ лэжьыгъэр бэгъон (“Поработаешь вместе – получишь богатый урожай”);

Уегугъоу иптэкъумэ, икъоу уугъоижьын (“Усердно посеешь – соберешь хороший урожай”)²⁵.

В адыгских глуттонических паремиях семиотизируются:

– ценности труда спозаранку, который всегда сытно накормит (ср.: *Жьырытэдж – шатэищиц* – “Кто рано встает, тот сметаной лакомится, т.е. у того всегда сытость и изобилие еды”);

– ценности совместного труда и дружбы (ср.: *Зы тхъэрыкъуэф Іэнэ зэдытеишхыкІаиц* – “Они вкушали с одного лопушиного стола”, т.е. признак

²⁵ Здесь и далее используются примеры адыгейских паремий, приведенные в издании: Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями). Антологический свод адыгского фольклора / сост. Л.А. Гугова. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. – 364 с.

особого сближения с человеком, подобно русскому «Они из одного котелка кашу хлебали»);

– гостеприимство как особая ценность (ср.: *Zulanэ зэтетым ихьакI* – “Он гость у того, у кого хорошо накрыт стол”).

Извечно адыги относились к еде как к ценности, которую следует беречь; так, бытовала охотничья пословица *KIэлъэныкъошх Мэзытхьэ иджагъу* (“Мэзитху [Богу охоты] неугоден тот, кто съедает лишь половину”).

С пищей ассоциировалась успешность / неуспешность существования, что ценностно актуализировано в следующих паремиях:

а) успешность – *Псы щIыIэм тхъу трех* (“Из холодной воды сбивает масло”, т.е. всё делает умело, из всего способен извлечь выгоду, пользу);

б) неуспешность – *ЗыльэмыкI IэфракIэ и Iыхьэц* (“Тому, кто несостоятелен, дают голень в долю”; тем, кто плохо трудится, за столом получает голень как наименее престижную часть забитого животного).

Пища была мерилom человеческих достоинств и недостатков; так, адыги порицали чванство и кичливость богатством (ср.: *Шхэгъуэм жьантIакIуэц, зауэ кIуэгъуэм шы Iыгъыц* – “За столом охотник до почетного места, в сражении коновод”; т.е. труслив в сражении, прячется за спинами товарищей, а когда раздают награды за доблесть, стремится показать себя героем).

Посредством антиценностных глуттонических паремий порицались:

– хвастовство богатством, что зафиксировано в ценностной паремии *Пастэм игъэудафэм къыщIоуэ, фадэм игъэудафэм щIоуж* – “У кого от пасты [обилия еды] закружится голова, того прилив застанет, у кого от выпивки закружится голова, того отлив застанет”, т.е. после выпивки голова скоро болеть перестанет, но если голову вскружит чрезмерный достаток, то это непоправимо;

– лизоблюдство (ср.: *НыбэщIэубзэ – IуэхутхьэбзащIэц* – “Голодный готов угождать”, т.е. бедняк, чтобы заработать себе на еду, обязан, не жалея сил, работать на богача);

– самоуничижение бедного плебса перед богатой элитой (ср.: *Пицым шихын шындырхъуом къекIэцI* – “Еду князю ящерица носит”, т.е. капризным и привередливым князьям-хозяевам слуги и в еде стремятся угодить);

– неразумные траты (ср.: *Делэм и гъуэмылэ зэуэ ешхыж* – “Глупец свои припасы в один присест съедает”, т.е. недалекие и недалёковидные люди транжирят по пустякам свои богатства, будучи неспособными ими разумно распорядиться);

– недалёковидность, неумение предвидеть последствия (ср.: *Делэм махуэ къэси и хъэгулывэц* – “У дурака вареники ежедневно”, т.е. глупец не думает наперед о будущем, думает только о том, было бы что поесть);

– праздное времяпрепровождение (ср.: *Ди гъунэгъум сыкъыщышхи, ди унэ мышхэу сынэсыж* – “Пусть пообедаю я у соседей, и пусть приду я домой голодным”, т.е. болтун допоздна засиживается у соседей, ничего не делает полезного по хозяйству, лентяйничает);

– перекалывание своей вины на невиновного (ср.: *Бзаджэ зышхым «бзаджэших» къыбжеIэ* – “Кто дерьмо съел, тот тебя называет дерьмоедом”, т.е. виноватый свою вину сваливает на невиновного);

– привередливость (ср.: *Ныбэм измэ, щIакхъуэр цIынэц* – “Коли утроба полна, то хлеб недопечен”, т.е. с жиру бесится);

– спесь и гордыня (ср.: *Нэгъуеипц нэхъей, и закъуэ мэшхэж* – “Трапезничает в одиночку, будто князь ногайский ”).

Пища оказывалась антиценностным маркером порицания лени в таких паремиях, как *ШхэнкIэ дэмыжъыгуц, екъункIэ жъындыгуц* – “В еде жадный, в упряге маломощный”;

Шхэгъуэм дыгъужыц, лэжъэгъуэм жъындуц – “В еде волк, в работе сова”;

Бжъын щIэгъуэм Iэпэ шыниц, бжъын шхыгъуэм жумэрэниц – “Как лук сажать – палец нарываёт, как лук есть – хомяк”;

Аргъынэ кӀыхьыр зи жагъуэу шынакъ кӀыхьыжьыр зи щӀасэ – “Тот, кому длинный рядок укоса не люб, а длинная большая чаша по душе”, т.е. человек уклоняется от тяжелой работы, но застолья не упускает;

Мылэжьэф ихэрейц – “Кто не умеет трудиться, много ест”, т.е. ленив, в работе никчѐмен, но чревоугодлив.

В адыгейских ценностных глуттонических паремиях рефлектируется семиотика родственных и семейных ценностей, носящая назидательный характер.

Так, в пословице *Адэ лӀэужьынишэрэ лыниэ къуницхьэрэ зэлытац* – “Отец без наследников и кость без мяса суть одно и то же” рефлектирована обязанность главы семьи обеспечить её сыновьями для продолжения рода.

Важная отцовская обязанность позаботиться о наследстве для своего потомства также рефлектирована в виде следующей ценностной глуттонической паремии: *Адэ щӀэинынишэрэ купцӀэниэ Ӏыхьэрэ зэхуэдэц* – “Что доля без наследства отца, что пирог без начинки – одно и то же”, т.е. отец, который не оставил наследства своему потомству, подобен безвкусной еде, пирогу без начинки.

Ценностные глуттонические паремии акцентируют роль матери как источнике жизни семьи; во-первых, мать всегда на кухне, что зафиксировано в пословице *Фызыр тӀошхэ-щӀэшхэци лӀыр зэ ихэгъуэ закъуэц* – “Женщина дважды-трижды перекусит, мужчина однажды поест”, т.е. женщина почти всегда на кухне, готовит еду и проверяет вкус блюд; мужчина же приходит домой после трудов праведных и ест только раз, вечером; во-вторых, адыгейская женщина – мать-кормилица, ср. значение пословицы *Анэ быдзышэмрэ шэ мыфӀэӀуамрэ щӀакхъуэри кхъуейри хэлыц* – “В материнском не прокисшем молоке есть и хлеб, и сыр”, т.е. мать дает ребенку жизнь.

Пища в адыгейской ценностной паремиологии выступает символом единения рода, ср. пословицу *Фызэрышхми, зэшхэр фызэдэшхэ* – “Хотя вы, братья, и грызетесь между собой, но обед ешьте вместе”, т.е. следует ладить с родичами и споры не доводить до драки, до конфликта.

Еда выступает также в роли символа дружбы и полкового братства воинов-черкесов / адыгов, что семиотизировано глоттонической ценностной паремией *Жагъуэгъум и кIапэ нэхърэ ныбжьэгъум и хъудырыпс* – “Чем курдюк у врага есть, лучше похлебку у друга хлебать”, т.е. не сближайся с врагом ни за какие посулы, но верь другу, который не предаст.

Знаки пищи, или в терминологии А.В. Олянича – знаки-глоттонимы, широко представлены в ценностной паремиологии, являющейся базовой характеристикой концепта «Пища адыгов»: так, стремление досыта накормить гостя, семиотизировано в пословице-глоттониме *КъакIуэ и Iыхъэ Iыхъэ хэмыIуэц* – “Доля того, кто приходит, доля неучтенная”, т.е. хозяйка, готовя еду, закладывает больше продуктов, чем могут съесть домочадцы, – на случай, если неожиданно явятся гости.

Ценностная семиотика гостеприимства у адыгов непременно связана с едой, которая сопровождает этнос по жизни, цементирует его быт и культуру: гость должен быть обязательно накормлен, какой бы неприхотливой не была еда; это констатируют следующие паремии:

Пцэдджыжь хъэцIэр гъэхъэцIэгъуафIэц – “Утреннего гостя легко принимать”; *Уи джэдэц щемьльэ джэдыр хъэцIэныщ* – “Курица, которая не возвращается в твой курятник, первой пойдет на забой для гостя”; *ХъэцIэ къэкIуэнуц жыIи гъэтIыль, куэдрэ щыльац жыпIэу умышх* – “всегда следует быть готовым, на тот случай если придут гости”; *«ХъэцIэ къакIуэм», – жыIи гъэтIыль* – “Отложи что-либо, говоря: «на тот случай, если гость придет»”.

Резюмируем.

Лингвокультурный концепт «Пища адыгов» является одним из ключевых в концептосфере «Мир Адыгеи». Пища детерминирует все существование этноса, его культуру, вносит свой вклад в формирование привычек потребления, в модусы поведения этносоциума – обряды, традиции, верования; в структуру экономики этноса, в этику и эстетику интракоммуникации (между индивидуумами, полами, семьями, кланами, родами) и экстракоммуникации (остальным, внешним миром). Ценностные характеристики концепта главным

образом располагаются в этнокультурном поле-доминанте «Гостеприимство» и семиотизированы при помощи паремий, маркирующих такие достоинства, культивируемые в поведении членов адыгского / черкесского этноса, как трудолюбие, уважение к старшим, гостеприимство, готовность прийти на помощь, любовь и уважение к женщине, дружелюбие, неприятие пороков и человеконенавистничества.

Список литературы:

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Косикова Г. К. - М.: Прогресс, 1989. - 616 с.
2. Бижева З.Х. Культурные концепты в адыгской языковой картине мира. - Дисс. доктора филологических наук. - Нальчик, 1999. - 297 с.
3. Мижаев М.И. Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов / М.И. Мижаев. - Черкесск, 1973. - 208 с.
4. Кантария М.В. О некоторых пережитках аграрного культа в быту кабардинцев / М.В. Кантария // Ученые записки АНИИ. - Майкоп, 1968. - Т. VIII: Этнография.
5. Олянич А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики) // Массовая культура на рубеже XX-XI веков: Человек и его дискурс. - М.: Азбуковник, 2003. - С. 167-201.
6. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: дисс. ... доктора филологических наук: 10.02.19. - Волгоград, 2004. - 602 с.
7. Олянич А.В. Потребности - дискурс - коммуникация: монография. - Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2014. - 182 с.
8. Сапиева С.К. Языковая картина мира как экспликация национальной ментальности адыгского этноса. - Неофилология. 28 2017. Т. 3. № 3 (11). - С. 28-37.

9. Янушкевич И.Ф. Лингвосомиотика англосаксонской культуры. - Дисс. доктора филол. наук. - Специальность 10.02.04 - германские языки. - Янушкевич Ирина Федоровна. - Волгоград, 2009. - 494 с.

Сведения об авторе

Хут Юлия Юрьевна; преподаватель, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», 350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149; yuliya.hut@mail.ru; +79182909884.

Hut Yuliya Yurievna; Lecturer at the Department of German language, Kuban State University, Stavropolskaya Street, 149, Krasnodar, 350040, Russian Federation; yuliya.hut@mail.ru; +79182909884.

УДК 81'37

СЕМАНТИКА И НОМИНАЦИЯ ИМЁН ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СВОБОДЫ, ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Шашкова В.Н.

*Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова
г. Орел, Россия*

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов семантического наполнения номинативных единиц, формирующих семантическое поле «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», а также типовым механизмам номинации, которые проявляют себя на материале этого лексического кластера. Выявлены семы, по которым дифференцированы термины “slavery”, “peonage”, “involuntary servitude” и их русские аналоги. Среди типовых механизмов номинации определены уточнение сигнификативного значения единицы за счёт введения дополнительной лексемы, а также метонимия.

Ключевые слова: семантика, номинация, номинативная единица, механизмы номинации, уточнение сигнификативного значения, метонимия, пропозиция.

Abstract: The article elicits selected aspects of semantic content of the nominative units forming the thematic group “Crimes against freedom, honour and dignity of the person” and points out the typical nomination mechanisms which reveal themselves in the units of the studied lexical cluster. The semes are highlighted which help differentiate the terms “slavery”, “peonage”, “involuntary servitude” and their Russian analogues. Specification of significative meaning by introducing an additional lexeme and metonymy are identified as the typical nomination mechanisms.

Key words: semantics, nomination, nominative unit, nomination mechanisms, specification of significative meaning, metonymy, proposition.

Основопологающим аспектом нашего исследования стало положение о том, что все номинативные единицы, именующие преступления против свободы, чести и достоинства личности, сформированы в лексико-семантические поля в каждом из языков и они реализуют концепты, относящиеся к определённой референтной области. Референтная область в свою очередь не только обуславливает «тематический репертуар» (термин Т.А. ван Дейка [1, с. 56]) лексико-семантического поля, но и его закреплённость за определённой сферой коммуникации, а значит и за определённым типом дискурса.

Материалом исследования послужили статьи 126, 127.1, 127.2, 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – *УК РФ*) [2] и Главы 18, 55, 77, §1170, §1584, §1585, §1588, §1590, §1592, §1593А Кодекса Соединённых Штатов Америки (далее – *USC*) [6]. Общий комментарий касательно специфики номинации затрагивает в первую очередь сигнификативный компонент лексического значения номинативных единиц, что очевидно проявляется при анализе аналогов на двух языках. Так, в русском языке наименование

преступления и имя соответствующей статьи УК РФ (ст. 127.1) «торговля людьми» представляет собой номинатив широкой семантики, включая не только собственно торговлю людьми, но и их удержание. Наименование преступления в статье-аналоге в USC в плане номинации характеризуется уточнением: «peonage, slavery and trafficking in persons» – пеонаж, рабство, торговля людьми (§ 1593A). В § 1590 появляется ещё одна лексическая единица со схожим значением, а именно: «servitude».

Термин «peonage» (ср. русский аналог «пеонаж») используется для обозначения формы принудительного рабства, истоки которого прослеживаются ещё со времён испанского завоевания Мексики, когда завоеватели смогли заставить бедняков, особенно индейцев, работать на испанских плантаторов и шахтёров. Хотя 13-я поправка к Конституции и законодательство Конгресса после Гражданской войны в Америке запрещали любое принудительное рабство, бывшие рабовладельческие штаты Юга разработали законы, чтобы сделать труд обязательным. В соответствии с этими законами работодатели могли принуждать людей подписывать трудовые договоры, чтобы оплатить их долги или избежать штрафов. Иными словами, пеонаж, также называемый долговым рабством, представляет собой систему, в которой работодатель заставляет работника выплачивать долг работой.

Семантический анализ показывает, что термин «slavery» и его русский аналог «рабство» на современном этапе используются для обозначения целого ряда видов эксплуататорской практики, включая торговлю людьми, рабство, принудительный труд, детский труд, изъятие органов и сходную с рабством практику.

В этом же контексте в юридическом дискурсе на английском языке очень часто употребляется термин «involuntary servitude» – принудительное рабство, обозначающий состояние человека, который работает на другого человека против его воли в результате применения силы, принуждения или тюремного заключения, независимо от того, платят ли ему за труд.

Термин «принудительное рабство» в русском языке употребляется в отношении любого вида рабства, подневольного труда или принудительного труда для погашения долгов. Два существенных семантических элемента принудительного рабства, которые проявляются в обоих языках, – это *невольное принуждение действовать против своей воли*, что проявляется в *некоторой форме труда для другого*. Лишение свободы без принудительного труда не является принудительным рабством.

Как показывают примеры, установление границ денотативного пространства у рассматриваемых терминов в терминологической системе уголовного права США не имеет однозначного решения. Именно лингвистический анализ позволяет дифференцировать термины, которые используются как взаимозаменяемые. «Slavery» как термин значительно шире, чем «peonage», потому что последний возможен только в сфере рабочих отношений и попадал бы под действие трудового права при отсутствии фактора принудительного удержания. Термин «involuntary servitude» иногда отождествляют с рабством, однако он не обязательно подразумевает полное отсутствие личной свободы, сопровождающее рабство. Тот же термин на первый взгляд кажется полным синонимом для термина «peonage». Однако семантический компонент потенциальной заработной платы за труд, включённый в семантику номинативной единицы «involuntary servitude», является определяющим для дифференциации терминов. Если человек добровольно начинает работать, а потом хочет уйти, но из-за невыполненных обязательств вынужден оставаться и выполнять работу против своей воли, можно говорить о ситуации принудительного рабства. В случае пеонажа речи о выплате заработной платы не идёт.

Среди механизмов прямой номинации в качестве типового для текстов нормативных правовых актов был установлен механизм уточнения сигнификативного значения комплексного номинатива посредством добавления лексической единицы (см. [3, с. 164], [4, с. 35], [5, с. 167-168]).

Анализируемые тексты статей УК РФ и USC, посвящённые рассмотрению преступлений против свободы, чести и достоинства личности, не являются исключением из общего правила. Обратимся к примерам: *незаконное лишение свободы* (статья 127 УК РФ); *купля-продажа человека* (статья 127.1 УК РФ); *использование рабского труда* (статья 127.2 УК РФ); *незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях* (статья 128.2 УК РФ); *sale into involuntary servitude* – продажа в принудительное рабство (§ 1584); *benefiting financially from peonage, slavery and trafficking in persons* – получение финансовой выгоды от пеонажа, рабства или торговли людьми (§ 1593A). Обращает на себя внимание тот факт, что укрупнение номинативной единицы может осуществляться по нескольким моделям. Во-первых, речь может идти о расширении фразы за счёт внесения уточняющих лексических единиц, являющихся циркумстантами в структуре пропозиции и представляющими собой имплицитную атомарную пропозицию, как в наименовании статьи 128 УК РФ: «оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях». С другой стороны, речь может идти об аккумуляции однородных членов, соединённых сочинительной связью, как в § 1593A: *benefiting financially from peonage, slavery and trafficking in persons* в USC.

Самым частотным механизмом косвенной номинации в статьях, посвящённых преступлениям против свободы, чести и достоинства личности, является метонимия. Сфера семантического охвата метонимии в этом случае ограничена одним вариантом: с процесса на результат. Например: *seizure, detention, transportation or sale of slaves* – захват, удержание, перевозка или продажа рабов (§ 1585); *unlawful conduct with respect to documents in furtherance of trafficking, peonage, slavery, involuntary servitude, or forced labor* – незаконное обращение с документами в целях содействия торговле людьми, пеонажу, рабству, принудительному рабство или принудительному труду (§ 1592). Оба примера в качестве основы именной фразы имеют отглагольные существительные (выделены цветом) с семантикой действия, которая

переносится на результат соответствующего действия при наименовании преступного деяния. Притом в первом примере усложнение именной фразы осуществляется за счёт кластера однородных существительных, организованных при помощи бессоюзной связи и разделительного союза «или». Во втором примере ключевая лексическая единица *conduct* (дословно «поведение») претерпевает контекстуальное сужение значения: актуализируется лексико-семантический вариант, оптимальным вариантом перевода которого мы считаем русский аналог «обращение».

Второй вариант метонимии, который находит относительно частотное отражение в Кодексе Соединённых Штатов Америки, представлен случаями использования форм герундия: «*benefiting financially from peonage, slavery, and trafficking in persons*» – получение финансовой выгоды от пеонажа, рабства и торговли людьми (§ 1592); «*trafficking with respect to peonage, slavery, involuntary servitude or forced labor*» – торговля людьми в связи с пеонажем, рабством, принудительным рабством или принудительным трудом (§ 1590). Эти примеры также иллюстративны в плане демонстрации тенденции синтаксического расширения фразы для включения всех пропозициональных компонентов (имена событийной семантики, существительные со значением действия априори представляют собой скрытую пропозицию), необходимых для ликвидации возможных информационных лакун.

Обратимся к примерам актуализации метонимии в текстах статей УК РФ, посвящённых преступлениям против свободы, чести и достоинства личности. Например: «*похищение человека*», «*незаконное лишение свободы*», «*торговля людьми*», «*использование рабского труда*». Все корневые лексемы в именных фразах именуют действие, являясь при этом существительными, производёнными суффиксальным способом от глагола. При этом одновременно в качестве имени преступления они приобретают значение результата: завершение действия, обозначенного отглагольным существительным, предполагает совершение преступления. То есть метонимия в русском языке подлечит тому же образцу: с действия на результат действия. Отметим, что, как

и в английском, существительные, являющиеся наименованием скрытой пропозиции, требуют актуализации основных компонентов этой пропозиции. Управление как тип синтаксической связи по понятным причинам отличается от глагольного, однако актанты, объекты и реципиенты как семантические падежи актуализированы в составе комплексных номинативов.

Выводы, сделанные по результатам анализа, дают общие очертания избирательности средств выражения в юридическом дискурсе и несомненно требуют подтверждения на материале других статей и других нормативных правовых актов, притом они открывают перспективы для крупномасштабного исследования.

Список литературы:

1. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. Текст с изменениями и дополнениями на 31 июля 2020 года: принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/].
3. Шашкова В.Н. Анализ средств и механизмов номинации, используемых при описании референтной области «Деятельность сотрудника ОВД» (на материале русского и английского языков) // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (26-27 марта 2018 г.) / под ред. О.Ю. Ивановой. – Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», 2018. – С. 192-199.
4. Шашкова В.Н. К вопросу о средствах и механизмах номинации лексических единиц в рамках лексико-семантической группы «Преступления»

(на материале русского и английского языков) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2018. – Т. 15, № 1. – С. 33–37..

5. Шашкова В.Н., Баянжаргал Н. Сопоставительный анализ номинативных средств, используемых при описании референтной области «Деятельность сотрудника ОВД» (на материале русского, английского и монгольского языков) // Международный научно-практический журнал «Филологический аспект». – Н. Новгород, 2018. – №1 (33).– С. 167-168.

6. The United States Code: Title 18 – Crimes and Criminal Procedure. [Electronic Resource]. [URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18>].

Сведения об авторе

Шашкова Валентина Николаевна; кандидат филологических наук, доцент, доцент, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 302027, Российская Федерация, Орел, ул. Игнатова, д. 2; valentina.shash@mail.ru.

Shashkova Valentina Nikolaevna; Candidate of Philology, Associate Professor, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Ignatov st., 2, Oryol, 302027, Russian Federation; valentina.shash@mail.ru.

СЕКЦИЯ №2: ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ПОДХОДЫ, ПРОЕКТЫ, РЕСУРСЫ, ТЕХНОЛОГИИ

УДК 811.161.1'36

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ СО СТУДЕНТАМИ – ИНОФОНАМИ

Борискина О.В.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: Статья посвящена вопросу использования регионального компонента в процессе преподавания русского языка как иностранного. Представлены фрагменты практического опыта использования языкового материала при знакомстве студентов-иностранцев с историческими и культурными особенностями г. Орла.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, региональный компонент, лингвокультурный материал, коммуникативные умения, речевой образец.

Abstract: The article is devoted to the problem of the regional component implementation in the process of teaching Russian as a foreign language. It presents the abstracts of practical experience of the language material application at foreign students acquaintance with historical and cultural assumptions of Orel city.

Key words: Russian as a foreign language, regional component, linguistic-cultural material, social skills, speech patterns.

Изучение любого иностранного языка, в нашем случае русского, имеет своей целью не только умение практически применять грамматику и лексику изучаемого языка, но и возможность познакомиться с новым для студентов-инофонов менталитетом носителей языка той страны, язык которой они решили изучать.

Поэтому задача преподавателя русского языка как иностранного (РКИ) состоит в создании благоприятных условий успешного и результативного освоения национально-окрашенного материала в аудитории иностранных студентов. Это поможет не только показать особенности региона, но и помочь практически освоиться в незнакомой стране, что позволит иностранным обучающимся быстрее освоиться в новой языковой среде [1].

Обучение РКИ ставит перед собой две основные цели: *коммуникативную*, предполагающую формирование определенных умений иностранных обучающихся в овладении тактиками решения ситуативных задач в актуальных сферах общения, и *языковую*, а именно, формирование и владение технологиями составлять и анализировать фразы на изучаемом неродном языке в ситуациях повседневного общения.

Немаловажную роль в учебном процессе отводится коммуникативному подходу, который способствует подготовке к включению обучающихся в ситуации общения.

Как писал Ю.Е. Прохоров «в процессе обучения коммуникации должны учитываться только реальные социокультурные условия общения, т.е. всегда местные» [2, 1995, 96]. Социокультурный региональный компонент как обязательный элемент содержания обучения создает ситуации для практического использования изучаемого языка в реальной среде существования студентов-иностранцев, что в свою очередь положительно влияет на формирование коммуникативной компетенции обучающихся.

Поэтапное включение лексического материала, отражающего региональный компонент, на всех этапах изучения русского языка как иностранного - важная и актуальная задача.

Отбор и включение в содержание занятий регионально ориентированной лексики является кропотливым процессом. Задача преподавателя подобрать языковой материал, который содержит набор лексических единиц в рамках конкретной темы (Город, Университет, Культурная жизнь региона и др.). Этот лексический корпус должен включаться в работу через речевые образцы,

учебные и аутентичные тексты, учебные диалоги и естественные речевые ситуации, возможные в повседневной жизни обучающихся (в магазине, в банке, в деканате, на почте, в поликлинике, в театре, на вокзале), через систему грамматических упражнений. Многократное разыгрывание жизненных ситуаций, запланированных материалом занятия, позволят студентам через этап многократного повторения не просто усвоить новую лексику, но и лучше понять культурные особенности менталитета страны, которую они выбрали для обучения и проживания.

Первая и наиболее эффективная форма представления лексического или грамматического материала в ходе урока – это комплекс **речевых образцов**. (словосочетания на базе тематической лексики, отдельные предложения или группа предложений, небольшие диалоги по заданной ситуации). Обучающиеся должны выполнить конкретное речевое задание (узнай...., спроси..., выясни..., ответь....). Речевой образец выполняет роль модели для построения аналогичных высказываний.

Речевые образцы используются преподавателем при введении нового лексического или грамматического материала, а также при его тренировке и закреплении. Формы предъявления, отработки и закрепления могут различными (ролевая игра, урок-экскурсия, урок-путешествие и т. д.) [2].

Для студентов-инофонов актуально иметь наглядное изображение ситуации, т.е. картинку с сюжетом, поскольку они изначально не владеют русским языком, а пользоваться изучаемым языком нужно практически ежедневно с момента начала изучения, даже на уровне отдельных слов (мини-диалоги в банке, в кафе, в аудитории, в магазине, в транспорте).

Важную роль в этом случае могут сыграть тематические картинки, иллюстрации, которые как правило присутствуют в учебниках, также можно включать в работу учебные ролики из интернета. Они будут способствовать эмоциональному восприятию ситуации, снимут психологическое напряжение при погружении в новую языковую среду, но в естественной жизненной ситуации.

При изучении русского языка важно не просто научить использовать лексику в конкретных бытовых ситуациях, необходимо сформировать определенный социально-культурный опыт существования в стране изучаемого языка. Для этого педагоги должны сформировать и поддерживать на всем пути работы со студентами-инофонами интереса к России, ее языку, что призвано повысить мотивацию студентов и помочь эффективно пройти период адаптации к новой среде, что представляется нам крайне важным, поскольку студенты остаются в стране на длительный срок обучения.

Преподаватели русского языка одними из первых помогают ускорить процесс адаптации: знакомят с основными правилами обучения в университете и культурой проживания в общежитии, со структурой университета, с основными транспортными маршрутами города, используя материалы учебных пособий, фотографии и информационные материалы учебного заведения.

Использование информации исторического и культурного характера, необходимо для формирования представления о русской национальной культуре и культуре конкретного региона. Для иностранных студентов Орел - это образ России.

Названия улиц, площадей, скверов, учебных заведений, наличие музеев и театров, связанных с историей нашего города и области могут служить прекрасным дидактическим материалом, дающим возможность познакомиться с историей и культурой Орловского края. На элементарном уровне это могут быть словосочетания, несложные микротексты, составленные преподавателем, микро-диалоги для отработки грамматических конструкций. На базовом и последующих уровнях возможно включение в учебный процесс таких форм, как викторины, экскурсии, олимпиады.

Орел бережно хранит богатый историческое и литературное наследие. Многие названия улиц, исторических мест свидетельствуют о значительном культурном наследии нашего региона, в котором родились, жили и работали знаменитые русские ученые, писатели, общественные деятели и т.д.

Студенты-иностранцы обязательно должны познакомиться с инфраструктурой Орла и районом, в котором они живут и учатся. Поэтому названия орловских улиц и площадей – обязательные культурные объекты, названия которых студенты должны уметь произносить (отработка фонетических и грамматических навыков). В рамках учебных занятий рекомендуется объяснять в честь кого названа та или иная улица или площадь города. Для наглядности можно использовать план города или района, где находится университет и студенческое общежитие.

Выбирая материал, связанный с историей города, преподаватель вначале выбирает только известные достопримечательности, а позже может представить историю района, в котором живут и учатся студенты. Прежде всего, следует обратиться к названиям улиц, магазинов, социальных объектов и др, т. к. это послужит источником интересной исторической и культурной информации. Вниманию учащихся можно предложить задания типа: найдите на карте Орла эти улицы: Тургенева, Гагарина, Гоголя, Герцена, Емлютина, Картукова, Ленина, Маяковского, Панчука и др. Какие улицы находятся рядом с университетом, общежитием? Чьим именем они названы? - Были ли вы на этих улицах? Что там находится? Какие достопримечательности вы уже видели в Орле,? Понравились ли они вам? Объясните почему?

В ходе занятия нужно подчеркивать национальный колорит Орловского региона, например, рассматривать региональные праздники, традиции, обычаи и т.д. Можно проводить сопоставление культурных особенностей, уклада жизни жителей региона и жителей родного города студентов. Например, познакомить студентов-иностранцев с традиций проведения в Национальном парке «Орловское Полесье» праздника «Троицкие хороводы», который стал значимым для Орловской области международным фольклорным фестивалем.

Посетив это мероприятие или, посмотрев видео в интернете (в рамках учебных занятий), иностранные обучающиеся могут познакомиться с народными промыслами, игрушками и вышивке, существующими в Орловском крае (резьба по дереву, изготовление мебели из лозы, плетение мценского

кружева, создание плешковской и чернышенской игрушки из глины, плетение из соломки, вышивка в стиле орловского «списа», создание ливенских гармошек).

Полученные знания и умения закрепляются и активизируются в реальных ситуациях, возникающих при соприкосновении студентов с окружающей их языковой средой, и, следовательно, осуществляется связь учебного процесса с жизнью, что повышает мотивацию студентов к изучению русского языка как иностранного.

Активное использование регионального компонента как основы культурно-ориентированной методики РКИ, на наш взгляд, способствует активизации познавательных процессов, усилению мотивационного фактора, повышению интереса обучению, что в итоге приводит к более высокой эффективности обучения иностранных студентов в условиях русской языковой среды.

Использование в обучении русскому языку национально-регионального компонента стимулирует не только интерес к изучению языка, но и самостоятельность, активность каждого обучающегося, воспитывает ответственное отношение к учебному процессу как при изучении русского языка, так в получении профессиональной подготовки.

Список литературы:

1. Лингвистические основы РКИ (педагогическая грамматика русского языка): Учебное пособие / Е. Г. Борисова, А. Н. Латышева. - М.: Флинта: Наука, 2003 – 208 с.
2. Прохоров Ю.Е. Лингвострановедение в обеспечении меж культурного общения на русском языке // РЯЗР, 1995, № 2-3 .С.95-101.

Сведения об авторе

Борискина Ольга Викторовна: кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028,

Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95;olgaboriskina2012@yandex.ru; +9200819053.

Boriskina Olga Victorovna; Candidate of Philology, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; olgaboriskina2012@yandex.ru; +9200819053.

УДК 378.016:811.161.1

**РУССКИЙ ЯЗЫК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В СОВМЕСТНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
МГУ-ППИ В ШЭНЬЧЖЭНЕ)**

Ващекина Т.В.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия*

Аннотация: В настоящей статье речь пойдет о языке профессионального общения в сфере экономики и создании уникальных пособий по языку специальности для китайских студентов, которые практически через три месяца после изучения русского языка переходят к общению в профессионально-деловой сфере.

Ключевые слова: язык профессионального общения, общение в профессионально-деловой сфере, язык специальности

Ключевые слова: язык профессионального общения, общение в профессионально-деловой сфере, язык специальности

Abstract: The article focuses on the language of professional communication in the sphere of economics and on creation of unique study guides to the language for specific purposes for Chinese students majoring in Economics. In essence, students using these study guides move on to communication in the professional and business sphere almost after three months of studying Russian.

Key words: language of professional communication, communication in the professional and business sphere, language for specific purposes

В последние годы наблюдается существенное увеличение контингента иностранных граждан, которые заинтересованы в знании русского языка профессионального общения. Это не только сотрудники внешнеторговых организаций, бизнесмены, иностранные специалисты, менеджеры и т.д., работающие в различных фирмах и имеющие деловые контакты с российскими партнерами, но и студенты различных учебных заведений в России и за рубежом, планирующие использовать русский язык в своей будущей работе.

В настоящей статье речь пойдет о языке профессионального общения и об уникальной программе обучения китайских студентов языку специальности, разработанной в совместном университете МГУ-ППИ (МГУ – это Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, а ППИ – это Пекинский политехнический институт) в Шэньчжэне в Китае. Уникальность программы состоит в том, что студенты без обучения на подготовительном факультете уже практически через три месяца интенсивного обучения русскому языку как иностранному («Общее владение») приступают к изучению языка специальности и переходят к общению в профессионально-деловой сфере. Чем это обусловлено?

Конечно же, в первую очередь цели обучения русскому языку в профессиональной сфере в совместном университете МГУ-ППИ определены необходимостью в сжатые сроки обеспечить достижение уровня языковой компетенции, необходимого для полноценного участия в учебном процессе, а именно: организовать углубленную языковую профильную подготовку учащихся по конкретным специальностям, в частности по экономике, математике, биологии, химии, филологии. Чтобы достичь этих целей, преподавателям Центра русского языка в Шэньчжэне необходимо было специально для этого, тоже в сжатые сроки разработать, создать, написать учебные пособия по языку специальности (сначала в виде рабочих материалов), по которым должны были заниматься студенты разных специальностей и которые должны были пройти апробацию.

Трудность, конечно, заключалась в том, что писать эти рабочие материалы учебных пособий приходилось не коллективу преподавателей (как это должно было бы быть), а чаще всего одному преподавателю, работающему на том или ином факультете, причем, в свободное от работы время и практически каждый день, так как по вновь написанным рабочим материалам должно было проводиться на другой день очередное занятие по языку профессионального общения.

Известно, что написание пособий – это очень трудоемкий процесс, в результате которого приходится много чего исправлять, редактировать, изменять и т.п. Следует отметить, что, прежде чем написать то или иное пособие по языку специальности, преподавателям русского языка приходилось работать в тесном контакте с преподавателями-предметниками всех факультетов, например, экономистами, математиками, биологами и т.д., общаться с ними, вести многочисленные беседы, консультации, подбирать тексты, необходимый материал для пособия по языку специальности.

Для всех существующих на настоящий момент факультетов (а их в совместном университете уже пять) были написаны различные пособия по курсу «Введение в язык специальности» (I семестр) и «Язык специальности» (II семестр), которые в большинстве своем уже прошли апробацию. Например, для экономистов, с которыми я работаю на экономическом факультете, имеются пособия «Введение в язык специальности. Экономика» и «Введение в язык специальности. Математика», а во II семестре – «Язык специальности. Экономика. Микроэкономика» и «Язык специальности. Математический анализ».

Дело в том, что наши занятия по языку специальности со студентами-первокурсниками (а на II и III курсах – со студентами старших курсов) предваряют лекции преподавателей-предметников, поэтому студенты бывают практически готовы к слушанию лекций ведущих специалистов, потому что они с преподавателями русского языка как иностранного уже прошли те темы, которые им будут предлагать лекторы, прочитали относительно небольшие

тексты по изучаемому материалу. Микротексты, читаемые на занятиях по русскому языку, позволяют семантизировать лексико-грамматический материал и подготовить учащихся к восприятию базового текста. Лексико-грамматические конструкции вводятся на синтаксической основе, что обеспечивает комплексность в подаче языкового материала и его коммуникативность [1, с. 303].

Следует отметить, что весь текстовый материал пособий «Введение в язык специальности («Экономика» и «Математика»)), по которым мы работаем в университете, соотнесен с программным материалом по экономике и математике, изучаемым в данном университете, и представлен специально составленными, а также адаптированными и неадаптированными текстами общенаучного характера, тематически связанными со специальностью студентов. Например, материалы учебных пособий «Введение в язык специальности. Экономика» и «Введение в язык специальности. Математика» рассчитаны на 108 аудиторных часов. Материал по экономике включает в себя 14 основных уроков, посвященных таким темам, как: «Что такое экономика?»; «Экономика – хозяйственная деятельность людей»; «Блага»; «Факторы производства»; «Рыночная экономика» и т.д., а 5 уроков пособия по математике посвящены следующим темам: «Цифры и числа»; «Арифметические действия»; «Сравнение чисел»; «Дроби»; «Возведение в степень и извлечение корня». Следует отметить, что все темы уроков и учебные тексты каждого урока обоих пособий логически упорядочены и создают общее представление о языке специальности.

Конечно, чтобы освоить и усвоить весь грамматический материал, сформировать навыки использования этих грамматических конструкций в профессиональной речи учащихся, необходима регулярная языковая практика в освоении грамматического строя русского языка и большое число упражнений, выполнение которых будет способствовать автоматизации языковых и речевых образцов. Это очень долгий и сложный процесс, и трудности с освоением

материала связаны в первую очередь с различием в структурах русского и китайского языков [2, с. 89].

Таким образом, одной из важнейших задач начального этапа обучения языку профессионального общения китайских студентов совместного университета МГУ-ППИ является взаимосвязанное формирование умений и навыков чтения, аудирования, письма и говорения в учебно-профессиональной сфере на материале профессионально ориентированных научных текстов (как адаптированных, так и неадаптированных), а процесс освоения языка специальности представляет собой систему действий и операций, направленных на создание в устной и письменной форме монологических и диалогических сообщений на основе изучаемых текстов с использованием отработанных лексико-грамматических конструкций.

Список литературы:

1. Ващекина Т.В. Специфика обучения языку специальности в совместном университете МГУ-ППИ в Китае //Актуальные вопросы современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 180-летию Белорусской государственной сельскохозяйственной академии Горки, 12–13 июня 2020, г. Горки, БГСХА 2020. – С.302-304.

2. Ващекина Т. В. Обучение профессиональной научной речи студентов-иностранцев экономического профиля на разных этапах обучения / Т. В. Ващекина // Слово. Грамматика. Речь: материалы VII Междунар. науч. конф. «Текст: проблемы и перспективы: аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного», Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 28–30 ноября 2019 г. – М.: МАКС Пресс, 2019. – Вып. XX. – 472 с.

Сведения об авторе

Ващекина Татьяна Владимировна, МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения, кафедра сопоставительного изучения языков, доцент, кандидат филологических наук; E-mail: vascjulia@yandex.ru; +79265253783; 115419, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д.6, корп. 2, кв.17.

Author's personal data: Tatiana V. Vaschekina, Lomonosov Moscow State University, foreign language and regional research department, chair of language comparative study, docent, candidate of philological sciences.

E-mail: vascjulia@yandex.ru; +79265253783; 115419, Moscow, ulitsa Ordzhonikidze, 6/2 – 17

УДК 378.147.88

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В СВЕТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Верижникова Е.А., Верижников А.А

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые особенности обучения иностранным языкам с последующим их применением в сфере профессиональной коммуникации. Устанавливаются современные причины необходимости изучения и использования иностранных языков в сфере делового общения, а так же влияние научно-технического прогресса на решение проблемы языковой изоляции в сфере профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: профессиональное общение, универсальная (профессиональная) терминология, профессиональный язык, глобальная проблема, современный мир, современное общество.

Abstract: The article discusses some features of teaching foreign languages and their subsequent application in the field of professional communication. Modern reasons for the need to learn and use foreign languages in the field of business communication are being established, as well as the influence of scientific and technological progress on solving the problem of language isolation in the field of professional communication.

Key words: professional communication, universal (professional) terminology, professional language, global problem, modern world, modern society.

В современном мире людей окружает огромное количество разнообразной информации большей частью зрительной и слуховой. И если зрительную мы усваиваем хорошо (в расчёт не берутся люди с нарушениями зрительного анализатора), то со слуховой не так всё просто, ведь, чтобы воспринимать и усваивать информацию, человеку необходимо понимать язык, на котором до него будут донесены те или иные знания.

Сейчас многие люди склонны считать, что необходимость в изучении языков отпала. Мир гаджетов меняется настолько стремительно, что каждый год системы электронных переводчиков становятся всё лучше и лучше, могут переводить не только напечатанный, но и произнесённый текст. Достаточно иметь телефон со скачанным приложением, и вот ты уже вышел из языковой изоляции и готов воспринимать новую информацию.

Приложение – это, конечно, хорошо, но для всех ли? Для путешественника это выход, если языком тот не владеет, или владеет плохо, или его собеседник не может говорить на том же языке, что и он. Хорошо для тех, у кого есть время подумать, кому не надо давать сиюминутного ответа. И для свободного общения вам хватит словарного запаса вашего электронного «друга».

Совсем по-другому обстоят дела в профессиональной сфере. Особенно остро проблема языкового барьера стоит в сфере профессионального общения врачей. Да, мы все с вами в школе учим основы английского, немецкого, французского, даже в некоторых местах китайского языка. В институтах мы пополняем свой багаж профессионализмами своего «рабочего» языка вне зависимости, чей это язык. Но можем ли мы сказать наверняка, что наш будущий коллега будет разговаривать на том же языке, что изучали мы? Вопрос риторический, но разобраться с ним всё же стоит.

Представим себе такую ситуацию. Вы – хирург, и вам предстоит сложная операция по пересадке сердца. Вы собрали консилиум врачей, в котором участвуют не только ваши коллеги из России, но и из другой страны, предположим, Германии. Вы изучали в институте английский, врач из Германии говорит исключительно на немецком. Как же быть? На переводчика рассчитывать не стоит, поскольку средств на подобных специалистов у медицинских учреждений нет. Многие сейчас подумали о том, что есть вероятность, что ваши коллеги изучали немецкий и могут вам перевести всё сказанное иностранным специалистом. Что ж, тогда вот вам другая ситуация.

Вы уже проводите операцию. По видеосвязи с вами на операции присутствует всё тот же врач из Германии, два ассистента и две медсестры. Среднее образование всё-таки немного отличается от высшего, поэтому знание языка медсёстрами мы учитывать не будем. Остаются ассистенты. Вероятность их знания языка ещё меньше, чем у врачей на консилиуме. Выходит, что советы немецкого специалиста бесполезны, поскольку вы их даже не понимаете.

Любители гаджетов и передовых технологий сейчас бы воскликнули: «Постойте, у нас есть электронный переводчик!» И были бы абсолютно правы, он у нас есть. Но толи они хотели нам донести? Сможет ли железный процессор перевести нам с точностью такое живое «существо» как язык? Сомнительно. И дело не в шероховатостях, связанных с падежами и числами, а в значении слова. В русском языке немало примеров слов, которые выражают разные понятия, а произносятся одинаково или почти одинаково. Хрестоматийный

пример слово «коса». И без других слов мы не можем понять, что это: причёска или орудие труда? И не всегда слова одного предложения могут нам это пояснить. «У Алёны коса хороша». Опять не понятно, какое значение принимает это слово. И компьютер не сможет с точностью перевести нам это, поскольку больше, чем слова одного предложения, он учитывать не может. [3, с.36]

Точно и однозначно: нам нужна универсальная терминология для специалистов каждой научной и практической области, а в некоторых случаях и универсальный профессиональный язык! И толпы обывателей нам сейчас же будут доказывать, что есть такой язык – английский. И тут происходит несовпадение, если вернуться к тому же примеру с русским и немецким специалистами: один изучал помимо своего родного английский (который сейчас и называют мировым), а второй, предположим, - французский. И английский ему совершенно был без надобности, пока не случилась операция.

И тут мы подходим ко второй проблеме: какой язык преподавать? Ведь мы не можем наверняка знать, кем станет человек в будущем, не можем заставить изучать его все языки мира, это просто нереально. Мы не можем в пользу английского отказаться от других языков и отобрать у учеников право выбора, им дальше жить с этим знанием, учиться и работать.

Тогда можно предложить обязательное изучение английского для всех в институте. Опустив все педагогические установки и правила изучения языка, мы можем просто сказать, что это будет нечестно. Кто-то уже придёт со знанием грамматики, кто-то должен учить английский с нуля. Можно скомпоновать группы с базовым и «нулевым» знанием языка, но каждый ли институт может себе это позволить? Ответ очевиден. Нет.

Что же касается конкретно латинского языка, то здесь немаловажную роль играет традиция. «Так исторически сложилось» - можно сказать и про латынь в медицине. Полагаем, что стоит немного пояснить этот аспект. И начнём мы с наших далёких предков: греков и латинян.

Исторически первой медицинской терминология сложилась у греков, перенявших определённую базу знаний у египтян. И к моменту расцвета Римской империи, где и был определён латинский язык в качестве государственного, большинство специальных медицинских терминов было именно на греческом языке. Отсюда и происходило смешение двух древних языков с формированием нового греко-латинского профессионального языка врачей. Мы можем проследить даже такую тенденцию, что в названиях анатомических образований преобладают слова латинского происхождения, в заболеваниях наоборот – греческого.

На заре формирования будущих современных европейских языков у греков и латинян уже были созданы произведения литературы, дошедшие до наших дней. В некоторых из них сохранилась и медицинская терминология, в довольно большом объёме, и врачи эпохи Возрождения могли почерпнуть основу для создания новых терминов именно оттуда. Классические справочники, атласы стали писаться на латинском языке (который, к слову сказать, не потерял своего греческого начала и по сей день), признанным уже тогда универсальным, единым профессиональным языком медицины. [1, с.20]

На протяжении веков языковое разнообразие мира менялось: одни языки появлялись, другие «умирали». Но стоит ли в этом круговороте жизни отказываться от всего хорошего, что было в прошлом? Нет, не стоит.

И тут мы возвращаемся к вопросу, какой язык лучше использовать в профессиональной медицинской деятельности: английский или латинский. Вопрос не однозначный. Мы можем привести ещё огромное количество аргументов «за» и «против», но стоит понимать одну очень простую вещь.

Что вообще такое язык? Мы уже упоминали выше, но не делали сильного акцента на этом, теперь же пришло время обратить внимание ещё на один существенный факт.

Язык – это живой организм, который развивается здесь и сейчас благодаря нам, его носителям. Английский язык «живой», благодаря нашему повседневному общению. Некоторые слова выходят из обращения, устаревают.

Причём ряд слов настолько стар, что в современном языке они имеют свои синонимы по значению. Это так называемые архаизмы. Но если не углубляться так далеко, то на простом примере двух английских языков: американского и собственно английского (чтоб не запутаться, принято называть его «классический») – можно увидеть, как стремительно развивается язык. Всего несколько столетий назад английский язык был единым, с едиными правилами грамматики и лексики. Постепенное выделение этих двух подязыков произошло в какой-то степени и за счёт территориальной удалённости центров формирования. Строителям капитализма уже не нужен был тот возвышенный, имеющий множество нюансов английский, которым пользовались в Великобритании. Им нужен был ёмкий и простой в употреблении язык. Начинается процесс упрощения лексики и грамматики, в активном использовании остаются только наиболее значимые времена, некоторые слова упрощаются настолько, что начинают терять буквы, и этот процесс длится и по сей день.[2, с.24]

Что же касается латинского языка, то он уже не развивается, его устоявшаяся грамматика не меняется со времён первых анатомических атласов. Что это нам даёт? Точность в переводе и понимании слова. Нет двоякости, нет дополнительных смыслов, зависящих от окружающего текста. Это необходимо особенно медицинским работникам, когда в понимании диагноза, болезни или же просто строения органа не должно быть разночтений, которые могут иметь печальные последствия.

Но сложность в преподавании всё же остаётся и связана она со временем существования латинского языка. Он произошёл давно, ещё до нашей эры, и как полноценное средство общения сложился уже тогда. К сожалению, со временем часть правил грамматики и орфографии были утеряны, а слова, чьё написание регулируется этими правилами, осталось. Современным студентам, изучающим латынь, порой не стоит задумываться над вопросом: «Почему пишется именно так?» - а необходимо просто запомнить.

Подводя итог нашего сравнительного анализа, можем сделать несколько выводов. Во-первых, в профессиональной деятельности необходимо использование профессиональных терминов или даже отдельного профессионального языка. Во-вторых, проблема выбора между иностранными языками, используемыми в профессиональной речи, остаётся довольно острой и по сей день, и лишь методом исключения мы можем перейти к наиболее правильному ответу на вопрос: «Какой язык мы должны изучать и использовать?». В-третьих, не стоит пренебрегать изучением профессиональных терминов в иностранных языках, поскольку профессионализмы, в менее или более явной форме свойственные всем языкам, упрощают сферу профессионального общения. В-четвёртых, ни одно современное оборудование не сможет перевести текст с одного языка на другой, как это делает человек, поэтому актуальность изучения иностранных языков не исчезла, а в контексте быстро развивающегося общества даже возросла.

Исходя из всего вышесказанного, стоит сделать общий вывод: людям необходимо изучать и использовать иностранные языки не только в повседневной жизни, но и в профессиональной сфере.

Список литературы:

1. Каверина Д. А. Американский и британский сленг (сопоставительный анализ), // Молодой ученый. - 2014. - №20. с.24-26.
2. Киселёва С. В. К вопросу о синонимии, 2012, с. 36 // Актуальные проблемы лингвистики и гуманитарных наук: сборник статей по материалам международной научно-методической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и гуманитарных наук». Москва, 23 марта 2012 г. Под редакцией: Е. Сафонова, Н. Соколова М.: Российский университет дружбы народов, 2012.
3. Чернявский М. Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии: Учебник. – М.: Медицина, 2007. – 448 с.

Сведения об авторах

Верижникова Екатерина Анатольевна, старший преподаватель, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; veriekaterina@mail.ru.

Verizhnikova Ekaterina Anatolyevna, senior lecturer, Orlov State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; veriekaterina@mail.ru.

Верижников Антон Алексеевич, студент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; verizhnikov.toni@mail.ru.

Verizhnikov Anton Alekseevich, student Orlov State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; verizhnikov.toni@mail.ru.

УДК 378.147

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР И ИГРОВЫХ СИМУЛЯТОРОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Власов К.А.

*Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова,
г. Орел, Россия*

Аннотация: В статье рассматривается использование и возможные результаты использования компьютерных игр и игровых симуляторов при изучении иностранных языков. Компьютерные игры и игровые симуляторы вносят свой вклад для эффективного изучения иностранного языка. Можно говорить о том, что симуляторы и игры являются важными и полезными методами, помогающими учащимся выучить другой язык.

Ключевые слова: изучение иностранного языка с помощью компьютера, компьютерные игры, игровой симулятор, массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра, виртуальный мир.

COMPUTERIZED GAMES AND SIMULATIONS IN LANGUAGE LEARNING

Abstract: The article explores the use and the possible results of computer games and simulations in computer assisted language learning. Computer games and stimulations provide different opportunities for effective language learning. This suggests that simulations and games are important and beneficial methods for helping learners acquire another language.

Key words: Computer Assisted Language Learning (CALL), computer games, simulation, MMORPG, virtual world

Использование современных технологий оказывает существенное влияние на различные традиционные процессы в современном обществе. Действия, вполне обыденные сегодня, еще в конце 20 века требовали совершенно другого алгоритма выполнения. Для того, чтобы использовать книги, требовалось их физическое наличие, поскольку формат электронных книг был недостаточно распространен, от руки писались студенческие работы, при поиске информации требовалось пойти в библиотеку или обратиться к печатным версиям словарей, справочников, учебников и т.д. Таким образом, технологии изменили наш мир, сделали различные гаджеты (ноутбуки, нетбуки, планшеты, смартфоны) привычной частью ежедневной жизни и учебного процесса.

Анализ работ, посвященных использованию современных технологий при обучении иностранным языкам, позволяет выделить целый ряд преимуществ такого обучения перед традиционным. Исследователями неоднократно отмечаются такие дидактические характеристики современных технологий, как

интуитивная простота в обращении многофункциональность, интерактивность, мультимедийность, автономность [1, с. 897]. При изучении иностранного языка технологии выступают в качестве посредника и делают более интенсивным социальное взаимодействие студентов. Это, в свою очередь, оказывает положительное воздействие на процесс изучения иностранного языка.

Данные характеристики достаточно полно проявляются и в компьютерных играх при изучении иностранных языков, в частности – в компьютерных симуляторах, которые воссоздают особые виртуальные миры с их уникальным окружением.

Многопользовательские миры (Multiuser object-oriented domains – MOO) представляют собой текстовую онлайн-систему виртуальной реальности, к которой одновременно подключено несколько пользователей. Данная система является одним из первых примеров применения компьютерных симуляторов при изучении иностранных языков. Изначально использовались компьютерные ролевые приключенческие игры, действие которых разворачивалось в виртуальной реальности.

Подобные многопользовательские миры (multiuser dimensions – MUDs) давали возможность многим пользователям не только получать доступ непосредственно к игровому процессу, но и осуществлять общение на английском языке. Данная модель была перенесена в изучение иностранных языков с помощью компьютеров (Computer Assisted Language Learning – CALL). При этом симулируется окружение из реального мира, подразделяемое на отдельные элементы социального пространства.

Пользователи получают целый ряд возможностей: они активно вовлечены в текстовое общение, создают своего уникального персонажа, проводят операции с виртуальными предметами, путешествуют по ландшафтам виртуальной реальности. Структура подобных виртуальных миров позволяет симулировать постоянные тематические модели части реального мира, создавать отдельные кабинеты для виртуального общения. При этом

пользователи создают своего уникального персонажа, привязанного к конкретной зарегистрированной учетной записи пользователя.

Компьютерные симуляторы создают «психологически-комфортные условия для развития разных видов речевой деятельности и позволяет организовать свой учебный процесс со своими личностными способностями, уровнем обученности» [2, с. 742.]. Таким образом, при изучении иностранных языков с помощью компьютеров можно выделить следующие возможные преимущества, которые предоставляют компьютерные симуляторы.

1. Моделирование части реально существующего мира дает возможность изучающим иностранный язык получать знания о социальных и культурных реалиях страны изучаемого языка [8].

2. Появляются возможности для сотрудничества обучаемых в процессе изучения иностранных языков, их диалога, совместного преодоления возникающих трудностей и решения задач, появляющихся в учебном процессе [11] [5].

3. Неформальный стиль общения дает возможность снизить уровень тревожности обучаемых, позволяет уменьшить их беспокойство по поводу проблем с произношением, а также повышает готовность рисковать [7].

4. Подвижные временные рамки позволяют отслеживать индивидуальный прогресс обучаемых и уровень их готовности к самостоятельному изучению иностранного языка [4].

5. Большинство материалов виртуального общения сохраняется в архивах. Их дальнейшее изучение позволяет обнаружить сделанные ошибки и попытаться понять их природу [6].

Исследования взаимодействия студентов в процессе использования конкретного компьютерного симулятора [10] позволяет сделать следующие выводы.

С самого начала наблюдения было отмечено, что студенты принимают активное участие в проекте. Использование компьютерного симулятора, таким образом, оказывает положительное влияние на мотивацию и активность

обучаемых. Кроме того, студенты получали мотивацию к углублению межкультурных связей. Соперничество, характерное для игр, поощряло более активное изучение культуры и реалий страны изучаемого языка. Роль преподавателя также трансформировалась; постепенно возрастала автономность студентов как на этапе получения знаний, так и на этапе контроля результатов. Это соответствует общей тенденции при использовании современных технологий в учебном процессе, когда преподаватель все чаще выступает как тьютор.

Компьютерный симулятор поощрял как активное, так и продуктивное общение студентов между собой. Обучаемые обсуждали, в частности, значение новых слов. В игровом процессе используется аватар – альтер-эго пользователя, его графическое представление. Вместо имени и фамилии обучаемого в игре фигурирует его никнейм. Эти характеристики компьютерного симулятора снимают затруднения, свойственные для традиционного общения, и поощряют активность студентов при таком виде обучения иностранным языкам.

Положительным аспектом сотрудничества студентов при использовании компьютерных симуляторов является то, что для них становится возможным решать такие задачи, решить которые по отдельности они не всегда способны. Таким образом, благодаря интерактивности преодолевается дистанция между текущими способностями студента и его потенциальным уровнем развития, что не всегда возможно при традиционном обучении иностранным языкам.

Таким образом, отмечаются ряд позитивных аспектов использования компьютерных симуляторов при изучении иностранных языков.

1) Использование компьютерных симуляторов развивает учебную автономию обучающихся [3, с.99], а также способствует их сотрудничеству при изучении иностранного языка. Отмечается положительное воздействие диалогов между студентами при использовании компьютерных симуляторов на развитие их языковой компетенции при изучении иностранного языка.

2) Атмосфера игр (в том числе – и многопользовательских онлайн-игр), а также содержание создаваемых симуляторами виртуальных миров

положительно воздействуют на мотивацию обучаемых. Обучаемые практически заинтересованы в изучении иностранному языку, поскольку их языковые знания помогают им выполнить игровые задачи. Кроме того, игровой процесс способствует снятию ограничений, которые являются типичными при традиционном изучении иностранных языков, создавая новые возможности в учебном процессе.

3) Мультимедийность этих миров способствует лучшему изучению социальных и культурных реалий страны изучаемого языка, а также социализации обучаемых, которые совместно действуют для достижения цели, достаточно жёстко определяемой учебными задачами [9]. Получение знаний о культуре страны изучаемого языка и умение ими пользоваться оказывают позитивное воздействие на общий культурный уровень обучаемых.

Список литературы:

1. Халтурина, О. В. Использование сервиса Веб 2.0 Voki в преподавании иностранных языков // Молодой ученый. – 2014. – № 8 (67). – С. 897-898.

2. Халтурина, О. В. К вопросу об актуальности использования платформы интерактивной коммуникации Voicethread при презентации веб-квест проектов на занятиях иностранного языка // Молодой ученый. – 2013. – № 6 (53). – С. 741-743.

3. Ходяков Д.А. Образовательная автономность изучающих иностранные языки: способность или готовность? // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2012. – № 10. – С. 98-102.

4. Donaldson, R. P. & Kötter, M. Language learning in cyberspace: Teleporting the classroom into the target culture // CALICO Journal. – 1999. – №16. – P. 531-557.

5. Peterson, M. MOOs and second language acquisition: Towards a rationale for MOObased learning // *Computer Assisted Language Learning*. – 2001. – №14. – P. 443-459.
6. Peterson, M. MOO virtual worlds in CMC-based CALL: Defining an agenda for future research // *Computer-assisted language learning: Pedagogies and technologies*. – Lincoln, NE: iUniverse, 2004. – P. 39-59.
7. Ortega, L. Processes and outcomes in networked classroom interaction: Defining the research agenda for L2 computer-assisted classroom discussion // *Language Learning & Technology*. – 1997. – №1(1). – P. 82-93.
8. Shield, L. MOO as a language learning tool // *Language learning online: Towards best practice*. – Amsterdam: Swets & Zeitlinger, 2003. –P. 97-122.
9. Thorne, S. L. Transcultural communication in open internet environments and massively multiplayer online games // *Mediating discourse online*. – Amsterdam: John Benjamins, 2008. – P. 305-327.
10. Von Der Emde, S., Schneider, J., Kötter, M. Technically speaking: Transforming language learning through virtual learning environments (MOOs) // *Modern Language Journal*. – 2001. – №85. – P. 211-225.
11. Warner, C. N. It's just a game, right? Types of play in foreign language CMC // *Language Learning and Technology*. – 2004. – №8(2). – P. 69-87.

Сведения об авторе

Власов Константин Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. 302027, Российская Федерация, Орел, ул. Игнатова, д. 2; conn80@inbox.ru.

Wlassow Konstantin Alexeevich; Candidate of Philology, Assistant professor of the chair of Foreign and Russian languages. Candidate of sciences (Philology). Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Ignatov st., 2, Oryol, 302027, Russian Federation; conn80@inbox.ru.

АКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗЕ

Ефанова О.А.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению основных активных методов обучения иностранным языкам в вузе. В статье приводятся определения и типология активных методов обучения разных авторов, рассматриваются принципы организации учебного процесса с применением активных методов обучения.

Ключевые слова: активные методы обучения, активность, программированное обучение, проблемное обучение, интерактивное обучение.

Abstract: The article is devoted to the main active methods of teaching of foreign languages in high schools. The article provides definitions and typology of active teaching methods by various authors, and discusses the principles of organizing the educational process using active methods of teaching.

Key words: active methods of teaching, activity, programmed learning, problem-based learning, interactive learning.

Процесс обучения иностранным языкам в вузе сегодня требует пересмотра старых и создания новых методов обучения, чтобы все студенты были вовлечены в этот процесс. Поэтому наибольшую актуальность приобретают активные методы обучения иностранным языкам, при которых обучающиеся самостоятельно овладевают знаниями, умениями и навыками, выполняя различные задачи.

Нет единого определения активных методов обучения. Разные авторы пытались дать свое определение данного понятия. Так, К.У. Пайзуллаева

считает, что активные методы обучения – это методы, которые побуждают к активной умственной или практической деятельности при усвоении учебного материала и формировании профессиональных компетенций [4, с. 92].

Методы активного обучения – это, по мнению А.В. Давыдовой и Л.Г. Смольковой, «совокупность педагогических действий и приемов, направленных на организацию учебного процесса и создающих специальными средствами условия, мотивирующие обучающихся к самостоятельному, инициативному и творческому освоению учебного материала в процессе познавательной деятельности» [2, с. 26].

На наш взгляд, наиболее емкое определение активных методов обучения дала Г.А. Рыжова. Она понимает под активными методами обучения методы, направленные на активизацию мышления обучающихся. По мнению автора, активные методы обучения характеризуются высокой степенью мотивированности, эмоциональности восприятия учебного материала и учебного процесса в целом и интерактивности обучения. Активные методы обучения позволяют, кроме того, активизировать творческие способности обучающихся, повысить результативность обучения и сформировать общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции обучающихся [6, с. 123].

При использовании активных методов обучения в учебном процессе в вузе следует учитывать следующие принципы: «принцип совместной деятельности преподавателя и студентов; проблемность содержания обучения; принцип соответствия целям и задачам обучения; коллективный характер учебного процесса; принцип диалогового общения; соответствие учебным возможностям и уровню подготовки студентов; соответствие имеющимся условиям и отведенному времени обучения; принцип непредсказуемости и гибкости занятий» [8, с. 132].

Активные методы обучения можно классифицировать по разным основаниям. По особенностям учебно-познавательной деятельности выделяют имитационные и неимитационные методы [6, с. 124; 7, с. 104].

Имитационные методы обучения основаны на имитации различных действий с использованием модели изучаемого явления и делятся на игровые и неигровые методы. К игровым методам относят деловые и ролевые игры, игровое проектирование и игры с моделями, а к неигровым – кейс-метод, групповые и индивидуальные тренинги.

В неимитационных методах обучения модель изучаемого объекта отсутствует. Среди этих методов можно выделить проблемную лекцию, тематическую дискуссию, мозговой штурм, олимпиаду, презентацию, научно-практическую конференцию.

По количеству участников активные методы обучения делятся на индивидуальные, групповые и коллективные методы.

По характеру деятельности обучающихся в ходе поиска решения задачи выделяют методы для решения разных задач (исследовательских, конструкторских, психологических), создания объектов, их ранжирования по разным критериям, выбора стратегии поведения в данной ситуации [6, с. 123].

Согласно еще одной классификации, активные методы обучения могут делиться на методы программированного, проблемного и интерактивного обучения.

В программированном обучении знания, умения и навыки приобретаются самостоятельно в ходе выполнения определенных операций для решения поставленной задачи.

В проблемном обучении происходит анализ поставленной задачи, поиск оптимального пути ее решения и применение известных обучающимся схем решения для данной задачи. В проблемном обучении активизируются познавательная деятельность и интерес обучающихся [7, с. 105].

Проблемное обучение строится на проблемных ситуациях, для постановки которых можно использовать следующие приемы: «постановку проблемы напрямую или через задание прямого вопроса, преподнесение информации с противоречием, сообщение противоположных друг другу мнений по данному вопросу, акцентирование внимания на жизненной

ситуации, которая требует разъяснения; представление фактов, вызывающих недоумение у студентов; задание вопроса, ответ на который студент сможет дать после прослушивания части лекции» [7, с. 105].

Среди методов интерактивного обучения выделяют эвристическую беседу, дискуссию, мозговой штурм, круглый стол, деловую игру, кейс-технологии, конкурсы практических работ и т. д. Рассмотрим немного подробнее данные типы активных методов обучения.

Проблемная лекция предполагает исследовательское отношение к содержанию лекции. Разрешая противоречия, которые лежат в основе проблемной ситуации, обучающиеся самостоятельно делают те выводы, которые они должны были усвоить в качестве нового знания.

Один из эффективных приемов продуцирования идей – это «мозговой штурм». Он заключается в поиске ответа на сложную проблему с помощью высказывания приходящих в голову идей, предложений и догадок.

Технология проектов предусматривает приобретение знаний, умений и навыков в процессе самостоятельного планирования и выполнения заданий проекта.

Эвристическая беседа – это беседа, в которой происходит поиск ответа на проблему.

Дискуссия представляет собой свободное обсуждение важных вопросов учебной программы.

В рамках круглого стола осуществляется обсуждение какой-либо проблемы с научных точек зрения.

В деловой игре происходит моделирование будущей профессиональной деятельности обучающихся, чтобы на модели выработать определенную профессиональную компетенцию.

Эффективной образовательной технологией является кейс-технология, предполагающая обучение с использованием моделей реальных ситуаций. Учебные занятия с применением кейс-технологии включают следующие операции: «знакомство с ситуацией, ее особенностями; выделение основной

проблемы (основных проблем); выделение факторов и персоналий, которые могут реально воздействовать; предложение концепций или тем для «мозгового штурма»; анализ последствий принятия того или иного решения; решение кейса – предложение одного или нескольких вариантов (последовательности действий), указание на возможное возникновение проблем, механизмы их предотвращения и решения» [1, с. 6].

Технологическую основу активных методов обучения составляет, как пишут А.А. Раюшкина, О.В. Устинова, С.А. Ширяев и В.А. Гудков, модель трех стадий: 1) стадия вызова: из сознания обучающегося извлекаются имеющиеся знания и представления об объекте; 2) стадия осмысления: обучающийся знакомится с новой информацией, обобщает и систематизирует ее; 3) стадия рефлексии: обучающийся усваивает новые знания, включает новые понятия в уже известные ему [5, с. 170].

Процесс применения проблемного метода обучения состоит, как отмечает И.Н. Табуева, из трех этапов: 1) формулировка проблемной ситуации; 2) поиск выхода из проблемной ситуации: поиск информации по заданной ситуации, анализ проблемной ситуации, обобщение, сопоставление и систематизация полученной информации, поиск путей решения проблемы; 3) умозаключение, результат деятельности студентов: решение задачи, ответ студентов на проблемную ситуацию, высказывание своего мнения о процессе поиска решения данной проблемы [10, с. 100].

Методы активного обучения могут использоваться на разных этапах учебного процесса: 1) первичное овладение знаниями: используются проблемная лекция, эвристическая беседа, учебная дискуссия; 2) закрепление знаний: используются коллективная мыслительная деятельность и тестирование; 3) формирование профессиональных умений и навыков на основе усвоенных знаний и развитие творческих способностей: используются моделированное обучение, игровые и неигровые методы [3, с. 61-62].

Активные методы обучения имеют ряд преимуществ перед традиционными методами обучения, так как они позволяют каждому

преподавателю выбрать свою модель обучения, рассмотреть определенную проблему в условиях дефицита времени, повысить познавательную активность обучающихся, сформировать у них навыки и умения постановки, анализа и решения профессиональных задач, пополнить полученные в ходе обучения теоретические знания и сформировать умение применять их в нестандартных ситуациях, выявлять главное в определенной проблеме и устанавливать причинно-следственные связи, формировать коммуникативную компетенцию, раскрыть личность каждого обучающегося, сформировать положительную учебную мотивацию, получать высокие результаты обучения, наладить положительные отношения в группе [5, с. 171; 9, с. 123].

Таким образом, активные методы обучения иностранным языкам формируют умение работать в коллективе, принимать решение сообща, развивают способность ставить проблему и искать оптимальные пути ее решения, аргументировано излагать свое мнение. Активность педагога повышает учебную мотивацию обучающихся, делает занятия интересными и результативными и позволяет формировать общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции будущих специалистов.

Список литературы:

1. Гущина Е.В. Активное обучение как условие формирования образовательного пространства организации среднего профессионального образования // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2017. № 6. С. 4-9.

2. Давыдова А.В., Смолькова Л.Г. Деловая игра как метод активного обучения студентов старших курсов медицинского вуза // Сибирский медицинский журнал. 2010. № 7. С. 25-27.

3. Карлаш А.Е., Журбенко В.А. Роль активных методов обучения в обучении студентов медицинского вуза // Медицинское образование XXI века: компетентностный подход и его реализация в системе непрерывного

медицинского и фармацевтического образования: сб. материалов Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Витебск, 2017. С. 59-62.

4. Пайзуллаева К.У. Активные методы обучения при подготовке учителей начальных классов // Вестник науки и образования. 2017. № 6. Том 1. С. 91-94.

5. Раюшкина А.А., Устинова О.В., Ширяев С.А., Гудков В.А. Использование активных методов обучения при изучении экономических дисциплин в техническом вузе // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе. 2010. № 8. Том 7. С. 170-171.

6. Рыжова Г.А. Развивающие возможности использования активных методов обучения в военном вузе // Теория и практика общественного развития. 2013. № 2. С. 122-125.

7. Сейдаметова С., Мевлют И.Ш., Аметов Ф.Р., Аблякимова А.Н., Аметов А.Д. Активные методы обучения в вузе // Информационно-компьютерные технологии в экономике, образовании и социальной сфере. 2017. № 2. С. 102-108.

8. Смирнова О.В. Активные методы обучения в вузе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 4. С. 129-133.

9. Сумцова О.В. Активные методы обучения студентов технических вузов иностранному языку // Альманах современной науки и образования. 2011. № 12. С. 122-123.

10. Табуева И.Н. Проблемный метод обучения как один из активных методов обучения иностранному языку в неязыковом вузе // Paradigmata Poznani. 2015. № 3. С. 99-102.

Сведения об авторе

Ефанова Ольга Александровна; кандидат педагогических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; sunny21@inbox.ru; +79534744071.

Efanova Olga Alexandrovna; Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; sunny21@inbox.ru; +79534744071.

УДК 372.881.111.1

**О ВЛИЯНИИ ТЕМАТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ
«ПРАКТИЧЕСКИЙ КУРС АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА» НА
ОПТИМИЗАЦИЮ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ**

Макарова Е.Л.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о влиянии тематики курса на формирование умений диалогической речи студентов первого курса. Статья акцентирует внимание на возможностях тематического содержания дисциплины оптимизировать процесс обучения дискуссии на первом курсе языковых

Ключевые слова: тематическое содержание, актуальные темы, повышение мотивации, коммуникативные умения, нравственное взросление

Abstract: The article studies the impact of the thematic content on the communicative competence. It reveals the major positives of up-to-date topical issues in teaching first-year students.

Key words: thematic content, topical issues, increasing motivation, communicative skills, moral growth

Важнейшим показателем современного образования является перемещение акцентов в обучении иностранным языкам на развитие навыков речевого общения и ведения дискуссий. Речь идет о реализации речевого акта говорения в процессе коммуникации, об одном из наиболее оптимальных

стратегических приемов – использовании коммуникативных технологий: активных и интерактивных методов обучения иностранным языкам [4,с.12].

Дискуссию целесообразно использовать при обучении иностранному языку, применяя ее и как метод, и как форму, в качестве одного из элементов интерактивного обучения. Подобная форма организации учебного процесса более чем оправдана. Во - первых, происходит овладение различными коммуникативными функциями языка в разнообразных ситуациях общения, приближенных к реальным. Во - вторых, при этом идет интенсивное усвоение и активизацию тематического словаря, порой выходящего за рамки лексического минимума, предусмотренного программой. В - третьих, дискуссия как форма контроля действительно показывает реальный уровень сформированности навыков устной речи, обучаемых при минимальных временных затратах. Кроме того, дискуссия имеет образовательную ценность, так как предполагает активный поиск информации учащимися и обмен ею. Развивающий характер дискуссии обусловлен разнообразием речемыслительных задач, решаемых во время обсуждения. Трудно также переоценить воспитательное значение дискуссии, в ходе которой старшеклассники учатся не только выражать собственное мнение, но и уважать точку зрения партнеров, не только отстаивать свои убеждения, но и находить разумный компромисс.

Для подготовки, проведения и участия в дискуссии на иностранном языке, необходимо обладать определенным набором языковых компетенций, включающих как интеллектуальные умения, так и навыки речевой деятельности. Такой способ общения универсален для изучения языка, так как позволяет интегрировать все языковые и социокультурные знания студентов, ставит перед обучаемым цель быть творцом, субъектом познавательной активности [3,с.43].

Пути и средства достижения этой цели многообразны, однако в данной статье мне хотелось бы подробнее рассмотреть такой немаловажный фактор обучения как содержание учебного материала.

Тематическое наполнение многих программ по дисциплине «Практический курс английского языка» часто сводится к темам бесспорно нужным, но не в полной мере работающих на решение таких задач как повышение мотивации студентов, становление их личностного роста. Конечно же, без таких тем как " My Working Day", " Meals", "Weather", " Ny Native Town ", и ряда других действительно не обойтись. Эти темы всегда были и будут бесспорно базовыми, требующими их освоения как в рамках школьной, так и Вузовской программе. Однако мы попытались расширить тематику, представленную для изучения на 1 курсе такими темами как " In what Way Are You Unique" , "What Makes Me Me " , "Values" , , " The Major Principles of Dealing With Others ", "My Idea of Happiness" , "My Life Motto", "What helps a person to Succeed In Life" и ряд других. Как же подобное изменение в изучаемой тематике повлияло на процесс обучения дискуссии в целом?

1) Преподавателю важно знать мотивы учебной деятельности учащихся и по возможности их расширять [5 стр.23]. В идеале любой преподаватель иностранного языка хотел бы обучать высоко мотивированного студента, который бы активно участвовал в процессе изучения темы, будь то работа на этапе становления лексических навыков или же непосредственно коммуникация (монолог по теме, обмен мнениями, дискуссии). Подобная тематика настолько точно отвечает интересам данной возрастной группы, что это значительно повышает вовлеченность студентов в дискуссию.

2) Следует отметить положительную динамику в говорении при изучении подобных тем. Целью обучения говорению является развитие у учащихся способности в соответствии с их реальными потребностями и интересами осуществлять устное речевое общение в разнообразных, социально-детерминированных ситуациях. [4, стр.86] Значимость данных тем для подростков служит важнейшим мотивационно - побудительным фактором речевой активности. К явным плюсам можно отнести то, что заметно меняется и сам характер говорения. Явно минимизируется объем репродукции в говорении. Первокурсники продуцируют речь, идут в прямом смысле слова "от

мысли к речи". У них нет никакой необходимости бездумно зазубривать чужие мысли или воспроизводить заученный материал ведь при обсуждении предложенных тем у подростков присутствует своя точка зрения . Таким образом удастся избежать "псевдоговорения", при котором речь репродуктивна и по большей части алгоритмизирована .В этих условиях у приобщающегося к новому языку формируется креативная компетенция, позволяющая использовать языковые средства в различных контекстах спонтанно и на продуктивном уровне, которая и обеспечивает коммуникативную деятельность на изучаемом языке [2, с.8].

3) Организация диалогической речи в рамках данной тематики вызывает неподдельный познавательный интерес и тем самым стимулирует самостоятельную работу учащихся. Студенты становятся более инициативными в поисках дополнительных материалов по теме. Учащийся, в процессе подготовке к дискуссии, не только интенсивно овладевает тематической лексикой, данной в пособии, но и обогащает свой вокабуляр самостоятельно. Овладение тематическим словарем перестает быть неприятной рутинной.

4) Ведение дискуссии в рамках таких актуальных тем это прекрасная школа коммуникации. В процессе обмена мнениями студент учится не только раскрывать свое "я", но и учится слушать партнера. Коллизии мнений при этом неизбежны, но постепенно первокурсник приобретает навыки ведения корректной дискуссии, учится избегать коммуникативной агрессии.

5) Происходит повышение статуса учащегося в образовательном процессе. Не секрет, что многие преподаватели сохраняют ориентир лишь на передачу знаний. При этом они занимают сугубо доминирующую позицию, выступая в роли того единственного, кто все знает. При обучении дискуссии авторитарная позиция преподавателей не всегда способствует развитию диалога, более того часто это приводит к своеобразной психологической пассивности студентов. При обсуждении же данных актуальных тем первокурсник выступает наряду с учителем в качестве активного субъекта

деятельности учения, порождается диалог равных, идет совместный процесс обмена мнениями, диалог интеллектов, при котором позиция учащегося никогда не отвергается как неправильная.

6) Коммуникация в рамках данных тем в значительной степени становится фактором, помогающим студентам стать частью группы. Обсуждение таких тем как "My Idea of Happiness" , "My Life Motto", "Am I unique? "особенно важно для студентов именно первого курса. Ведь это помогает узнать друг друга, стать более толерантным. В результате, группа обретает большую коммуникативную совместимость, улучшаются межличностные отношения в коллективе.

7) Дискуссии по данным темам несут в себе большой воспитательный потенциал. Многие педагоги и психологи отмечают утрату нравственных ориентиров у молодежи, их отчуждение от культуры, нежелание глубоко мыслить. Средства массовой информации способствуют прочному усвоению нравственно нездоровых ориентиров, прививают подросткам низкий уровень эстетической культуры. В сложившихся условиях педагог просто не имеет права забывать о том, что образовательный процесс не может и не должен осуществляться вне воспитательного. [1,с.47]

Обсуждение таких тем как "Character:Vices and Virtures" , "What are Wrong and Fake Values", "The major principles of dealing with others" , "My Idea of Happiness" помогают запустить механизм самоидентификации, способствует личностному становлению, стимулирует механизм саморазвития и нравственного роста. Студент не только овладевает коммуникативными технологиями, но и переживает нравственное взросление.

Далее представлены фрагменты работы над двумя темами: " My Character What Makes me me?" и " In what way are you unique? "

Answer the questions and then be ready to ask your partner about the way he / s h e feels under the circumstances.

1. If somebody told a funny story about you to a group of people at the party, would you feel confused, embarrassed, angry, offended?

2. When you speak to unfamiliar people, do you tend to behave assertively, shyly passively?

3. If you are praised in public, do you feel encouraged, proud, confident, embarrassed and shy?

4. Which type of person would you have trouble talking to: arrogant, sociable, talkative, timid ingratiating? 5. How do you find listening to music while studying? (comforting, exciting, distracting, tedious)

6. What type of person would you prefer to spend some time on a desert island with? (practical, adventurous, sympathetic)

Interview your group-mates asking the following questions. Sum up the information you get. Which qualities do they possess? Which do they lack?

1. Can you express your feelings?

2. Are you confident in your dealing with other people?

3. To what extent are you ambitious?

4. Are you an original thinker?

5. Is it easy for you *to* persuade others to see your point of view?

6. 8. Is it easy for you to find solutions to practical problems?

7. Is your *independence* very important for you?

Answer the following questions, put to test your knowledge of the adjectives, characterizing personal qualities.

1. What kind of people are often lonely? (surrounded by people, are easily forgotten, are quick to see the point, feel uneasy in the company, enjoy other people's confidence)

2. What kind of people are called good mixers? (poor mixers, naughty, level-headed, sympathetic, vain, ambitious)

3. What do you call a person who can't keep a secret? (feels deeply, pokes his nose everywhere, is always sure of himself, is mostly in high spirits, is unlike others, says what he thinks, has no moral principles)

4. What kind of traits would you appreciate in a wife/husband, a son/ daughter, a bosom friend, a teacher?

5. Which traits do you detest most?

In What Way Are You Unique?

Pre-text activities

1. Do you find yourself unique? In what way?

2. What can help a person to stand out from the crowd?

3. Is there anything bad about being unique?

TRUTH FROM HEAD TO TOE (by Shad Beach)

I am not an average punk from the street. I am one and only unique Shad Beach. Some of my uniqueness comes from these areas as athletic events, that I participate in, the dancing I do, and the clothes I wear.

I think of myself as a dedicated person. One way I am dedicated is to my grades and sports. I must be dedicated if I want to get better and if I don't I will never be the best and never fulfill my dream. I participate in such sports as basketball, wrestling, baseball. These are the things that I do to keep my body in shape.

Dancing is also a major part of my life. Dancing is a way out to let out some of my emotions. It is something I can do and feel confident about.

The clothing I wear sets me apart from others affects the way I feel. I basically wear comfortable clothes that enable me to be myself.

On the outside I look like an average person but I am totally different on the inside. So never judge the book by its cover or me by my looks.

Answer the questions:

1. What makes Shad Beach believe in his uniqueness?

2. What sports does he participate in?

3. What does he feel confident about?

4. How does he account for his choice of clothes?

5. Which popular saying is used in this text? What does it mean?

Written Task "My answer to Shad Beach "

Task 1 "My Answer to Shad Beach"

The students are asked to write a letter to Shad Beach starting it either with "Shad, do you really claim to be unique? Don't make me laugh..." (if they consider the guy to average or " Shad, you are so special! I'd like to be like you ... " (if they consider him to be unique)

In class some letters are read out to initiate a discussion "What makes a person unique?"

Task 2 Read the following about uniqueness. Say what each of them implies.

- 1) Standing out from the crowd won't happen if you think with the crowd
- 2) We are all born unique but we die as copies
- 3) Young people strive for uniqueness. The middle-aged want safety
- 4) Many people claim to be unique but only few are.
- 5) Always remember that you are unique. Just like ... everyone else.

Task 3. Comment on the following

1. It's easy to find a common language with average people whereas unique people are hard to deal with. 2. It's a burden to be treated like 'one and only' all the time. 3. Many people claim to be unique but very few are 4. White crows are hard to deal with on everyday basis 5. Standing out from the crowd won't happen if you think with the crowd 6. We are all born unique but we die as copies. 7. Always remember that you are unique. Just like..... everyone else.

Task 4 Interview your group-mates which qualities they possess that enable them to claim to be unique

Debate the following "Why do so many young people hate being called average"

Список литературы:

1.Алексеев Н.А. Личностно-ориентированное обучение в школе – Ростов на / Д: Феникс, 2006. - 332 с.

2. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: Пособие для учителя. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: АРКТИ, 2003. 192 с.

3 Лашина Е.Н. Дискуссия как метод обучения иностранному языку в

неязыковом вузе // Педагогическое мастерство: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.). – М.:Буки-Веди, 2016.– С. 61–63.

4. Сидакова Н.В. Качество иноязычного обучения – важнейший системообразующий фактор высшего образования // Вестник КГУ им. А.Н. Некрасова.– 2014.–Т.20 – №4.– С. 189-192.

Сведения об авторе

Макарова Елена Леонидовна; старший преподаватель кафедры английского языка института иностранных языков Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95;engkafOSU@yandex.ru; +79307781794.

Makarova Elena Leonidovna; senior teacher of Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; engkafOSU@yandex.ru. +79307781794

372.881.161.1:378

ФОРМАЛЬНАЯ И СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТОРОНА ВИДОВОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ (ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВИДА ГЛАГОЛА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ)

Марченко О. С.

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия*

Аннотация: В статье рассматриваются возможные варианты соотношения и способы реализации аспектуальной и модификационной семантики в целях представления категории вида глагола в иностранной аудитории. Показан особый статус параметров однократности и результативности действия в рамках сложных аспектуально-модификационных

семантических комбинаций, отмечена роль контекстуальных параметров при выборе и интерпретации видовой формы глагола.

Ключевые слова: аспектуальная семантика, модификационные значения, однократность и результативность действия, роль контекста.

Abstract: The paper analyses possible correlations and ways of implementation of verb's aspect modification semantic for teaching Russian as foreign. Special status of modified semantic parameters - instantaneous and resulting - is revealed in poly-component semantic modifying combination, the role of context is noted in choice and interpretation of verb form.

Keywords: verb's aspect semantic; modified meanings; instantaneous and resulting, role of context.

Одной из наиболее трудных тем в методике и практике преподавания РКИ является тема, связанная с представлением иностранцам видовой семантики и способов её реализации. В настоящей статье предпринята попытка обобщения опыта изучения указанной темы и её теоретического осмысления как с формальных, так и с семантических позиций.

На начальном этапе обучения категория вида глагола является для студентов абсолютной загадкой. Как объяснить студенту, только приступившему к освоению нового языка, что все глаголы в этом языке имеют две формы, то есть их надо запоминать парами: читать – прочитан, писать – написан, делать – сделано? При этом глаголы в парах отличаются семантически и непредсказуемо реализуют разнообразные словообразовательные модели. Сама же видовая семантика представлена внушительным набором различных признаков, то есть в процессе коммуникации перед иностранцами возникает задача со многими формальными и семантическими неизвестными. Чтобы сократить количество неизвестных, надо разобраться в устройстве русской глагольной системы в той её части, которая репрезентирует явления, так или иначе имеющие отношение к категории вида глагола.

В теоретических аспектологических исследованиях традиционно наблюдается чёткое разграничение в изучении семантических характеристик, считающихся проявлением видовой принадлежности глагола и относимых к разряду грамматической семантики, и семантических характеристик, признаваемых элементами лексического значения глаголов и обозначающих различные модификации глагольного действия. Такое разграничение порождает два направления как в теоретической, так и в практической грамматике: с одной стороны, это изучение семантики видового противопоставления, с другой, рассмотрение модификационных глагольных значений, обозначаемых как способы глагольного действия. Это приводит к тому, что в практике представления модификационных возможностей русского глагола иностранной аудитории не всегда учитывается его совокупный семантический модификационный потенциал.

Традиционное рассмотрение глагольных модификаций в отрыве от видовой семантики глагола привело к определённым трудностям как в определении модификационного ресурса русской глагольной системы, так и в выявлении в нём доли аспектуальной составляющей.

Между тем модификационные возможности русского глагола и способы их реализации могут быть адекватно проанализированы только в том случае, если все модификационные характеристики глагола будут рассмотрены как одноуровневые в семантическом отношении параметры. Это становится возможным, когда видовой семантике придаётся не абстрактно-размытый (непроявленный) статус, а присваиваются доступные для восприятия (в том числе и иностранными обучаемыми) понятные конкретные характеристики типа однократности и результативности действия [1, с. 416-419]. Ведь в реальности дело обстоит таким образом, что эти характеристики находятся в тесном переплетении с широким кругом других глагольных модификаций, и часто эта сложная семантика реализуется одним словообразовательным средством.

Способы реализации глагольного модификационного потенциала лежат в основном в сфере словообразования и представлены приставочными, суффиксальными и приставочно-суффиксальными моделями. Все они достаточно хорошо изучены. Неизученными остаются возможности конкретных глаголов реализовать ту или иную семантико-словообразовательную модель и наличие или отсутствие закономерностей в поле такой реализации. Это значит, что открытым до сих пор является вопрос, возможно ли создание раздела функциональной грамматики русского языка, в котором будут убедительно представлены механизмы реализации модификационного потенциала русской глагольной системы, позволяющие безошибочно определить возможности конкретного глагола модифицировать характер протекания действия по тому или иному параметру.

Как уже было отмечено, для русской глагольной системы возможно модифицирование действия как по какому-то одному, так и по нескольким семантическим параметрам. При этом основным источником возникновения сложных (поликомпонентных) семантических модификаций является сочетание различных модификационных характеристик с характеристиками, представленными глаголами совершенного вида: однократностью действия и его результативным характером. Другими словами, глагол совершенного вида всегда представляет действие как однократно совершённое или как однократно-результативное, если нет контекстных составляющих, нейтрализующих эти семантические характеристики. Указанные характеристики могут комбинироваться с другими семантическими модификационными параметрами: **фазисными** («начало» /гореть – загораться - загореться/; «конец» /гореть – отгорать - отгореть/; «до некоторой точки» /расти – дорасти - дорасти/); **актантными** /субъектно-объектными/ («расчленённое/нерасчленённое множество субъектов/объектов» /биться «иметь способность разбиваться» – перебиваться - перебиться, ехать – наезжать - наехать «приезжать, прибывать в большом количестве»; дарить – раздаривать - раздарить, покупать – накупать -

накупить/), параметрами **интенсивности** («*сильно*» /хвалить – расхваливать - расхвалить; «*слабо*» /петь – напевать - напеть/), параметрами **протяжённости** («*мгновенно-однократно*» /дуть – дунуть/; «*некоторое время*» /сидеть – просиживать - просидеть/), параметрами **дополнительности** («*дополнительно*» /платить – доплачивать - доплатить/ и **повторяемости действия** «*повторно*» /писать – переписывать - переписать/), др.

Таким образом, семантические видовые (аспектуальные) характеристики, вступая в комбинацию с модификационными параметрами действия, распределяют глаголы по двум группам: глаголы, маркированные по параметрам однократности и результативности, и глаголы, не маркированные по указанным параметрам [2, 189-194].

На наш взгляд, одной из основных сложностей для иностранных учащихся является именно необходимость понимания того, что традиционно рассматриваемые в русской грамматике видовые (аспектуальные) значения в большинстве случаев реализуются совокупно с другой модификационной семантикой глагола и разные словообразовательные средства являются носителями сложных семантических аспектуально-модификационных характеристик. И только отдельные глагольные пары (типа *делать-сделать, читать-прочитать, писать-написать*) являются носителями традиционной аспектуальной семантики, которая, по существу, может также рассматриваться как модификационная. При таком подходе соотношение значений и формальных словообразовательных средств становится более прозрачным, так как за каждым средством стоит определённая семантика, им реализуемая.

В процессе реальной коммуникации решения требуют всё более сложные задачи реализации аспектуально-модификационной семантики. Необходимо уделять внимание таким примерам, которые не укладываются в общую семантико-словообразовательную схему, учитывать различные составляющие, формирующие эту семантику. В этой связи особую актуальность приобретает утверждение И.Г. Милославского: «...возникающие в предложении и

приписываемые виду значения вовсе не являются значениями вида, а вносятся в предложение совсем другими показателями, имплицитными и эксплицитными» [3, 112].

При решении коммуникативных задач обучаемым зачастую бывает трудно сделать выбор между глаголами совершенного и несовершенного вида (продуктивная речевая деятельность) или верно понять, о каком глагольном действии идёт речь: об однократном или многократном, результативном или не достигшем результата (рецептивная речевая деятельность). От их понимания и выбора зависит адекватность решения коммуникативной задачи. Однако не всегда этот выбор является прозрачным.

Так, в процессе реального функционирования глагол того или иного вида иногда может оборачиваться своей семантической противоположностью. Очевидно, что предложение *Ты читал эту книгу?*, в котором используется глагол несовершенного вида, означает, что говорящий хочет узнать, знаком ли с какой-то книгой адресат, то есть прочитал ли он её. Глаголы несовершенного вида, в семантике которых содержится указание на возможность реверсирования, возвращения к исходному состоянию (брать-взять, вставлять – встать, открывать – открыть, включать – включить, др.), могут выражать значение результативности (однократности) действия, уже неактуального (отменённого) к моменту речи, в отличие от актуального действия, выражаемого глагольной формой совершенного вида: *Зачем ты вставал с постели. Ты болен и должен лежать* (ср.: *Зачем ты встал с постели? Ложись сейчас же в постель*). Можно привести ещё целый ряд примеров, в которых контекст играет решающую роль при выборе или интерпретации семантики видовой глагольной формы.

Таким образом, коммуникативная реализация аспектуально-модификационной семантики выявляет достаточно сложное соотношение параметров, представленных как в поле функционирования словообразовательной системы, так и возникающих в контексте конкретной ситуации.

Список литературы:

1. Марченко О. С. Модификационные характеристики однократности и результативности действия как один из способов представления категории вида глагола //Триста лет русскому языку в Китае. - Шанхай: Шанхайское издательство педагогической литературы по иностранным языкам, 2001. - С. 416-419.
2. Марченко О.С. К вопросу о соотношении видовых характеристик и семантических модификаций глагольного действия //Русская грамматика: Структурная организация языка и процессы языкового функционирования. Ред. Глазунова О.И. – М., URSS, 2019. 512 с. – С. 189-194.
3. Милославский И. Г. Культура речи и русская грамматика. М., Ступени, 2002. 160 с.

Сведения об авторе

Марченко Ольга Станиславовна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения, доцент кафедры сопоставительного изучения языков, кандидат филологических наук, доцент.

Контактная информация: marchos@list.ru

140185 г. Жуковский Московской области, ул. Чкалова, д. 7, кв. 80

Marchenko Olga Stanislavovna, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, The Department of Comparative Analysis of Languages, Philology PhD., associate professor.

Contact details: marchos@list.ru

140185 Russia, Zhukovsky, Moscow region. Chkalov street, 7, ap. 80.

СЛЕНГ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА

Мнацаканян Д.И.

*Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение – средняя
общеобразовательная школа № 25
г. Армавир, Россия*

Аннотация. Статья посвящена анализу языковой личности обучающихся, названы основные пути возникновения сленга и факторы, влияющие на возможные причины проникновения данной лексики в язык.

Ключевые слова: языковая личность, речевая культура, молодёжный сленг, сленговая лексика.

Annotation. The article is devoted to the language personality of students. The article describes the main ways of slang origin and factors that influence the possible reasons the vocabulary's penetration in the language.

Key words: language personality, language culture, youth slang, slang vocabulary.

В новых условиях модернизации образования на первый план выходит личность ученика, его способность к самоопределению и самореализации, к самостоятельному принятию решений и доведению их до исполнения. Формирование языковой личности является основной задачей обучения языку в школе, а языковую грамотность следует рассматривать как составляющую культуры личности обучающегося.

С изменением общества меняется язык, и это факт. Современный мир развивается каждый день, совершает новые открытия, покоряет новые рубежи. Все эти события не остаются незамеченными, охватывают общество, влияют на живое развитие разговорной речи, получают отклик в языках мира и добавляют в лексикон человечества новые фразы и выражения.

Язык называют одним из самых удивительных орудий в руках человечества. Однако пользоваться им надо умело, изучив все особенности и секреты. Чем больше мы осознаём богатство и величие русского языка, тем острее ощущаем необходимость совершенствовать свой стиль, бороться за чистоту языка, противостоять его порче.

В современном обществе мы наблюдаем постоянное снижение уровня речевой культуры. В конце двадцатого века стало «модным» усиленно наводнять язык вульгаризмами, попытки узаконить применение ненормативной лексики, без разбора использовать заимствования, демонстрировать языковую небрежность. Языковая безграмотность является серьёзной помехой в общении, во взаимодействии с людьми, в достижении поставленных целей.

Понятие языковой личности составляют языковые компетенции, ценностные установки личности в отношении к родному языку, языковое сознание, языковое мировоззрение личности. Языковая личность с точки зрения лингвистики – это языковые способности и характеристики человека, благодаря которым он может создавать и понимать различные по сложности, глубине и цели тексты. В современной лингвистической парадигме только осуществляются подходы к изучению языковой личности.

Основы исследования языковой личности заложены в трудах М.М.Бахтина, В.Гумбольдта, В.В.Виноградова, Ю.Н.Караулова, Г.Гердена.

Подробный анализ языковой личности даёт Ю.Н. Караулов в книге «Русский язык и языковая личность» (1987). Учёный даёт исчерпывающее определение языковой личности: « Языковая личность – вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этнический и другие компоненты, преломленные через её язык». [2, с.64]

В.В.Виноградов шёл от анализа языка писателя к пониманию языковой личности, осознавая, что за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка. М.М.Бахтин к пониманию языковой личности пришёл, исследуя идеи диалога культур. Учёный заявил о «языковой индивидуальности ученика, формировании индивидуального лица говорящего

и пишущего человека», умеющего создавать и удерживать в письменной речи свою живую индивидуальную интонацию.

Сегодня очевидным является тот факт, что русский язык претерпевает массовое явление других форм языка, нарушение литературных норм, частое употребление просторечий и бранной лексики негативно сказывается на культуре речи школьников. Состав языковой культуры детей обуславливают многочисленные факторы: заимствования из других языков, лексика молодёжных субкультур. Речевая культура молодого поколения связана с особенностями того социума, в котором мы живём.

На сегодняшний день невозможно представить речь человека без использования сленга, особенно речь молодежи.

Таким образом, рассматриваемая тема является важной и требует особого внимания к проблеме формирования языковой личности школьника. Речевая культура обучающихся во многом отражает различные характеристики его языковой личности, связанные с познанием и восприятием мира. Сложность языковой личности заключается в том, что в школе он обучается нормам литературного языка и в то же время является носителем школьного сленга.

Очень часто школьники осуществляют общение на основе языковой игры, которая заключается в нарушении речевых норм, намеренном искажении языка, обращении к сленгу. Сленг становится неотъемлемой частью языка и речи.

Понятие «сленг» все больше завоевывает внимание современной филологии. В настоящее время существует большое количество определений сленга, нередко противоречащих друг другу. Несомненным остается тот факт, что в современном русском языке сленг наиболее подвижный пласт лексики, который является точным отражением языковой картины мира представителей определенной культуры.

Термин сленг (от англ. slang) впервые появился в лингвистической литературе в середине 18 века и имел значение «вульгарный язык». Позднее под сленгом начали понимать стоящую вне пределов литературного языка

разговорную речь, состоящую из неологизмов, из слов, употребляемых в специальном значении. Со временем данный термин становится общепринятым обозначением «незаконной» разговорной речи. Исследователь В.А.Хомяков определил сленг «как периферийный лексический пласт, лежащий как вне пределов литературной разговорной речи, так и вне границ диалектов общенационального языка».[4, с.103] Особенность сленга заключается в том, что он включает с одной стороны , слой специальной лексики и фразеологии, а с другой стороны, слой широко распространённой экспрессивной лексики и фразеологии нелитературной речи.

Языкознание не дает четкого понятия сленга. Общеизвестно, что лексика в языке подразделяется на литературную и нелитературную. К литературной лексике относятся книжные слова, стандартные разговорные слова, нейтральные слова. Литературный язык характеризуется четкостью своих средств, обязательными для его носителей исторически сложившимися нормами, большой функциональной и стилевой разветвленностью.

Оппозицию литературному языку составляет нелитературный язык - лексика, отличающаяся своим разговорным и неофициальным стилем. В нелитературный язык включают профессионализмы, вульгаризмы, жаргонизмы и сленг.

Известный лингвист, лексикограф И.Р. Гальперин в своей статье «О термине «сленг»», ссылаясь на неопределенность этой категории, вообще отрицает ее существование. Его аргументация основана на результатах исследований английских ученых, главным образом на их опыте в составлении словарей английского языка, которые показали, что одно и то же слово в различных словарях имеет различное лингвистическое признание; одно и то же дается с пометой «сленг», «просторечие», или без всяких помет, что свидетельствует о соответствии литературной норме языка. Ученый не допускает существования сленга в качестве отдельной самостоятельной категории, предлагая термин «сленг» использовать в качестве синонима, английского эквивалента жаргона. [1, с. 107 - 114].

Существуют разные пути проникновения сленга в школьную среду. И интернет, и СМИ играют в этом основную роль. О школьном сленге до XIX века нам практически ничего неизвестно. Всего существует четыре вида сленгов:

1. Слова и выражения с эмоциональным значением. Сюда можно отнести слова «тащиться», «хейтить». Они показывают эмоциональное состояние человека.

2. Эмоциональные речения. Такие выражения имеют характер побуждения, призыва, употребляются в переносном значении: «скройся в тумане», «иди в пень». Данные выражения показывают недовольство собеседника и желание прекратить общение.

3. Эмоциональные слова и выражения. Данные слова выражают положительные, например, «ништяк», «кайф», либо отрицательные эмоции «жесть». Они могут быть заменены словами «хорошо» либо «плохо».

4. Слова с эмоциональным компонентом значения. Сюда можно отнести слова «препод», «бро», «папик». Произнося их, человек снижает общественный статус этих людей и возвышает собственный.

Таковы основные разряды сленговой лексики, связанной с выражением чувств и эмоций. Конечно, становится ясно, что в имеющихся мотивах отражен далеко не весь спектр эмоциональных переживаний и состояний человека. Но не следует забывать о том, что молодежный сленг достаточно быстро обновляет свой лексический состав, пополняясь новыми единицами, и поэтому дальнейшие исследования в данной области могут привести к неожиданным и интересным результатам.

Для чего подростку нужен сленг? На сегодняшний день можно привести примеры сленгов, часто встречающихся в речи обучающихся: "домашка", "сменка", "училка", "физ-ра", "лит-ра". Хорошо это или плохо? Вопрос, по-видимому, неправомерный. Сленг нельзя ни запретить, ни отменить. Он меняется с течением времени: одни слова умирают, другие - появляются, точно

так же, как и в любом другом языке. Нужно не допустить, чтобы сленг полностью заменил человеку нормальную речь.

Повышение уровня культуры речи учащихся, безусловно, должно быть в системе разнообразных видов и форм занятий. В статье «О языке устном и письменном, старом и новом» Д.С.Лихачёв писал о русском языке так: «Самая большая ценность народа - это язык, язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык. Эмоции, ощущения - только окрашивают то, что мы думаем, или подталкивают мысль в каком-то отношении, но мысли наши все формулируются языком». Культура речи школьников напрямую связана с общей культурой, развитием, грамотностью учащихся. И наличие или отсутствие в речи сленга влияет даже на успеваемость. Частое употребление сленговых выражений упрощает язык, и постепенно он становится примитивным. Школьный сленг можно считать разновидностью речи, не совпадающей с нормой литературного языка, используемой узким кругом людей, объединённых общностью интересов, занятий.

К сожалению, сленг в своей речи употребляют большинство пользователей. Всё это негативно сказывается на речевой культуре подростков. Сложно представить, что станет с нашей речью через несколько лет: человек не сможет красиво говорить, совсем перестанем грамотно писать и свободно мыслить. Чтобы избежать этого, каждому необходимо изменить себя, повышая культуру речи и овладевая нормами языка.

Список литературы:

1. Гальперин И.Р. О термине «сленг»//Вопросы языкознания.1956, с.107-114
2. Караулов Ю.С. Русский язык и языковая личность/Ю.С.Караулов.М.:Наука, 1987.-263 с.

3. Радзиховский Л.А., Мазурова А.И. Сленг как инструмент отстранения//Язык и когнитивная деятельность.- М., 1989

4. Хомяков В.А. Введение в изучение сленга - основного компонента английского языка [Текст] / В.А. Хомяков. – Вологда: Областная типография, 1971. – 103 с.

Сведения об авторе:

Мнацакян Диана Имрановна; учитель русского языка и литературы МАОУ-СОШ № 25 города Армавира, 352941, Российская Федерация, Армавир, ул. Зелёная, д.83; diana.mnatsackanian@yandex.ru; 8(918)027-85-59

Mnatsakanyan Diana Imranovna; the teacher of Russian language and literature Secondary School 25 Armavir , 352941, Russian Federation, Armavir, Green st.,83; diana.mnatsackanian@yandex.ru; 8(918)027-85-59

УДК 811.162.4 + 378.147

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕНСИВНОГО ОНЛАЙН-ПРЕПОДАВАНИЯ СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА

Супрун В.И.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

г. Волгоград, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются особенности интенсивного онлайн-преподавания словацкого языка в России в вузе и на курсах иностранных языков. Обращается внимание на усвоение фонетико-акцентуационных и интонационных навыков, грамматических правил, специфику в преподавании лексики («ложные друзья переводчика», словацкий пуризм).

Ключевые слова: словацкий язык, онлайн-преподавание, методика, учебник, сингармонизм, пуризм.

Abstract: The article discusses the features of intensive online teaching of the Slovak language in Russia in the University and in foreign language courses. Attention is paid to the acquisition of phonetic-accentuational and intonation skills, grammatical rules, specifics in teaching vocabulary ("false friends of the translator", Slovak purism).

Key words: Slovak language, online teaching, linguodidactics, textbook, vowel harmony, purism.

Начала российской (советской) словакистики были заложены Николаем Андреевичем Кондрашовым (1919-1995), защитившим в 1949 году кандидатскую диссертацию по проблемам словацкого языка [7: 85]. Его докторская диссертация «Возникновение и начальный этап развития словацкого литературного языка» (1968) была переведена на словацкий язык и опубликована в издательстве Словацкой академии наук «Веда» [13]. Н.А. Кондрашов включил очерк о словацком языке в свою книгу «Славянские языки», несколько раз переиздававшуюся [9].

В настоящее время словацкий язык изучается в России в небольшом числе образовательных учреждений и организаций. На бакалаврском и магистерском уровнях он профессионально преподаётся в МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, МГИМО (У), ВУМО РФ. В ряде вузов этот язык изредка входит в программу обучения русистов в рамках общеславянистической подготовки. В Волгоградском государственном социально-педагогическом университете словацкий язык изучают магистранты программы «Теория и методика общего и славяно-русского языкознания». Интерес к этому языку проявляют представители бизнеса, имеющие деловые и коммерческие связи со словацкими партнёрами, молодёжь, намеревающаяся получить образование в Словакии, и др. Услуги по преподаванию словацкого языка для этой аудитории предоставляют частные фирмы, которые имеются во многих крупных городах, и индивидуальные репетиторы. В Волгограде этот язык преподаётся в центре иностранных языков Reward.

В течение весенне-летних месяцев 2020 года аудиторное преподавание в вузах и на курсах иностранных языков не осуществлялось. Однако необходимо было выполнять учебный план подготовки магистрантов и удовлетворять запросы нуждающихся в изучении словацкого языка в частных фирмах, поэтому обучение было переведено в онлайн-формат. При этом, учитывая краткосрочность обучения, важное значение приобретает интенсификация учебного процесса. А.А. Леонтьев и Г.А. Китайгородская отмечают: «Под интенсивным обучением принято понимать обучение иностранному (и вообще неродному) языку, направленное в основном на овладение живой устной речью и её понимание, т. е. общение на изучаемом языке, опирающееся на не используемые в обычном обучении психологические резервы личности и деятельности учащихся, в особенности – на управление социально-психологическими процессами в группе и управление общением преподавателя с учащимися и учащихся между собой, обычно осуществляемое в сжатые сроки (две недели, месяц или несколько месяцев) при большой ежедневной концентрации занятий (4-5 часов)» [5: 57]. Современные условия педагогического процесса в вузе и на курсах и особенности работы в онлайн-формате уточняют некоторые моменты этой дефиниции, прежде всего относящиеся к количеству часов в день и срокам обучения, но при этом усиливают значение психологических резервов личности и самостоятельной учебной деятельности обучающегося.

Первое, на что стоит обратить внимание при преподавании словацкого (как и любого другого) языка как иностранного, – обеспечение обучающихся качественными учебными материалами. В настоящее время имеется несколько классических («бумажных») учебников словацкого языка и их же электронные версии. В 1965 году вышел учебник для начинающих [2], в конце 1970-х словацкие авторы подготовили учебник для славистов [12], в 1981 году известный словацкий лингвист, профессор Братиславского университета им. Я. Коменского Йозеф Мистрик (1921-2000) и российская словакистка Роза (Разия) Хасановна Тугушева (1937-2004) из Ленинградского университета подготовили

новый учебник для вузов [14]. Эти пособия не утратили своей ценности в изучении фонетики, грамматики, основных лексико-фразеологических средств, этикетных форм коммуникации, однако, разумеется, приводимые в них тексты устарели, так как в них отсутствуют современные реалии и актуальная ныне лексика.

В 2010 году стараниями ужгородского слависта Светланы Николаевны Паховоной и словацкого лингвиста из Университета им. Матая Бела в Банской Быстрице Ярослава Джоганика был подготовлен новый учебник для студентов вузов [15], однако он не получил широкого распространения в образовательной среде. Бóльшую известность имеют учебники С. С. Скорвида «Самоучитель словацкого языка» [8] и В. С. Князьковой «Словацкий язык: Базовый курс» [3]. Эти издания базируются на современном лингвокультурном материале, отражают актуальную этнолингвистическую ситуацию Словакии. Д. Ю. Ващенко справедливо отмечает: «В обоих пособиях содержится ценная информация по страноведению, жизни современной Словакии, что позволяет изучающему язык быстрее адаптироваться в стране и свести к минимуму число коммуникативных неудач» [1: 500].

Однако для интенсификации преподавания языка потребителю образования в наши дни недостаточно использование только учебника. В современной методике преподавания иностранных языков получают широкое применение такие приёмы, как учебный проект, презентации, визуальные средства, работа с текстом, коммуникативные ресурсы, смарт-технологии и др. [10]. Как отмечает Л.Г. Кузьмина, обучающемуся «должны быть обеспечены условия для овладения способами мышления, приводящими к открытию новых знаний; развития самооценки и самоконтроля в процессе обучения в высшей школе и обеспечения личной ответственности за результаты своего обучения; самоопределения и самопостроения личности будущего специалиста, созидания своего собственного жизненного и профессионального пути; развития рефлексивных умений за счет подключения жизненного опыта, а также чувств и переживаний» [4: 142].

Условия жизни в современном мире заставляют учащегося активнее использовать самостоятельный поиск знаний, отработку умений и навыков не только на занятии, но и после него. Т.А. Шайхуллин отмечает: «Процесс обучения языку должен быть процессом его открытия, процессом исследовательским и экспериментальным» [11: 17]. Ярko и образно высказалась о самостоятельной деятельности обучающегося в процессе усвоения языка известная венгерская переводчица, писательница, полиглот Като Ломб: «Иностранный язык - это крепость, которую нужно штурмовать со всех сторон одновременно: чтением газет, слушанием радио, просмотром сдублированных фильмов, посещением лекций на иностранном языке, проработкой учебника, перепиской, встречами и беседами с друзьями-носителями языка» [6].

Следует учитывать, что разные языковые ярусы требуют различного сочетания аудиторной и самостоятельной работы учащегося. Единицы и правила их функционирования фонетико-интонационного яруса следует усваивать с преподавателем в аудитории или онлайн. Усвоенные самостоятельно ошибочные произносительные навыки часто поддаются более длительному искоренению, чем приобретение тех же фонетических умений при обучении с преподавателем. В словацком языке имеется ряд фонетико-акцентуационных и интонационных особенностей, которые должны быть автоматизированы для их использования в целях успешной коммуникации.

Сложными для русскоязычного обучающегося являются слогаобразующие плавные, существующие в двух вариантах: кратком [r, l] и долгим [í, f]. Если в односложных словах усвоение этих звуков происходит относительно быстро (vlk, stĺp, krk, prst), то во многосложных учащийся стремится перенести ударение с плавного на гласный в следующем слоге (slza, srdce, hrdlo, dlhý, plný, dlĺka, vlĺa, bĺkat'), что связано с отсутствием устойчивого навыка постановки ударения на первый слог и невосприятием плавного как слогаобразующего.

Требует постоянной отработки акцентуация словацкого слова, закрепление на практике знаний об ударном первом слоге. Сложность

заключается в неосознании различий между долготой и ударностью звука: в русском языке ударный гласный всегда долгий, тогда как в словацком языке долгим может быть гласный в любом слоге, а ударение является эспираторным (силовым) и всегда стоит на первом слоге. В предложно-именных сочетаниях ударение переносится на предлог: *zo skrine, od brata, do školy*. Долгота / краткость гласного способствует различению слов и словоформ: *krík* ‘крик’ – *krík* ‘кустик’, *pas* ‘паспорт’ – *pás* ‘пояс’, *zástávka* ‘указательный флажок’ – *zastávka* ‘остановка’ и др.

Весьма сложным для усвоения учащимися является специфическая особенность словацкого вокализма – соблюдение закона сингармонизма (ритмического сокращения) гласных. Он заключается в том, что рядом не могут стоять слоги с кратким и долгим звуком или дифтонгом. Существует, как минимум, 15 правил соблюдения закона сингармонизма в словацких словах и столько же исключений из него, поэтому изучение этих процессов следует осуществлять постепенно, с постоянным возвращением к ним на последующих этапах, сочетая усвоение этого фонетического навыка с отработкой грамматики и лексики.

Требует постоянной концентрической работы усвоение грамматических правил: использование окончаний *-a/-u* в родительном падеже единственного числа существительных мужского рода, окончаний *-ami/-mi* у тех же существительных в творительном падеже множественного числа, употребление вокатива, использование глаголов *musiet’*, *smiet’* и *mat’* модальной функции и пр.

Лексика и фразеология в значительной степени усваивается студентами и слушателями самостоятельно при чтении научных, публицистических, художественных текстов, работе со словарями, сёрфинге в Интернете и пр. Однако на некоторые лексические пласты преподавателю стоит обратить особое внимание. Так, несмотря на проникновение в словацкий язык в последнее время значительного числа англицизмов (американизмов), он сохраняет некоторые черты былого пуризма (вместе с чешским языком), калькируя или

составляя из собственных языковых ресурсов названия для новых реалий. В первую очередь это касается актуальной для нашего времени лексики компьютерного дела: počítač ‘компьютер’, súbor ‘файл’, zložka ‘папка’, stiahnuť ‘скачать’, uložiť ‘сохранить’, prehliadač ‘браузер’, kancelársky balík ‘офисный пакет’, obrazovka ‘экран, монитор’, dotyková obrazovka ‘сенсорный экран’, smerovač ‘роутер’, kľúč ‘флешка’, klávesnica ‘клавиатура’, základová doska ‘материнская плата’, výpadok ‘выход из строя’, heslo ‘пароль’, používateľské meno ‘логин’, účet ‘аккаунт’ и пр.

Изучение словацкого языка, к сожалению, не получило в России широкого распространения, между тем как знание этого славянского языка позволит коммуниканту не только комфортно себя чувствовать в Словакии, но и расширит его славистическую компетентность, а также будет способствовать восприятию красоты родного языка, открывающуюся на инославянском фоне.

Список литературы:

1. Ващенко Д. Ю. Новые учебники по словацкому языку // Славянский альманах (М.). – 2016. №3-4. – С. 499-503.
2. Дюрович Л., Дюровичова Л. Словацкий язык: учебник для начинающих. – Bratislava: Obzor, 1965. – 202 s.
3. Князькова В. С. Словацкий язык: Базовый курс. – СПб.: КАРО, 2015. – 296 с.
4. Кузьмина Л. Г. Концепция качества профессионально-методической подготовки преподавателя иностранных языков // Вестник Воронежского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. №2. – С. 141-145.
5. Леонтьев А.А., Китайгородская Г.А. Содержание и границы понятия «интенсивное обучение» // Краткосрочные обучение русскому языку иностранцев: Формы и методы; Сб. ст. – М.: Рус. яз., 1983. – С. 57-64.
6. Ломб К. Как я изучаю языки. Заметки полиглота. – М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2017. – 240 с.

7. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2019. № 5. – С. 81–89.
8. Скорвид С. С. Самоучитель словацкого языка. – М.: Живой язык, 2013. – 224 с. 2-е изд. – 2016.
9. Супрун В. И. Последовательный популяризатор славистики: к юбилею Николая Андреевича Кондрашова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. № 5. – С. 138–147.
10. Файзуллина Э.Ф., Зарипова А.М. Современные приёмы в методике преподавания иностранных языков // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. Т. 1. №1. – С. 238–245.
11. Шайхуллин Т.А. Реализация технологии проблемного обучения в высшей школе (на примере преподавания арабского языка и страноведения): автореф. дис. <...> канд. пед. наук. – Казань, 2006. – 19 с.
12. Baláž P., Čabala M., Darovec M. Učebnica slovenského jazyka pre slavistov. 2. vydanie. – Bratislava: SPN, 1978. – 272 s.
13. Kondrašov A. N. [N. A.] Vznik a začiatky spisovnej slovenčiny / Z rukopisu preložila M. Masárová. 1. vyd. – Bratislava: Veda, 1974. – 284 s.
14. Mistrík J., Tuguševa R. Учебник словацкого языка: Для вузов / Učebnica slovenčiny. – М.: Высш. шк.; Bratislava: SPN, 1981. – 423 с.
15. Pachomovová S., Džoganík J. Slovenský jazyk: Učebnica pre študentov vysokých škôl. – Svidník; Užhorod: [б. и.], 2010. – 479 s.

Сведения об авторе

Супрун Василий Иванович; доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400066, Российская Федерация, Волгоград, пр. Ленина, д. 27; suprun@vspsu.ru; +7(8442)602835.

Suprun Vasily Ivanovich; Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, 400066, Russian Federation, Volgograd, Lenin Ave., 27; suprun@vspu.ru; +7(8442)602835.

УДК 811.1/.8:37.016:004.9

ВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Терновых Т.Ю., Филиппова Л.Б.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические основы организации дистанционного обучения, его формы, описываются возможности проведения таких занятий при обучении иностранным языкам, приводятся примеры компьютерных технологий и Интернет-ресурсов, которые позволяют оптимизировать данный процесс преподавания.

Ключевые слова: дистанционное обучение, процесс обучения иностранным языкам, социальные формы работы, компьютерные технологии, ресурсы сети Интернет, учебные платформы.

Abstract: the paper considers theoretical basics of distance education, its forms, describes the means of such classes in foreign language learning, provides samples of computer technologies and Internet resources enabling optimization of the educational process.

Key words: distance education, process of foreign language learning, social form of work, computer technologies, Internet resources, educational platforms.

Наряду с привычной формой очного получения образования в последние десятилетия всё большее значение приобретает дистанционное обучение.

Развитие информационных технологий, новые программы, учебные платформы, развитие других средств интерактивной связи преподавателя и обучающегося позволяют оптимально выстраивать данный процесс. Как практикующие преподаватели немецкого языка мы также хотим в данной статье поделиться своим опытом в организации учебного процесса дистанционно.

Но вначале определимся с термином «дистанционное обучение» и кратко рассмотрим его теоретические основы. В «Новом словаре методических терминов и понятий» такой способ организации учебного процесса описан как «форма получения образования ..., при которой в образовательном процессе используются традиционные и специфические методы, средства и формы обучения, основанные на компьютерных и телекоммуникационных технологиях» [1, с. 65]. При этом подчёркивается, что дистанционное обучение рассматривается наравне с очной, заочной, очно-заочной формами обучения и экстернатом.

Е.С. Полат в своей дефиниции исходит из того, что не следует отождествлять заочное и дистанционное обучение. Последняя форма организации учебного процесса рассматривается этим учёным как новая и определяется как «процесс обучения, в котором учитель и ученик или учащиеся географически разделены и потому опираются на электронные средства и печатные пособия для организации учебного процесса» [2, с. 11].

Как и другие формы обучения, дистанционное обучение строится на базе ряда дидактических принципов (доступности, системности, научности, связи теории с практикой и другими), а так же на методических принципах: соответствия результатов обучения поставленным требованиям в данной профессиональной сфере подготовки, оптимального сочетания всех социальных форм организации обучения, использования современных средств и технологий в процессе обучения, индивидуализации и интерактивности в обучении.

Дистанционная форма обучения характеризуется гибкостью (необходимым умением приспосабливаться к новым средствам и технологиям, условиям обучения), чёткой регламентностью (разумным планированием процесса обучения), модульностью (курс для изучения предоставляется определёнными содержательными взаимосвязанными блоками). Особое внимание уделяется умению обучающихся самостоятельной организации процесса изучения определённой дисциплины: распределению времени (для подготовки к занятию, работы над проектом и т.п.), подготовке рабочего места, мотивации, ответственности за результат обучения.

Учёными выделяются следующие формы организации дистанционного обучения: видео-лекции и семинары, интерактивные кейсы, обучающие игры, проекты, обучение в сотрудничестве, ролевые игры, дискуссии и др.

Вышеперечисленные формы широко распространены и в процессе преподавания иностранных языков. Тем не менее, особенности данной предметной области, когда иностранный язык является как средством, так и целью обучения, а основной задачей обучения – развитие коммуникативной компетенции, казалось бы, ставят под сомнение возможность организации дистанционного обучения, поскольку требуют более активную интеракцию преподавателя и учащихся, деление обучающихся на малые группы, обеспечение их социального взаимодействия.

Но жизнь привносит новые условия, в которых дистанционное обучение играет важнейшую роль, являясь практически единственной формой организации учебного процесса. Речь идёт о современной ситуации, связанной с пандемией из-за распространения COVID-19. Преподаватели и обучающиеся были вынуждены перейти на обучение в онлайн-режиме весной 2020 года, эмпирическим путём проверить эффективность такой формы работы и накопить соответствующий опыт.

Рассмотрим возможности организации дистанционного обучения иностранным языкам и те средства обучения, которые обеспечивают данный процесс, исходя из опыта, накопленного за период весна – лето 2020 года.

Нами и нашими коллегами были использованы следующие виды коммуникационных технологий:

- Zoom – облачная конференц-платформа, которая предусмотрена для проведения видеоконференций и дистанционного обучения;
- Moodle – учебная платформа, система управления обучением и курсами;
- Skype – программа с закрытым кодом, которая обеспечивает голосовую и видеосвязь.

Активно использовалась электронная почта и система личных кабинетов преподавателей и обучающихся на сайте нашего университета, а так же системы мгновенного обмена текстовыми сообщениями для мобильных и иных платформ с поддержкой голосовой и видеосвязи – WhatsApp и Viber. Многие коллеги на практике оценили методический потенциал использования социальных сетей, например, В Контакте.

Помимо вышеперечисленных возможностей интерактивного дистанционного обучения, мы хотели бы подчеркнуть многообразие самих Интернет–ресурсов, тех многочисленных материалов, которые позволяют сделать обучение онлайн наиболее мотивирующим и эффективным. Представим обзор сайтов, предоставляющих интересные и полезные материалы для изучения, в частности, немецкого языка, которые являются для преподавателей помощью в организации разнообразных форм занятий в дистанционном режиме.

На сайте немецкой международной телерадиокомпании «Deutsche Welle» мы находим большую палитру материалов для обучения немецкому языку учащихся с разными уровнями языковой подготовки: <https://www.dw.com/de/deutsch-lernen/s-2055> . Для уровня A 1: Multimedialkurs für Anfänger (Deutsch-Englisch) Harry – gefangen in der Zeit, Online-Kurs mit 30 Lektionen (Deutsch-Englisch) Deutsch interaktiv, Audio-Story als Einstieg (Deutsch | Englisch) Mission Berlin и другие. Для обучающихся с языковым уровнем подготовки A2 подготовлены интерактивные задания Wie sind die Deutschen

wirklich? (Monolingual Deutsch), Das Deutschlandlabor, Deutschtrainer и другие. Обучающимся с уровнем B1 предлагаются задания музыкального направления Das Bandtagebuch mit EINSHOCH6, а также интересные интерактивные задания для аудирования Top-Thema. Студенты с языковой подготовкой уровня B2 смогут выполнять разнообразные задания Video-Thema, поучаствовать в языковом шоу приключений Ticket nach Berlin. Для учащихся с уровнем B1, B2 предлагается теленовелла с заданиями Jojo sucht das Glück. На сайте также представлены многочисленные материалы и задания лингвострановедческого характера: Deutschland von Stadt zu Stadt: Stadtbilder, Dialektatlas, Deutsche im Alltag – Alltagsdeutsch, Sprachbar и другие. Для преподавателей отдельно представлены методические разработки занятий на различные темы: Musik im DaF-Unterricht, Studieren in Deutschland, So isst Deutschland, Liebe und Partnerschaft, Freizeit und Unterhaltung и многие другие.

Практической опорой в подготовке и проведении занятий в режиме онлайн служат и сайты издательств современных аутентичных учебно-методических комплексов (УМК), например: <https://www.schubert-verlag.de/aufgaben/>, где представлены задания на развитие лексических, грамматических навыков, умений аудирования (сопровождение к УМК «Begegnungen», «Erkundungen», «Spektrum Deutsch»). Примером также может служить сайт издательства Hueber Verlag, предлагающим задания к различным УМК для развития практически всех видов речевой деятельности, работы с грамматическим и лексическим материалом (<https://hueber.de/>).

Неоспоримой помощью в организации дистанционных занятий являются и многочисленные сайты, предлагающие материалы и задания для преподающих и изучающих немецкий язык как иностранный: <https://lingvico.net/>, <https://www.deutschalsfremdsprache.ch>, http://www.vera-cornel.de/Uebungen_Deutsch_als_Fremdsprache.html, <https://easy-deutsch.de/uebungen/>, <https://www.deutsch-lernen-online.net/> и другие.

В заключение отметим, что, исходя из опыта дистанционного обучения, для эффективной организации учебного процесса необходимо использовать

различные коммуникационные технологии в совокупности в зависимости от конкретной цели обучения. Нельзя останавливаться лишь на одной из них, так как функционал каждой не всеобъемлющ (например, в Skype невозможно одновременное проведение нескольких отдельных конференций с одним модератором, как это позволяет сделать система кабинетов в Zoom) или использование данной технологии требует специальной подготовки (например, Moodle). Рассмотрение преимуществ и недостатков каждой из использованных технологий может, на наш взгляд, стать предметом отдельного исследования.

Список литературы:

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: Издательство ИКАР, 2009. – С. 65.
2. Полат Е.С. Теория и практика дистанционного обучения. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 416 с.

Сведения об авторах

Терновых Тамара Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; t-ju-7@yandex.ru

Филиппова Людмила Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; ljusjaph@mail.ru

Ternovych Tamara Yuryevna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; t-ju-7@yandex.ru ;

Filippova Lyudmila Borisovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; ljusjaph@mail.ru

УДК 378.147.88

**ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В
МАГИСТРАТУРЕ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» ЯЗЫКОВЫХ
ФАКУЛЬТЕТОВ**

Харлашина Е.В.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности преподавания иностранного языка в магистратуре «Педагогическое образование» Орловского государственного университета по профилю Образование в области иностранного языка и иноязычной культуры. Приводятся основные требования к языковой подготовке магистров и описываются трудности организации образовательного процесса.

Ключевые слова: магистратура, иностранный язык, педагогическое образование, языковой факультет, интенсификация обучения, организация самостоятельной работы.

Abstract: This article examines the peculiarities of teaching a foreign language in the Master's program "Pedagogical Education" of the Oryol State University on the profile of Education in the field of foreign language and foreign language culture. The basic requirements for the language training of masters are given and the difficulties of organizing the educational process are described.

Key words: master's degree, foreign language, pedagogical education, language faculty, intensification of education, organization of independent work.

Современный мир характеризуется процессами глобализации и интеграции, стремительным развитием и существенными изменениями в жизни общества. Научный и технический прогресс, повсеместное распространение цифровых технологий привели к тому, что само общество приспосабливается к новым формам жизнедеятельности. Изменения, происходящие сегодня, касаются всех сфер жизни современного социума, и образование не является исключением. Однако основная проблема заключается в том, что современная система образования не всегда успевает за изменениями, происходящими в обществе. Спрогнозировать какие требования будут предъявляться к преподавателям через 4-5 лет, является сложной задачей. Кроме этого, образование, являясь сферой традиционно консервативной, неспешно продвигается по пути модернизации.

Систематическое появление новых федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО) направлено на внедрение, а следовательно, выполнение обязательных требований при реализации основных профессиональных образовательных программ высшего образования. Зачастую, изменения, внесенные в новый ФГОС ВО, касаются требований к результатам освоения образовательной программы, т.е. компетенций, которые выпускники должны приобрести по окончании обучения. Корректировка имеющихся компетенций или появление новых влечет за собой значительные изменения, которые необходимо учитывать при составлении рабочей программы дисциплины, в частности, при разработке цели и задач и, что самое главное, при отборе содержания, методов и технологий обучения той или иной дисциплине.

В данной статье мы рассмотрим особенности преподавания иностранного языка на примере магистратуры по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, профиль Образование в области иностранного языка и иноязычной культуры.

Согласно образовательной программе высшего образования по данному профилю подготовки, разработанной в Орловском государственном университете имени И.С.Тургенева в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования, утвержденным приказом Минобрнауки России от 22.02.2018 №126 по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, основной целью является подготовка современного преподавателя иностранного языка, свободно владеющего информационными и телекоммуникационными технологиями, способного работать в поликультурной многоязычной образовательной среде. Данная магистерская программа направлена на подготовку преподавателей, знающих современные методики и технологии организации и планирования образовательной деятельности, диагностики оценивания качества образовательного процесса по различным образовательным программам; умеющих формировать образовательную среду, использовать профессиональные знания и умения в реализации задач инновационной образовательной политики, руководить исследовательской работой обучающихся, проектировать образовательное пространство, в том числе в условиях инклюзии; владеющих способностью анализировать результаты научных исследований, самостоятельно осуществлять научное исследование, педагогическое проектирование образовательных программ и индивидуальных образовательных маршрутов [2].

Что касается требований к языковой подготовке магистров, они выражаются всего в нескольких компетенциях: универсальной компетенции (УК-4): способность применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия; профессиональных компетенциях (ПК-4): способность воспринимать и порождать иноязычные тексты в соответствии с языковыми нормами изучаемого иностранного языка и (ПК-5): способность к эффективному взаимодействию и межкультурному диалогу в профессиональной сфере общения с носителями изучаемого языка.

Таким образом, можно сделать вывод, что языковая подготовка не находится в центре внимания данной образовательной программы, как это было на ступени бакалавриата. Это объясняется тем, что уровень владения иностранным языком у магистрантов уже высокий и основной целью обучения иностранному языку в магистратуре является совершенствование навыков владения иностранным языком, т.е. его свободное использование, в том числе в научной и в профессиональной сферах. Среди основных требований в области освоения иностранного языка можно отметить:

– знание норм устной и письменной речи, в том числе в сфере научного общения; специфики различных форм речевой деятельности на изучаемом языке; знание национально обусловленных ценностей и стереотипов поведения; условий успешности коммуникации в межкультурном взаимодействии; национально-культурной специфики языкового сознания и дискурсивной деятельности; различных моделей коммуникативного поведения; языковых и страноведческих реалий; национальных традиций, обычаев, принятых способов и форм общения;

– умения использовать релевантные языковые средства для адекватного выражения мысли на изучаемом языке, в том числе для корректного изложения результатов научного исследования в письменной и устной форме; преодолевать межкультурный барьер в общении с представителями иноязычной культуры; прогнозировать влияние культурных различий на процесс межкультурного общения и находить оптимальные пути достижения взаимопонимания; преодолевать влияние стереотипов и осуществлять межкультурный диалог в общей и профессиональной сферах общения;

– навыки использования разнообразных языковых средств, в том числе представляющих соответствующую сферу научно-профессиональной деятельности, для осуществления разных видов речевой деятельности; создания и редактирования высказываний (текстов); навыки межличностной и профессиональной коммуникации в межкультурном пространстве [2].

Следовательно, степень владения иностранным языком у выпускников магистратуры должна быть не просто высокой, но и носить творческий характер. Именно поэтому развитие творческого подхода является наиболее важной задачей в процессе обучения иностранному языку в магистратуре языковых факультетов [4].

Однако здесь могут возникнуть некоторые сложности, связанные с тем, что в магистратуру по языковому профилю могут поступать и выпускники других вузов и факультетов, не имеющих базового лингвистического образования. Конечно, предполагается, что посредством вступительных экзаменов происходит отбор студентов и у поступивших в магистратуру должен быть сформирован определенный уровень владения иностранным языком, который соответствует уровню B2 единой Европейской шкалы оценивания (согласно программе вступительных испытаний). Но зачастую преподаватели сталкиваются с тем, что магистранты демонстрируют разный уровень подготовки, что иногда приводит к неоднородности группы и определенным сложностям в работе.

Данная проблема усугубляется еще и тем, что в последние годы наблюдается активная тенденция на увеличение времени, отведенного на самостоятельную работу магистрантов. В частности, для освоения дисциплины «Практикум по культуре речевого общения иностранного языка» выделяется 540 часов в течение 3 семестров и только 156 часов отводятся для аудиторной работы со студентами. Такая ситуация заставляет преподавателей сужать возможности содержательной стороны образовательного процесса и выбирать приоритетные направления в работе. Кроме этого, от преподавателя требуются умения в организации самостоятельной работы студентов, а точнее в подборе адекватных образовательных технологий, направленных на эффективное освоение материала в процессе самостоятельной работы магистрантов. Самым оптимальным вариантом в такой ситуации является применение проектной технологии, которая способствует развитию у магистрантов умения работать с различными источниками информации, умения работать как в группе

(групповые проекты), так и самостоятельно. В процессе подготовки проекта помимо развития языковых и речевых навыков магистрант имеет возможность развивать и совершенствовать навыки научно-исследовательской работы в поиске информации, постановке цели и задач, анализе собранного материала и его структурировании, подведении итогов и презентации. Кроме этого, проектная технология характеризуется тем, что повышает мотивацию и интерес студентов, расширяет их кругозор, дает возможность проявить себя и показать свои знания, в том числе и в смежных дисциплинах, связанных с профессиональной деятельностью.

Наличие большого количества часов, отводимых на самостоятельную работу, вынуждает преподавателей прибегать к интенсификации учебного процесса, под которой понимается «повышение производительности труда ученика и учителя в каждую единицу времени» [1]. Интенсификация процесса обучения требует соблюдения таких условий, как: повышение целенаправленности обучения; усиление мотивации обучаемых; повышение информативности содержания обучения; применение активных методов и форм обучения; ускорение темпа учебных действий; использование информационных технологий и т.д.

Следующей немаловажной особенностью преподавания иностранного языка в магистратуре является отсутствие единого учебника или учебного пособия, отвечающего всем требованиям программы, что создает дополнительные трудности для преподавателя и требует значительных усилий в подготовке и разработке методических материалов, как для практических занятий, так и для организации самостоятельной работы магистрантов.

Таким образом, преподаватель должен решать целый спектр задач в процессе организации обучения иностранному языку и учитывать индивидуальные особенности магистрантов, их уровень подготовки, требования к содержанию и результатам освоения дисциплины, количество часов, отведенных на аудиторную и самостоятельную работу, осуществлять

выбор адекватных форм, методов и технологий обучения, направленных на интенсификацию образовательного процесса.

Список литературы:

1. Бабанский Ю.К. Интенсификация процесса обучения. Москва, Знание, 1987, 78 с.

2. Образовательная программа высшего образования Уровень высшего образования «Магистратура» Направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование Направленность: Образование в области иностранного языка и иноязычной культуры – ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева», Орел, 2018.

3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования - магистратура по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/152/150/25/117>]

4. Шишкина Е.Н. Цели и задачи обучения иностранному языку в магистратуре МГТУ им. Н.Э. Баумана. Гуманитарный вестник, 2013, вып. 5. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/pedagog/engped/73.html>]

Сведения об авторе

Харлашина Екатерина Валерьевна; Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95, доцент, кандидат педагогических наук, s_kaite@list.ru.

Kharlashina Ekaterina Valerievna; Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation, Associate Professor, Candidate of Pedagogy, s_kaite@list.ru.

ОРАТОРСКИЕ УМЕНИЯ КАК КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Яковлева Ю.М.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В статье определяется место ораторских умений преподавателя иностранного языка, как ключевого субъекта образовательного процесса, в составе его профессиональной коммуникативной компетенции, подчеркивается важность формирования экспрессивных умений красноречиво и убедительно говорить в процессе обучения студентов языковых педагогических вузов.

Ключевые слова: ораторское искусство, профессиональная компетенция, языковой вуз.

PUBLIC SPEAKING SKILLS AS COMPONENT OF FOREIGN LANGUAGE TEACHER'S PROFESSIONAL COMPETENCE

Abstract. The article determines the role of public speaking skills of a foreign language teacher, the key subject of educational process, in the structure of his professional competence and underlines the importance of forming expressive skills of eloquent and convincing speech during professional training of students majoring in pedagogy at linguistic universities.

Key words: art of public speaking, professional competence, linguistic university.

Под компетенцией традиционно понимается способность и готовность на соответствующем уровне справляться с кругом задач, определяемых профессией. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что педагогические цели достигаются в значительной мере благодаря речевому мастерству преподавателя, а в случае преподавателя иностранного языка дидактическая речь является важным средством формирования иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся [2].

Ораторское мастерство, понимаемое как способность красноречиво и убедительно говорить на публике, является востребованной характеристикой высококвалифицированного преподавателя во многих ситуациях педагогического и профессионального общения и, как следствие, нуждается в поэтапном формировании и развитии.

Среди черт, присущих ораторской речи педагога, в первую очередь, необходимо назвать:

- нормативность (грамотное использование языковых средств),
- гибкость и вариативность (умение варьировать форму выражения своих коммуниктивных намерений),
- выразительность (богатый словарный и фразеологический запас, свободное владение стилистическими приёмами, и т.д.)
- эмоциональность (окрашивает речь оратора, выражает личное отношение к предмету речи и воздействует на аудиторию),
- адресность (умение адаптировать речь в соответствии с возрастом, этапом обучения, уровнем аудитории, выбор содержания и форм подачи наиболее созвучных аудитории),
- информативность (новизна и актуальность запросам слушателей, глубокие познания в области предмета речи, умение создать новое представление о предмете речи и давать необходимые разъяснения),
- логичность (логика в преподнесении изложении материала, вскрытие внутренних взаимосвязей),
- интерес (пробуждение любознательности, стимулирование активности, поддержание интереса к предмету речи),

- контакт с аудиторией (умение наладить отношения со слушателями, доверительно-располагающий тон в общении, совместный поиск решения образовательной задачи) [1,3].

Из вышесказанного становится очевидно, что ораторские умения преподавателя, как ключевого субъекта образовательного процесса, органично вписываются в структуру его профессиональной коммуникативной компетенции и способны оказать существенное влияние на формирование коммуникативных умений обучающихся. Тем не менее, в системе высшего педагогического образования, в том числе языкового, уделяется недостаточно внимания формированию умений выступать публично. Обучающиеся испытывают стеснение при необходимости говорить на публике, не любят выступать на конференциях, отстаивать собственное мнение в открытых дискуссиях. В дальнейшем испытываемые затруднения в речевой деятельности могут помешать полноценно реализовать себя в профессии.

Однако, как отмечается исследователями, ораторское мастерство может быть усовершенствовано. В этой связи неопределимую роль будет играть практико-ориентированный курс, целями которого станет преодоление страха и формирование стратегий эффективного публичного выступления у студентов языковых педагогических вузов. В задачи курса необходимо включить формирование умений:

- структурировать текст выступления (включая ознакомление с особенностями разных жанров выступлений, стилистическими приёмами и средствами выразительности, способами начинать и завершить выступление);

- использовать невербальные средства коммуникации во время публичного выступления (в первую очередь, мимику и жесты, как наиболее эффективные зрительно-впечатляющие средства);

- грамотно управлять голосом (четкость, дикция, интонация, сила голоса, управление дыханием, темп), который выступает индикатором эмоционально-оценочного отношения к предмету речи и внутреннего состояния оратора во время публичного выступления;

- применять стратегии на практике в ходе как подготовленного (на заранее заданную тему), так и неподготовленного публичного выступления.

В заключении необходимо отметить потребность в детальной разработке специализированного курса, обеспечивающего развитие и совершенствование вышеназванных умений, в силу их высокой востребованности в профессиональной деятельности преподавателя иностранного языка.

Список литературы:

1. Бадмаев Б.Ц., Малышев А.А. Психология обучения речевому мастерству. - М., Владос-пресс, 2002. - 224с.
2. Педагогический дискурс: качество речи учителя. Материалы II Всероссийской конференции (Москва, 27-29 мая 2020) / под общ. ред. Л.Г. Викуловой. - М: МГПУ; НВИ; Языки Народов Мира, 2020. – 264с.
3. Яковлева Ю.М. Особенности дидактической речи учителя на уроке иностранного языка и их роль в обучении // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). - 2016. - № 10. - С. 291-294.

Сведения об авторе

Яковлева Юлия Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; julia_for_friends@rambler.ru, 8- 953- 478- 54-74

Yakovleva Yulia Mikhailovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, Orel State University named after I.S. Turgenev; 95 Komsomolskaya St., Orel, 302026; julia_for_friends@rambler.ru , 8- 953- 478- 54-74

**ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ОСВОЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ПРОГРАММ**

Якушев М.В.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В статье представлен анализ возможностей использования интернет-ресурсов в образовательном процессе, опыт создания электронных учебников, потенциал и границы применения компьютерных программ в обучении иностранным языкам. Автором подчеркивается, что без сформированности ИКТ-компетенции и опыта дидактизации учебных материалов, без методического сопровождения использование онлайн технологий не может быть эффективным.

Ключевые слова: интернет, электронный учебник, онлайн образование, ИКТ-компетенция, информация, ресурсы

Abstract: The article presents an analysis of the possibilities of using Internet resources in the educational process, the experience of creating electronic textbooks, the potential and limits of the use of computer programs in teaching foreign languages. The author emphasizes that without the formation of ICT competence and experience of didactization of educational materials, without methodological support, the use of online technologies can not be effective.

Key words: internet, electronic textbook, online education, ICT competence, information, resources

В век информатизации Интернет стал феноменом, который внедрился в жизнь сотен миллионов людей, использующих его в самых разных целях: личных (бытовых), профессиональных, образовательных, рекламно-коммерческих, информационно-познавательных, развлекательных и др. Значение всемирной сети для преподавателей иностранного языка (ИЯ) трудно переоценить. Свидетельством тому являются многочисленные дискуссии и издания, знакомящие с возможностями и стратегиями использования Интернета, дающие описание наиболее значимых программ и ресурсов в обучении ИЯ. Очевидно, что Интернет может быть задействован как учителем (поиск учебных материалов, новых методов и подходов, обмен опытом), так и обучающимися (подготовка к занятиям, поиск литературы, переписка и т.п.). Вместе с тем, глобальная сеть служит лишь средством коммуникации, которая может быть как асинхронной, предполагающей отсроченную обработку информации, так и синхронной, предусматривающей одновременное взаимодействие пользователей в режиме реального времени.

Интерес ученых и практиков к использованию возможностей компьютера в обучении сформировался в середине 80-х годов прошлого века в связи с широким распространением персональных компьютеров. Психолого-педагогические и методические исследования последних лет все чаще обращены к проблеме создания электронных учебников. В них стали изучаться потенциал и границы их применения, возможности интеграции в компьютерные программы действующих моделей и концепций обучения. В диссертационных работах рассматриваются технологии создания компьютерных программ и целых курсов, компьютеризированной образовательной среды.

Е.А. Пичкуренко отмечает, что «создание новой учебной литературы должно идти путем интеграции трех составляющих: учебной информации, дидактических инноваций, новых информационных технологий. Результатом этой интеграции должна быть качественно новая учебная продукция, в которой реализуется схема: информация + дидактические инновации + компьютер» [2].

Таким образом, отличительной чертой современного образования становится использование различных форм компьютерных технологий. Однако рекламные кампании по поводу эффективности внедрения компьютерных курсов и компьютерных программ в обучение ИЯ зачастую дезориентируют учащихся и родителей. Действительно, они предлагают красочное оформление, удобную навигацию, ситуативную тренировку, интерактивные задания и широкие возможности самоконтроля. К сожалению, в подобные разработки, как правило, не заложена единая концепция (как социально-педагогическая, так и методическая), а игровая деятельность превалирует над учебной. Процесс усвоения знаний и формирования умений происходит на уровне двух принципов: принципа «наблюдай и изучай», основанного на моделировании и передаче знаний и принципа «смотри, слушай, повторяй, путешествуй и учись».

Нам представляется, что внедрение полноценных электронных учебников займет еще некоторое время, и в ближайшие годы мы вряд ли откажемся от печатных изданий в силу как минимум двух факторов.

Во-первых, отсутствие серьезных теоретических разработок в этой области ведет к поверхностным представлениям об электронном учебнике и, как следствие, определениям, типа: «Электронным учебником называется новое средство обучения на компьютерном диске, хранящем и представляющем аудио-, видео-, текстовую и графическую информацию» [1].

Во-вторых, исследователи единодушны в том, что создание электронного учебника проходит те же этапы (целеполагание, отбор и организация учебного материала, выбор ведущих форм и методов обучения, способов взаимодействия и т.д.) и включает в себя все характеристики печатного издания. Это означает, что в целом электронный учебник (компьютерный курс) - это часть методической системы, отражающая: особенности учебного процесса, цели обучения, особенности изучаемого языка, стратегию учебных действий, психологию усвоения/обучения и т.д. Поэтому основу такого курса не могут составлять только «учебные тексты и действия над ними в виде инструкций к

упражнениям и заданиям, выполняемые на текстовом материале, с целью формирования языковых, речевых и коммуникативных умений» [1].

В настоящее время компьютер, на наш взгляд, наиболее целесообразно использовать как средство тренировки и канал обмена / передачи информации, поиска и обработки текстов на ИЯ. Итак, несмотря на очевидные возможности повышения мотивации в изучении ИЯ и потенциал Интернета, его использование вводится в практику преподавания с большим трудом. Объяснением тому могут служить, по крайней мере, два ряда причин: объективных (отсутствие материально-технической базы и финансовых средств) и субъективных (отсутствие компьютерной грамотности, неосведомленность в сфере электронных технологий).

Перечисленные факторы, на наш взгляд, вполне устранимы в том случае, если обучающий в силах преодолеть некоторую косность, неоправданный страх и сложившееся предубеждение в отношении эффективности использования компьютера в обучении. Помочь учителю в этом может высокая мотивация обучаемых, которые, кстати, являются активными пользователями РС или посетителями многочисленных Интернет-кафе. Они зачастую намного лучше ориентируются в сфере электронных технологий и в состоянии самостоятельно решать многие задачи. Проблема видится в наличии желания и умения учителя точно и адекватно ставить эти самые задачи, предвидеть способы их решения, прогнозировать и оценивать результаты работы, проводить контроль и коррекцию деятельности обучающихся.

Итак, для того чтобы усвоение ИЯ проходило более интенсивно, интересно и эффективно необходимо изгнать из сознания учителя негативный и отталкивающий оттенок слов «всемирная сеть», «глобальная паутина», сделав его сторонником использования Интернета. Для этого следует прояснить два вопроса:

1. Что дают услуги Интернета учителю и учащемуся?
2. Как можно использовать Сеть в процессе обучения и где можно найти необходимую информацию?

Не ставя перед собой задачу их детального исследования, попытаемся провести анализ накопленного опыта и сделать некоторые обобщения. Как показывают проведенные исследования и практика преподавания, Интернет обладает неограниченными ресурсами и:

- ✓ способствует оптимальной организации самостоятельной работы совершенствованию языковой подготовки учащихся при помощи языковых курсов и обучающих программ, предлагает тесты для получения сертификатов международного образца;

- ✓ позволяет получать необходимую и актуальную информацию по самым различным вопросам при помощи поисковых систем;

- ✓ открывает доступ к библиотечным фондам, словарям и справочным материалам, обзору литературы и СМИ;

- ✓ является средством повышения квалификации учителей, их теоретической и языковой подготовки, средством самосовершенствования;

- ✓ открывает возможности обмена опытом и информацией по различным вопросам, обеспечивает сотрудничество учителей, позволяет вступить в международные профессиональные организации;

- ✓ помогает найти партнера по иноязычному общению и переписке, частично ликвидируя отсутствие языковой среды, способствует межкультурной коммуникации;

- ✓ позволяет организовать форумы, дискуссии, (видео)конференции, осуществлять международные проекты;

- ✓ делает возможным одновременное общение со всеми участниками учебного процесса;

- ✓ развивает кооперацию, совершенствует умения взаимодействия, самоконтроля и рефлексии;

- ✓ обеспечивает доступ к учебным материалам, сценариям и планам уроков, внеклассных мероприятий;

- ✓ расширяет лингвистический кругозор, социокультурную и страноведческую компетенцию;

✓ облегчает реализацию принципов индивидуализации и дифференциации обучения, позволяет ярче продемонстрировать личностные качества и способности, творческий потенциал обучающихся;

✓ поддерживает дистанционное обучение.

Далеко не полный перечень возможностей Интернета позволяет говорить о том, что Сеть является уникальным и перспективным средством развития всех компонентов коммуникативной компетенции, фактором повышения эффективности процесса обучения и значимости владения иностранными языками.

Боязнь привлечения разнообразных гаджетов и интернет-ресурсов кажется нам несостоятельной. Наоборот, современные школьники с большим интересом и энтузиазмом обращаются к компьютерным играм и образовательным интернет-страницам. Задача педагога видится в необходимости дидактической обработки имеющихся материалов и погружение обучающихся в образовательную среду, которое может произойти незаметно и неосознанно.

Результаты и последствия вынужденного перехода на дистанционное обучение в условиях пандемии коронавируса только предстоит осмыслить и проанализировать. Очевидно, однако, что обучающиеся и обучающие, ученые и эксперты вплотную приблизились к пониманию истинных возможностей онлайн образования, его очевидных ресурсов и вскрытых недостатков.

Список литературы:

1. Низовая И.Ю. Теория и практика создания электронного учебника по русскому языку как иностранному: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 193 с.

2. Пичкуренко Е.А. Учебник нового поколения в структуре профессиональной подготовки учителей: Дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2006. 272 с.

Сведения об авторе

Якушев Максим Валерьевич; кандидат педагогических наук, доцент, директор Института иностранных языков ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева», 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; yakushev.m@yandex.ru; 8-953-625-84-66

Yakushev Maxim Valeryevich; Candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Foreign Languages Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; yakushev.m@yandex.ru; 8-953-625-84-66

**СЕКЦИЯ №3: ПЕРЕВОД В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ,
ПРАКТИКА, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ**

УДК 811.111

О ВАРИАТИВНОСТИ НОРМЫ ПЕРЕВОДА

*Вознесенская Л.Н.
Академия ФСО России
г. Орел, Россия*

Аннотация: В статье говорится об изменениях нормы перевода и ее компонентов под воздействием различных факторов. В их числе – переход на цифровые источники информации, всеобъемлющее использование ресурсов Интернет, расширение кругозора населения, лучшее знание иностранных языков и др. Приводится описание наблюдаемых явлений применительно ко всем нормативным требованиям к переводу.

Ключевые слова: перевод, норма, требования, вариативность, адекватность.

Abstract: The text deals with the problem of translation norm variability. Norm components prove to be in the state of changing in the course of time and depend on different factors. Currently such factors as ubiquitous use of Internet resources and better informed people with foreign language skills influence the process of translation and change its norms.

Key words: translation, norm, requirements, variability, adequacy.

В академической литературе норма перевода определяется как совокупность требований, предъявляемых к качеству перевода [1:227-228].

Вариативность нормы перевода может рассматриваться в двух планах – синхронии и диахронии. При первом подходе рассматривается перевод текстов разного типа, относящихся к разным функциональным стилям. Очевидно, что набор требований к переводу художественных текстов и текстов газетно-информационных или технических будет различаться во многих аспектах. Повсеместное использование сетевых ресурсов политиками, публикующими свои комментарии в Интернете, которые в силу свободного доступа становятся достоянием общественности и, в частности СМИ, налагает особую ответственность на переводчиков, работающих с такими текстовыми материалами. Особые требования предъявляются к точности их перевода, адекватной передаче не только фактологической, но и эмоциональной информации.

Рассматривая перевод в историческом плане, убеждаемся в том, что теоретические положения, сформулированные в переводоведении за длительный период времени, от описания требований, которым должен удовлетворять хороший перевод, перешли к рекомендациям, во многом отличающимся от первоначальных в силу различных обстоятельств.

Согласно теории В.Н. Комиссарова норма перевода складывается из нескольких компонентов. Это – норма эквивалентности, норма переводческой речи, жанрово-стилистическая и прагматическая нормы перевода, и, наконец, конвенциональная (историческая или исторически сложившаяся) норма перевода [1:229]. В результате эмпирических исследований складывается мнение, что каждый из этих элементов может варьироваться в силу ряда обстоятельств. Основным "регулятором" изменений нормативных требований к переводу следует назвать социальный заказ – общественную потребность в переводах определенного типа.

Сложившиеся в настоящее время социальные отношения, обусловленные всеобщим переходом к цифровым источникам информации, увеличением числа лиц, владеющих иностранными языками (прежде всего, английским) и обладающих знаниями об иноязычных культурных реалиях, а также

расширение сфер межкультурной коммуникации, оказали значительное влияние на требования к переводу применительно ко всем перечисленным компонентам. Большую роль в этом процессе сыграл и продолжает играть Интернет во всем его многообразии.

Попытаемся подтвердить данную гипотезу путем сопоставления англоязычных текстов газетно-публицистического стиля с текстами на русском языке. В последние годы ясно прослеживается тенденция к стиранию различий между материалами англоязычной и русскоязычной прессы, представленными в Интернете, информационными сообщениями радио и телепередач. Дискурсивный анализ газетных статей показывает, что, несмотря на некоторые различия в оформлении и сопровождении таких материалов в разных источниках, имеется много общего в подборе заголовков, композиционном построении, представлении видео и фотоматериалов. Так, стираются различия в предоставлении новостей в информационных программах каналов "Россия 1" и "Би-би-си". Многие заголовки английских, а также русских статей представлены в полном (двусоставном) варианте и при переводе могут быть переданы почти дословно. В ряде текстов русскоязычной прессы имеется вводный абзац, отражающий основное содержание статьи, подобно англоязычным публикациям, основные моменты выделены или вынесены в отдельные, привлекающие внимание читателей рубрики.

Расширение кругозора, накопление "фоновых" знаний среднего читателя, на которого, как правило, ориентирован перевод, не предполагает более использования добавлений и опущений, которые в отдельных случаях были необходимы несколько десятилетий назад. Этот прием чаще используется там, где имеются проблемы с синтаксическим оформлением предложения на русском языке.

Вариативность прослеживается и относительно русского языка или нормы переводческой речи. Основные изменения затронули перевод имен собственных. Если ранее требовалось использование кириллицы по всему тексту, сейчас все более допускается наличие латинских наименований в

русскоязычном тексте. Многие аббревиатуры, известные русским читателям в латинском написании, сохраняют свою оригинальную орфографию (например, GSM). В настоящее время прослеживается тенденция, не характерная для традиционных способов, основанных на принципе сохранения гомогенности текста (использовании единого алфавита). Можно встретить оригинальное написание названий фирм (*Nokia, Siemens, Toyota*), печатных изданий (*The Washington Post, Reuters, Financial Times*) в информационных и рекламных материалах [2:27].

Можно предположить, что создатели текстов указанного типа ориентируются на информированность русскоязычного читателя, более высокий уровень образованности и общей культуры.

Кроме того, в русском тексте газетных статей все чаще используется заимствованная лексика, относящаяся к различным областям, преимущественно к экономике, бизнесу, финансам, вычислительной технике. Этот факт вызывает неоднозначную реакцию читателя, его обеспокоенность по поводу бережного отношения к русскому языку. Однако следует признать, что англоязычный термин, переведенный однажды, становится в своем заимствованном варианте понятным и общеупотребительным, т. к. в ряде случаев точно и ясно отражает реалии. Так произошло с переводом с русского языка на английский ученых степеней и званий, некоторых профессий и другой лексики. Таким образом, поиск эквивалента перевода уже не требуется, и весь процесс сводится к грамотному использованию транскрипции и/или транслитерации, возможно наряду с калькированием.

Наиболее устойчивым, продолжительным во времени нормативным компонентом традиционно считалась конвенциональная норма перевода. Однако наше время оказалось переломным и решающим в этом отношении. Возвращаясь к текущему социальному заказу, отмечаем, что доминирующую роль в практике перевода играет точность передачи информации текста, его информационного содержания, изложенных в оригинале фактов. Опыт показывает, что довольно часто возникает необходимость отказа от поиска

эквивалента для языковых единиц, содержащихся в исходном тексте, а при наличии эквивалентов в языке перевода отказаться от их использования в пользу передачи смыслового содержания, кроме того выполнить перестройку синтаксической структуры всего исходного высказывания/предложения [3:163-164].

Очевидно, что все компоненты переводческой нормы взаимосвязаны и взаимозависимы, отмечается их иерархический характер [4:224]. Несмотря на подвижность нормативных требований к переводу, доминирующим остается требование достижения адекватности перевода, определяемой исходя из цели коммуникации и, следовательно, задач межъязыкового посредничества. При этом важным остается требование максимального соответствия текстов оригинала и перевода, "в пределах, совместимых с другими нормативными требованиями" [1:229]. Именно это максимально возможное соответствие и выделяет перевод в ряду иных видов переводческой деятельности. Мы сознательно избегаем использования слова "тождественность", т.к. языковые и лингвокультурные различия, а также масса иных обстоятельств не позволяют говорить о тождественности исходного и переведенного текстов, которая предполагает их полное соответствие.

Изложенное выше согласуется с мнением О. В. Петровой о глубоких изменениях в практике перевода, о необходимости более четкого и согласованного определения самого понятия "перевод", отражающего реалии сегодняшнего дня, определения границ перевода как особого вида речевой деятельности и функций переводчика в этой связи [5:48-50]. Думается, что перевод текста и его обработка, предполагающая глубокий информационный анализ, представляют собой две разные области, требующие особой профессиональной подготовки и практического опыта.

Вместе с тем очевидно, что вопрос о норме перевода в отношении информационных текстов представляется весьма актуальным и требует незамедлительного обсуждения с участием теоретиков и практиков в области современного русского языка и журналистского сообщества.

Список литературы:

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
2. Вознесенская Л.Н. Современные тенденции в переводе безэквивалентной лексики // Формирование и совершенствование поликультурной языковой личности специалистов средствами родного, русского и иностранного языков, всероссийский круглый стол (2016; Орел) [сборник материалов]. – Орел: ОрЮОИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017. – С. 26-28
3. Вознесенская Л.Н. Актуализация модели "смысл-текст" при переводе // Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение: материалы I научно-практической конференции (13-15 октября 2016 г., г. Орел, ОГУ имени И.С.Тургенева). – Орел: ОГУ имени И.С.Тургенева, 2016. – С. 160-165.
4. Теория перевода: [учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков] / В.В.Сдобников, О.В. Петрова. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 448 с.
5. Петрова О.В. Куда уходит текст? (о некоторых тенденциях в переводе и переводоведении) // Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение: Материалы III научно-практической конференции (18-19 октября 2018 г., г. Орел, ОГУ имени И.С.Тургенева). – Орел: ОГУ имени И.С.Тургенева, 2018. – С. 46-51

Сведения об авторе

Вознесенская Любовь Николаевна, доцент, кандидат филологических наук, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орел, Россия.

Voznesenskaya Lyubov Nikolaevna, Candidate of Science (Philology), Associate Professor, The Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation (The FSO Academy), Oryol, Russia. lubovnv@yandex.ru 89092263889

**МЕТАПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ
ПЕРЕДАЧИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ**

Глаголев Я.Б., Кушнина Л.В.

Пермский национальный исследовательский университет

г.Пермь, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы проблемы передачи имен собственных-антропонимов из художественного дискурса одной лингвокультуры в другую. Герменевтическую основу статьи составляют следующие теории и концепции: теория имени собственного, теория транспозиции, концепция переводческого пространства, концепция метаперевода и метадискурсивной деятельности переводчика. В качестве материала для анализа используются литературные онимы современного франкоязычного художественного дискурса в оригинале и переводе на русский язык. Целью статьи является обоснование метапереводческой транспозиции как одной из стратегий передачи имени собственного. Результатом исследования является описание функций метапереводческой транспозиции: ассоциативной, интенциональной, актуализирующей.

Ключевые слова: имя собственное, переводческое пространство, метаперевод, транспозиция, метапереводческая транспозиция, стратегия перевода, художественный дискурс.

Abstract. The problems of the proper names' transfer from artistic discourse of one lingo culture into another have been characterized in the article. The next theories and concepts are the hermeneutic basis of the article: theory of the proper name, theory of transposition, the concept of translation space, and the concept of metatranslation and metadiscoursal translator's activity. Literary onims of the modern French language artistic discourse in the original and translated into Russian text have been analyzed. The main task of the article is to substantiate the metatranslation

transposition as one of the strategies of the proper name transfer. The result of the study has been the description of the functions of metatranslation transposition: associative, intentional and actualized.

Key words: proper name, translation space, metatranslation, transposition, metatranslation transposition, translation strategy, artistic discourse.

Имя собственное, будучи элементом языка, речи, культуры, является сложной функционально-семантической категорией, передача которой из одной лингвокультуры в другую вызывает многочисленные дискуссии исследователей.

Предметом нашего исследовательского интереса является имя собственное – антропоним как уникальный элемент художественного текста и художественного дискурса, создающий его ономастическое пространство. Согласно концептуальным положениям теории имени собственного, заложенным А.В.Суперанской, О.А.Фоняковой, В.Д. Бондалетовым, В.В. Катерминой и др., реальное имя собственное (ИС) и ИС художественного текста имеют свои закономерности порождения и функционирования. ИС художественного текста обозначается как поэтоним или литературный оним. Его ономастическое пространство обладает определенными характеристиками, художественными функциями, смысловым содержанием, значимостью для создания культурно-исторической атмосферы текста и выражения индивидуальных взглядов автора.

Как подчеркивает В.В.Катермина, «имя может сравниться с загадкой, ответ на которую мы получаем, опираясь на общезыковые и культурно психологические коннотации личных имен собственных в сознании народа (фоновые знания, вертикальный контекст, культурные традиции)». [3, с.25] Действительно, ИС является культурной загадкой художественного текста, образы которой должны соответствовать национальной духовной культуре, идеалам и ценностям народа.

Несмотря на кажущуюся простоту передачи ИС из одной лингвокультуры в другую, учитывая такие способы их передачи как транскрибирование, транслитерация, калькирование, в большинстве случаев переводчики испытывают существенные трудности, преодоление которых требует понимания закономерностей их порождения и функционирования в исходной культуре, а также выработки стратегий их передачи. Цель проводимого нами исследования состоит в создании и апробации таких стратегий.

В работе мы опираемся на следующие принципы исследования данного процесса. Во-первых, в качестве методологического основания мы используем синергетическую концепцию перевода - переводческое пространство. Во-вторых, мы опираемся на теорию транспозиции как универсальный общеязыковой механизм. В-третьих, мы основываемся на положениях метаперевода и метапереводческой деятельности.

Поясним эти принципы. Синергетическая модель перевода – переводческое пространство – разработана одним из авторов статьи Л.В. Кушниной для объяснения механизмов перевода и выявления критериев качественного перевода текста. [5] Мы трактуем перевод как процесс взаимодействия языков и культур, как интеллектуально-эмоциональная деятельность переводчика, направленная на постижение гетерогенных смыслов, формирующихся в полях переводческого пространства. Если его ядром выступает содержание текста, в котором образуется эксплицитный фактуальный смысл, являющийся инвариантом для переводчика, то периферию образуют, с одной стороны, текстовые поля, с другой стороны, поля субъектов переводческой коммуникации. Все смыслы, образующиеся на периферии переводческого пространства, имплицитны. К ним относятся: модальный смысл поля автора, индивидуальный смысл поля переводчика, рефлексивный смысл поля реципиента, эмотивный смысл энергетического поля, культурологический смысл фатического поля. Особую значимость мы придаем фатическому полю, в котором происходит контакт культур, благодаря тому, что в процессе его осмысления переводчиком происходит постижение

интертекстуальной информации. В основе такого понимания лежит трактовка интертекста, предложенная Л.Н.Мурзиным, согласно которому путь вхождения текста в культуру определяется возможностями его интерпретации носителями языка. Это означает, что каждое новое включение текста или его фрагментов в другой текст расширяет поле интерпретации исходного текста, что лежит в основе культурологического подхода к тексту. [6] Изучение интертекста переводчиком предполагает его знакомство со всей совокупностью текстов, так или иначе связанных с данным текстом. Так, например, изучая художественный дискурс, мы обращаемся к творческой биографии писателя, к другим его произведениям, к изучению эпохи создания текста, к литературному направлению, к которому он принадлежит. Вместе с тем, мы изучаем произведения родной культуры, принадлежащие той же эпохе, а возможно, тому же литературному направлению, что позволяет нам создать широкий интертекстуальный фон, лежащий в основе фатического поля переводческого пространства.

Задача переводчика не ограничивается изучением полей переводческого пространства и извлечением их смыслов. В сознании переводчика, освоившего переводческое пространство, происходит синергия смыслов, что приводит к приращению новых смыслов, приемлемых в принимающей культуре. В результате порождается гармоничный текст перевода, смыслы которого соразмерны смыслам оригинала, но не идентичны и не тождественны им. Текст перевода начинает свое существование в другой культуре, и в случае гармоничного перевода он обогащает эту культуру. [5] Данная концепция была апробирована на текстах разных функциональных стилей и на различных типах дискурса. В рамках проводимого исследования мы анализируем процесс передачи ИС с французского языка на русский и с русского языка на французский на материале художественного дискурса.

Исследования транспозиции восходят к работам Ш.Балли, к семиотическим исследованиям, трактующим транспозицию как функциональное изменение языкового знака, как деривационный процесс, как

механизм текстообразования. Транспозиция - один из универсальных законов динамики и гибкости языка. В исследованиях по переводу ИС транспозиция рассматривается как один из способов их передачи. [2] Мы вычленили механизм транспозиции среди других способов передачи ИС и объединили его с метапереводческой деятельностью.

Одним из первых в отечественной науке метаперевод начал изучать В.Б.Кашкин, который объединил множество разрозненных метапереводческих действий и операций в единую систему метаперевода и обосновал его лингвокогнитивный механизм. [4] В работах Н.А.Пластининой были проанализированы переводческие предисловия/послесловия к художественным текстам и сформулированы их особенности. Как пишет Н.А. Пластинина, «переводческий метатекст является более свободным, чем текст перевода, он содержит как новые смыслы, привносимые переводчиком, так и «расшифрованные» смыслы автора, что в совокупности порождает смыслы реципиента». [7, с.12] Сущность метадикурсивной деятельности переводчика автор работы видит в совокупности следующих свойств текста: свойстве текста оригинала к аппроксимации и свойстве текста перевода к рецепции и ассимиляции принимающей культурой.

Изучив обозначенные выше концепции, мы попытались обосновать метапереводческую транспозицию ИС как переводческую стратегию, нацеленную на гармоничный перевод ИС в художественном дискурсе. Кроме того, мы выявили три функции метапереводческой транспозиции: ассоциативная, интенциональная, актуализирующая.

Проиллюстрируем проявление этих функций на примерах, взятых из романа современного французского писателя О. Bourdeaut «En attendant Vojangles» (О.Бурдо «В ожидании Божанглза»), опубликованного в 2015 г. и переведенного на русский язык И.Волевич в 2017г.

1) Ассоциативная функция реализуется в том случае, если переводческий метатекст содержит лингвокультурологический комментарий, восполняющий внеязыковые ассоциации, свойственные носителям языка

оригинала. При этом иноязычный читатель не имеет подобных ассоциаций, и переводчик вынужден создавать метатекст, чтобы облегчить восприятие читателя.

Пример оригинала:

Et moi dans ce cirque j'avais accepté d'endosser le rôle de Monsieur Loyal.....

Пример перевода:

Ну а что я делал во всем этом цирке? Мне пришлось взять на себя роль месье Луайяля...

Переводческий метатекст:

Месье Луайяль - известный цирковой распорядитель, имя которого впоследствии стало нарицательным во Франции для этой профессии (Бурдо 2017: 163)

В данном случае при передаче имени собственного переводчик изучает фатическое поле переводческого пространства, т.е. осуществляет поиск интертекстуальной информации, что позволяет ему понять имплицитный культурологический смысл. Возможно, эта информация известна франкоязычным читателям. Но ИС не является прецедентным именем, так как не все носители французского языка знают это имя. Что касается русскоязычных читателей, данное ИС является совершенно неизвестным, что требует переводческого комментария. Именно благодаря переводческому метатексту мы признаем перевод ИС гармоничным. Саму стратегию перевода мы обозначили как метапереводческая транспозиция, так как ИС оригинала не просто передается в результате приема транскрипции, но в процессе перевода происходит его функциональное переосмысление, создается метатекст, облегчающий восприятие ИС иноязычным и инокультурным читателем. В данном случае произошла межкультурная транспозиция, т.е. транспонирование антропонимических смыслов из одной лингвокультуры в другую.

2) Интенциональная функция. Ее проявление мы ассоциируем с использованием в тексте оригинала прецедентного имени. Но если

реципиентам оригинала данное прецедентное имя хорошо известно, то реципиенты текста перевода могут его не знать. Необходимо обладать определенным уровнем филологического образования, знаниями в области иноязычной литературы и культуры, чтобы понять интенции автора, его пресуппозиции или аллюзии относительно личности, которая послужила источником его размышлений. Задача переводчика состоит в компенсации филологических знаний иноязычного и инокультурного читателя. Приведем пример из того же текста.

Пример оригинала:

Alors il avait fume sa pipe et moi, ma cigarette; nous avions bu notre cocktails assis sans dire un mot, sans nous regarder pour rester concentrés.

Пример перевода:

Итак, он выкурил свою трубку, я свою сигарету, а потом мы запили их нашими коктейлями, сидя на стеганом диване, не разговаривая друг с другом, не глядя друг на друга, чтобы лучше сконцентрироваться.

Текст метаперевода как результат метапереводческой транспозиции ИС:

Отсылка к стихотворению Жака Первера «Завтрак» (“Le dejeuner du matin”): sans me parler, sans me regarder – не разговаривая со мной, не глядя на меня) (Бурдо 2017: 137).

Как видим, переводчик отсылает читателя к творчеству известного французского поэта XX века Ж.Первера, которого могут не знать современные молодые читатели. Переводческий метатекст позволяет в полной мере оценить духовную атмосферу, которая царит в семье главных персонажей этого текста, описание которой вызывает у самого автора ассоциации с известным поэтическим текстом. Метапереводческая транспозиция в виде создания метатекста приводит, по нашему мнению, к переводческой гармонии, к полноценному пониманию текста перевода русскоязычным читателем.

3. Актуализирующая функция. Проявление данной функции мы связываем с широким социальным, политическим, историческим контекстом, который не акцентируется автором, но переводчик считает необходимым

актуализировать имплицитную информацию, напомнить иноязычным реципиентам о том или ином историческом событии.

Пример оригинала:

En reentrant il disait que son métier était beaucoup plus drôle avant la chute du mur par ce qu'on voyait beaucoup plus clair.

Пример перевода:

Приезжая к нам, он сетовал, что его профессия была куда интересней до падения стены – тогда, мол, все выглядело гораздо яснее.

Текст метаперевода:

Речь идет о Берлинской стене, выстроенной в 1960 году и разрушенной в 1989 году (Бурдо 2017: 32-33).

В процессе создания переводческого метатекста актуализирован важный исторический этап в жизни немецкого государства. Следовательно, переводческая стратегия транспозиции может быть признана обоснованной, а метадискурсивная деятельность переводчика – гармоничной.

Признавая значимость анализа транспозиции как определенной переводческой стратегии, напомним трактовку переводческой стратегии, предложенную О.А.Бурукиной: «Переводческая стратегия – это общий план действий переводчика, направленный на перевод конкретного текста, обусловленный конкретной целью перевода, разработанный с учетом лингвистических и экстралингвистических характеристик конкретной переводческой ситуации...». [1, с.79] В этой же работе О.А.Бурукина выстроила иерархическую цепочку, показывающую соотношение ключевых понятий, связанных с понятием переводческой стратегии: цель – стратегия – задача - тактика – способ.

Уточним данную цепочку на примере метапереводческой транспозиции ИС. В качестве цели выступает гармоничный перевод ИС-антропонима. Мы выбрали стратегию метапереводческой транспозиции. Задачу переводчика можно сформулировать так: понимание ИС иноязычным и инокультурным реципиентом. Тактика состоит в создании основного метатекста, который

вплетен в ткань произведения. Способом перевода является выбор такого типа транспозиции, который выполняет ассоциативную функцию.

В заключение подчеркнем идею А.В. Суперанской о том, что «имена создаются в речи по моделям и закономерностям языка». [8, с.220] Это означает, что жизнь имени в языке и его функционирование в речи существенно различаются. Попадая в определенную сферу общения, в частности, в художественную речь, ИС приобретает новые свойства, выступая важнейшим компонентом художественного текста, который помогает автору показать внутренний мир персонажей. При этом ИС всегда остается компонентом концептуальной и языковой картины мира, которые отличаются у представителей разных лингвокультур, и миссия переводчика заключается в гармонизации культур, в установлении взаимопонимания и взаимодействия. В связи с этим гармоничная трансляция ИС при переводе - одна из целей перевода. Эта миссия по-разному исполняется переводчиками. В нашей работе мы акцентировали внимание на метапереводческой транспозиции как эффективной переводческой стратегии.

Список литературы:

1. Бурукина О.А. Переводческие стратегии и переводческие тактики //Десятые Федоровские чтения, Университетское переводоведение. Вып. 10, СПб, 2009.- С. 73 -83.
2. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М., Р.Валент, 2001.- 200 с.
3. Катермина В.В. Номинации человека. Национально-культурный аспект. М., Флинта. Наука. 2016.-224 с.
4. Кашкин В.Б. Метакогнитивные исследования перевода//Десятые Федоровские чтения, Университетскоепереводоведение. Вып. 10, СПб, 2009.- С. 230-242.

5. Кушни́на Л.В. Динамика языкового пространства перевода в пространстве культуры // Стереотипность и творчество в тексте. Межвуз. сб. научн. тр. под ред. М.П.Котюровой. вып.21., Пермь, 2017.- С. 23-31.
6. Мурзин Л.Н. Язык, текст, культура //Человек-текст –культура. Екатеринбург, 1994.-С.160-169.
7. Пластинина Н.А. Лингвокогнитивные механизмы порождения метатекста (на примере переводческих предисловий/послесловий к художественному тексту). Автореферат дисс. на соиск уч. ст. канд. филол. наук, Ижевск, 2018.-25с.
8. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., Либроком, 2012.- 368 с.
9. Фоя́кова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л., ЛГУ, 1990.- 103 с.

Сведения об авторах:

Кушни́на Людмила Вениаминовна, доктор филологических наук, профессор. Пермский национальный исследовательский политехнический университет Россия, 614000, Пермь, Комсомольский пр. 29, e-mail: lkushnina@yandex.ru, +7-342-219-80-39

Глаголев Ярослав Борисович, старший преподаватель. Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия, 614000, Пермь, Комсомольский пр. 29, e-mail: verbierrus@mail.ru, +7-342-219-80-39

Kushnina Ludmila Veniaminovna, Professor, Dr. Sc. (Philology). Perm National Research Polytechnic University, 29, Komsomolski av Perm, 614000 Russia, e-mail: lkushnina@yandex.ru, +7-342-219-80-39

Glagolev Yaroslav Borisovitch, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia, e-mail: verbierrus@mail.ru, +7-342-219-80-39

**МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД МЕДИЦИНСКОГО ТЕКСТА:
ОЦЕНКА КАЧЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Иванишин Д.А.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: в данной статье проводится анализ переводов медицинского текста с русского на английский и с английского на русский, выполненного онлайн-программами, чтобы оценить их качество и целесообразность использования при переводе данных текстов, а также понять, какие аспекты представляют для них наибольшую трудность и нуждаются в улучшении.

Ключевые слова: машинный перевод, медицинский текст, постредактирование, программы онлайн-перевода.

Abstract: the article analyzes Russian-English and English-Russian translations of medical texts done by online-translators in order to estimate quality of the translations and comprehend viability of online translators in relation to medical texts as well as to understand what aspect of online translation requires improvement.

Key words: machine translation, medical text, post-editing, online translators.

В современном мире, когда компьютеризация и автоматизация становятся, а во многих сферах жизни уже стали, реальностью, профессия переводчика также подвергается существенным трансформациям. Многие переводческие агентства и частные клиенты заказывают уже не сам перевод, а постредактирование текста, переведенного машинно — так получается быстрее и дешевле. В случаях научных публикаций часто не происходит даже постредактирования профессионалом, люди переводят свои тексты машинно, а затем просматривают получившийся текст самостоятельно и отправляют

издателю, который вычитывает текст, не имея под рукой текста-оригинала. Учитывая это, а также то, что сегодня существует огромное количество онлайн-переводчиков, вопрос контроля качества такого перевода встает особенно остро.

Таким образом, данная статья посвящена исследованию качества машинного перевода медицинских текстов с русского языка на английский и с английского на русский. Медицинские тексты были выбраны, потому что качество их перевода играет первостепенную роль, так как любая ошибка в переводе может привести к последующим медицинским ошибкам, которые могут очень дорого обойтись как пациентам, так и врачам.

Под машинным переводом в данной статье мы понимаем процесс и результат перевода с одного языка на другой, осуществляемый с использованием машин (компьютера и компьютерных программ) [3; с.107]. Тексты, полученные в процессе машинного перевода могут проходить постредактирование (чаще всего), когда профессиональный переводчик или редактор просматривают и исправляют полученный текст, или интерредактированием (реже), когда текст редактируется в процессе перевода, т.е. редактор обрабатывает сложные случаи «онлайн» [1; с.191–193].

В данном исследовании мы будем оценивать, как различные переводческие программы справятся с переводом русскоязычных и англоязычных текстов, в чем будут основные проблемы, и насколько полученные тексты будут нуждаться в постредактировании. Для исследования были выбраны 4 бесплатные переводческие программы: Google Translate, Yandex Translate, PROMPT и DeepL. Тексты для перевода были взяты из русскоязычного учебника Гребенева А.Л. «Пропедевтика внутренних болезней» [2] и 17-го издания англоязычного пособия «Harrison's Principles of Internal Medicine» [4]. Анализировать полученные переводы мы будем со следующих позиций: 1) лексика и сочетаемость слов; 2) грамматика; 3) синтаксис; 4) стилевое соответствие научным текстам.

Сначала проанализируем перевод текстов с русского языка на английский.

<p>Оригинальный текст [2; с.17]</p>	<p>При расспросе больного сначала выясняют его жалобы, так как рассказ об испытываемых им неприятных ощущениях имеет не меньшее значение для распознавания болезни, чем всестороннее объективное обследование. Иногда предварительный диагноз заболевания основывается почти исключительно на субъективных симптомах (например, стенокардия, или грудная жаба, распознается на основании характера болей в области сердца; желчнокаменная болезнь— по особенностям приступов болей в правом подреберье). В еще большей степени диагнозу помогает подробный расспрос больного о том, когда возникло заболевание, какими симптомами оно проявлялось и как протекало до настоящего момента. Все эти сведения составляют так называемое воспоминание о настоящей болезни (anamnesis morbi). Например, при воспалении легких больной обычно жалуется на слабость, высокую температуру, боли в боку, кашель, отмечает, что заболевание началось несколько дней назад внезапным ознобом и покалыванием в боку при кашле и глубоком дыхании.</p>
<p>Google Translate</p>	<p>When questioning the patient, they first find out his complaints, since the story about the unpleasant sensations he experiences is no less important for recognizing the disease than a comprehensive objective examination. Sometimes the preliminary diagnosis of the disease is based almost exclusively on subjective symptoms (for example, angina pectoris, or angina pectoris, is recognized on the basis of the nature of pain in the heart area; cholelithiasis, according to the characteristics of attacks of pain in the right hypochondrium). To an even greater extent, the diagnosis is helped by a detailed questioning of the patient about when the disease occurred, what symptoms it manifested itself and how it proceeded up to the present moment. All this information constitutes the so-called memory of a real illness (anamnesis morbi). For example, with pneumonia, the patient usually complains of weakness, high fever, pain in the side, cough, notes that the disease began a few days ago with a sudden chill and tingling in the side with coughing and deep breathing.</p>
<p>Yandex Translate</p>	<p>When questioning the patient, first find out his complaints, since the story of the unpleasant sensations experienced by him is no less important for recognizing the disease than a comprehensive objective examination. Sometimes the preliminary diagnosis of the disease is based almost exclusively on subjective symptoms (for example, angina pectoris, or chest toad, is recognized based on the nature of pain in the heart; cholelithiasis— on the characteristics of attacks of pain in the right hypochondrium). To an even greater extent, the diagnosis is helped by a detailed question of the patient about when the disease occurred, what symptoms it manifested and how it proceeded up to the present moment. All this information makes up the so-called memory of a real illness (anamnesis morbi). For example, with pneumonia, the patient usually complains of weakness, high fever, pain in the side, cough, and notes that the disease began a few days ago with a sudden chills and tingling in the side when coughing and deep breathing.</p>

PROMPT	When asking a patient, they first find out his complaints, since the story of his unpleasant feelings is no less important for recognizing the disease than a comprehensive objective examination. Sometimes a preliminary diagnosis of the disease is based almost exclusively on subjective symptoms (for example, angina pectoris, or thoracic toad, is recognized based on the nature of pain in the heart; bile stone disease - according to the features of pain attacks in the right undergrowth). To an even greater extent, the diagnosis is helped by a detailed question of the patient about when the disease arose, what symptoms it manifested and how it has proceeded so far. All this information constitutes the so-called memory of a real disease (anamnesis morbi). For example, with pneumonia, a patient usually complains of weakness, high fever, side pain, coughing, notes that the disease began a few days ago with sudden chills and tingling in the side with coughing and deep breathing.
DeepL	When the patient is questioned, his complaints are first clarified, because the story of his discomfort is no less important for the recognition of the disease than a comprehensive objective examination. Sometimes the preliminary diagnosis of the disease is based almost exclusively on subjective symptoms (e.g., angina pectoris, or breast toad, is recognized based on the nature of pain in the heart area; cholelithiasis - by the peculiarities of pain attacks in the right foothills). To an even greater extent, the diagnosis is helped by a detailed questioning of the patient about when the disease occurred, what symptoms it manifested and how it has proceeded so far. All this information is a so-called memory of the real disease (anamnesis morbi). For example, in inflammation of the lungs, the patient usually complains of weakness, high fever, pain in the side, coughing, notes that the disease began a few days ago with a sudden chill and tingling in the side when coughing and deep breathing.

Google Translate верно перевел все медицинские термины, однако не избежал ошибок, переведя синонимичные медицинские понятия *стенокардия* и *грудная жаба* как *angina pectoris* дважды подряд. Грамматических ошибок не наблюдается, а вот синтаксически предложения хоть и построены корректно, но полностью калькированы с русского текста и выглядят несколько инородно. В целом полученный текст соответствует научным текстам с оговоркой на вышеуказанные неточности.

Yandex Translate также хорошо справился с переводом медицинских терминов, за исключением *грудной жабы*, переведя его дословно — *chest toad*. Однако лучше остальных программ справился с переводом с точки зрения грамматики, синтаксиса и стиля, в результате чего текст стал больше похож на аутентичные англоязычные тексты подобного характера.

PROPMТ несколько хуже справился с переводом терминологических единиц, не только допустив ошибку с переводом понятия *грудная жаба*, но и переведя *желчнокаменную болезнь* как *bile stone disease* вместо *cholelithiasis*. Серьезных грамматических ошибок нет, хотя синтаксически текст тоже в некоторых местах напоминает кальку с русского текста.

DeepI справился с переводом терминов на уровне PROPMТ, допустив ошибку при переводе *грудной жабы*, а также переведя *воспаление легких* дословно, вместо *pneumonia*. Текст тяжело читается и во многих местах калькирует русскоязычный текст оригинала. Например, также как и все другие программы, DeepI перевел фразу *диагнозу помогает* как *diagnosis is helped*.

Оригинальный текст [4, с.90]	Right shoulder pain is also common with acute cholecystitis, but this syndrome is usually accompanied by pain that is located in the abdomen rather than chest. Chest pain that radiates between the scapulae raises the question of aortic dissection. The physical examination should include evaluation of blood pressure in both arms and of pulses in both legs. Poor perfusion of a limb may be due to an aortic dissection that has compromised flow to an artery branching from the aorta. Chest auscultation may reveal diminished breath sounds; a pleural rub; or evidence of pneumothorax, pulmonary embolism, pneumonia, or pleurisy. Tension pneumothorax may lead to a shift in the trachea from the midline, away from the side of the pneumothorax.
Google Translate	Боль в правом плече также часто встречается при остром холецистите, но этот синдром обычно сопровождается болью, которая локализуется в живот, а не грудь. Боль в груди, которая исходит между scapulae поднимает вопрос о расслоении аорты. Физикальное обследование должно включать оценку крови. давление в обеих руках и пульсация в обеих ногах. Плохая перфузия конечность может быть связана с расслоением аорты, которое нарушило поток к артерии, ответвляющейся от аорты. Аускультация грудной клетки может выявить приглушенные звуки дыхания; шум трения плевры; или свидетельство пневмоторакс, тромбоэмболия легочной артерии, пневмония или плеврит. Напряженный пневмоторакс может привести к смещению трахеи из по средней линии, в стороне от пневмоторакса.
Yandex Translate	Боль в правом плече также часто встречается при остром холецистите, но этот синдром обычно сопровождается болью, которая локализуется в животе, а не в груди. Боль в груди, которая излучается между лопатками, поднимает вопрос о рассечении аорты. Физикальный осмотр должен включать оценку кровяного давления в обеих руках и пульса в обеих ногах. Плохая перфузия конечности может быть вызвана рассечением аорты, которое нарушило приток крови к артерии, отходящей от аорты. Аускультация грудной клетки может выявить уменьшенные звуки дыхания; растирание плевры; или признаки пневмоторакса, тромбоэмболии легочной артерии, пневмонии или плеврита. Натяжение пневмоторакса может

	привести к смещению трахеи от средней линии, в сторону от боковой части пневмоторакса.
PROMPT	Боль в правом плече также распространена при остром холецистите, но этот синдром обычно сопровождается болью, которая расположена в животе, а не в груди. Боль в груди, которая излучается между лопатками, ставит вопрос о расслоении аорты. Физическое обследование должно включать оценку артериального давления в обеих руках и импульсов в обеих ногах. Плохая перфузия конечности может быть вызвана рассечением аорты, которое нарушило поток в артерию, ответвляющуюся от аорты. Аускультация груди может выявить уменьшенные звуки дыхания; плевральное натирание; или доказательства пневмоторакса, легочной эмболии, пневмонии или плеврита. Пневмоторакс напряжения может привести к смещению трахеи от средней линии, от стороны пневмоторакса.
DeepI	При острых холециститах также часто встречаются боли в правом плече, но этот синдром обычно сопровождается болью в животе, а не в грудной клетке. Боль в груди, которая распространяется между лопатками, поднимает вопрос о расчленении аорты. Физическое обследование должно включать оценку кровяного давления в обеих руках и импульсов в обеих ногах. Плохая перфузия конечности может быть вызвана рассечением аорты, которое нарушило приток к ветвям артерии из аорты. Аускультация грудной клетки может выявить уменьшение звуков дыхания; плевральное втирание; или признаки пневмоторакса, легочной эмболии, пневмонии или плеврита. Напряженный пневмоторакс может привести к смещению трахеи от средней линии, в сторону от стороны пневмоторакса.

При переводе с английского Google Translate в целом справился (*лучше, чем другие программы*) с переводом терминологических единиц, однако есть и серьезные ошибки, например с переводом понятий *radiate to*, *scapulae* и *blood pressure*. Однако, главной проблемой для данной программы стала грамматика русского языка. Так, в ряде случаев не удалось просклонять существительные правильно, иногда наблюдаются двойные предлоги, что является следствием кальки с английского языка — *away from* как *из no* и т.д. С точки зрения синтаксиса предложения построены «по-русски», стиль текста тоже выдержан.

Yandex Translate тоже сделал ряд ошибок в переводе терминологических единиц, однако единиц более сложного порядка, таких как *radiate to*, *diminished breath sounds*, *a pleural rub*, *tension pneumothorax*. При этом, данная программа отлично справилась с построением предложений грамматически и синтаксически, ошибок на данных уровнях языка практически нет. Стиль текста тоже выдержан отлично.

PROPMТ допустил лексические ошибки на уровне Yandex Translate, однако с точки зрения грамматики и синтаксиса справился с переводом хуже, а в некоторых случаях даже хуже, чем Google Translate, существенно затруднив понимание смысла текста. Стил ь текста выдержан.

DeepI также плохо справился со сложными медицинскими терминами, такими как *diminished breath sounds, a pleural rub*, однако грамматически и синтаксически построил предложения лучше, чем Propmt, хотя и немного хуже, чем Yandex Translate.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы: 1) все программы требуют этапа постредактирования, так как ни одна из них не выдает качественного перевода без ошибок, а во многих случаях ошибки являются довольно серьезными; 2) Yandex Translate выдает наиболее качественные и последовательные переводы медицинских текстов как с русского на английский, так и наоборот, но и она не может избежать серьезных ошибок; 3) ключевой проблемой для всех программ при переводе с русского на английский является перестроение предложений в соответствии с нормами переводящего языка, большинство из них калькирует русские предложения, на втором месте перевод терминов, особенно тех, которые национально-специфичны; 4) калькирование англоязычных предложений наблюдается и при переводе с английского на русский, однако основной проблемой стал перевод терминов с английского языка, с грамматикой русского языка большинство программ справились хорошо.

Список литературы:

1) Бабина О.И. Языковая личность переводчика и машинный перевод // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57.

2) Гребенев А.Л. Пропедевтика внутренних болезней. Учебник. - 5-е

издание., перераб и доп. - М.: Медицина, 2001. - 592 с.

3) Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2003. –320 с.

4) Fauci A.S., Braunwald E., etc. Harrison's Principles of Internal Medicine, 17th edition. - 2008. - p.1658.

Сведения об авторе

Иванишин Дмитрий Александрович; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; ghostpanther@yandex.ru; +79004878919.

Ivanishin Dmitriy Aleksandrovich; Candidate of Philology, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; ghostpanther@yandex.ru; +79004878919.

УДК 811.133.1

ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРЕВОДА: ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА И ВНУТРИЯЗЫКОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ГАЗЕТНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛАХ

Козельская Е.А.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются особенности перевода прилагательных, образованных от имен собственных, и внутриязыковых заимствований в газетном тексте, а также приводятся различные варианты их передачи в переводящем языке. В корпус статьи включены два дидактических

упражнения, предназначенные для работы студентов по поиску оптимального переводческого решения, будь то подбор постоянного или контекстуального эквивалента, или описательный перевод.

Ключевые слова: перевод, имя собственное, антропоним, топоним, внутриязыковое заимствование

Abstract: The paper examines the features of translating adjectives formed from proper nouns and intralingual borrowings in a newspaper text, and also provides various options for their translation in the translating language. The body of the article includes two didactic exercises for students to find the optimal translation solution, whether it is the selection of a permanent or contextual equivalent, or a descriptive translation.

Keywords: translation, proper name, anthroponym, toponym, intralingual borrowing

Передача имен собственных при переводе текстов разных жанров и функциональных стилей не вызывает особых трудностей, т.к. наряду с международной транскрипцией существуют системы правил, используемые при взаимодействии конкретных пар языков. Для онимов французского и русского языков также подробно разработаны предписания для перевода, например в книге В.Г. Гака и Б.Б. Григорьева «Теория и практика перевода» [1, с. 423-434], где авторы рекомендуют сохранять традиционное общеизвестное написание иностранных имен собственных и учитывать большую частотность транскрипции при передаче таковых лексем с французского языка на русский и предпочтение транслитерации при переходе русского онима во французский текст. Вопросы переводческой ономастики и операции с единичными понятиями детально рассмотрены Н.К. Гарбовским с учетом модуляций, обусловленных происхождением онима, наличия или отсутствия образности, вариативности в обозначении в переводе частного лица и коронованной особы [2, с. 469-483]

Бесспорный интерес для переводчиков представляют всевозможные производные от имен собственных, при этом в тексте масс-медиа антропонимы

проявляют большую словообразовательную активность, которая проявляется через аббревиацию (VGE – Valéry Giscard d’Estaing), усечение (Sarko – Nicolas Sarkozy) или суффиксацию (la Macronie – от Emmanuel Macron). Однако, если в двух первых приведенных примерах достаточно применить транскрипцию для передачи в русском тексте имен и фамилий бывших президентов Франции Валери Жискар д’Эстена и Николя Саркози, то в последнем придется учитывать коннотативное значение неологизма, пренебрежительно характеризующего и политическое окружение президента Французской Республики и саму страну в период его президентства (например, заголовок одной из редакционных статей газеты Ле Монд, в которой речь шла о выборах мэра Парижа – «La candidature de Villani à Paris, coup de tonnerre en Macronie»).

В современных газетных материалах довольно часто встречаются прилагательные, образованные от имен собственных. Те из них, которые своим происхождением обязаны топонимам, как правило, не вызывают трудностей при переводе: la police remoise (полиция Реймса) или le chef ivoirien (руководитель Кот д’Ивуар). Переводчик может воспользоваться буквальным или описательным переводом, в зависимости от привычности звучания на русском языке.

Часто имена собственные, например, фамилии политических деятелей, могут образовывать две формы прилагательных: chiraquien – chiraquiste, sarkozien – sarkoziste. Первое прилагательное характеризует саму личность, ее взгляды, программу, реформы (réformes chiraquiennes), второе относится к сторонникам этого политического деятеля (mouvement chiraquiste). Впрочем, отметим, что изредка одно прилагательное подменяет собой другое.

Описательный перевод необходим при передаче на русский язык прилагательных, образованных от имен или фамилий литературных персонажей или их авторов. Например, cette affaire rocambolesque – «эта невероятная (неправдоподобная) история» или «история в духе романов Понсона дю Террайля».

Приведем упражнение, предназначенное для студентов бакалавриата, обучающихся по профилю Перевод и переводоведение (некоторые фразы, представляющие собой отрывки из статей французской печатной прессы, уже использовались нами при составлении учебно-методического пособия[3]).

Переведите предложения, содержащие прилагательные, образованные от имен собственных.

1) Le choix de Dmitri Medvedev, considéré comme le plus « libéral » des hommes d'état **poutiniens**, ne lève pas le suspense sur les intentions du maître du Kremlin.

2) Hommage à l'actrice américaine Janet Leigt. Son assassinat derrière un rideau de douche, dans « Psychose », a fait d'elle une éternelle héroïne **hitchcockienne**.

3) Révélateur de l'engouement des entrepreneurs français pour la Chine, le poste d'expansion économique à Shanghai a reçu au cours de cette année quelque six cents demandes d'information de la part de PME **hexagonales**.

4) Contrairement à Cosa Nostra, la mafia **sicilienne**, La Camorra n'est pas une organisation pyramidale avec son directoire et son chef suprême. Les 8000 comorristes de Naples et sa vaste banlieue sont repartis en 83 clans régnant chacun sur un territoire, nouant et dénouant des alliances au gré des intérêts.

5) Les Britanniques adorent Jan Rankine, dynamique et fringant écrivain écossais. L'univers de Rankine est de plus grand classicisme. Descriptions **balzaciennes**, dialogues coupants à l'américaine, tourments des personnages légèrement **dostoïevskiens**, plans-séquences de cinéma noir d'un noir de Styx digne des plus beaux films de Melville.

6) Nous sommes dans des locaux (un vaste appartement **haussmannien**) d'Ingeus, un cabinet australien spécialisé dans le reclassement des chômeurs, qui a pris ses quartiers il y a peu près de la gare Saint-Lazare. Inconnue en Europe, la société venue du pays des Kangourous s'apprête à concurrencer notre bonne vieille ANPE.

7) Après une longue semaine en mer, dans des conditions **dantesques**, figés sur des bancs en bois, les malades sont nombreux : migraines, douleurs musculaires et abdominales, tétanies, escarres. Ils seront tous suivis par des médecins après leur évacuation.

8) Depuis trois ans, une dizaine de communes ont déserté l'agglomération **montpelliéraine**. Le départ de Palavas privera Montpellier de sa façade maritime.

9) 70% des achats mondiaux du LV sont effectués par la clientèle **nippone** ; l'archipel est son premier marché et l'engouement pour ses produits est tel que l'on peut véritablement parler de « marque culte ».

10) Journaliste saoudienne, banlieue paloïse, pouvoirs stéphanois, autorités caennaises, mairie niçoise, d'origine bretonne, succès cannois, chanteur portoricain, commando hondurien, président zaïrois.

Язык современной французской прессы включает и множество слов и выражений из различных областей знания и человеческой деятельности. Выражения из таких сфер как военное дело, музыка, спорт, кулинария, право и др. употребляются в газетных статьях образно, и их метафорический потенциал делает тексты яркими, эмоциональными, запоминающимися. Переводятся такие внутриязыковые заимствования, как правило, с помощью образных выражений. Заимствования из лексики, связанной с военным делом, музыкой, животным миром, играми практикуются журналистами на протяжении десятилетий и являются более привычными для восприятия читателей журналов и газет.

Cheval de bataille – конёк, излюбленная тема

Mettre le cap sur – взять курс на

Donner le ton – задавать тон

Jouer cartes sur table – вести открытую игру

При переводе заимствований из технической сферы, медицины и т.д. необходимо учитывать целый спектр контекстуальных значений, а также избегать излишней «образности», для сохранения стилистического единства текста.

Donner un coup d'accélérateur – придать ускорение

Injecter de l'oxygène – дать новый импульс (напр. развитию предприятия).

Студентам можно предложить выполнить следующее упражнение, перевод предложений которого делает акцент на умении передать лексическую единицу – внутриязыковое заимствование и подобрать адекватное соответствие в языке перевода.

1) Début 2007, lorsque le groupe audiovisuel Canal + présidé par B. Méhent aura absorbé T.p.s., le **bouquet** français offrira au consommateur français près de 400 chaînes. Soit le chiffre supérieur à celui cummulant les deux bouquets.

2) Louis Vuitton, la marque qui réalise plus des deux tiers du chiffre d'affaires de LVMH (Louis Vuitton Moët Hennessy) continue d'afficher une réussite exemplaire. Intégrée depuis 1987 dans ce groupe qui représente des griffes dans tous les domaines du luxe (mode, parfum, horlogerie-joaillerie, vins et spiritueux) et se distingue comme le numéro un du secteur, la marque est considérée comme une « **locomotive** » qui a pris une telle avance sur ses concurrents qu'elle domine le marché et est citée en exemple.

3) Le 5 février, quatre des plus grands multicoques au monde s'élanceront de Doha, au Qatar, pour un tour du monde inédit, sans escale et sans assistance. Cette course à **bride abattue** – les bateaux peuvent atteindre 80 kilomètres/ heure ! – sera d'autant plus disputée que pour la première fois le montant des gains s'élève à ... 1 million de dollars.

4) Une économie **asphyxiée**. « La remise en ordre de l'économie sera encore plus difficile que les réformes dans le domaine de la sécurité », avouait récemment un responsable palestinien.

5) Filiation. Le **baromètre** mensuel de l'action politique lancé par *le Point* en 1988 avec Ipsos est désormais copié à l'identique par le quotidien économique espagnol *Expansion*.

6) Une remarquable exposition à Strasbourg évoque les cinq années d'existence de l'Esprit nouveau, revue et mouvement fondés en 1920 par Le

Corbusier. C'est, pour les organisateurs, l'occasion de retrouver la **genèse** d'idées bonnes ou moins bonnes, mais qui feront le tour du monde.

7) Parmi les nombreux livres à paraître et qui prennent pour cadre la Russie plus ou moins contemporaine, aucun n'en dresse un panorama entier – cette **radioscopie** intégrale si souvent promise en quatrième de couverture.

8) Le ministre de la Culture refuse la prison pour les pirates du Net. Il avait passé, avec les maisons de l'édition musicale, l'accord suivant : « ...vous acceptez que les pirates ne soient plus passibles de peines de prison, mais de simples contraventions à 38 euros ». Tous les **ténors** du secteur, Pascal Nègre (Universal Music) en tête, avaient accepté.

9) L'infidélité féminine. Pas question pour le sexe faible de copuler avec n'importe qui. Les femelles soumettent donc les mâles à de sévères **castings**. Et quand le partenaire choisi n'est pas à la hauteur, elles le trompent sans remords.

10) Fausses oeuvres d'art, histoire sans fin. Rares sont les oeuvres importantes qui surgissent du néant. Comme les animaux de race, la plupart des chefs-d'oeuvre ont un **pedigree**.

11) Montupet **passé sous pavillon** canadien. La vieille PME tricolore est un symbole de plus du désarmement industriel de la France. L'équipement automobile centenaire est acheté par Linamar pour 836 millions d'euros.

Список литературы:

1. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. Французский язык. М., Интердиалект+, 1999. 455 с.

2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., Изд-во Московского университета, 2004. 543 с.

3. Козельская Е.А. Практикум по письменному переводу с французского языка на русский. Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2016. 53 с.

Сведения об авторе

Козельская Елена Анатольевна; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; kozelskaya@rambler.ru; +94862752160.

Kozelskaya Elena Anatol'yevna; Candidate of Philology, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; kozelskaya@rambler.ru; +94862752160.

УДК 81'255.2

«ГОВОРЯЩИЕ» ФАМИЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ПЕРЕВОДИТЬ ИЛИ ТРАНСКРИБИРОВАТЬ?

Миронова Т.П.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В данной статье на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» и ее двух французских переводов рассматриваются специфика «говорящих» имен собственных и недостатки традиционных стратегий их передачи на французский язык.

Ключевые слова: «говорящая» фамилия, художественный текст, перевод, транскрипция, французский язык, поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души».

Abstract: Peculiarities of charactonyms and disadvantages of traditional approaches to their translation into French are considered in this article on the material of N.V. Gogol's poem "Dead Souls and its two French translations.

Key words: charactonyms, a fiction text, translation, transcription, French language, the poem "Dead souls" by N.V. Gogol.

28 января 2007 г. в Париже была впервые вручена премия «Русофония» за лучший литературный перевод с русского языка на французский. Среди лучших работ, отмеченных жюри, новый перевод на французский язык поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», вышедший в 2005 г. в издательстве «Вердье» (Editions Verdier). Автор перевода – француженка с русскими корнями, преподаватель русской литературы университета Париж IV – Сорбонна Анн Колдефи-Фокар (Anne Coldefy-Faucard). На ее счету уже более 70 переведенных на французский язык произведений русских авторов, среди которых А.П. Платонов, Н.В. Гоголь, А.И. Солженицын, В. Сорокин и др.

«У меня было очень много трудных переводов, – отметила переводчица в одном из своих интервью. – Но самым трудным был, несомненно, перевод «Мёртвых душ». С одной стороны, это было ужасно тяжело, а с другой – это было огромное удовольствие, потому что это гениальная книга» [7].

Поэма «Мертвые души» неоднократно переводилась на французский язык. Перевод, выполненный А. Колдефи-Фокар, является последним и уже двенадцатым по счету. Свое решение сделать новый перевод знаменитой поэмы она объясняет так: «...Я заметила, что французы, которые не читают по-русски, никогда не смеялись, читая «Мертвые души». С другой стороны, читая Гоголя по-русски, в оригинале, ты смеешься на каждом шагу. Вот почему я решила попробовать сделать новый перевод, читая который люди будут смеяться. И смеются!» [6]

Трудности передачи произведений «самого загадочного русского писателя» на иностранные языки неоднократно рассматривались в научной литературе. Отдельным аспектам перевода поэмы «Мертвые души» на французский язык был посвящен ряд наших исследований [3, 4].

Одной из особенностей последнего перевода «Мертвых душ» является смысловой перевод «говорящих» имен собственных. Поясняя данную переводческую стратегию, в предисловии к переводу поэмы А. Колдефи-Фокар пишет, что персонажи «Мертвых душ» являются одновременно неправдоподобными и «типичными». Они неправдоподобны, потому что автор

старается максимально выделить качества каждого из них: его скупой скупее, чем какой-либо другой скупой; что касается помещика, о котором автор нам говорит, что он похож на медведя, то он «омедвежен» до такой степени, что носит одежду «медвежьего цвета». Герои поэмы «типичны» по той же причине, что и неправдоподобны, в том смысле, что представляют собой «типажи» и являются концентрацией черт человеческого характера. Каждый из персонажей носит фамилию, смысл которой сразу же понятен русскому читателю и который Н.В. Гоголь всячески обыгрывает. Это и объясняет то, что после долгих колебаний автор перевода в конечном итоге сделал выбор в пользу перевода этих фамилий, хотя это и идет вразрез с переводческой традицией, для того, чтобы французский читатель также смог сразу же уловить их смысл [5, с. 9-10].

По определению В.С. Виноградова, «смысловое имя – это своеобразный троп, равнозначный, в некоторой степени, метафоре и сравнению и используемый в стилистических целях для характеристики персонажа или социальной среды» [1, с. 162].

Как известно, Н.В. Гоголь является блестящим мастером создания художественно выразительных имен собственных. А. Терц точно заметил: «Как лес полон щебета птиц, так и текст “Мертвых душ” изобилует гомоном имен» [8]. Смысловые антропонимы играют важную роль в создании ярких и колоритных образов произведений русского классика.

По устоявшейся традиции при переводе имена собственные транскрибируются или транслитерируются. Относясь к классу реалий, имя собственное обычно содержит в себе информацию о принадлежности обозначаемого им объекта к другому народу, культуре. Таким образом, транскрибированное имя является элементом перевода, сохраняющим национальный колорит в своей словесной звуковой форме. В художественной литературе смысловые имена собственные отличаются от обычных имен собственных тем, что помимо номинативной функции несут экспрессивно-оценочную нагрузку. В связи с этим воссоздание на языке перевода таких имен

собственных должно отличаться от принципов передачи обычных имён собственных, поскольку содержащаяся в них смысловая и эмоциональная составляющая должна быть донесена до получателя перевода. Нужно отметить, что в современной переводческой практике тенденция к переводу смысловых имен становится все более заметной.

Сравним передачу «говорящих» фамилий главных героев поэмы в двух ее переводах – последнем, выполненным А. Колдефи-Фокар [5], и переводе А. Монго, вышедшем в 1925 г. и считающимся во Франции «классическим» [9].

Н.В. Гоголь	А. Колдефи- Фокар	А. Монго
Чичиков	Tchitchikov	Tchitchikov
Манилов	Appatov	Manilov
Ноздрев	Nasov	Nozdriov
Собакевич	Kabotievitch	Sobakévitch
Плюшкин	Pluchkine	Pliouchkine
Коробочка	Kassolette	Korobotchka

Как мы видим, для передачи фамилий всех главных персонажей поэмы А. Монго использует транскрибирование, в результате чего ему удается передать только звуковую сторону онимов и сохранить тем самым этнокультурный компонент, но смысловая часть при этом утрачивается.

Что касается А. Колдефи-Фокар, то для передачи «говорящих» фамилий – Манилов, Ноздрев и Собакевич – она действовала вопреки устоявшейся в данной области традиции использовать транскрипцию или транслитерацию при передаче фамилий на язык перевода. Она удачно применяет следующую словообразовательную модель – перевод корня говорящей фамилии (иногда видоизменяя орфографию французского нарицательного слова) и сохранение ее оригинального суффикса. Это потребовало от автора перевода изобретательности и творческого поиска, но позволило сохранить как семантику и эмоциональное наполнение «говорящего» имени, так и национальную специфику его звучания. Так, фамилия Манилов, образованная

от глагола «манить», «заманивать», превратилась в варианте А. Колдефи-Фокар в *Apparot*. Для ее передачи на французский язык использован глагол *appâter* – «приманивать», «заманивать». В основе фамилии Ноздрев лежит корень «ноздр», производный от «ноздря». Переводчик предлагает нам свой вариант этой «говорящей» фамилии – *Nasov*, содержащей корень просторечного французского слова *nase* – «нос» или *naseau* – «ноздря». Фамилия Собакевич в переводе стала *Kabotievitch*, образовавшись от *cabot* – «пес», «псина». Данные варианты являются удачными примерами сохранения общего звучания, при этом перевод имени передает лексическое значение «говорящей» фамилии. Безусловно, удачной находкой переводчика можно считать фамилию Коробочка – *Kassolette*. В переводе с французского языка *cassolette* – это «горшочек», «маленькая кастрюлька». Таким образом, для адекватного перевода смыслового имени собственного очень важно проанализировать его значение в оригинале, включая все исходные ассоциации.

В случае с фамилиями Чичиков и Плюшкин А. Колдефи-Фокар применила транскрипцию. Объясняется это, вероятнее всего, тем, что не существует однозначного толкования данных фамилий. Как мы знаем, по одной из множества версий, корень фамилии Чичиков является «ономатопеей» чихания, по другой – основа «чичи» похожа на чириканье воробья, указывая на верткий, хитрый нрав героя, способного приспособливаться к разным ситуациям. Большинство же исследователей сходятся на том, что звуко сочетание «чи-чи» не несет никакой четкой смысловой нагрузки, что соответствует образу Чичикова, основными характеристиками которого являются фиктивность, мнимость, конформизм. Фамилия Плюшкин связывается чаще всего со словом «плюшка» – булочка из сдобного теста, но также соотносится и с глаголами «плюхаться» – грузно сесть, упасть и «плющить» – изменять форму посредством сильного давления. Кроме того, следует учесть тот факт, что имена Чичикова и Плюшкина в России давно стали нарицательными и узнаваемыми широкой аудиторией. Традиционно образ Чичикова выступает символом лести, лживости, мошенничества,

ассоциируется с человеком, для которого «нет ничего святого». Фамилия Плюшкин в ряду имен гоголевских помещиков является первой по частотности употребления в российском языковом пространстве, она стала нарицательным обозначением болезненной скупости и стяжательства, символом человека, обузданного страстью к накопительству.

На неоднозначный подход к переводу смысловых имен указывает В.С. Виноградов, когда говорит, что «чем выше степень художественной выразительности и типизации персонажа, чем важнее его роль в отечественной литературе, чем больше степень нарицательности имени, тем проблематичнее перевод и целесообразнее транскрипция данного имени» [1, с. 178].

Для перевода «говорящих» фамилий второстепенных героев «Мертвых душ» переводчики используют те же стратегии. А. Колдефи-Фокар остается верной смысловому переводу, предлагая оригинальные творческие решения. А. Монго прибегает к транскрипции, причем на одной из страниц поэмы переводчик делает сноску, где указывает на «пикантный» характер гоголевских фамилий и объясняет значение корней некоторых из них. Данное пояснение, на наш взгляд, вполне уместно, однако не может серьезно повлиять на восприятие образности при рецепции перевода и, следовательно, оказать эмоциональное воздействие на читателя. Приведем несколько примеров:

Н.В. Гоголь	А. Колдефи- Фокар	А. Монго
Бобров	Kastorov	Bobrov
Свиньин	Kochonov	Svinine
Почитаев	Révérèncine	Potchitaïev
Канapatъев	Krevassov	Kanapatiev
Плешаков	Kranedégarnine	Pliéchakov
Кувшинников	Kruchonov	Kouvchinnikov
Пономарев	Messov	Ponomariov
Фыров	Larenifle	Fyrov
Трухачевский	Vermouline	Troukhatchevski
Поцелуев	Bisounov	Potsélouïev
Блохин	Pucine	Blokhine

Таким образом, сравнивая варианты перевода «говорящих» фамилий гоголевских героев, мы считаем, что у А. Колдефи-Фокар получилось более

точно передать тонкую стилистическую игру автора, что несомненно обеспечивает наилучшее прагматическое воздействие на французского реципиента.

Огромная информативная нагрузка, заключенная в смысловых фамилиях Н.В. Гоголя, является аргументом в пользу замены традиционных способов перевода имен на другие, способные передать их семантику. Однако готовых однозначных правил и инструкций по переводу «говорящих» имен не существует. Выбор способа, приема передачи таких имен в языке перевода продолжает оставаться серьезной проблемой и переводчику часто приходится стоять перед сложной дилеммой: переводить или транскрибировать?

Список литературы:

1. Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы: Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: КДУ, 2004. – 240 с.
2. Гоголь Н.В. Мертвые души. – М.: Просвещение, 1982. – 256 с.
3. Миронова Т.П. К вопросу о переводе русских фразеологических единиц на французский язык (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») // Риторика \rightleftharpoons Лингвистика: межвузовский сборник научных статей / отв. ред. М.П. Тихонова, ред. А.З. Тавасиева, Е.Ю. Кожина. – Вып. 14. – Смоленск: Издательство СмолГУ, 2019. – С. 146-156.
4. Миронова Т.П., Лапотникова Е.А. Особенности перевода этнографических реалий в художественном тексте (на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» и ее переводов на французский язык) // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 2 (79). – С. 127-130.
5. Gogol N. Les Âmes Mortes: poème / traduit du russe par Anne Coldefy-Faucard. – Lagrasse: Editions Verdier, 2005 – 380 с.
6. Анн Кольдефи-Фокар: «Тридцать лет был со мной Солженицын и «Красное колесо» [Электронный ресурс]. – URL:

<https://daily.afisha.ru/brain/7520-ann-koldefi-fokar-tridcat-let-byi-so-mnoy-solzhenicyn-i-krasnoe-koleso/>

7. «Пустяки» от Анн Колдефи-Фокар [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruskiymir.ru/publications/231037/>

8. Терц А. В тени Гоголя [Электронный ресурс]. – М.: СП «Старт», 1992. – URL: <https://litvek.com/book-read/138619-kniga-abram-sinyavskiy-terts-v-teni-gogolya-chitat-online?p=102>

9. Gogol N. Les Aventures de Tchitchikov ou les Âmes Mortes: poème / trad. du russe par H. Mongault. – Paris: Bossard, 1925 [Электронный ресурс]. – URL: <http://bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Gogol%20-%20Les%20Ames%20mortes.pdf>

Сведения об авторе

Миронова Татьяна Петровна; кандидат исторических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, г.Орел, ул. Комсомольская, д. 95; tpmironova@yandex.ru.

Mironova Tatiana Petrovna; Candidate of History, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302026, Russian Federation; tpmironova@yandex.ru.

УДК 81'253+255

ПЕРЕВОД БИМЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ В КОНТЕКСТЕ УЧЕБНОЙ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Могилевцева С.Э.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

RUSSIAN TO ENGLISH TRANSLATION OF BIOMEDICAL TERMS AS PART OF CROSS-LANGUAGE ACADEMIC DISCOURSE

S.E. Mogilevtseva

Orel state university named after I.S. Turgenev

Orel, Russia

***Аннотация:** Данная статья отражает некоторые аспекты опыта работы автора в качестве переводчика (письменного и устного) в аудитории иностранных студентов-медиков и рассматривает различные виды трудностей перевода биомедицинских терминов и возможные пути их преодоления.*

***Ключевые слова:** биомедицинские термины, перевод с русского языка на английский, иностранные студенты-медики, учебная межъязыковая коммуникация.*

***Abstract:** The article describes certain difficulties in the translation of biomedical terms from Russian into English as well as possible ways to handle them. This study reflects the author's experience of working as a translator/interpreter to facilitate the communication between Russian-speaking university lecturers and international students studying general medicine in English.*

***Keywords:** biomedical terms, Russian to English translation, international medical students, cross-language academic discourse.*

В настоящей статье представлены те виды трудностей перевода терминов, с которыми мы сталкиваемся в своей практической деятельности при переводе (письменном и устном) с русского языка на английский учебных биомедицинских текстов, предназначенных для иностранных студентов-медиков. Учебные биомедицинские тексты содержат теории, факты, сведения таких дисциплин медико-биологического блока, как Биологическая химия, Микробиология и Вирусология, Биология, Гистология и других. Указанные

биомедицинские науки изучают с теоретических позиций морфологию и функционирование организма человека в норме и патологии, а также взаимодействие человека с макро- и микроорганизмами, являющимися возбудителями заболеваний.

Согласно транслатологической типологии И.А. Алексеевой [2] специальный учебный текст является научно-учебным текстом и принадлежит к примарно-когнитивной группе текстов, так как в нем преобладает когнитивная информация. Одним из свойств когнитивной информации является ее объективность, получающая выражение посредством различных языковых средств, в том числе и терминов. Употребление терминов вызвано стремлением к максимальной точности передачи информации, исключающей возможность произвольного и субъективного ее толкования, что влечет требование их адекватного перевода. По определению, предложенному в работе А.З. Абдурахмановой [1, с. 20], термин — это слово или словосочетание, выражающее понятие в какой-либо области знаний и имеющее дефиницию, на которую сознательно опираются те, кто используют данный термин. Таким образом, термин закрепляет понятие названием. Л.Л. Нелюбин [3] подчеркивает, что трудности в передаче терминов во время перевода специального текста могут возникнуть как на этапе анализа терминологической единицы, ее формы и содержания, так и при подборе переводческого эквивалента.

Для удобства анализа мы объединили исследуемые биомедицинские термины в группы.

1. Слова общего языка, реализующиеся как термины. А.Л. Пумпянский [4, с. 12] пишет, что иногда из-за многозначности терминов невозможно провести четкую грань между терминами и словами обиходного языка. Слова общего языка могут становиться терминами в научном или техническом контексте, когда они существуют в рамках определенной терминологии. Некоторые исследователи рассматривают подобные случаи как проявление полисемии лексических единиц. Задачей переводчика в такой ситуации

является верный выбор вариантного соответствия в переводящем языке (ПЯ) в зависимости от контекста и с учетом принадлежности терминов к научному стилю. Например:

- **узелок** → **nodule** (в гистологии)
- **ножка** → **stalk** (в биологии и гистологии)
- **метка** → **tag** (в микробиологии)
- **окраска** → **stain** (во всех биомедицинских науках)

2. Полисемия терминов. Полисемия проявляется в том, что одна лексическая единица русского языка обозначает несколько разных понятий в рамках одной терминологической системы и, входя в состав различных терминов, имеет различные соответствия в английском языке. Задачей переводчика в этом случае будет знание точных соответствий терминологических единиц в русском и английском языках. Приведем примеры:

- **атеросклеротическая бляшка** → **atherosclerotic plaque**
- **Пейерова бляшка** → **Peyer's patch**
- **нервно-мышечная бляшка** → **motor end plate**.

3. Термины-синонимы. Терминологическая синонимия вызвана эволюционными изменениями в языке и как следствие одновременным существованием старых и новых терминов, обозначающих одно понятие. В биомедицинских науках одновременно могут существовать несколько равнозначных и одинаково часто употребляемых терминов, обозначающих одно и то же понятие. Количество синонимов одного термина может достигать до пяти. Существуют различные виды терминов-синонимов. Как правило, все термины-синонимы имеют соответствия в ПЯ (в нашем случае – в английском языке), также являющиеся синонимами. Проблема заключается в том, что в пределах одного текста, письменного и устного, специалисты могут употреблять несколько терминов-синонимов попеременно. Переводчик, будучи неспециалистом, при отсутствии должных разъяснений отправителя текста, не всегда распознает их как синонимы и подбирает им разные эквивалентные

соответствия в ПЯ. Такая ситуация приводит к тому, что студенты, на данном этапе не являющиеся специалистами, могут не понять, что несколько разных терминов обозначают одно и то же понятие. Более того, используемый в переводе термин-синоним, может отличаться от того, который студенты найдут в учебнике. На наш взгляд, решением этой проблемы будет предварительное ознакомление переводчика и студентов с терминологией по той или иной теме, включающее изучение синонимов, в то время как в учебной коммуникации в пределах одного текста переводчику разумнее будет использовать один из синонимов. Приведем несколько примеров некоторых русскоязычных терминов-синонимов, с которыми мы встречаемся при переводе текстов медико-биологических дисциплин, и их англоязычные эквиваленты:

- **остеоцит / костная клетка → osteocyte / bone cell**

- **вазопрессин / антидиуретический гормон → vasopressin / antidiuretic hormone**

- **фолликулостимулирующий гормон / ФСГ → follicle-stimulating hormone / FSH**

- **половой хроматин / тельце Барра → sex chromatin / Barr body**

4. «Ложные друзья переводчика». Возникновение «ложных друзей переводчика» является проявлением частичной языковой омонимии, когда имеется сходство в плане выражения между словом исходного языка (ИЯ) и словом ПЯ, и переводчик полагает, что оба слова совпадают в своем значении. Считается, что количество ошибок при переводе данной категории слов очень высоко. В сфере биомедицинского перевода задача распознавания неверных эквивалентов осложняется тем, что в данной предметной области велико количество интернациональных терминов, не являющихся «ложными друзьями переводчика». Приведем примеры:

- **тигроид → Nissl body (не tigroid)**

- **ликвор → cerebrospinal fluid (не liquor)**

- **эшерихиоз → E.coli infection (не escherichiosis)**

- **ДНК репарация → DNA repair (не reparation)**

5. Термины-эпонимы. Термины-эпонимы это термины, имеющие в своем составе имя собственное и называющие явление, понятие, структуру или метод по имени человека, открывшего их. Они многочисленны в биомедицинских текстах. Большинство из них переводятся с помощью однозначных соответствий. Трудность могут представлять те термины-эпонимы, в состав которых в русском языке входят два имени собственных, поскольку часто в англоязычном эквиваленте одно имя собственное опускается. Кроме того, во время устного перевода термины-эпонимы также могут вызвать определенные проблемы, так как имеющиеся в их составе имена собственные, особенно предъявляемые в речи оратора впервые, могут быть неправильно восприняты и записаны переводчиком и неправильно переведены на английский язык или же вообще опущены. Это в основном имеет место при переводе иностранных (не русских или английских) имен собственных, отличающихся сложной орфографией и произношением. Задачей переводчика, работающего с текстами определенной предметной области, является поиск и использование точных соответствий таких терминов на РЯ. Примеры:

- **окраска по Романовскому-Гимзе** → **Giemsa stain** (первое имя собственное отсутствует в английском языке)

- **волокно Пуркинье** → **Purkinje fiber** (термин эпоним вызывает трудность в устном переводе)

6. Аббревиатуры. В биомедицинских письменных текстах часто встречаются инициальные аббревиатуры, образованные из начальных букв или звуков слов исходного словосочетания. Выбор эквивалентов при переводе аббревиатур осложняется тем, что часто аббревиатуры употребляются в письменном тексте на РЯ без расшифровки. Словари не всегда предлагают нужное соответствие, поскольку некоторые аббревиатуры имеют несколько зарегистрированных значений. В таких случаях существует риск выбрать неверный эквивалент, поэтому, прежде всего, необходимо тщательно изучить контекст употребления сложного сокращения. Переводчику нужно расшифровать аббревиатуру, возможно с помощью специалиста, а затем найти

ее полный точный эквивалент на ПЯ и соответствующую аббревиатуру на ПЯ, что требует обращения к специальной литературе по данной тематике. Приведем примеры:

- ГАМК → **гамма-аминомасляная кислота** → *gamma-Aminobutyric acid* → **GABA** (нейромедиатор в биохимии)

- ИФА → **иммуноферментный анализ** → **enzyme-linked immunosorbent assay** → **ELISA** (метод исследования в микробиологии)

7. Отсутствие в ПЯ понятия, обозначенного термином в ИЯ. Большинство русскоязычных терминов в биомедицинских текстах обозначают реалии или понятия, существующие в действительности как ИЯ, так и ПЯ. Однако встречаются случаи, когда в английском языке не существует эквивалентного соответствия для русскоязычного термина ввиду отсутствия обозначаемого понятия. Причины подобных явлений в основном связаны с различием в исследовательских подходах к рассмотрению учеными из разных стран определенных явлений в той или иной научной области. Такие случаи нечасты, тем не менее, каждый представляет собой серьезную переводческую трудность, особенно если термин обозначает какое-либо базовое понятие в определенной дисциплине. В переводческой литературе описаны различные способы решения данной проблемы, такие как описание значения термина, калькирование, транслитерация, транскрибирование. Задачей переводчика здесь является как можно более точная и адекватная передача понятия, существующего в одном языке средствами другого языка, что требует тщательного его анализа. Приведем пример:

- в русскоязычных биомедицинских текстах употребляется термин **клеточный дифферон**, обозначающий «совокупность клеток одного типа, находящихся на разных стадиях дифференцировки». В английском языке и понятие, и термин отсутствуют. Можно предложить два пути решения проблемы. Во-первых, можно использовать приемы калькирования и транскрибирования/ транслитерации и дополнить их описанием значения английского термина, например, **cell differon – all cellular forms of one type**

found at all the stages of their differentiation. Во-вторых, можно попробовать предложить термин, отражающий основные характеристики понятия, например, **cell differentiation lineage** и т.д.

8. Прагматические аспекты перевода. В своей практической деятельности мы также сталкиваемся с ситуациями письменного и устного перевода, когда переводчику приходится учитывать прагматический аспект коммуникации и, несмотря на наличие однозначного соответствия в ПЯ, дополнять и разъяснять термин. Приведем примеры:

- рассказывая студентам о видах эпителия, преподаватель употребляет термины **однослойный эпителий** и **многослойный эпителий**, подразумевая отличие между ними, основанное на разном количестве входящих в их состав слоев, но, не объясняя его, поскольку это отличие очевидно из значений самих терминов (однослойный эпителий состоит из одного слоя клеток, а многослойный – из нескольких). Однако, английские эквиваленты – **simple epithelium** и **stratified epithelium** соответственно – явно этого различия не сообщают. Переводчик принимает решение прибегнуть к приему экспликации и добавить отсутствующее разъяснение, поскольку студенты должны уяснить данное различие и, в результате, выходное сообщение содержит разъяснение: **simple epithelium consisting of a single layer of cells** и **stratified epithelium which is multilayered.**

- термин **санный микротом** имеет однозначное соответствие в английском языке – **sledge microtome**. Значение термина включает в себе описание принципа работы санного микротомы, который основан на горизонтальном движении или скольжении ножевых салазок, но мы допускаем, что наши студенты, будучи жителями стран с теплым климатом, могут не представлять, что такое «сани». Поэтому, мы считаем правильным сделать уточняющее добавление в переводе, но в то же время сохранить принятую терминологическую единицу и использовать вариант **sledge or sliding microtome.**

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы. Трудности перевода терминов могут быть вызваны объективными и субъективными причинами, или же иметь прагматический характер. К объективным причинам возникновения сложностей можно отнести быстрый темп появления новых терминов и неспособность словарей отражать все происходящие изменения, недостаточную унификацию терминологии, происходящие в языке процессы, несовпадение понятий, обозначенных терминами, в разных языках; субъективно обусловленные проблемы предполагают незнание имеющихся переводных соответствий, вызванное отсутствием опыта, нежеланием искать эквивалент или невозможностью сразу подобрать его, например, во время устного перевода. Прагматические трудности перевода терминов связаны с отсутствием у реципиента необходимых фоновых знаний (в том числе и национально-специфических) для понимания эквивалента на ПЯ, а также с различиями в системах языков. Большинство терминов имеют соответствия, в случае если такого соответствия нет, или нет возможности его подобрать, переводчик прибегает к описательному переводу и трансформациям.

Список литературы:

1. Абдурахманова А.З. Лингвистическое моделирование строительной терминологии (на материале английского языка): Дис. канд. филол. наук: 10.02.21. – М., 2016. – 219 с.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учебное пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2004. – 352 с.
3. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода: учебное пособие.– М.: Флинта, 2009. – 216 с.
4. Пумпянский А.Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. – М.: Наука, 1965. – 303 с.

Сведения об авторе

Могилевцева Светлана Эрнстовна, старший преподаватель, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, email: sv.mogilevtseva@yandex.ru

Svetlana E. Mogilevtseva, senior lecturer, Orel state university named after I.S. Turgenev, email: sv.mogilevtseva@yandex.ru

УДК 347.78. 034

СНОСКА, КОММЕНТАРИЙ И ПРИМЕЧАНИЕ КАК СПОСОБ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Новикова Т.В.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: На примере романа Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта» рассматривается один из способов прагматической адаптации текста. Анализируются сноски-иностранноязычные вкрапления, сноски-авторские комментарии, приложение-примечания переводчика. Подчеркивается необходимость проведения подобного рода анализа при подготовке профессионального переводчика.

Ключевые слова: перевод, художественный текст, прагматическая адаптация, сноска, комментарий, примечание.

Abstract: Taking the Russian translation of “The French Lieutenant’s Woman” by J.Fowles as an example, the author discusses one of the ways of pragmatic adaptation of the text. Footnotes – insertions from foreign languages, the writer’s comments as well as the translator’s endnotes are analyzed. The necessity to conduct such sort of analysis while teaching professional translators is accentuated.

Key words: translation, fiction, pragmatic adaptation, footnote, comment, endnote.

В учебной литературе по переводоведению указывается, что сохранение прагматического потенциала исходного текста обеспечивается несколькими способами, в число которых входят сноски, комментарии и примечания [1, с. 113-114]. К сожалению, подробного и детального описания этого способа в учебниках обычно не предлагается. С тем чтобы устранить этот пробел, мы обратились к переводу на русский язык романа Джона Фаулза «Любовница французского лейтенанта» [3].

Хорошо известно, что художественный перевод- это ответственный и трудоемкий процесс, требующий от переводчика не только глубокого знания двух языков, но и широкого кругозора, знания Библии, знакомства с античной литературой и мировой классикой. Переводчику художественной литературы также необходимы эрудиция, творческий потенциал и уважительное отношение к первоисточнику. Все обозначенные черты переводчика-профессионала обнаруживаются при знакомстве с переводом, выполненным М. Беккер и И. Комаровой [2].

В переводе романа на русский язык представлены подстраничные сноски-иностранноязычные вкрапления и сноски-авторские комментарии, а также примечания переводчика в виде приложения. На основе примеров, за аутентичность которых автор настоящей статьи несет полную ответственность, рассмотрим каждую из выделенных групп.

I. Сноски-иностранноязычные вкрапления

С точки зрения количества (56+1) первое, что необходимо подчеркнуть, это значительное превалирование переводов из латыни (31 сноска = 55,4%) и французского (21 сноска = 37,9%). Далее с большим отрывом идут переводы с итальянского (2 сноски = 3,6%):

sotto voce - шёпотом (с.124);

al fresco – на свежем воздухе(с.163).

Единично представлены языки арамейский и немецкий (по 2,05%):

“ *Lama, lama, sabash thane me*” – «Боже, Боже, зачем ты меня покинул» (с.60);

Anschluss – Присоединение.

Примечательно, что перевод с немецкого сопровождается также комментарием: «имеется в виду незаконное присоединение Австрии Гитлером в 1938г.»(с.89).

Для многочисленных сносок из латыни комментариев приводится лишь в одном случае.

Текст романа: Предписание врача. *Dulce est desipere*, как сказал поэт. Сладко выпить в приятной компании.

Сноска: Доктор шутливо перефразирует и сокращает латинский стих: «Сладко подураться при случае» (с.147).

Особого внимания заслуживает сноска, обращенная к английскому языку и обозначенная нами как +1. Это расшифровка имени главной героини романа Сары Вудраф:

Woodruff – ясменник пахучий, травянистое растение, встречающееся в окрестностях Лайм – Риджиса (с. 150).

С точки зрения объема и структуры, сноски - это отдельные слова (1), словосочетания (2), предложения (3), в том числе крылатые фразы (4), а также целый текст. Проиллюстрируем каждую из подгрупп примерами:

1. слово: *absolutur* (лат.) – отпущение грехов (с.324);

bouderies (фр.) – капризы (с.31).

2. словосочетание: *primum mobile* (лат.) – главная движущая сила (с.108);

hypocrite lectuer (фр.) – лицемерный читатель (с.96);

3. предложение: *voyant trop pour nier, et trop peu pour s'assurer* (фр.) –

Видя слишком много, чтобы отрицать, и слишком мало,

чтобы уверовать (с.18);

4. крылатая фраза: *Quod est demonstrandum* (лат.) – Что и требовалось доказать (с.42);

Noli me tangere(лат.) – Не тронь меня (с.87);

Jacta alea est(лат.) – Жребий брошен (с.399).

5. текст: см. письмо Сары к Чарльзу на французском языке на с. 202-203.

К числу особых сносок можно отнести перевод с латинского выражения *prima facie*, где приводится и буквальное значение «на первый взгляд», и юридический термин «судя по имеющимся данным» (с. 418), а также перевод-комментарий к топониму *Vieux Carré*, где в дополнение к словосочетанию «Старинная часть города» дается объяснение-этимон (от французского названия Старой площади в центре Нью-Орлеана) (с. 440).

В связи с иноязычными вкраплениями целесообразно также подчеркнуть тот факт, что при наличии перевода для какого-либо из них в самом тексте романа, сноска для него, естественно, не приводится. Рассмотрим два примера.

1. -Я думаю, скорее всего от вас потребуют *confessio delicti*.

- Признания вины?

- Вот именно. ... (с.411).

2. [Лóлаге] – Это греческое имя. От глагола *lalageo* – «журчать как ручеёк»(с.462).

Эти примеры являются убедительным доказательством первостепенной роли контекста для понимания значения лексической единицы, в том числе и иноязычного вкрапления.

II. Сноски-авторские комментарии

Наличие сносок-авторских комментариев продиктовано художественной спецификой анализируемого произведения. В нем жизнь англичанина-викторианца, столкнувшегося с выбором между долгом и чувством, рассматривается глазами человека, живущего через сто лет после описываемых в романе событий. Кроме поэтических и прозаических эпиграфов к каждой главе, вводящих читателя в атмосферу Англии 19 века словами поэтов, писателей, ученых, журналистов прошлого, Дж. Фаулз считает необходимым сопровождать текст своими собственными пояснениями исторического, лингвистического и социологического характера.

Структурно авторские комментарии представлены в трех разновидностях:

1. минимально в виде одного предложения-факта

см. Ганновер, 1836 (с.228); Мэтью Арнольд, «К Маргарите»(1853) (с.430).

2. сравнительно лаконично в виде одного параграфа

см. с. 18 к слову «агностик»:

Хотя сам он и не назвал бы себя так – по той простой причине, что термин этот был введен в употребление (Томасом Генри Гексли) лишь в 1870 году; к этому времени в нем возникла настоятельная необходимость.

См. также стр.: 33, 50, 103, 230, 267, 268, 269, 297, 359.

3. довольно пространно в виде трех параграфов больше чем на половину

страницы. См. стр. 267 о жизни сельскохозяйственного рабочего 19 века в графстве Дорсет.

С точки зрения перевода из 13 сносок-авторских комментариев внимание заслуживают два примера.

1. Латинское название произведения А. Теннисона «*In Memoriam*» не переводится ни в эпиграфе на с. 29, ни в сноске на с.33.

2. Перевод латинского четверостишия на с. 303 выполнен в прозе.

Таким образом, авторские комментарии к анализируемому роману и их перевод иллюстрируют хорошо известные в переводоведении положения-аксиомы: о возможности перевода стихов прозой, о правомерности иноязычного вкрапления в текст в его первоизданном виде, об особой специфике каждого отдельного художественного текста, с которой переводчик не может не считаться.

III. Примечания переводчика

Примечания переводчика (в данном конкретном случае переводчицы М. Беккер) помещены отдельно как приложение в конце книги. Они отличаются от привычных примечаний тем, что на страницах текста не содержится какого-либо указания на то, что та или иная единица оригинала будет разъяснена. На наш взгляд, этот факт есть свидетельство учета индивидуальных характеристик

получателя вторичного текста. Читатель, зная о том, что Примечания в принципе существуют (это обозначено в Содержании на с. 508), будет к ним обращаться только по мере необходимости в соответствии с наличием/отсутствием у него тех или иных фоновых знаний. Такой способ подачи удобен ещё и с чисто графической точки зрения, так как слова в самом тексте не перегружены какими-либо дополнительными к подстраничным сноскам значками.

К тексту перевода романа, изложенному на русском языке на 467 страницах, переводчица М. Беккер дает 227 примечаний, то есть в среднем больше чем два на каждую страницу. Естественно, что в зависимости от содержания одни страницы идут вообще без каких-либо примечаний, тогда как к другим приводится по четыре (сс. 7, 20, 112, 117, 149, 157, 234, 420, 435, 438) и даже пять (сс. 92, 173, 436) разъяснений. Что касается содержания комментируемых единиц, то это имена собственные: главным образом антропонимы (1) и топонимы (2), а также названия периодических изданий (3) и групп людей (4). Это термины из различных научных областей: палеонтология (5), история (6), психология (7), медицина (8), лингвистика (9), философия (10), теория музыки (11). Это явные и скрытые цитаты (12), отсылки к Библии (13) и мифологии (14). Это названия известных в мировой и английской художественной литературе произведений, а также имена их героев (15). Проиллюстрируем обозначенные группы отдельными, наиболее яркими примерами.

1. антропонимы: *Линней Карл* (с.52), *Брехт Бертольд* (с.60), *Боттичелли Сандро* (с.70), *Босх Иероним ванн Акен* (с.92), *Сапфо* (с.243), *Казанова Джованни Джакомо* (с.298), *Сартр Жан Поль* (с. 319;)

2. топонимы: *Пирей* (с.7), *Белгравия*, *Кенсингтон* (с.19), *Патмос* (с.37), *Эксетер* (с.55), *Кайенна* (с.226), *Челси* (с.420;)

3. периодические издания: *«Панч»* (с.113), *«Эдинбургское обозрение»* (с.117);

4. группы людей: *чартисты(с.16), кокни(с.43), методисты(с.85), карбонарии(с.159), прерафаэлиты(с.173), друиды(с.234), саквоаяжники(с.438);*
5. палеонтология: *оолит(с.12), кромлехи и мангиры(с.16), аммониты(с.48);*
6. история: *регентство(с.22), огораживание(с.89), Билль о реформе(с.288), война между Севером и Югом(с. 436), реконструкция(с.438);*
7. психология: *объективный коррелят(с.92), супер-эго, бихевиоризм(с.117);*
8. медицина: *клаустрофобия(с.173), психосоматические заболевания(с.369);*
9. лингвистика: *оксиморон(с.340), дихотомия(с.368);*
10. философия: *детерминизм(с.117), фундаментализм(с.158);*
11. теория музыки: *транспортировка(с.94), алеаторика(с.96);*
12. цитаты: *«Цивилизация – это мыло»(с.34), «Прибежище молитвы бессловесной»(с.34), «Познай самого себя»(с.219), «позиция муравья, критически взирающего на кузнечика»(с.289);*
13. Библия: *Притча о лепте вдовицы(с.25), Добрый самарянин(с.34), Содом и Гоморра(с.88), Вавилонская блудница(с.119), Пуп Земли(с.158);*
14. мифология: *Калипсо(с.139), nereиды(с.147), Бавкида(с.190), Медуза Горгона(с.404), Василиск(с.414);*
15. литературные произведения/герои: *«Долина спящих красавиц»(с.92), «Доктор Джекил и мистер Хайд»(с.369), Бекки Шарп(с.29), Сэм Уэллер(с.44), Поль и Виргиния(с.55).*

Анализ примечаний, некоторые из которых могут быть отнесены к более чем одной рубрике в нашей условной классификации, а некоторые – не менее яркие и информативные – не отражены в ней вообще, убедительно показывает, какую многогранную и кропотливую работу должен проделать переводчик художественного текста с тем, чтобы в максимальной степени снять возможные трудности понимания оригинала иноязычным рецептором. Вместе с тем, вполне очевидно, что как отбор единиц для приложения, так и текст перевода в

целом, должны быть ориентированы на «усередненного получателя», который, имея достаточно высокий уровень образования и общей культуры, способен понять содержание без чрезмерного и навязчивого «разжевывания» очевидных вещей со стороны переводчика. Следовательно, работая с художественным текстом, переводчик всякий раз «проходит по лезвию бритвы»: с одной стороны, он не должен недооценивать интеллект и образованность потенциального читателя, а с другой стороны, он должен подставить ему плечо/бросить спасательный круг, в том случае, если возникнут какие-либо затруднения, в частности, с восприятием сложного текста, написанного в стиле постмодернизма.

В качестве вывода по всему вышеизложенному можно утверждать необходимость проведения подобной формы переводческого и переводоведческого анализа в рамках работы спецкурса/специализации по художественному переводу с целью подготовки студентов (как бакалавров, так и магистров) к написанию курсовых и выпускных квалификационных работ.

Список литературы:

1. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. – Н.Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. – 306с.
2. Фаулз Дж. Любовница французского лейтенанта: Роман/Пер. с англ.- СПб.: Северо-Запад, 1993. – 509с.
3. Fowles, John. The French Lieutenant's Woman. – Gr.Br.: London: Clays Ltd, St. Ives plc.- 1991. -442 p.

Сведения об авторе

Новикова Татьяна Васильевна; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; anglfil@mail.ru; +9208017285.

Novikova Tatyana Vasilievna; Candidate of Philology, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Orel, 302028, Russian Federation; anglfil@mail.ru, +9208017285.

УДК 81

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПРЕДИКАТОВ С
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ**

Скрипкина Г.В.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В статье рассматривается переводческий прием замены предиката в тексте перевода, выявляются причины замены предиката в переводе и анализируются отношения между сопоставляемыми предикатами.

Ключевые слова: Денотативная функция текста, семантический предикат, прием замены, причинно-следственные отношения.

Abstract: The article discusses the translation technique of replacing a predicate in the translation text, identifies the reasons for replacing a predicate in translation, and analyzes the relationships between the compared predicates.

Key words: *text* Denotative function of the text, semantic predicate, substitution technique, cause-and-effect relations.

Перевод, как один из видов языкового посредничества, призван удовлетворить потребность общества в двуязычной коммуникации, в максимальной мере приближенной к естественной, одноязычной коммуникации. Это социальное назначение перевода реализуется в двух требованиях, предъявляемых к переводному тексту: - требование коммуникативно-функциональной эквивалентности ПТ и - требование максимально возможной степени семантико-структурной близости исходного

текста и текста перевода. Коммуникативно-функциональная равноценность и семантико-структурная эквивалентность часто находятся в отношении противоречия. Согласование этих двух требований достигается путем изменений как структуры, так и семантики исходного высказывания. В случаях отсутствия возможности перевода по межязыковым соответствиям с целью достижения коммуникативного эффекта исходного текста и прагматической адаптации переводчики используют различные переводческие приемы.

В данной статье мы рассмотрим, как в переводе передается та часть коммуникативной функции высказывания, которая связана с передачей информации о внеязыковой действительности. «В языке отражение внешнего мира осуществляется при помощи семантического отношения между означающим, или знаком, и означаемым, именуемым денотатом». Бреус Е.В. В нашем случае такими знаками являются предложения текста, которые на денотативном уровне отражают типичные предметные ситуации. Такие ситуации характеризуют отношения деятеля к действию, предмета к действию, обладателя к обладаемому предмету, предмета к его свойству и т.д. «Обобщенные типы предметных ситуаций именуется семантическими предикатами». [3].

Среди бесконечного множества предметных ситуаций можно выделить определенные типы предикатов. В.В. Богданов интерпретирует предикат как «признак (процесс, действие, состояние, свойство), который может быть приписан субстанциальному носителю». Книгу положили на стол (предикат действия). Книга лежит на столе (предикат состояния). Я вижу книгу на столе (предикат восприятия). Иван его уважал (предикат отношения) [1:143].

У. Чейф выделяет четыре основных семантических класса предикатов: «действие», «процесс», «состояние», «действие-процесс» [6].

Классификация предикатов, предложенная Д. Лайонзом, включает пять типов предикатов: 1) предикаты, отображающие процессы (длящиеся, динамичные, неуправляемые агентом ситуации); 2) предикаты, отображающие события (мгновенные, динамичные, неуправляемые агентом ситуации); 3)

предикаты, отображающие деятельность (длящиеся, динамичные, управляемые агентом ситуации); 4) предикаты, отображающие акт или действие (от англ. action) (мгновенные, динамичные ситуации, управляемые агентом); 5) предикаты, отображающие состояния (статичные, неуправляемые агентом ситуации) [4:7-85].

Предикат и связанные с ним аргументы образуют семантическую (глубинную) структуру предложения. На языковом синтаксическом уровне субъект, предикат, объект и локатив соотносятся с членами предложения подлежащим, сказуемым, дополнением и обстоятельством. В системе языка предложение выступает как абстрактная модель, а в речи реализуется в виде конкретного высказывания.

Сопоставляемые в переводе языки при описании одной и той же предметной ситуации могут выбирать разные предикаты или средства их выражения, что, естественно, влечет за собой определенные переводческие преобразования. В данной статье мы рассмотрим случаи замены предикатов при переводе публицистических текстов. В качестве материала исследования были использованы статьи из журнала *Deutschland* и их перевод на русский язык.

При переводе публицистических текстов определенного издания следует учитывать как особенности функционального стиля публицистики в целом, так и стилевые черты конкретной газеты, журнала, а также субъективные предпочтения переводчика.

«Основная коммуникативно-прагматическая функция публицистического стиля - пропагандистско-агитационная. Она направлена, с одной стороны, на распространение политической информации, а с другой - на побуждение людей к действию, на активизацию их мыслей» [2:78-80]. Другой важной функцией публицистического стиля является эмоционально-экспрессивная функция.

Тексты журнала *Deutschland* можно отнести к информационным и аналитическим подтипам функционального стиля [2:78-80]. Информационные тексты выполняют, прежде всего, функцию пропаганды. Эта функция

представлена в проанализированных нами текстах такими разновидностями как официально-информационная, информационно-деловая и реже информационно-экспрессивная. Официально-информационная функция определяется задачами предельно объективной, достоверной, точной и соответствующей официальному этикету передачи фактологической информации. Подача такой информации отличается отсутствием эмоциональности, субъективности, образности. Ведущим принципом организации проанализированных нами статей являются стандартность, клишированность и языковая экономия.

Аналитические типы текстов журнала выполняют агитационно-пропагандистскую функцию. Для них «характерно сочетание базовой информационной функции с функцией объяснения, толкования» [2:78-80].. Информационно-аналитическая разновидность сочетает в себе черты официально-информационного и информационно-делового подстилей с чертами научного стиля. «В текстах этих подстилей присутствует «специальная терминология, средства речевой экспрессии, связанные с задачами популяризации, иностилевые экспрессивные включения (публицистические приемы, литературно-разговорные клише)» [2:78-80].

Проанализированные переводы статей из журнала Deutschland [7] позволяют сделать вывод о стратегии перевода и используемых для реализации этой стратегии приемах перевода. Прежде всего, перевод публицистических текстов нацелен на передачу пропагандистской и пропагандистско-агитационной функций с максимальным сохранением структурно-семантического подобия исходного текста. Наряду с приемами подстановки в переводе используются также приемы добавления, опущения, изменения структуры предложения и замены. В рамках данной статье нас будут интересовать приемы замены лексико-семантического характера, а именно замена предикатов.

Наиболее часто в проанализированных нами примерах наблюдается замена предиката состояния предикатом действия.

Frau Kofler, Ihnen **war sehr wichtig**, Госпожа Кофлер, Вы **настаивали** на dass das Thema Menschenrechte ein том, чтобы тема прав человека стала Schwerpunkt der deutschen EU- одним из ключевых моментов Ratspräsidentschaft wurde. Welche программы председательства Aspekte sind besonders drängend? Германии в Совете ЕС.

В данном примере предикат состояния “jemandem wichtig sein“ заменяется предикатом действия „настаивать“.

Ende 2017 brachte er Noonoori selbst В конце 2017 года он сам вывел auf den Markt. Seitdem arbeitete sie mit Нуури на рынок. С тех пор она Marken wie Marc Jacobs, Dior und сотрудничала с такими брендами как Versace, macht Werbung für Kim Marc Jacobs, Dior и Versace, Kardashians Makeup-Linie und **ist** mit рекламировала линейку макияжа Ким Supermodels wie Naomi Campbell Кардашян и «**дружит**» с такими „**befreundet**“. супермоделями как Наоми Кэмпбелл.

В этом примере при переводе отдается предпочтение предикату действия с целью создания синтаксического параллелизма: «сотрудничала..., рекламировала... и дружит».

Diese Bezeichnung **ist** allerdings Однако этот термин **вводит в irreführend**, da die freien Medien kein **заблуждение**, поскольку свободные Organ rechtsstaatlicher средства массовой информации не Gewaltenteilung sind, sie keine являются органом разделения staatliche Gewalt ausüben und властей в рамках верховенства entsprechend ihre Rolle gerade nicht закона, они не осуществляют einer Staatsfunktion entspricht. легитимное насилие и, соответственно, их роль не соответствует государственной функции

Здесь переводчик заменяет предикат состояния предикатом действия с целью, как можно точнее передать семантику слова „irreführend“.

Seit der Verabschiedung der einschlägigen Sicherheitsratsresolution 1325 vor 20 Jahren **seien** Fortschritte **erkennbar**.

По его словам, с момента принятия 20 лет назад соответствующей резолюции Совета Безопасности под номером 1325 едва ли можно **констатировать** какой-то прогресс.

В следующих примерах замена предиката обусловлена расхождениями в лексике и норме употребления двух языков.

Die Bundesregierung **informiert** ausführlich über Fake News und wie sie zum Beispiel mit Faktenchecks zu erkennen sind. Aber auch andere Initiativen haben sich der Aufklärung verpflichtet, wie etwa der Faktenfinder der öffentlich-rechtlichen Rundfunkanstalt ARD oder der faktencheck des stiftungsfinanzierte Recherchezentrums correctiv, das auch für Facebook **tätig ist**.

Федеральное правительство **предоставляет** **подробную** **информацию** о fake news и о том, как их можно распознать, например, с помощью факт-чекинга. Существуют и другие инициативы, которые также взяли на себя обязательство предоставлять достоверную информацию, такую как «поиск фактов» от общественного вещателя ARD или «проверка фактов» из финансируемого общественными фондами исследовательского центра correctiv, который также **предоставляет** **информацию** для Facebook.

Dort ist seit 2012 **ist** eine kleine Herde **zuhause**.

Европейский бизон в национальном парке Нижней Одерской долины: с 2012 года здесь **живет** маленькое

стадо.

Предикаты в тексте оригинала и тексте перевода часто находятся в метонимических отношениях процесса, причины и следствия. Я.И. Рецкер называл такие замены смысловым развитием, Л.С. Бархударов – заменами на основе причинно-следственных отношений, а В.Н. Комиссаров – модуляцией.

Выделяются шесть вариантов причинно-следственных отношений:

1. Замена процесса его причиной
2. Замена процесса его следствием
3. Замена причины его процессом
4. Замена причины его следствием
5. Замена следствия его процессом
6. Замена процесса его причиной [5: 52]

Под процессом Я.И. Рецкер понимает действие и состояние. Словарное соответствие заменяется контекстуальным, логически связанным с ним [5:51]. Рассмотрим эти отношения на конкретных примерах.

Wer in seinem Herkunftsland als **Условия:** те, кто получил сертификат Pflegefachkraft **ausgebildet wurde**, специалиста по уходу в своей стране, kann den Abschluss in Deutschland **ausgebildet wurde** может подать заявку на Anerkennung lassen. **ausgebildet wurde** нострификацию своего документа в **ausgebildet wurde** Германии.

В данном переводе процессуальный предикат „ausgebildet wurde“ заменяется его следствием „получить сертификат“. Метонимические отношения здесь выражаются тем, что люди прошедшие обучение, как правило, получают документ, подтверждающий успешность обучения.

Wölfe und Luchse **sind** in Deutschland **sind** Волки и рыси **вернулись** в немецкие wieder **heimisch** – und es gibt Hoffnung леса – дальше ждем возвращения auf die dauerhafte Rückkehr von лосей, зубров и медведей.

Elchen, Wisenten und Bären.

В данном примере предикат состояния „heimisch sein“ заменяется предикатом действия „вернуться“ на основе причинно-следственных отношений между ними.

Другой причиной замены предиката является расхождение в сочетаемости слов.

„Der digitale Wandel **bringt Chancen**, «Цифровые изменения **открывают** aber auch Herausforderungen in Bezug **новые возможности**, но и **создают** auf die Rechte und Freiheiten der **проблемы с точки зрения прав и** Bürgerinnen und Bürger mit sich“, свобод граждан, – заявляют schreiben Deutschland, Portugal und **Германия, Португалия и Словения в** Slowenien in ihrem Programm zur Trio- **своей программе „трио ЕС“.** Ratspräsidentschaft“.

В этом примере предикат действия заменяется при переводе двумя предикатами действия. При этом переводчик использует клишированные выражения, характерные для публицистического стиля языка перевода.

Das ist noch sehr theoretisch, aber **Все это, конечно, пока в теории, но** zumindest in den deutschen Alpen **тем не менее в немецких Альпах есть** **sehen** Wissenschaftler gute Chancen für **все условия** для бурых медведей, eine dauerhafte Rückkehr der **считают ученые.**

Braunbären.

В данном примере предикат восприятия заменяется предикатом существования.

Предикат исконного высказывания может подвергаться номинализации в результате изменения синтаксической структуры высказывания.

Bei allen Krisenmaßnahmen muss **Все кризисные меры должны всегда**

immer überprüft werden, ob sie **angemessen sind** und ob die drei **соответствия** трем основным Grundpfeiler der Menschenrechte – Prinzipien der Menschenrechte – Universalität, Unveräußerlichkeit und Unteilbarkeit – weiter unbestritten sind.

Repräsentatives In einer repräsentativen Daten-Erhebung wird auch deutlich, dass die Überlebenschancen weiter sinken, wenn der Patient künstlich **beatmet werden muss**.
Repräsentatives исследование также показывает, что шансы выжить сокращаются, если пациенту требуется **искусственная вентиляция легких**", - сообщает немецкое издание Frankfurter Allgemeine Zeitung.

В данном примере метонимическая замена объясняется стилистической нормой русского языка. В немецком языке инфинитив пассив с модальным глаголом является более распространенным явлением, чем в русском. В русском языке такая форма предиката, как правило, заменяется более естественными для русского языка конструкциями.

Частотны замены предиката в связи с тем, что он выражен устойчивым выражением, при этом эквивалент этого выражения отсутствует в языке перевода.

Die Debatte um ein Lieferkettengesetz **nimmt** in Deutschland und auch auf europäischer Ebene **Gestalt an**.
Постепенно **проясняются** основные моменты дискуссии о законе о цепочках поставок, которая ведется в Германии и на европейском уровне.

Отношение между предикатом в исходном и конечном высказываниях может носить временной характер. Здесь немецкий предикат переводится двумя предикатами, первый из которых обозначает начало действия.

Comics, Textfragmente, selbst Comics, Fragmente Texten,
geschriebene Songs: Der libanesischer Autor Gesänge: libanesischer
Künstler Mazen Kerbaj **gestaltet** Künstler Mazen Kerbaj **начал**
während der Corona-Krise einen Blog, **вести** блог в
die „Corona Diaries“. **период коронавирусного кризиса**.

Предикаты, выраженные немецкими глаголами с широкой семантикой, нередко заменяются в переводе на русский язык предикатами более узкой семантики. Такой прием перевода называется конкретизацией.

Auch in einigen EU-Mitgliedstaaten **Мы также видим** посягательства на
erleben wir Angriffe auf права человека и верховенство закона
menschenrechtliche und rechtsstaatliche в некоторых государствах-членах ЕС,
Grundsätze, etwa in Ungarn und Polen. **например в Венгрии и в Польше.**

Глагол с широкой семантикой в данном случае конкретизируется и заменяется предикатом восприятия, выраженным глаголом «видеть».

Конкретизация глагола-сказуемого часто используется при переводе высказываний с немецкой конструкцией „es gibt“.

Begleitend dazu **gibt es** zahlreiche **Работы представлены** в самых
digitale Formate. **разных цифровых форматах.**

Einen virtuellen Rundgang **gibt es hier** **Но остаётся возможность** и
virtueller Rundgang. **виртуальной экскурсии.**

Hier **gibt es** einen Video- **Здесь вы можете совершить видео-**
Rundgang durch die Ausstellung. **прогулку по выставке.**

Auch dort **gibt es** Wiener Kaffeehaus- Там тоже **сохраняется** атмосфера
Atmosphäre und österreichische венской кофейни, и **подаются**
Spezialitätenküche. **австрийские специалитеты.**

Der heute weltbekannte Künstler ist **Известный на весь мир художник**
1997 verstorben, das Bild wurde für **умер в 1997 г., стоимость картины**
eine Millionensumme versteigert, aber **выросла до нескольких миллионов и**

den ältesten Berliner Promi-Treff **gibt** была продана, но кафе **продолжает**
es immer noch. **привлекать** знаменитостей.

Проведенный сопоставительный анализ приемов перевода предикатов в публицистических текстах позволяет сделать следующие выводы: 1. Наиболее часто при переводе происходит замена предиката состояния предикатом действия. 2. Между предикатами исходного и переводного текста имеют место причинно-следственные или метонимические отношения. 3. Предикаты, выраженные глаголами широкой семантики, заменяются глаголами более конкретной семантики. 4. Замена предиката, как правило, сопровождается изменением синтаксической структуры предложения перевода. 5. Замена предиката в тексте перевода связана с расхождениями в лексике, в логической структуре предложения, образности и в нормах языка перевода. 6. Не все случаи замены предиката равноценны. В ряде проанализированных примеров замена предиката носит немотивированный характер и обусловлена скорее индивидуальными предпочтениями переводчика.

Список литературы:

1. Богданов В.В. Фазисность и фазисные конструкции // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985. С. 143.
2. М.П.Брандес, В.И.Провоторов. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): Учеб. пособие. - 3-е изд., стереотип. - М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001.- С. 71-80.
3. Е.В. Бреус. Теория и практика перевода с английского на русский [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: http://pnu.edu.ru/media/filer_public/2013/04/12/breus.pdf]. (дата обращения: 01.08.2020).
4. Т.В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С.7-85.

5. Я.И. Рецкер Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода./Дополнения и комментарии Д.И.Ермоловича.- 3-е изд., стереотип. М.-«Р.Валент», 2007.-с. 51-54.
6. Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. – 492 с.
7. Deutschland [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.deutschland.de/ru>] (дата обращения: 01.08.2020).

Сведения об авторе

Скрипкина Галина Васильевна; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302012, Российская Федерация, 302028 Орел, ул. Комсомольская, д. 95; gws2000@mail.ru +79961616875.

Skripkina Galina Vasilievna; Candidate of Philology, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; gws2000@mail.ru +79961616875.

УДК 808.03

РУССКИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ XIX ВЕКА В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Титова Г.А.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: Статья описывает исследование, посвященное переводу русских общественно-политических реалий XIX века на английский язык. В ходе исследования был проведен сопоставительный анализ произведений русской классической литературы и их английских переводов, были сделаны

статистические выводы об основных группах общественно-политических реалий, представленных в художественных текстах, и переводческих приемах, задействованных для передачи реалий на английский язык.

Ключевые слова: общественно-политические реалии, художественный перевод, приемы перевода, функциональный аналог, описание, транслитерация

Abstract: The article describes a study devoted to translation of Russian culture-specific words related to social and political life of the XIX century. The study involved comparative analysis of Russian classical texts and their literary translations into English. The article presents the results of the analysis concerning the prevalent groups of social and political references present in the texts, and the main translation procedures of rendering them into English.

Key words: culture-specific social and political references, literary translation, procedures of translation, functional equivalent, description, transliteration

В современном переводоведении важное место занимает проблематика, касающаяся передачи национально-культурной специфики исходного текста. Именно реалии как национально-специфические элементы вызывают наибольшие затруднения в процессе перевода как акта межъязыковой и межкультурной коммуникации. При передаче реалий переводчик сталкивается с трудностями, вызванными отсутствием самого денотата в конкретной культуре, и соответственно в языке. [1, с. 117].

Как отмечают исследователи С. Флорин и С. Влахов, «реалии [...] не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода» [2, с. 45]. Из-за отсутствия какого-то понятия в культуре, и соответственно слова в переводящем языке переводчик вынужден искать такой способ передачи этого понятия, при котором бы сохранялось его содержание, национальный колорит, а в случае с реалиями прошлого, ещё и его историческое значение.

Для передачи реалий в переводческой практике используются разнообразные приемы: транскрипция и транслитерация, калькирование, функциональный аналог, описание, генерализация, конкретизация, опущение и др.

В лингвистической литературе используются несколько классификаций реалий. Систематизируя реалии по предметным областям, почти все исследователи выделяют группу общественно-политических реалий, реалий государственного строя и общественной жизни или реалий государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические) (А.Е. Супрун, В.С. Виноградов, Б.И. Репин, С. Влахов и С. Флорин, А. Реформатский).

Данная статья посвящена результатам проведенного комплексного аналитико-сопоставительного исследования приемов передачи русских исторических общественно-политических реалий на английский язык на материале переводов художественной литературы XIX века.

Общественно-политические реалии XIX века представляют особый интерес, т.к. это был важный, напряженный и результативный период в истории государства Российского. В это время бурно развивается образование и общественно-политическая мысль России. Самый главный вопрос, которым задавались все выдающиеся русские деятели XIX века, несомненно, крестьянский вопрос. Антикрепостническая мысль была актуальной темой того времени и нашла отражение во многих произведениях русской литературы.

Материалом нашего исследования послужили произведения русских классиков 19 века: А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, А.П. Чехова и их переводы на английский язык.

В текстах 20-ти оригинальных произведений русской художественной прозы было выявлено 600 случаев употребления русских исторических общественно-политических реалий, что составляет с учетом повторных словоупотреблений 120 лексических единиц.

Каждое оригинальное произведение анализировалось в сравнении с его переводом на английский язык, выполненным профессиональным иностранным переводчиком.

Первой задачей исследования было определить наиболее употребительные группы общественно-политических реалий.

Общая схема классификации общественно-политических реалий имеет следующий вид:

1. Административно-территориальное устройство. Реалии данной группы обозначают административно-территориальные единицы, например:

губерния, округ, область, уезд;

2. Общественно-политическое устройство. К этой группе причисляют реалии следующих подгрупп:

а) звания, степени (чины), титулы, обращения

цесаревич, государь, тайный советник, статский генерал;

б) специальности, должности, например:

городничий, околоточный, исправник, откупщик, староста;

в) сословия и социальные группы:

помещик, крепостной, вольноотпущенный, дворовый человек;

г) учреждения, заведения:

земский суд, присутственные места, управа, богадельня;

д) политические институты, например:

Дума, Административная коллегия, Священный Синод, ведомство, сенат;

е) политические партии, объединения, например:

"Народная воля", Конституционно-демократическая партия или кадеты;

ж) общественные движения и их представители, например:

славянофилы, "Самодержавие, православие, народность", нигилизм;

з) политические события и реформы, например:

восстание декабристов, отмена крепостного права, земская реформа;

и) законы и документы:

Указ о вольных хлебопашцах, Манифест об освобождении крестьян.

В рассмотренных нами произведениях преобладают общественно-политические реалии, являющиеся названиями сословий, классов, должностей, чинов, титулов, обращений, т.е. относящиеся к людям (53%).

Это можно объяснить особенностями художественного текста как такового и основными идеями, свойственными литературе этого времени, ее антикрепостнической направленностью, вниманием к человеку и взаимоотношениям в обществе, противоречиям между высшими классами общества и простым народом.

Часты, хотя и не столь разнообразны реалии, называющие административно-территориальные единицы (многократно встречаются «губерния», «губернский город», «уезд») (26%).

Реже встречаются названия учреждений, заведений (11%).

Значительно реже в текстах употребляются названия политических институтов, партий, объединений, общественных движений, реформ, законов и документов. Это можно объяснить тем, что литература подвергалась жесткой цензуре, прямые упоминания запрещенных партий, движений и объединений, а также критика государственной политики были недопустимы. В обход цензуре русские литераторы старались выражаться многозначно и иносказательно, избегая непосредственных обозначений общественно-политических групп и объединений.

Вторая задача исследования состояла в том, чтобы рассмотреть приемы передачи общественно-политических реалий при переводе произведений на английский язык.

Согласно собранному нами материалу, чаще всего для передачи реалий в переводах художественной литературы используется функциональный аналог (примерно 40% случаев), например: дворовый крепостной человек – a servant; губернский город NN – the provincial town of N., барин – master, околоток – parish, губерния – province, околоток – neighbourhood, богадельня – poorhouse, градоначальник – Governor, сударыня – mistress, барщина – corvee, полицеймейстер – Chief of Police, инспектор врачебной управы – the Inspector of the Medical Department, откупщик – Commissioner of Taxes, княжна – princess, фельдъегерь – a state-messenger, ключница – housekeeper; барыня – lady, староста – bailiff.

Второе место по частоте использования в переводах рассмотренных текстов занимает описательный перевод (25%), например: барщина – husbandry-service for the lord of the manor, барщина – field labor for the landlord, подорожная – an order for fresh horses, прогоны – travelling expenses, оброчный мужик – rent paying peasant, сотские – village delegates, месячина – a monthly allowance of provisions instead of eating at the common table, оброк – quitrent (obrok) that is, land rent paid either in kind or in money, мирной князь – a neutral prince* (Notes: Mirnoy Knyaz'. This term designated a local chief-tain who took no sides in the war between the Caucasian tribes and the Russians); тайный советник – privy councilor* (*Privy Councillor – civil rank of the 3-rd class. People with this rank occupied important state posts (deputy minister, etc.)

Использование лексико-семантических замен (генерализации и конкретизации) встречается в 18% случаев, при этом гораздо чаще встречается генерализация (13%). Например: попечитель – the higher authorities, становые и исправники – the police, мундир – uniform, действительный статский советник – a high-ranking Government official, коллежский советник – councilor. Конкретизация (вотчина – his house, присутственные места – the court-house, губерния – provincial town) встречается реже.

Транслитерация (дворянин – dvorianin, барщина – barshchina, уезд – uyezd, Т-й губерния – the Gubernia of T., урядник – uryadnik) применяется реже (в 10% случаев) и в большинстве случаев сопровождается соответствующими пояснениями или примечаниями переводчика. Например: местный урядник – the local uryadnik* (Rural police-officer. - Tr.), барщина – barshchina (field labor for the landlord), оброк – quitrent (obrok) that is, land rent paid either in kind or in money.

Калькирование (9% рассмотренных случаев) используется для перевода составных наименований различных официальных органов, должностей, званий и других наименований официального характера, так как отдельные части

таких наименований, как правило, имеют в переводящем языке устойчивые соответствия. Например: статский советник – State Councillor, коллежский советник – Collegiate Councillor, вольноотпущенный дворовый человек – a freed house-serf.

Кроме того, в переводах художественной литературы используются различные сочетания приемов перевода и форм пояснения, а также опущение реалий.

Предпринятое исследование способов перевода русских исторических общественно–политических реалий на английский язык в переводах произведений русской классической литературы наглядно доказывает, что переводчики широко применяют различные приемы передачи реалий, выработанные переводческой практикой: перевод с помощью аналога, описательный перевод, лексико-семантические замены, транслитерация, калькирование, смешанные случаи (например, транслитерация+описание). Большое разнообразие приемов определяется разной степенью значимости реалий в тексте, представлением переводчика о знаниях реципиентов, литературной и языковой традицией.

При выборе приема важную роль играет учет жанровых особенностей литературы. В художественном тексте внимание читателя, как правило, сосредоточено на развитии сюжета, поэтому переводчик готов идти на незначительные смысловые жертвы, избегая лишних «экзотизмов», способных затруднить восприятие сюжета. При этом полностью или частично утрачивается национальный и исторический колорит, но зато текст легко воспринимается широкой читательской аудиторией, на которую он рассчитан. Этим объясняется достаточно скромная (по сравнению с текстами научных и научно-популярных статей по истории) доля транскрипции и транслитерации и большая доля использования функциональных аналогов, описаний и генерализации при переводе исторических общественно-политических реалий в художественных текстах.

Список литературы

1. Андросова О.Е., Ожегова Е.Ю. Русские реалии в рассказах И.С. Тургенева и способы их перевода на английский язык // Гуманитарные науки. Филология. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. № 2 (42) 2017. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-realii-v-rasskazah-i-s-turgeneva-i-sposoby-ih-perevoda-na-angliyskiy-yazyk/viewer>]

2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М: Международные отношения, 1980. – 343 с.

Сведения об авторе:

Титова Галина Анатольевна; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; g.titova@yahoo.com; +74862752993.

Titova Galina Anatolevna; Candidate of Philology, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; g.titova@yahoo.com; +74862752993.

УДК 81'42

ВОСПОМИНАНИЯ О РОДИТЕЛЯХ В СТРУКТУРЕ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ СИБИРЯКОВ²⁶

Волошина С.В.

Томский государственный университет

Россия

Аннотация: В статье рассматриваются воспоминания сибиряков о родителях как неотъемлемый элемент устного автобиографического рассказа – ядерного речевого жанра диалектного дискурса. Материал исследования – 120 устных автобиографических рассказов, записанных на территории Томской области с 1960-х по 2020 гг. Выявляются функции воспоминаний, тематика, определяются специфика представления информации о родителях в диалектных автобиографических рассказах.

Ключевые слова: автобиографический рассказ, диалект, воспоминания, речевой жанр, Сибирь

Abstract: The report presents the memories of Siberians about their parents as an element of an oral autobiographical story – a typical speech genre of dialect discourse. The material of the research is 120 oral autobiographical stories recorded on the territory of the Tomsk region from the 1960s to 2020 as a result of dialectological expeditions. Functions of these memories, their subject matter, the means of their language implementation and the dialect specificity of presenting information about parents in autobiographical stories are considered.

Keywords: autobiographical story, dialect, memories, speech genre, Siberia

²⁶ Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042

Изучение речевых жанров (далее: РЖ) диалектной коммуникации – одна из актуальных задач коммуникативной диалектологии и жанроведения в целом.

В основании коммуникативной парадигмы в диалектологии, по мнению В.Е. Гольдина, лежит представление о диалектной речи как об особом коммуникативном образовании, которое обслуживает традиционную систему русского деревенского общения и обладает свойственным ему набором речевых жанров [3]. Как отмечает Н.В. Большакова, большая часть всех сделанных записей диалектной речи отражает коммуникацию диалектоносителя с собирателем [1]. Ядерными для данной коммуникативной ситуации являются РЖ автобиографического рассказа и воспоминания, поскольку при первой встрече с информантами собираются сведения о них, о том, как они жили раньше. Представляется, что неслучайно таким «лидером», одним из наиболее описанных РЖ диалектной речи является РЖ воспоминания [4-9].

Цель данного исследования – выявить тематику и функции воспоминаний о родителях в структуре РЖ автобиографического рассказа в диалектной коммуникации.

Материалом исследования выступают 120 автобиографических рассказов, записанных на территории Томской области, с 1960-х гг. по 2019 г. в результате диалектологических экспедиций. Источником материала послужили тексты Томского диалектного корпуса (<http://losl.tsu.ru/?q=corpus>), а также аудиозаписи речи диалектоносителей, сделанные автором исследования в результате экспедиции в с. Первомайское Первомайского района Томской области в 2008 г., в с. Мельниково Шегарского района Томской области в 2017-2019 гг.

РЖ автобиографического рассказа – это комплексный информативный РЖ, содержащий описание жизни говорящего с рождения и до момента общения с диалектологом. Типичный автобиографический рассказ в диалектной коммуникации строится по следующей схеме: сообщение о годе, месте рождения → информация о семье, в которой родился говорящий, родителях, о хозяйстве семьи → сведения о переезде, перемене места жительства (ссылке в Сибирь) → повествование о событиях в личной жизни, о

сферах деятельности → информация о детях и их судьбе, о своей жизни в настоящее время. Коммуникативная ситуация, неподготовленность повествования, его устный характер обуславливают трансформации этой схемы: могут отсутствовать некоторые ее элементы, включаться отступления, в рассказы о прошлом могут быть добавлены комментарии о жизни в настоящее время и наоборот. Однако, сведения о семье, родителях – один из обязательных компонентов автобиографических рассказов, даже при отсутствии родителей информанты указывают на этот факт: *Я с детства без родителей одна: ни сестры, ни брата, никого нет у меня; Я никогда ни воровкой никакой не была, потому что без родителей воспитывалась. Есть, были и такие <...>. Кото'ры с родителями тоже плохо жили, но всё равно мне-то больше всех досталось, а мне, хорошо меня принимали люди, и я вот так прожила.*

В отличие от официальных автобиографий-документов повествование в диалектных автобиографических рассказах характеризуются большей детализацией, событийностью, наличием подробной информации не только о себе, но и своей семье (родителях, бабушках, дедушках, братьях, сестрах и т.д.). Тематика воспоминаний в структуре автобиографических рассказов разнообразна. Это воспоминания о семье, родителях, детстве, играх, месте проживания, селе / деревне, учёбе, случаях из жизни, исторических событиях и т.д. Они могут вводиться в рассказы с помощью метакомпонентных высказываний, включающих глаголы *помнить, вспоминать*: *Она [мама], я вот так **вспоминаю, вспоминаю** <...>. Неграмотная женщина осталась с детьми, в возрасте от десяти до восьми месяцев, пятеро детей, рабочий маслозавода, я вот так вот вспоминаю, думаю: «Боже мой, как мы выжили, голод?!».*

Если в делопроизводственных автобиографиях, как правило, авторы указывают имена родителей, их год рождения, сферы деятельности, место проживания, то есть данные анкетного характера: *Отец мой родился в 1898 году в XXX губернии д. XXX в семье крестьянина, которая из-за безземелья в 1903 г. переехала на жительство в Сибирь в Томскую губернию и основалась в*

д. ХХХ ХХХ волости. Мать моя ХХХ, родилась в Сибири в д. ХХХ ХХХ района в 1903 г. в семье крестьянина [2], то в диалектных автобиографических рассказах информанты сообщают о родителях не только официальную информацию.

Родителей информанты называют: *мама, мать, родительница, папа, папка, тятя, батька, отец, родители*. Встречаются также сведения о крестных, неродных родителях: *... а эта тетя Дуня самая, она, кстати, еще моя крестная, тогда обязательно было, чтоб был крестный и крестная, приемные родители при крещении, такой обряд был церковный...*

В исследуемом материале выделяются воспоминания о:

- **месте рождения родителей:** *Вот папа... Мама из Инкино, а папа, вот интересно, не знаю. Он, наверное, тогурский, потому что он ездил за мамой в Йинкино.*

- **здоровье / продолжительности жизни:** *он рано умер в 55 лет, потому что и раны, и болезни всякие, он рано ушел из жизни, вот мама еще прожила, мама прожила 33 года после смерти папки, в 85 лет;*

- **чертах характера, способностях родителей:** *у меня еще удивительная мама была: у нее память была, черт ее знает, <...> она почему-то любила стихотворения, и всегда читала мне стихи, мама. И если начнет читать, часа два подряд и ни разу не повторится, вот ум, просто память была у человека, если ей бы образование в свое время, она была бы замечательный лингвист какой-нибудь; Ну я, это, про своих родителей расскажу, они очень были, это, ну, добрые, <...> Может я чё и не замечала, но мне кажется, они были хорошие <...> Отец на гармошке играл;*

- **внешности:** *Папа был высокий, красивый, а мама маленькая. Говорили, Катерина между ног у Андрея Григорьича проскочит. Ну и война, бабёнки, конечно, заглядывались на папу; Она полячка у нас, красивая была у нас. Ну а мы в отца. У нас отец, как Ленин. На Ленина похож;*

- **образовании:** *Ро'стили трудно, родители были неграмотны...; Ни одного класса не закончили, а потом ликбез был, всеобуч, до войны. Вот они*

ходили, так что читать они могли. Конечно, они не быстро читали и каракулями писали.

- **работе, сферах деятельности, промыслах:** родители пахали, сеяли, хлеба' убирали. Дом строили, когда я ещё маленький был, а хозяйство – трое коней, три коровы было, двадцать десятин земли...; Родители колхозники были, земледельцы. Отец всю жись-то в кузнице проработал, а мать с ребяташками; Он всю жизнь, отец, в колхозе проработал кладовщиком. < ... > Рыбалкой, охотой занимались;

- **благосостоянии:** Отец мой бедный был и жену себе с бедных брал – зато любил он её шибко. Жили хоть и в бедности, но в любви.

- **манере воспитания:** Нас родители ко всему приучали. Не схочешь сделать, где подзатылку получишь. Да это, когда глу'ны ещё были; Мои родители давно умерли. С ими я воспитывалась. < ... > Любили родители и били – всё тут было.

- **чему учили / научили родители:** у меня были портянки, папа научил меня как портянки надо заматывать, чтобы не было мозолей, и я вот на покосе ходила вот в таких.

- **о случаях из жизни (в том числе, о случаях, которые рассказывали родители):** И когда она посмотрела, что Мишка [сын] умирает, она и сказала: «Господи, прости меня», говорит, что так он умрёт, что так он умрёт, и она растиснула ему зубы, и влила вот эту вот самогонку с чесноком, вот, и говорит, сижусь и жду, когда он умрёт, и вот говорит, ночь подходит, обычно к вечеру температура всё, а он, говорит, первый раз глаза открыл. И, говорит, когда открыл глаза, мама говорит, что вот только самогонкой с чесноком она его спасла от ангины; У меня был любимейший котёнок, звали его Мишкой. Мы с ним все время кашу ели вместе. Ложкой, хорошо помню, возьму ложкой, но бабка маслом помажет, как положено, коровье, естественно, и вот: «Ешь Мишка». Сидит маленький котенок лижет, я жду, полижет, я себе, мама заходит, застаёт меня: «Опять котенка кормишь!». Я тут сразу хоть и

держу у него [ложку], а она: «Опять котенка кормишь», я раз: нет, не кормлю вроде, и сам съел, это я хорошо помню. А возьми этот котёнок сдох;

- **отношении к религии:** я вспомнил про бабушкин рассказ, что надо хорошо попросить Иисуса Христа, а он же на небо вознёсся, он бессмертный, он Лазаря оживил, а котёнка-то, что ему стоит..., и вот я молился молился, ни оживает никак, вот уж я молился, молился, наверное, часа полтора, откуда-то приходит отец < ... > «Ты чё?». А я говорю: «Да, вот папа, видишь, такая история». Ну и про этого Лазаря, а он-то знал про него, он же все-таки тоже учился, в церковно-приходской когда-то там в детстве. Он захохотал говорит: «Знаешь сын, - потрепал меня по башке, - Брось ты все это, а вот вырастишь, сам все узнаешь». В этом отношении он был молодец. Он ни этих богов, тоже не хуже меня.

Поскольку РЖ автобиографического рассказа – ретроспективно направленный жанр, подразумевающий повествование человека о его жизни, воспоминания о родителях в структуре этого РЖ выполняют текстообразующую, жанрообразующую функцию, они направлены на реализацию коммуникативной стратегии самопрезентации. Рассказывая о родителях, информанты сообщают, в том числе информацию о себе. Представляется, что эти воспоминания также выполняют функцию самоидентификации: *Отец как начнёт, бывало, покойничек, рассказывать, а нам антересно было. Да ишо он так рассказывал, кода', мы же перерождения из татаров, в общэм, у отца мать татарка была. А отец-то нам он уже вроде бы и русский, что-то от такое. Но нас звали тода карагазами. < >. А щас уже даже уже не пишемся, что карагазы, теперь уже русские мы.*

Кроме этого, они выполняют и дидактическую функцию, когда от лица родителей информанты хотят чему-то научить диалектологов, как правило, младших по возрасту: *Вот мама говорила. Мы гыт, поругались – папу у меня тоже Толя звали – поругались, говорит, с Толей, а он мне и говорит: «Ты, Катя, сёдня не зду'май маме сказать, а то она меня будет ругать», от уж, им было, около, по двадцать пять или по двадцать семь лет, а они ешо родителей*

боялись. А теперь кто кого боится? Да от перешагнут вот так вот через тебя и пойдут, и ты умерла или ты жива ли – ушли и всё, и делу конец. От так от. В речи информантов встречаются обучающие, поучающие высказывания, высказывания, объясняющие бытовые реалии крестьянской жизни и т.п.

Таким образом, воспоминания о родителях – неотъемлемый элемент РЖ автобиографического рассказа, функционирующего в диалектной коммуникации. Информанты рассказывают о времени жизни родителей, их образовании, внешности, чертах характера, сферах деятельности и т.д. В структуре автобиографических рассказов эти воспоминания выполняют жанрообразующую, текстостроительную, дидактическую функции, функцию самоидентификации, служат реализации коммуникативной стратегии самопрезентации.

Список литературы:

1. Большакова Н.В. Взаимодействие дискурсов в диалектном тексте // Вестн. Новгород. ун-та. 2009. № 54. С. 7-10.
2. Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1 (10). С. 40-54.
3. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. ... д-ра филол. наук в виде науч. докл. Саратов, 1997. 52 с.
4. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики: материалы научной конференции "Языковая ситуация в России конца XX века". Томск, 2001. С. 167-174.
5. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.

6. Лагута Н. В. О речевом жанре воспоминания (на материале русских говоров Приамурья) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 86-101.
7. Леонтьева Т.В. Автобиографические мемораты о детстве (по письмам Шурыгиной Таисии Ивановны, уроженки и жительницы деревни Плосково Костромской Области) // Мир Евразии. 2016. № 3 (34). С. 38-43.
8. Литвинова Н.Б. Структурно-семантическая актуализация исторической информации в вербальном пространстве диалектного текста-воспоминания // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (12). С. 55-58.
9. Мызникова Я.В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра "Рассказ-воспоминание" // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 66-72.

Сведения об авторе

Волошина Светлана Владимировна; кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный университет, 634050, Российская Федерация, г. Томск, пр-т Ленина, 36, vsv1304@yandex.ru

Voloshina Svetlana Vladimirovna; Candidate of Philology, Associate Professor, Tomsk State University, Lenina ave., 36, Tomsk, 634050, Russian Federation, vsv1304@yandex.ru

УДК 8.81'2-42

**МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С
СОЧИНТЕЛЬНОЙ И БЕССОЮЗНОЙ СВЯЗЬЮ В ЯЗЫКЕ ЛИРИКИ XIX-
XX ВЕКОВ**

Аннотация: в статье рассматриваются многокомпонентные сложные предложения с сочинительной и бессоюзной связью, но при доминировании сочинительной связи. Устанавливается, что структура стиха накладывает некоторые особенности на употребление усложненных конструкций в лирическом произведении. Это ведет к созданию информативности и экспрессии поэтического текста.

Ключевые слова: многокомпонентное сложное предложение, сочинительная связь, бессоюзная связь, лирический текст.

Abstract: the article deals with multicomponent complex sentences with a compositional and non-union connection, but with the dominance of the compositional connection. It is established that the structure of the verse imposes some peculiarities on the use of complicated constructions in a lyric work. This leads to the creation of information content and expression of the poetic text.

Key words: multicomponent complex sentence, compositional connection, non-union connection, lyric text.

Художественная речь, являясь высшим образцом словесного искусства, способна передавать не только особенности культуры и традиций русского народа, но и отражать лексическое богатство и грамматические особенности русского языка. Художественное творчество русских поэтов и писателей издавна привлекало внимание литературоведов и лингвистов. Известно, что объектом литературоведческого анализа является взаимосвязь литературы, истории, уклада жизни русского народа. В центре внимания лингвистического анализа лежат грамматические, синтаксические и стилистические особенности языка.

Обратимся к художественному тексту как объекту лингвистического изучения.

В современной лингвистической науке языку художественной литературы посвящено большое количество различных по объему работ. Отметим, что это научное направление имеет глубокие традиции. Язык художественной литературы описывали такие исследователи, как А.А. Потебня, В.В. Виноградов, Б.В. Томашевский, Ю.М. Лотман и многие другие. В последние десятилетия язык художественной поэзии и прозы был изучен в работах С.И. Дружининой, А.Н. Жуковой и других.

Подчеркивая обширность и важность исследований в области языка художественной литературы, отметим, что многие вопросы в этом направлении остаются нерешенными. Ранее не были изучены многокомпонентные сложные предложения (далее – МСП) с различными видами связи в художественном тексте, в частности, поэтическом.

Поэтическая речь, в отличие от прозаической, всегда вызывала особый интерес у исследователей. Это обусловлено тем, что поэтический текст имеет особую структуру, значение в которой приобретают размер, рифма, ритм, мелодика стиха и т.д. В результате «подчинения» стихотворной форме структура предложения подвергается модификации, но вместе с тем информативность лирического произведения возрастает. Это вызвано тем, что поэтический текст – это «совокупность кодовых систем» [7, с. 77]. Лирическое произведение похоже на сложный механизм, в котором структурные и смысловые элементы предназначены для передачи информации, а также для создания особого *поэтического шифра* (Ю.М. Лотман).

Цель данной статьи – описать структурно-семантические особенности МСП с сочинительной и бессоюзной связью (но при ведущей сочинительной связи) в лирическом тексте XIX-XX веков и показать особенности их функционирования.

В соответствии с поставленной целью для языкового анализа были взяты три временных среза: первая половина XIX в., 1900 – 1920-е г. г. XX в., последняя треть XX в. Методом сплошной выборки мы собрали МСП из произведений 60 поэтов. Таким образом, на каждом временном срезе мы рассмотрели творчество 20 поэтов.

Прежде, чем мы приведем примеры МСП из творчества поэтов-лириков, рассмотрим, что в современной синтаксической науке понимается под МСП.

В синтаксисе современного русского языка МСП были описаны в трудах В.А. Белошапковой, В.И. Кодухова, Л.Ю. Максимова и других исследователей.

Л. Ю. Максимов определяет МСП как «многочленную конструкцию», «сложное предложение усложненного типа», «комплексную синтаксическую структуру». Л.Ю. Максимов подчеркивает, что для МСП характерны сложность структуры и семантики. Кроме того, семантика МСП является многослойной [1, с. 235-236]. Наиболее ярко это проявляется в поэтическом тексте.

Отметим, что в МСП можно выделить несколько семантических слоев, что обусловлено сложностью структуры этого вида сложных предложений. Наиболее абстрактная семантика служит основой для создания более конкретных смыслов. Особенно ярко это проявляется в языке лирики, стремящейся к передаче множественных смыслов и экспрессии.

В этой связи в лирическом тексте во всех трех обозначенных нами периодах мы отметили МСП с ведущей сочинительной связью, имеющие в своем составе сочинительные и бессоюзные отношения. Сочинительная семантика, являясь наиболее абстрактной, маркируется сочинительными союзами **и**, **а**, **но**, передающими различные смысловые отношения в МСП [9, с. 617, 621, 624]. Но в структуре таких МСП есть и бессоюзные отношения, семантика которых формируется на базе сочинительной.

В наших выборках отмечены МСП с ведущей сочинительной связью, оформленной союзами **и**, **а**, **но**. Количественное и процентное соотношение МСП представлено в следующей таблице.

**Изменения в структуре многокомпонентного сложного предложения
с сочинительной и бессоюзной связью**

МСП с сочинительн ой и бессоюзной связью	Первая половина XIX века		1900-1920-е годы XX века		Последняя треть XX века		Всего	
	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%
1. С союзом и	144	73,1	190	6,9	216	57,1	550	60,5
2. С союзом а	18	9,1	69	0,6	65	7,2	152	16,7
3. С союзом но	35	17,8	75	2,5	97	25,7	207	22,8
Всего	197	100,	334	100,	378	100,	909	100,
		0		0		0		0

Результаты, представленные в таблице, позволяют говорить о том, что в лирическом тексте наиболее частотны МСП с сочинением и бессоюзием при доминирующей связи с союзом **и** (60,5%); менее употребительны МСП с сочинительной связью, выраженной союзом **а** (16,7%) и союзом **но** (22,8%).

Приведем примеры.

Судьба пытала, брила наголо,

***И** ты жила сверх всяких сил, –*

Лицо смеялось, песня плакала,

Народ руками разводил.

И. Лиснянская «Судьба пытала, брила наголо».

В структуре этого МСП первая часть оформлена как простое предложение с однородными сказуемыми, а вторая часть представляет собой

сложное бессоюзное предложение (далее – СБП). Обе части МСП соединены сочинительным союзом **и** с семантикой *несоответствия*.

Предложения подобного типа встречаются крайне редко в исследуемом материале. Наиболее часто употребляются МСП, в составе которых сочинительная семантика объединяет СБП и простое предложение.

*Темнело в поле и в садах,
Муллы сзывали на молитву,
И турки, говоря про битву,
Табак курили на валах...*

Ф. Глинка «Смерть Фигнера».

В данной конструкции сочинительная семантика формирует *семантику одновременного протекания ситуаций*. На основе семантики одновременности протекания ситуаций создаются другие отношения в МСП:

*Теперь и солнце изменило,
Всё небо обложила тьма,
И ворвалась наглой силой
К нему суровая зима.*

П. Вяземский «Федору Ивановичу Тютчеву».

Здесь отношения временного следования ситуаций опираются на морфолого-лексическое наполнение предикативных частей.

Отношения одновременности являются основой для создания результативно-следственной обусловленности:

*Древадохнули, запели пернатые,
Источник стихнул, и всё обновилось.*

А. Дельвиг «Видение».

Семантика союза **и** и соотношение форм предикативных форм выражают отношения результативной зависимости, т.е. единичной. В отличие от результативной семантики, *следственные отношения* выражают повтор действия в МСП с сочинением и бессоюзием:

Листья кружатся, шуршат,

*Ветер с шумом налетает –
И гудит, волнуясь, сад,
И угрюмо замирает.*

И. Бунин «Листья падают в саду...».

В языке лирики на трех временных срезах широкое распространение получили МСП с ведущей сочинительной связью, оформленной союзом **а**:

*Идет домой неверная жена,
Её лицо задумчиво и строго,
А верную в тугих объятьях сна
Сжигает негасимая тревога.*

А. Ахматова «Ночью».

В данных примерах мы можем отметить *отношения сопоставления различного*, которые выделяются на основе семантики одновременности протекания ситуаций. Для таких предложений характерен параллелизм смысловых частей, соответствие форм предикатов.

В исследуемом материале нами отмечены МСП с семантикой несоответствия с союзом **а**:

*Давно румяный Феб прогнал ночную тень,
Давно проснулись заботы,
А баловня забав еще покоит лень
На ложе неги и дремоты.*

Е. Баратынский «Послание к Б<арону> Дельвигу».

Первая смысловая часть представляет собой СБП, вторая – простое предложение. Здесь союз **а** можно заменить союзом **но**.

Предложения, предикативные части которых соединены союзом **но**, также отмечены нами в исследуемом материале.

*Вкруг липы древние теснились, в глубине
Иные статуи из-за деревьев мелькали;
Но мне была видна, обнятая кустом,
Одна лишь голова с смеющимся лицом.*

А. Майков «Мраморный фавн».

Союз **но** в приведенном примере объединяет две части: СБП и простое предложение. Противительная семантика с союзом **но**, являясь доминирующей, оформляет *противительно-ограничительное значение*, на фоне которого создается добавочное значение – *противительно-уступительное*:

Сестра рыдала, – покрывалом

Печальный взор полузакрит;

Но, *слыша тихое моление,*

Я припевал ей в утешенье.

Д. Веневитинов «Песнь грека».

Союз **но** объединяет в МСП СБП и простое осложненное предложение.

Итак, в лирическом тексте XIX-XX веков встречаются МСП с сочинительной и бессоюзной связью. Сочинительная связь, являясь наиболее абстрактной, преобладает над бессоюзной связью. Доминирующие сочинительные отношения оформлены различными союзами, но чаще это союзы-инварианты **и**, **а**, **но**.

Несмотря на то, что поэтический текст стремится к строгой стихотворной форме, МСП в исследуемом материале встречаются достаточно часто. Поэтическая строка создает некоторые особенности употребления МСП, в результате чего информативность и эмоциональность лирического текста значительно возрастает.

Список литературы:

1. Бабайцева В.В. Русский язык: Синтаксис и пунктуация. М.: Просвещение, 1979. 269 с.
2. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высш. школа, 1977. 248 с.

3. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. Избранные труды. М.: Наука, 1976. 512 с.
4. Дружинина С.И. Сложноподчиненные предложения с синкретичным значением следствия и атрибутивности // Слово. Предложение. Текст: Коллективная монография. – Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», 2009. – С. 166-171.
5. Жукова А.Н. Изменения в семантике и структуре сложноподчиненных нерасчлененных предложений в языке русской поэзии XIX – XX веков // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.Н. Жукова. – Орел, 2003. – 26 с.
6. Кодухов В.И. Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1987. 286 с.
7. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. С.-Петербург: Искусство – СПб, 1996. 848 с.
8. Потебня А.А. Теоретическая поэтик. М.: Высш. шк., 1990. 344 с.
9. Русская грамматика. Синтаксис. М.: Наука, 1980. – Т. 2. – 710 с.
10. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 2002. 334 с.

Сведения об авторах

Логачева Анна Александровна; кандидат филологических наук, доцент; Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; logacheva-anna1980@mail.ru; 8-920-286-20-71.

Ермакова Нелли Леонидовна; кандидат филологических наук, доцент; Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; nelli.ermakova.1984@mail.ru; 8-953-816-24-51.

ТЕМА СОЛДАТСКОГО МУЖЕСТВА В ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ
К. СИМОНОВА

Мартынова Е.М.

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации

г. Орел, Россия

Аннотация: Статья посвящена исследованию сущности феномена «мужество» и его языковой репрезентации в военной поэзии К. М. Симонова.

Ключевые слова: мужество, героизм, концепт, поведенческая категория, моральный императив.

Abstract: *The article presents the results of studying the meaning of "courage" and its linguistic representation in K. Simonov's lyrics of wartime.*

Key words: *courage, heroism, concept, behavioral category, moral imperative.*

Истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны как ее составной части посвящена большая литература: энциклопедии, научные труды военных и гражданских историков, мемуары, публицистика, художественные произведения. Значительный вклад в создание истории Великой Отечественной войны внесли советские писатели и поэты. Стихотворения К. Симонова военной поры, как и тревожные сводки Совинформбюро, особый голос Юрия Левитана, мобилизующая песня А. В. Александрова и В. И. Лебедева-Кумача «Священная война», названия сражений и имена выдающихся военачальников встали в ряд самых выразительных примет тяжелого времени. Стихи К. Симонова военных лет были не просто хроникой событий. Они писались поэтом-фронтовиком в окопах, в землянках, на передовой многих фронтов, сражались и били врага, они были правдой военной жизни.

К. М. Симонов знал войну вширь и вглубь. Война была главным содержанием жизни героев его поэзии. Общность испытания, бед, надежд –

этот поэтический мотив звучит в поэмах «С тобой и без тебя», «Война», во многих других стихотворениях, в которых отражен народный характер войны.

Писатель работал в разных жанрах: песня, баллада, послание. Из-под его пера выходили стихотворения-лозунги, отповеди врагу, воззвания к народу, клятвы и т.д. [3, с. 12]. Цель поэзии К. Симонова – воспитание массового героизма как солдат, так и людей, ковавших победу в тылу [3, с. 12-13]. Стихотворения К. Симонова военной поры называют «лирикой морального императива» [3, с. 8]. Это отражается в его стихах-призывах и воззваниях: *И с убитого каска: бери! И его же винтовка: бери!; Взвали тот груз себе на плечи, (...) Неси его, неси его!; Так убей фашиста, чтоб он, А не ты на земле лежал, (...) Сколько раз увидишь его, Столько раз его и убей!; Жди меня, и я вернусь* и т. д. Применение автором стилистических приемов лексического повтора и синтаксического параллелизма усиливает эффект императива.

Война – неизбежное горе вдов и сирот, костыли инвалидов, скудный быт. Мужество необходимо для того, чтобы, невзирая на страх и смертельную опасность, выполнить свой долг, выдержать многокилометровый марш по пустыне в нестерпимую жару, вытерпеть жажду, ледяные дожди, грязь.

Мужество относится к сфере этики. Философы полагают, что в постиндустриальном обществе происходит усиление тревоги перед угрозой небытия, а «тревога небытия» провоцирует интерес к теме мужества [8, с. 3-4]. Исследователи трактуют мужество как концепт [5, 7, 10], как понятие [12], как поведенческую категорию [11], как нравственное качество личности [4, 8].

Проанализировав словарные дефиниции, С. А. Ковалевская выделила в качестве ядра концепта «мужество» словосочетание «спокойная храбрость», а периферийные компоненты разделила на две группы: лексемы «доблесть», «отвага», «бесстрашие», «смелость», «энергичность» – физические проявления мужества, а «стойкость», «достоинство», «присутствие духа в бою» – нравственные категории [7, с. 132-133]. С исторической точки зрения концепт «мужество» объединяет «индивидуальное поведение, общественную мораль и задачи национальной мобилизации» [10, с. 515].

Мужество рассматривается в качестве составляющей таких концептов, как «страх» [11], «героизм» [4], «подвиг» [5]. Так, опираясь на труды Аристотеля, который указывал, что трусливое и храброе поведение являются производными от чувства страха, О. И. Опарина утверждает, что поведенческая категория «мужество» является составляющей концептуального поля, образованного концептом «страх» [11, с. 64].

Героизм, по мнению исследователей, представляет собой выдающийся поступок, для совершения которого необходим целый ряд качеств, в том числе и мужество, смысл которого заключается в преодолении страха перед опасностью [11, с. 57; 4, с. 8; 8, с. 7]. В русской лингвокультуре героический подвиг непосредственно связан с жертвенностью [5].

Дефиниционный анализ привел нас к выводу о том, что мужество родственно такому свойству личности, как терпение. Согласно Т. Ф. Ефремовой, «терпеть – стойко переносить физические или моральные страдания, лишения» [6]. Этому значению свойственны семы «крепиться», «мужаться», «мириться с наличием чего-либо», «страдать» [1, с. 11].

Некоторые исследователи отмечают расплывчатость представлений о мужестве [8, 10]. Это наблюдение подтверждается проведенными ими интервью. Ф. В. Николаи и А. А. Мордвинов выявили, что большая часть опрошенных ветеранов боевых действий в Афганистане и на Северном Кавказе, т. е. людей, непосредственно проявляющих мужество в бою, затрудняются в его определении, не могут отделить мужество от героизма, называют мужество фантазией и глупостью, считают, что при продуманной стратегии и организации деятельности солдатам нет необходимости проявлять мужество и героизм [10, с. 517-519]. Сходство значений лексемы «мужество» и лексем «смелость», «стойкость», «храбрость», «героизм», «самоотверженность» также осложняет установление четких рамок феномена мужества.

«Солдатское мужество», помимо названных выше концептов, дополнительно связано с концептами «долг», «патриотизм» и «смерть».

Выделяют разные виды долга: гражданский, воинский, служебный, супружеский, христианский, исторический, сыновний/дочерний и т. д. Установлены предметно-понятийные корреляции между долгом и ответственностью, обязанностью, совестью, справедливостью, честью, верностью, присягой, подвигом, доблестью, храбростью и пр. [2, с. 27-28]. В контексте солдатского мужества следует говорить о долге воинском, а также сыновнем/дочернем долге перед родителями и Родиной.

Воспитание патриотизма в СССР осуществлялось посредством создания «образа героя» и «образа врага». Герои подразделялись на героев труда и военных героев (легендарных летчиков, полярников, пограничников, танкистов), которыми призывали гордиться. Враги делились на внутренних и внешних. Их следовало ненавидеть и уничтожать. Массовая культура также была направлена на формирование у населения «неоспоримой веры в лучшую жизнь и в величие Родины» [13, с. 15]. Результатом крупномасштабной политико-идеологической работы среди советских граждан стало появление «советского патриотизма», объединявшего в себе такие понятия, как патриотизм, интернационализм, советская/социалистическая Родина [13].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны от поведенческой категории «мужество» были неотделимы понятия и добродетели: долг, стойкость, сила духа, вера в коммунистические идеалы, любовь к своей стране (патриотизм), и, как следствие, готовность к самопожертвованию.

Концепт «смерть» представляет особую важность в русской языковой картине мира. В русских поговорках он нередко реализуется в оппозиции смерть – позор (бесчестие), происходит отождествление смерти и славы (ср. *Умирать, так со славой*).

Анализ фрагментов художественных текстов, размещенных в Национальном корпусе русского языка [9] (444 документа), показывает, что авторы совмещают лексемы мужество и героизм (наиболее частотно), мужество и отвага, мужество и упорство, самообладание, самоотречение, самопожертвование, самоотверженность, терпение, храбрость, решительность,

стойкость, выносливость, достоинство, смирение, честное служение долгу и многие другие добродетели. Обращает на себя внимание факт абсолютизации перечисленных качеств за счет использования авторами прилагательных: если патриотизм, то пламенный, твердость – непреклонная, вера – неистребимая, преданность – беззаветная, честность – безусловная и пр. Лексема «мужество» обнаруживает следующие характеристики: *высокое, спокойное, примерное, отличное, железное, непоколебимое, гордое, кипящее, неустрашимое, редкое.*

В результате изучения паремического фонда (45 пословиц) (URL: <https://detttext.com/poslovicy-i-pogovorki/o-muzhestve>) выявлено, что мужество – это необходимое качество для победы, защиты Родины, преодоления страха смерти и тяжелой утраты; условием для его воспитания является борьба; связанные с мужеством качества – скромность, сила духа, презрение к опасности, самокритичность, готовность к самопожертвованию; для обладания мужеством не требуется наличие высокого роста, оружия.

На наш взгляд, мужество – это воспитываемое качество, проявляющееся в преодолении страха (в том числе страха смерти), трудностей, тягот и других неблагоприятных условий существования. Мужество не пассивно, оно предполагает совершение действий, направленных на отстаивание того, во что индивид верит.

В идиолекте К. М. Симонова [14] выделяются следующие связанные с феноменом мужества концепты и описывающие его языковые единицы.

Война. Поэт называет войну *горькой штукой, преисподней, большой бедой.* На войне солдат преодолевает такие испытания, как *ледяной холод, огонь и стужу, кровь и страдания, разлуку, смерть, скрип костылей,* необходимость сжечь собственный дом и нести в последний путь друзей. Мужество солдата проявляется в готовности идти *не прячась непогод, не ждя, чтоб даль светала, идти навстречу беженцам.*

Бой. В поэзии К. Симонова неоднократно повторяется мысль о том, что самое сложное – это подняться в атаку, когда *такой уютной показалась тебе холодная земля.* В его стихах солдат, *оторвавшись от земли, бежит по целине*

тяжелой походкой, грузным шагом, не прячась, в рост. Маркеры тридцать метров, полверсты определяют пространство, на котором жизнь со смертью наравне, и задача солдата – *подороже продать* свою жизнь.

Смерть. Связь мужества и концепта «смерть» особенно широко представлена в идиостиле К. Симонова. Подготовка к смерти, по К. Симонову, предполагает забыть, как *лгать, изменять, быть скупым, дрожать над своим добром, все делить пополам: и хлеб, и кров.* Он называет поколение, к которому принадлежит, *повидавшим смерть.* Смерть репрезентируется языковыми единицами *упал и замер на снегу, умер на бегу, мертв, подставил грудь под злой свинец, голову сложил.* Русские солдаты/моряки *умирают молча, по-русски рубаху рванув на груди, разодрав кровавые тельняшки.* Мужество в представлении К. Симонова – это умереть *грудью вперед, лицом на Запад.* Солдат должна *окрылять слава мертвых.*

Срам/позор. К. Симонов видит срам и позор в отступлении, в проигранном бою, в том, что оставили своих мертвых в пыли, не похоронили. Поэт вспоминает *солдат далеких походов, Полтавский бой и взятие Измаила, Бородино и Перемышль* и на примере истории великой державы призывает не срамиться перед павшими в далеком прошлом. Чтобы не заслужить проклятие предков, чтобы *безмолвные тени солдат не шли вслед,* надо мужественно сражаться за свое Отечество. Того, кто бежал в бою, поэт называет не трусом, а убийцей, из-за которого погибает другой солдат.

Долг. В стихах К. Симонова воинский закон призывает солдата идти в бой *за все, чем мы с тобою дорожили.* Поэт называет освобождение родных городов от оккупации *страшным долгом,* а не причиной для гордости и ожидания благодарности. Долг солдата – пройти свой *крестный путь, как только раны чуть затянет, не ища покоя и не отдыхая напрасно.*

Вера. К. Симонов вдыхает в солдата веру не только в победу и возвращение домой, но он обращается к людям, которые остались дома, и считает их долгом быть *одержимыми яростной верой* в то, что солдат вернется. Это обязательное условие его возвращения.

В поэтическом дискурсе К. М. Симонова мужество сопряжено с такими качествами личности, как упрямство (*Генерал упрям, он до Мадрида Все равно когда-нибудь дойдет.*), терпение (*Упрямство, гнев его, терпенье – Ты все себе в наследство взял*), честность (*Того, кем путь наш честно прожит, Согнуть труднее, чем сломать.*). Дополнительные силы и мужество на войне придают гнев и ненависть к врагам, желание отомстить (*За мертвых мстя и ненавдя, Его к победе донесет.*).

Стихи К. Симонова сыграли большую роль в поддержке боевого духа солдат Великой Отечественной войны. Они и сегодня сохраняют свою притягательную силу, призывают к тому, чтобы новые поколения, вспоминая прадедов, дедов, мужественно отстаивавших от вражеского нашествия свою Родину в 1941-1945 гг., всеми силами удерживали, сохраняли все лучшее, что обнаруживалось в советском человеке военной поры.

Список литературы:

1. Барилловская А. А. Лексическое выражение концепта «терпение» в истории и современном состоянии русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 25 с.

2. Бочкарев А. Е. О чувстве долга как лингвоспецифичном концепте русского языка (в фокусе Национального корпуса русского языка) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2019. – Т. 16. – Вып. 1. – С. 20–32.

3. Герасимова И. Ф. Человек и время: поэзия К.М. Симонова периода Великой Отечественной войны в контексте литературной эпохи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 25 с.

4. Голубев Д. А. Лингвокультурный концепт «героизм» в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2008. 22 с.

5. Дорджиева Д. В. Лингвокультурный концепт «подвиг» в русском, калмыцком и английском героических эпосах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 23 с.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. В 2 т. 1209 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL: <https://gufo.me/dict/efremova>]
7. Ковалевская С. А. Концепт «мужество» в произведениях Д. Лондона // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 131-135.
8. Мазаев С. А. Тема мужества в философии: онтологический аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. 23 с.
9. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL: www.ruscorpora.ru]
10. Николай Ф. В., Мордвинов А. А. Концепт «мужество» в воспоминаниях ветеранов локальных войн: на стыке устной истории и феноменологии фронтового опыта // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 515-525.
11. Опарина О. И. «Мужество» как поведенческая категория и ее выражение в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 276 с.
12. Осипов Р. С. Лексико-семантическая репрезентация понятия «мужество» в немецком и английском языках (диахронический аспект): дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 144 с.
13. Панков Н. П. Военно-патриотическое воспитание советской молодежи в 1929 – июнь 1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 21 с.
14. Симонов К. М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 1. Стихотворения и поэмы. [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/simonov-ss10-01/simonov-ss10-01.html>].

Сведения об авторе

Мартынова Елена Михайловна, доктор филологических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, 302015, Российская Федерация, Орел, ул. Приборостроительная, 35; lm1973@mail.ru.

Martynova Elena Mikhailovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Federal Guard Service Academy of the Russian Federation; Priborostroitel'naya st., 35, Oryol, 302015, Russian Federation; lm1973@mail.ru.

УДК 811

ПРАВОВОЙ ТЕКСТ КАК ОБРАЗЕЦ РЕЧЕВОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО АКТА

Мартынова Н.А.

*Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова
г. Орел, Россия*

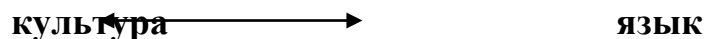
Изучение языка невозможно без комплексного изучения той культуры и общественной формации, в рамках которой и под влиянием которой он формируется. Как и невозможно изучение культуры и уровня развития общественной формации без тщательного изучения языка, как инструмента фиксации достижений данной культуры.

Культура понимается как сложное и многообразное явление многокомпонентное явление, связанное со всеми сферами жизни деятельности человека.

Материальная культура отражает условия жизни людей, производство материальных ценностей, в отличие от нее, духовная культура выступает в качестве инструмента «внешнего выражения коллективной памяти народа, и

как способ человеческого бытия в мире, и как мир, сотворенный человеком» [2, 3-4], и она, соответственно, находит свое отражение в языке.

Взаимоотношения языка и культуры можно описать как взаимодействие, основанное на взаимовлиянии и взаимопроникновении:

Сложность и многогранность понятия “национальная культура” в значительной мере объясняется различиями в подходах к сущности явления. Под национальной культурой некоторые авторы понимают “всю совокупность созданных и освоенных данными народами материальных и духовных отношений” [3,70]. Другие считают, что в наиболее общем виде она есть ограничение общечеловеческой культуры рамками конкретного народа [1, 33]. Некоторые отмечают, что “национальная культура есть итог творческой деятельности народных масс – носителей этой культуры, осваивавших в процессе создания своей собственной культуры достижения других народов” [4, 40]. В. Яршанов полагает, что “национальная культура – это триединая система, в которой органически связаны интернациональные (общие) духовные ценности, этническое ядро культуры и национально-смешанный фонд” [6, 94].

Несомненно то, что культура, не связанная с другими сообществами, не существует. Развитие культуры неизбежно происходит во взаимодействии с другими культурами. И здесь срабатывают центростремительные и центробежные силы. Центробежные силы определяют уникальность в развитии культуры, а центростремительный процесс в данном случае гарантирует взаимодействие и культурные контакты, и язык в данном случае служит каналом для передачи информации. Культурные контакты определяются как общими чертами, так и специфическими особенностями.

Наиболее часто исследуемым местом активных культурных контактов являются тексты. Они представляют собой языковое отражение такого рода

контактов. И принимая тот факт, что язык не только является отражением общих понятий культуры, но и определяет образ мышления человека и его познавательную деятельность, мы должны отметить его влияние на ход развития общественной формации, то очевидно, что «язык и культура развивались вместе, постоянно влияя друг на друга» [5,164].

Невозможно разделить функционирование культуры и языка в их развитии.

Развитие общества обогащает культуру разными гранями, что готовит основу для плодотворного взаимодействия как разных сфер внутри культуры, так и для контактов с внешними культурами. Развитие различных сфер общества способствует развитию уровня культуры, что приводит к увеличению культурных контактов и усилению межкультурных связей, и следовательно, связи между культурами и языками, и как закономерность развития и того, и другого.

Язык права представляет собой особый стиль языка, имеющий свои правила функционирования и свое собственное наполнение.

Правовой язык – это особый стиль, основная черта которого кодифицированность, что помогает нормативно регулировать общественные отношения и выражать устойчивые стереотипы поведения в правосознании и лингвокультуре. При анализе категорий правовому языку мы понимаем, что ему присуща высокая степень абстрактности. Но ему присуща и конкретность, что говорит о том, что всегда есть конкретные составляющие (действия и обстоятельства).

Системность – еще одна черта правового языка, и это позволяет описать определенную область социальной общественной структуры, при помощи устоявшихся правовых понятий.

Когда мы говорим о юридических текстах, как примерах культурных контактов, то мы, в первую очередь, говорим о заимствованиях, как одном их видов отражения культурных контактов в языке.

Язык юриспруденции представляет сложность в том плане, что он сложен для понимания, как для слушающих, так и для читающих. Язык права богат сложными конструкциями, что еще больше усложняет понимание. Эту ситуацию может решить заимствование терминов, что может помочь облегчить понимание терминов, и помочь изложить юридический текст. Поэтому заимствования в юридических текстах весьма частое явление, заимствования происходят из латинского, греческого, английского, французского и т.д.

Таблица 1.

Язык, из которого произошли заимствования	Заимствованное слово в родном языке	Заимствованное слово в русском языке
латынь	<i>jurisprudentia</i>	юриспруденция
латынь	<i>justitia</i>	юстиция
английский	<i>hacker</i>	лицо, совершающее различного рода незаконные действия в сфере информатики
испанский	<i>embargo</i>	Наложение ареста
французский	<i>avance</i>	аванс

Мы не можем отрицать важность и необходимость процесса заимствования. Этот процесс, являясь одной из форм культурных контактов обогащает язык права и способствует его эволюции. Некоторые термины уже входят в состав языка не только в русском языке, здесь мы имеем дела с явлениями присущими многим правовым системам, но есть большое количество заимствований, которые все еще осваиваются языком, и называют явления специфичные лишь для некоторых правовых систем.

Список литературы:

1. Агаев А. Социалистическая национальная культура. – М., 1974, - С.62.
2. Балакина Т. И. История культуры отечества. (ч.1). –М., 1999. – С. 3 – 4.
3. Головнев А. Сближение национальных культур в процессе коммунистического строительства. - Минск, 1979, - С.70.
4. Гончаренко Н. Взаимообогащение культур как источник духовного прогресса. // Современное славяниение культуры. – Киев, 1982, - С. 40.
5. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. // Новое в лингвистике. – 1972., вып. 1. – С. 164.
6. Яршанов В. К вопросу о содержании и форме национальных социалистических культур. // Культура в общественной системе социализма. М., 1984. – С.94.

Сведения об авторе

Мартынова Наталия Анатольевна, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова, кандидат филологических наук, доцент, (г.Орел), тел. +79103023877, e-mail: natmart79@yandex.ru,

Martynova Nataliya Anatolyevna, Head of the chair of Foreign and Russian languages of Federal State Public Educational Establishment of Higher Training «Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov», Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, , tel.+79103023877, e-mail: natmart79@yandex.ru.

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ АФОРИСТИКИ

Королькова А.В.

Смоленский государственный университет

г. Смоленск, Россия

Аннотация: В статье рассматривается система ключевых слов афоризмов, вербализующих основные концепты русской культуры и отражающих национальную картину мира, а также языковую картину мира отдельных носителей языка, известных писателей, поэтов, ученых. Цель – выявить когнитивный потенциал русской афористики, заключенный в концептах, вербализованных и реализованных в корпусе русских афоризмов. В качестве основного метода исследования используется концептуальный анализ ключевых слов афоризмов. Основой анализа стал корпус афоризмов, зафиксированный в «Словаре афоризмов русских писателей».

Ключевые слова: афористика, ключевые слова, концептосфера русской афористики

Abstract: The article considers the system of key words of aphorisms that verbalize the main concepts of Russian culture and reflect the national picture of the world, as well as the linguistic picture of the world of individual native speakers, famous writers, poets, and scientists. The purpose of the article is to reveal the cognitive potential of Russian aphorism contained in the concepts that are the semantic center of aphorisms. The main research method is a conceptual analysis of the key words of aphorisms. The analysis was based on the corpus of aphorisms recorded in the Dictionary of aphorisms of Russian writers.

Key words: the aphorism, key words, conceptosphere of Russian aphoristic

На основании проведенного анализа фразеосемантических полей русской афористики, зафиксированной в «Словаре афоризмов русских писателей» [3], проанализировав состав ключевых слов изречений, можно утверждать, что ключевые слова русской афористики совпадают с вербализованными основными концептами русской культуры. В свою очередь концептосфера русской культуры практически совпадает с фразеосемантическими полями русской афористики. Поясним и обоснуем данное положение.

В настоящее время не оспаривается тот факт, что необходимо отличать семантический уровень языка и концептуальный, «поскольку общечеловеческие (если и не универсальные) концепты по-разному группируются и по-разному вербализуются в разных языках в тесной зависимости от собственно лингвистических, прагматических и лингвокультурологических факторов, а, следовательно, фиксируются в разных значениях» [8, с. 183].

Однако налицо и тот факт, что слово и «культурный концепт» могут вербализоваться в одной лексической единице. Но даже в данном случае не наблюдается противоречий, так как «концепторный анализ, обнаруживая точки соприкосновения с семантическим, отличен от него прежде всего по конечным целям и анализируемому материалу» [8, с.183]. «Семантический анализ связан с разъяснением слова, концептуальный анализ движется знаниями о мире. Материалом для семантического анализа служат реализующие слово речевые контексты. Источниками сведений для постижения концептов являются «тексты культуры», в частности прецедентные тексты, художественные дефиниции, концепции, выработанные в том или ином произведении духовной культуры...» [8, с. 182].

Именно такими речевыми контекстами, вербализующими концепты, являются афоризмы.

В свое время Д.С. Лихачев в работе «Концептосфера русского языка» отмечал, что концепт не равен слову, он не возникает «непосредственно из

значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [4, с. 28].

Воплощением концептов в афористике являются ключевые слова, которые являются тематическим стержнем изречения. Ключевое слово афоризма, как и любой концепт «обеспечивает осмысление действительности» [7, с. 65].

Ю.С. Степанов в словаре «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования» указывает, что концепт – «сгусток культуры в сознании человека» [6, с. 43]. В нашем словаре зафиксированы концепты, которые в качестве ключевых слов являются основой афоризмов. Так, например, там зафиксированы концепты *любовь, друг, Родина, время, язык* и пр. В русской афористике большое количество единиц, реализующих данные концепты. Однако следует отметить, что взаимодействие концептов русской культуры и концептов, актуализирующихся в русской афористике, сложный процесс.

В работе В.А. Масловой «Концептосфера русской культуры» приводятся основные универсальные и национальные концепты, присущие русской культуре. Все концепты В.А. Маслова предлагает разделить на несколько групп: 1) мир – пространство, время, число, родина и пр.; 2) стихии и природа – вода, огонь, дерево, цветы и пр.; 3) представления о человеке – гений, дурак, юродивый, странник и пр.; 4) нравственные концепты – совесть, стыд, грех, правда, истина, искренность и пр.; 5) социальные понятия и отношения – свобода, воля, дружба, война и пр.; 6) эмоциональные концепты – счастье, радость и пр.; 7) мир артефактов – храм, дом, геральдика, сакральные предметы (колокол, свеча) и пр.; 8) концептосфера научного знания; 8) концептосфера искусства и пр. [5, с. 75].

В русской афористике можно обнаружить все группы концептов по классификации В.А. Масловой.

Подтверждением тому, что ключевые слова русской афористики соотносятся с концептами русской культуры, является реализация с помощью одной и той же лексической единицы всей совокупности представлений о

каком-либо аспекте действительности. Так, например, русскому человеку не свойственен космополитизм, а все, что связано с понятием Родины, России является почти что священным. Немало афоризмов посвящено любви к родине, призывам воспитать настоящего гражданина, патриота, не мыслящего своей жизни без служения Отчизне.

Например, образ Родины, России у А.А. Блока:

***Родина** – это огромное, родное, дышащее существо, подобное человеку, но бесконечно более уютное, ласковое, беспомощное, чем отдельный человек.*

* * *

***Россия-мать**, как птица, тужит*

О детях; но – ее судьба,

Чтоб их терзали ястреба.

Однако встречаются и афоризмы иного плана, осуждающие «квасной патриотизм», при котором закрываются глаза на все недостатки и пороки российского общества. Таковы афоризмы, П.Я. Чаадаева, М.А. Волошина, Д.В. Веневитинова.

*Говоря о **России**, постоянно воображают, будто говорят о таком же государстве, как и другие; на самом деле это совсем не так. Россия – целый особый мир, покорный воле, произволению, фантазии одного человека, – именуется ли он Петром или Иваном, не в том дело: во всех случаях одинаково это – олицетворение произвола. (П.Я. Чаадаев)*

В данных противоречащих друг другу изречениях присутствует амбивалентное отношение к Родине, Отчизне. Было бы неправильно утверждать, что эти, диалектически противоречивые, философски истолкованные проблемы, просто актуализируют различные значения лексемы Родина, Россия. Можно утверждать, что в афоризмах, посвященных Родине, реализуется концепт *Родина (Россия, Отчизна)*.

В концептосфере русской афористики можно выделить и описать несколько десятков концептов, которые реализуются и на уровне культуры. Среди них так называемые нравственные концепты: *правда, истина,*

искренность, стыд, совесть и пр. Это и концепты, связанные с социальными характеристиками человека и общества (они особенно активно развиваются в настоящее время): *война, свобода, рабство, воля* и пр. Это и эмоциональные концепты: *радость, счастье, удовлетворение, ненависть, грусть, тоска* и пр.

Приведем ряд примеров изречений, реализующих эмоциональные концепты:

Надо с грустью признать, что человечество, как и прежде, упорно не желает извлекать уроков из чужого опыта. (А.А. Галич)

* * *

*Вековая, степная,
Высокая грусть!
Ничего не забыла
Великая Русь.* (Ю.В. Друнина)

* * *

*У всех такой бывает час:
Тоска липучая пристанет,
И, догола, разоблачась,
Вся жизнь бессмысленной предстанет.* (Е.А. Евтушенко)

В концептосфере наблюдаются сложные изменения и «содержание базовых концептов размывается вследствие их дисктинции, они становятся такими «простыми» семантическими единицами, которым нельзя дать однозначного универсального определения, четко и ясно очертить их содержательный объем» [1, с. 416].

К эмоциональным концептам примыкают концепты *любовь* и *дружба*. Концепты *любовь* и *дружба* очень активно реализуются и в афористике, Любовь ощущается как счастье, блаженство, естественное состояние человеческой души, любовь поэтична и возвышенна. В афористике говорится о любви мужчины и женщины, о родительской любви, о любви к Родине, о любви к родному краю, о любви к природе. Однако любовь может приносить острые страдания, она может быть страшным собственническим чувством.

Дружба также осмысляется в русской афористике и русской фразеологии диалектично. Вспомнить, хотя бы известные изречения А.С. Пушкина:

Врагов имеет в мире всяк,
Но от *друзей* спаси нас, Боже!
Уж эти мне друзья, друзья!

И его же признание:

Люблю я дружеские враки
И дружеский бокал вина...

Мы склонны согласиться с мнением Е.Г. Коваленко, высказанном в статье «Фразеологизм как средство презентации символика «языка» культуры»: «Описание русской ментальности и вытекающих отсюда национальных стереотипов поведения затруднительно на типологически гомогенном языковом материале. Продуктивным в этой связи становится привлечение к лингвокультурологическому анализу не только идиом, но и паремий, отражающих народную мудрость, ценностную картину мира русских и в афористической форме содержащих культурную информацию о внутреннем мире человека, его действиях и поступках» [2, с. 27]. Необходимо добавить в ряд привлекаемых для полного концептуального анализа единиц – афоризмы.

Практически всю концептосферу русского национального мира выражает русская афористика, (что, впрочем, справедливо для афористики национальных картин мира любого народа). Система концептов русской афористики является своеобразным отражением констант русской культуры, репрезентируя одновременно и языковую, и концептуальную картину мира.

Список литературы:

1. Алексеенко М. Концепт «мать» в синхронной динамике. // Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М.: Элпис, 2005. – С. 415 – 422.

2. Коваленко Е.Г. Фразеологизм как средство презентации символика «языка» культуры // Фразеологическая картина мира. Ч. 1. – Тула, 2002. – С.23 – 28.
3. Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н. Словарь афоризмов русских писателей. – М.: Русский язык Медиа, 2004. – 636 С.
4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М.: Academia, 1997
5. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М: Флинта. Наука, 2004. – 296 С.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Академический проект, 2001. – 992 С.
7. Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – 65 – 69 С.
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка // под редакцией М.Н. Кожинной. – М.: Флинта, 2003. – 696 С.

Сведения об авторе

Королькова Анжелика Викторовна; доктор филологических наук, профессор, Смоленский государственный университет, 214000, Российская Федерация, Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4; lika.korolkova@bk.ru; +89206651162.

Korolkova Anzhelika Victorovna; Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature and Journalistic of Smolensk State University, 4 Przhevalsky street, Smolensk, 214004, Russian Federation; e-mail: lika.korolkova@bk.ru +89206651162.

**СИТУАЦИОННАЯ СИНОНИМИЯ И МЕРОНИМИЯ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ
СУБЪЕКТОВ ДЕЙСТВИЯ ПРОЗЫ**

Юдкин – Рипун И.Н.

Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии НАН Украины

г. Киев, Украина

Аннотация: Риторическая фигура гендиадис (паросочетания слов, ситуационно выступающих в роли синонимов) пересекается с меронимией – обозначением явлений, осмысливаемых как части целого в конкретной ситуации. В интуиционистской логике меронимия определяется парцелляцией (способом расчленения) целого и становится основой эйдетического образа субъекта. Благодаря детализации повествования субъект соотносится с прототипами как носитель интенции.

Ключевые слова: герменевтика, гендиадис, парцелляция, эйдетика, циклизация текста, интенция, прототип

Summary: The rhetoric figure of hendiadys (the paired words' combinations acquiring the role of synonyms within the given situation) intersects with that of meronymy designating phenomena considered as parts of a whole within the concrete situation. Within the context of intuitionist logics meronymy is determined with the way of division of the whole (the so called parcellation) and becomes the sourced for the eidetic image of a subject. Due to the detailed narration the subject is related to its prototypes as the vehicle of intention.

Key words: hermeneutics, hendiadys, parcellation, eidetic imagery, cyclic structure of a text, intention, prototype

Исследования интуитивного мышления привели в XX в. к построению неклассических логических систем, где в основу положена предложенная Э. Гуссерлем еще в 1913 г идея замены свойств (атрибутов) субъекта (присущих также иным субъектам) его частями [10, с. 25-26], так что место традиционной

понятийной иерархии «род – вид» занимают отношения «целое – часть», зародившиеся в недрах герменевтики как науки об истолковании текста: сам принцип «герменевтического круга» – уточнения представлений о целом деталями и, наоборот, новое уточнение частных на основе этих измененных представлений – предполагает ведущую роль именно партитивных отношений. Между тем «*партитивность* как проявление корреляции “часть-целое” изначально изучалась в разделе грамматики» [4, с. 107] и лишь недавно стало предметом лексикологии, где для обозначения отношения «целое – части» были приняты термины «холонимы – меронимы» как альтернатива для обозначающих иерархию «род – вид» терминов «гипернимы – гипонимы». «Наименования частей тела человека служат ... каноническим примером» меронимии [5, с. 59].

Сразу необходимо оговорить два обстоятельства: во-первых, меронимия отличается от давно известной метонимии тем, что включает не только переносное значение, но и прямое и деривационные значения; а во-вторых, в пределе меронимы могут преобразовываться в эйдонимы – имена собственные. Наглядный пример такого переосмысления частей как индивидуальных мест демонстрируют топонимы географической карты, где «свойства объекта наследуются от множества» [6, с. 40]. Нечто подобное происходит на театральной сцене, где предметы как части обстановки обретают смысл индивидуальных субъектов: чеховский «многоуважаемый шкаф» обретает реальную жизнь в театральной игре. В топонимике выявляется принципиальное отличие меронимии и гипонимии. Например, отношение «горный массив – наивысшая вершина» даст пары «холоним – мероним»: Альпы – Монблан, Кавказ – Эльбрус, Карпаты – Говерла. Если же «наивысшая вершина» рассматривается как гиперним, то Монблан, Эльбрус, Говерла обособляются от упомянутых массивов и включаются в изолированный абстрактный класс.

Отмеченные конкурентные отношения меронимии и гипонимии влекут ряд существенных следствий. Прежде всего, уже отмечалась исключительная роль меронимии в поэтическом языке: например, в строке Игоря Северянина

«*Готовь, земля, цветами из рос напиток, / Дай сок стеблю*» образуется «ассоциативно-семантическая группа», описывающая целостный образ [8, с. 227]. В таких текстах меронимия уже обобщается как частности в описании образа, как его детализации. Разумеется, «нельзя признать власть и историю частью страны в том же смысле, как рука является частью человеческого тела» [7, с.273], однако, когда имеем дело с поэтическим языком, где смыслы сдвинуты и подчинены целостному тексту, возникают особые формы партитивных отношений. В частности, меронимия пересекается с явлением окказиональной синонимии, свойственной лишь данному тексту, типа фольклорных *двандва* (санскритский термин) – *совет да любовь, путь – дорога*, или риторической *гендиадис*. Если в прямом значении синонимический ряд может представляться как ряд гипонимов (например, обозначения цвета), то иначе обстоит дело с парными окказиональными синонимами, оказывающимися именно меронимами.

Неистощимый запас примеров дает фольклор (прелее всего паремиология) и православная патристика. *Двандва* «*хлеб – соль*» включает компоненты, которые как гипонимы относятся к разным семантическим полям (соль, в частности, является не только предметом питания, что от противного подтверждается поговоркой «*нуд соли съест*»), однако здесь они оказываются меронимами целого, обозначаемого холонимом «гостеприимство». Один из многочисленных примеров *гендиадиса* в «Лествице» (27.5) – «*Непоползновенный на многословие бывает неподвижим и на гнев*» [3, с. 425] – демонстрирует сближение обозначений из семантических полей речевой способности (говорливость) и страстей (гневливость), объединяемых как меронимы ущербности (с представленной точки зрения). В присловье «*Имей веру – пей мадеру*», которым завершается очерк «Об иностранном предиканте» (из «Заметок неизвестного») Н. Лескова, подразумевается не название вина, а приверженность традиции (в противовес распространявшейся тогда моде на херес), так что для меронимов *вера* и *мадера* холоним – свойство характера.

Для поэтической речи гендиадис оказывается довольно устойчивым источником штампов, о чем свидетельствует его пародирование в известных строках В. Маяковского («Птичка Божия», 1929) – «*Что луна, мол, над долиной, / Мчит ручей, мол, по ущелью*», где отмечена как раз фигура «луна – река», основанная на меронимии ночного пейзажа (того же типа, что и дальневосточные образы *цветы и птицы, горы и потоки*). В конце стиха, однако, поэт предлагает все же вновь-таки основанный на меронимии гендиадис – «*В наши дни писатель тот, / Кто напишет марш и лозунг*», где обозначения жанра (*марш*) и высказывания (*лозунг*) сближаются как меронимы относительно понятия *агитация*.

Между тем особого внимания заслуживает меронимия как основа синонимического сближения в прозе. Пример демонстрирует уже начало «Вора» (Пролог, заключительный абзац) Л. Леонова: *Холодом и мраком дохнуло Фирсову в лицо, и вслед за тем он испытал прекрасную и щемящую опустошенность* <...>. Гендиадис *холод – мрак* (кстати, перекликающийся с устойчивым немецким паросочетанием *Nacht und Nebel* «ночь и туман», обретшим спустя двадцать лет после написания этих строк зловещую окраску, поскольку так именовались карательные акции нацистов) представляет собой сопряжение меронимов, принадлежащих различным семантическим полям с различными гипернимами – тепловым и световым, и объединяемых субъектным отношением. Другой гендиадис (*щемящий – прекрасный*) также объединяет меронимы как компоненты особого переживания, отмеченного, в частности, известными строками из пушкинского «Пира во время чумы» (*Есть упоение в бою ...*).

В повествовательном тексте наиболее наглядно меронимия выступает в предикатной иерархии (обобщении таксиса). Методы «сведения текста к структуре разнопорядковых предикаций» [1, с. 88] предполагают выявление макропредиката, не упоминаемого, но предполагаемого связностью текста. Такой макропредикат является часто как раз холонимом. Например, в очерке К. Паустовского «Речной штурман» (1949) повествуется о событии – переноске

раненого: его *«несут на носилках двое матросов, За носилками идет девушка в тулупчике, в теплом платке, поправляет выбившиеся из-под платка русые мокрые волосы. Медленная молния загорается над рекой, и в ее свете лицо девушки кажется очень бледным и необыкновенно красивым.»*. Однако реальным макропредикатом оказывается не транспортировка: освещение молнией происходящего, впечатление наблюдателя, точка зрения образа автора, засвидетельствовавшего детали одежды и жесты – все это позволяет характеризовать предикаты не как гипонимы действий по переноске сами по себе, а как компонентов сцены из жизни, наполненной отношениями между всеми участниками события. Более того, в конце очерка вновь повторяется, что раненого *«выносят и осторожно несут по дощатой лестнице на крутой глинистый берег. Девушка идет позади, и теперь при сереньком свете утра видно, что она действительно необыкновенно красивая»*. Подчеркивается не сама транспортировка, а именно ее освещение (молнией и утренним солнцем), следовательно, смысл действий как выявления межличностных отношений. Заметим, что в театре действенный анализ драмы построен как раз на выяснении такой меронимии предикатов, глубинного смысла действий.

Последний пример свидетельствует, что для определения макропредиката необходимо принимать во внимание субъектную перспективу текста, представляющую «соотнесение субъекта сообщаемого факта (диктум) и субъекта факта сообщения (модус)» [2, с. 231], на основе которой сложилась концепция семантического субъекта, понимаемого как «“индивидуум”, <...> замещающий “позицию субъекта”, либо определенная “точка зрения”, либо как “среда субъекта”» [9, с. 99]. Расширение круга участников событий, превращение их в действующих лиц драмы засвидетельствовано такими примерами, как подразумеваемый субъект Ночь – в «Воспитаннице» А. Островского (что отмечено еще Аполлоном Григорьевым), город Москва – в «Докторе Живаго» Б. Пастернака (по признанию самого автора), Луна в «мастере и Маргарите» М.Булгакова. Метаморфоза предметов, становящихся участниками событий – это норма сказового повествования, например, в

творчества П. Бажова. Между тем наличие проблемы меронимии тут очевидно уже потому, что сам статус субъекта как участника целого событийного ряда предполагает отношения «целое – часть».

Примером введения подобного субъекта действия может быть описание осеннего пейзажа в Смоленске в рассказе «Ветер скорости» (1954) К.Паустовского: *«Среди земляных валов и старых ив тускло поблескивал большой пруд. С деревьев слетали сизые листья и ложились на воду. Она даже не вздрагивала от их прикосновенья»*. Меронимический ряд *ивы – пруд – листья – вода* из обозначений компонентов пейзажа представляет семантический субъект, характеризуемый атрибутами *тусклый блеск – листопад – прикосновение* (листьев к воде), присущими данному пейзажу, что создает образ осенней грусти. В подобных пейзажах, подобно географической карте, отдельные предметы обретают индивидуальность и имена собственные, топонимы, как описанное место у смоленского пруда.

О том, что субъект, характеризуемый подобными деталями, предстает как участник событий и партнер повествователя, может свидетельствовать пассаж из «Дороги на океан» Л. Леонова (глава «Братья Протоклитовы»): *«Зимняя шубка жены висела здесь. Меховой обшлаг коснулся его руки. Мех был беличий, вкрадчивый, мягкий. Нежное, тревожное тепло одело его пальцы. Он вернулся <...>»*. Предмет (одежда жены) вступает в диалог с персонажем, вызывает воспоминания, влияет на его действия рядом деталей. Существенно и то, что подобные меронимические ряды, образуют в структуре связного повествования обособленные циклы, создающие портретные характеристики семантических субъектов описываемых событий.

Такая характеристика субъектной перспективы текста через меронимию предстает как задача деления целого, парцелляции, выбора и вычленения характерных деталей, атрибутов семантического субъекта. Поэтому изучение тех критериев и целей, согласно которым парцелляция осуществляется, позволяет раскрыть писательскую точку зрения, способ видения предмета повествования. Такое исследование существенно и в практическом плане для

театральной практики инсценизации прозы, где выявление характерности лиц и обстоятельств имеет первостепенное значение.

Список литературы:

1. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структура социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М.: Наука, 1984. 228 С.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. (РАН. Институт русского языка). 528 С.
3. Иоанн Лествичник, преподоб. Лествица. М.: Лепта- Пресс, 2006. 800 С.
4. Колодько Д.А. Меронимия: к вопросу о терминологии // Науковий часопис Національного педагогічного університету. Сер. 9. Сучасні тенденції розвитку мов. 2015. В. 12. С. 104-109.
5. Кузьменко Н.В. О меронимических связях в лексической системе языка (на материале наименований частей тела современного английского языка) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 10. С.58 – 64
6. Лобанов А.А. Геознание как новая форма знания // Перспективы науки и образования. 2014. №5 (11). С. 37 – 44
7. Осокина С.А. Основания лингвистической теории тезауруса. Дисс. ... докт. филол. н. Барнаул: Алтайский гос. университет, 2015. 467 С.
8. Слива Т.В. Меронимы в составе ассоциативно-семантических групп // Науковий вісник Національного педагогічного університету. Сер. 9. Сучасні тенденції розвитку мов. 2014. В. 11. С. 223-227.
9. Червоний А.М. Структура и функциональная динамика категории «языковой субъект» (на материале французского языка). Дисс. ... докт. филол. наук. Таганрог: Таганрогский гос. пед. институт им. А.П. Чехова, 2014. 351 С.
10. Husserl, E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Allgemeine Einführung in die reine

Phänomenologie. // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung.
1913. 1-er Band. Teil 1. V, VII, 323 S.

Сведения об авторе

Юдкин – Рипун Игорь Николаевич, доктор искусствоведения, член-корреспондент Национальной Академии Художеств Украины, ведущий научный сотрудник, Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Ф. Рильского НАН Украины, 01001, г. Киев, ул. Грушевского, 4, Украина. dr.iyudkin@gmail.com

Yudkin – Ripun Igor Nikolayevich, doctor of arts in musicology, corresponding member of the National Academy of Arts of Ukraine, leading researcher, Institute for Art Studies, Folkloristics and Ethnology of the NAS of Ukraine, Hrushevski Street, 4, Kiev, 01001, Ukraine dr.iyudkin@gmail.com

УДК 81

СОКРЫТИЕ АГЕНСА КАК ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
РЕЧИ

Гордиевская М.Л.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

г. Москва, Россия

Аннотация: В статье рассмотрены русские фразы, демонстрирующие ненамеренное или намеренное сокрытие агенса как одну из новаций в синтаксисе. Анализируются причины неявного выражения агенса, делается предположение о тенденции к контекстуальности восприятия таких структур.

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, агенс, субъектно-объектная структура.

Abstract: The article considers Russian phrases that demonstrate unintentional or intentional concealment of the agent as one of the innovations in syntax. The reasons for the implicit expression of agents are analyzed, and an assumption is made about the tendency to contextuality of perception of such structures.

Key words: the Russian language, syntax, agent, the subject-object structure.

Изменения в языке, как известно, накапливаются незаметно, на протяжении жизни многих поколений, но для современников этот процесс незаметен, язык всегда ощущается как один и тот же. Историками языка давно доказан постулат: новации не случайны и абсолютно регулярны, они опираются на общие причины и имеют тенденции проявляются у «юного поколения» носителей языка. Иначе говоря, появляется поколение людей, которые начинают «неаккуратно» обходиться с какой-либо языковой структурой, в результате чего в конце концов разрушают грамматическое правило, существовавшее до того веками. Лучше всего такие изменения транслирует

разговорная речь, где отступление от принятых норм само по себе является нормой. При современном развитии средств массовой коммуникации языковые новации из разговорной речи легко проникают в публицистику, благодаря чему кодифицируются (приобретают статус вполне легальный) быстрее, чем это происходило в прошлом. Это позволяет видеть иногда рождение совершенно новых тенденций, которые возникают буквально «на кончике пера». К числу таких ставших заметными новаций в современной русской речи относится сокрытие (намеренное или ненамеренное) агенса. По сути, это событие не является «новостью» для русского языка, т.к. русский синтаксис достаточно приспособлен к невербализации или ретушированию субъекта действия: в безличных предложениях, если мы хотим представить процесс, как не зависящий от воли человека, в неопределенно-личных, если намеренно скрываем того, кто совершил действие (*Мне сказали, что ...*). Кроме того, парадокс конверсивных структур *Весло задело платье, Холм закрывает лес, Звезды жемчужные затмевают облака*, понятных лишь в контексте, неоднократно привлекал внимание лингвистов. Таким образом, плацдарм для сокрытия агенса в русском языке всегда существовал. Однако, судя по новым употреблениям, «лед тронулся» и процесс пошел дальше.

Рассмотрим некоторые примеры, которые нам предоставляют новостные порталы Yandex.

«Проливные дожди в Великобритании вызвали ядерные испытания СССР и США», - гласит один из заголовков новостного агентства «New Inform», и у внимательного читателя, безусловно, возникает вопрос: дожди в Великобритании привели к ядерным испытаниям (что логически невозможно) или ядерные испытания повлияли на погодные условия? [<https://newinform.com>]. Дальнейший текст разъясняет ситуацию:

*«...Физики из Великобритании предполагают, что проливные дожди в Британии в середине прошлого века были связаны с ядерными испытаниями, которые проводили Советский Союз и Соединённые Штаты. Об этом информирует научный журнал *Physical Review Letters*»* [там же].

Эта же новость на других порталах выходит с заголовком *«Ядерные испытания усиливали дожди над Великобританией»* (ТАСС), *«Стало известно о влиянии ядерных испытаний в СССР и США на погоду в Великобритании»* («Взгляд»), *«В Великобритании проливные дожди вызвали ядерные испытания СССР и США»* (Today News UFA). Как видно из подборки текстов, эффект порядка слов, выдвигающего «дожди» на роль мнимого агенса, вместо пациенса, совсем не смущает копирайтеров. Даже если предположить, что это игра слов, цель которой – привлечение внимания читателей, то «жонглирование» субъектно-объектной структурой не беспочвенно возникает в русской речи. По сути, современным носителям языка, молодым читателям не требуется разъяснений: русские синтаксические структуры, с одной стороны, все больше испытывают влияние английского языка, с другой - становятся «контекстуально» понятными. Это и есть свидетельство «неаккуратного» употребление, которое рано или поздно приведет к отмене правила: если субъект и объект имеют омонимичные флексии, то субъект должен стоять в препозиции. Противоположную тенденцию, которая свидетельствует о преодолении неоднозначности в субъектно-объектной структуре, демонстрирует «приписывание» категории одушевленности неодушевленным предметам: Ср. *Джип подрезал «форд»* (неясно кто кого подрезал) – ср. распространение речевого употребления: *Джип подрезал «форда»* (Федосюк 2016, 75).

Заголовок порталов Face News , ПМ, Vigmir)net и др. *«Инженеры впервые разработали не режущийся материал»* также не проясняет смысл: материал не может быть разрезан или не режет сам (не может поранить кого-либо). В действительности речь идет о материале, который обладает свойством «притуплять» режущий инструмент, что следует из текста статьи: *«Британские инженеры создали первый в мире не режущийся материал из керамических сфер, облаченных в алюминиевую конструкцию... По словам разработчиков, из Университета Дарема и Института Фраунгофера, новый материал притупляет любую шлифовальную машину или дрель, с которыми он*

контактирует. Его назвали Протеус в честь греческого бога моря, меняющего облик»[<https://www.facenews.ua/video/2020/323052/>]. Поскольку большинство новостных агентств выбирает именно эту структуру для заголовка, то становится очевидно, что актуализация орудийной (каузирующей) или пациенсной роли материала, о котором идет речь в статьях, не входит в задачи копирайтеров, полностью полагающихся на дальнейшее раскрытие темы в статье. Дело здесь вовсе не в недобросовестности перевода, а в приемлемости для отправителя текста, да и для читателя неоднозначной структуры заголовка при условии раскрытия его смысла в тексте статьи.

Помимо субъектно-объектной рокировки, агенс может быть намеренно скрыт в структуре, которая не различает контролируемое и неконтролируемое действие: *Отравление X является одной из версий врачей*. Оказывается ли здесь двусмысленность высказывания намеренной? Структура предложения не проясняет, отравился ли человек сам (неконтролируемое действие) или был отравлен кем-то (контролируемое действие со скрытым агенсом).

Таким образом, в современной русской речи обнаруживаются некоторые новации: структура предложения может быть не ориентирована на прояснение агенса, обычно заданное правилами порядка слов, при котором субъект в неясной ситуации (например, омонимии форм занимает препозицию). Иначе говоря, носители современного русского языка перестают видеть в порядке слов способ выделения субъекта действия и в значительной степени полагаются на контекст.

Список литературы:

1. Федосюк М.Ю. Джип подрезал «форда», или Существует ли в русском языке грамматическая категория одушевленности / неодушевленности?// **Studia z Filologii Polskiej i Slowianskiej**.- Польша, 2016.- P.73-88.

Источники:

1. New Inform.com [Электронный ресурс] Режим доступа [URL [\[https://newinform.com\]](https://newinform.com)].
2. Facenews [Электронный ресурс] Режим доступа [URL <https://www.facenews.ua/video/2020/323052/>].

Сведения об авторе

Гордиевская Мария Львовна; кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1 (стр.13); margord@mail.ru; +79039704150.

Gordievskaya Maria ; Phd. of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation, Moscow, Leninskie gory , d. 1 (str.13); margord@mail.ru; +79039704150.

УДК 811

СРЕДСТВА СМЯГЧЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В ДИСКУРСЕ ВЕЖЛИВОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Зайцева Н.В.

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация: Автор статьи выдвигает гипотезу о том, что в типологию языковых личностей можно добавить вежливую языковую личность, которая

оформляет свои высказывания, в частности, побудительные в соответствии с нормами вежливости определённой лингвокультуры. Вместе с тем, побуждение в дискурсе вежливой языковой личности ещё не служило предметом специального исследования, что и обуславливает актуальность данной работы. В статье выявляется спектр средств, смягчающих побуждение в речевой практике такой яркой вежливой языковой личности, как детектив Эркюль Пуаро, герой романов известной английской писательницы А. Кристи.

Ключевые слова: языковая личность, стратегия вежливости, ликоущемляющий речевой акт, побуждение.

Abstract: The author of the article puts forward a hypothesis that a polite language personality can be added to the typology of language personalities. This personality forms his utterances, in particular, imperative ones, in accordance with the norms of politeness of a certain linguistic culture. However, the inducement in the discourse of a polite language personality has not yet served as a subject of special research, which determines the relevance of this work. The paper reveals a range of softening devices used in the speech practice of such a bright polite language personality as detective Hercule Poirot, the hero of the novels of the famous English writer A. Christie.

Key words: language personality, politeness strategy, face-threatening speech act, inducement.

Одним из важнейших понятий современной лингвистики и – уже – лингвистической персонологии выступает понятие языковой личности, понимаемой как человек «в его способности совершать речевые поступки» [6, с. 204], т.е. человек, участвующий в процессе коммуникации.

Как известно, коммуникация может быть как кооперативной, предполагающей доброжелательные отношения между собеседниками, так и некооперативной, основанной на конфронтации между ними. В соответствии с этим в лингвистике различаются **стратегия вежливости**, направленная на обеспечение максимально комфортной для собеседника коммуникативной

среды, демонстрацию уважения к нему и его желаниям и интересам [2, с. 86] и противоположная ей **стратегия антивежливости**, заключающаяся в стремлении говорящего оскорбить и обидеть собеседника, унижить и дискредитировать его, игнорировать его интересы [2, с. 86].

Участником некооперативного общения выступает конфликтная языковая личность, стремящаяся к разжиганию конфликта [3, с. 673]. Особенности данной личности получили освещение в ряде научных исследований ([1], [7] и др.)

Логично предположить, что участник кооперативного общения – это **вежливая языковая личность**, выступающая антиподом конфликтной языковой личности. Данная личность имеет национальную специфику, поскольку представления о вежливости неодинаковы в разных лингвокультурах. В частности, эти отличия касаются языкового оформления так называемых ликоущемляющих речевых актов (face-threatening acts) [8], к числу которых относится речевой акт побуждения.

Так, в англоязычном социуме, построенном на горизонтальных отношениях, «т.е. отношениях, в основе которых лежит признание социального равенства между людьми независимо от их социального статуса или занимаемой должности, имеет место чрезвычайно высокая чувствительность к языковому оформлению побудительных высказываний» [4, с. 107].

Таким образом, вежливая языковая личность в англоязычном социуме должна использовать все возможные средства для смягчения категоричности побуждения. Вместе с тем, данный аспект вежливой языковой личности ещё не служил предметом специального исследования, что и обуславливает актуальность данной работы. Её цель заключается в выявлении спектра средств, смягчающих побуждение (softening devices), в речевой практике такой яркой вежливой языковой личности, как детектив Эркюль Пуаро, герой романов известной английской писательницы А. Кристи. Хотя Пуаро

иностранец, говорит он волею создавшей его А. Кристи, на прекрасном английском языке с соблюдением всех принятых в Британии норм вежливости.

Имя Пуаро неоднократно встречается в произведениях А. Кристи в высказываниях, содержащих существительное *politeness*, прилагательное *polite* и наречие *politely*, позволяющих изобразить его как необычайно вежливого и обходительного человека. Например:

(1) ... *he (Poirot) was **most polite** but I couldn't get anything out of him [11, p. 29].*

(2) *Poirot also rose and bowed with his **accustomed politeness** [11, p. 136].*

Независимо от того, имеет ли Пуаро дело с хорошим знакомым, пострадавшей стороной в совершенном преступлении или же преступником, он всячески старается держать себя в руках, проявлять уважение и внимание к личности человека, с которым вступает в контакт. В связи с этим в процессе расследования преступления, побуждая участников к содействию следствию и раскаянию, детектив старается уменьшить коммуникативное давление на собеседников, т. е. реализует принцип коммуникативной неимпозитивности, отмечаемый Т. В. Лариной [5].

Одним из самых эффективных и широко употребляемых вербальных средств смягчения побуждения в речевой практике Пуаро является замена императивного высказывания на высказывание-вопрос, т. е. косвенный речевой акт. Побуждение в форме вопроса позволяет уменьшить давление на собеседника в связи с тем, что говорящий формально предоставляет адресату выбор, совершать или не совершать то или иное действие, либо заранее показывает свою готовность к отказу со стороны адресата.

С этой целью Эркюль Пуаро использует следующие вопросы-побуждения:

- общие вопросы с модальными глаголами *can / could, may* и *would* и подлежащим *I*, в которых инициатор побуждения берёт ответственность на себя:

(3) “*May I ask if you have an intimate knowledge of - er - her various business transactions?*” [9, p. 4].

Такая форма побуждения звучит вежливее, чем, например, предложение с указанием адресата побуждения: *Could you answer my question?*;

- общие вопросы, имплицитующие альтернативу, также направлены на предоставление собеседнику формального выбора отвечать или не отвечать на вопросы детектива. Например:

(4) “*Can you describe this young man to me, my good Parker?*” [11, p. 84].

В данном примере наряду с заменой прямого побуждения косвенным детектив использует дружески-фамильярное обращение с притяжательным местоимением *my* и оценочным прилагательным *good*, что уменьшает дистанцию между собеседниками и располагает адресата побуждения к выполнению просьбы;

- общие вопросы, в которых существительное или местоимение, указывающее на адресата побуждения, употребляется в качестве дополнения, а не подлежащего, что снижает коммуникативное давление на объект побуждения. Например:

(5) “*Would it be possible for you to go there?*” [11, p. 120];

- общие вопросы с использованием слова *mind*, представляющие побуждение как запрос о мнении или желаниях адресата и тем самым подчёркивающие уважение к нему. Например:

(5) “*If you wouldn't mind waiting a short time*” [9, p. 242];

- формально специальные вопросы, выражающие совет или предложение:

(6) *Very well. Have fun. And... just a suggestion: why don't you see an eye doctor? Maybe your headaches come from the fact that you need new glasses?* [9, p. 365].

В данном примере помимо вопроса, начинающегося с *why don't* и выражающего совет, употреблено словосочетание *just a suggestion*, также являющееся средством смягчения побуждения;

• формально разделительные вопросы, устанавливающие обратную связь с адресатом побуждения и предоставляющие ему формальный выбор. Например:

(7) “*Certainly, mademoiselle. Sit down, **will you not?***” [10, p. 201].

Вежливость Пуаро при выражении побуждения проявляется и в широком использовании им этикетных клише в составе косвенных побуждений. Кроме того, он всегда благодарит собеседников за выполнение его просьбы. Например:

(8) “*Colonel Melrose, would you be so **extremely obliging as to sit down in this chair a minute? I thank you.** Now M. le docteur **will you kindly indicate to me the exact position of the dagger?***” [11, p.74].

Использование детективом рассмотренных выше вопросов как средств смягчения прямолинейности побуждения обеспечивают бесконфликтное протекание процесса общения.

К средствам смягчения категоричности побуждения в речевой практике Пуаро можно также отнести предложения с условными придаточными с глаголами *like, wish*, предоставляющие формальный выбор собеседнику. Например:

(9) “*You **shall come with me if you like***” [9, p. 288].

Пуаро сохраняет вежливость при выражении побуждения даже в самых трудных ситуациях. Так, рекомендуя убийце добровольно уйти из жизни ради того, чтобы любящая его сестра не узнала о его преступлении, Пуаро также формально предоставляет ему выбор. Побуждение смягчается за счёт того, что ни само действие, ни его объект не называются:

(10) “*But, for the sake of your good sister, I am willing to give you the chance of another way out. **There might be, for instance, an overdose of a sleeping draught. You comprehend me?***” [11, p. 211].

Важную роль в смягчении категоричности побуждения играют мягкий, шелковистый, как называет его А. Кристи, голос Пуаро. Спокойная, но

уверенная речь детектива в диалоге со свидетелями и подозреваемыми – залог успешного завершения большинства расследований. Например:

(11) *“Sit down, madame,” His tone was kind but authoritative [9, p. 233].*

К невербальным средствам смягчения побуждения Эркюль Пуаро прибегает не менее часто. Так, например, улыбка, которая демонстрирует доброжелательное отношение к собеседнику, часто сопровождают высказывания Пуаро, побуждающие собеседника предоставить желаемую информацию. Например:

(12) *Poirot smiled sympathetically: “Does anybody claim to have seen the man Ascher?” [10, p. 61].*

Проанализированные примеры отчётливо показывают, что стиль ведения беседы, допроса, присущий детективу Эркюлю Пуаро, основан на крайне высокой степени вежливости, которая проявляется в его вербальном, паравербальном и невербальном коммуникативном поведении.

Список литературы:

1. Белова Е. В. Модель конфликтной языковой личности в бытовом конфликтном дискурсе // Политематический сетевой электронный научный журнал Куб. гос. аграрного ун-та. 2015. № 114. С. 1368 – 1382.
2. Боева-Омелечко Н.Б. Вопрос как средство выражения стратегий вежливости и антивежливости в современном английском языке // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сб. науч. тр. М. : Тезаурус, 2015. С. 85 – 88.
3. Боева-Омелечко Н.Б. Средства нейтрализации конфликтной языковой личности // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: матер. второй научно-практ. конф. 2017. С. 674 – 677
4. Козлова Л.А. Этнокультурная специфика речевых актов и её учёт в практике обучения английскому языку // Лингвистические аспекты межкультурной коммуникации: монография. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2017. С. 92 – 112.

5. Ларина Т. В. Неимпозитивность как одна из доминантных черт английской коммуникативной культуры // Межкультурная коммуникация и перевод. М.: МОСУ, 2003. – С. 115 – 120.

6. Седых А.П. Языковая личность в науке // Вестник БГТУ. 2012. № 3. С. 204 – 206.

7. Сейрянян М.Ю. Конфликтная личность как участник конфликтного дискурс // Вестник ВГУ. Серия 2: Языкознание. 2014. № 2. С. 125 – 128.

8. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals of Language Usage. 2nd ed. Cambridge: CUP, 1987. 348 p.

9. Christie A. Death in the Clouds [Электронный ресурс]. – [Режим доступа]: <http://engshop.ru/Death-in-the-Clouds-skachat>.

10. Christie A. The A.B.C. Murders [Электронный ресурс]. – [Режим доступа]: <http://e-libra.ru/books/253986-the-a.b.c.-murders.html>.

11. Christie A. The Mystery of King's Abbot. М.: Высш. шк., 1980. 230 с.

УДК 81:159.955+37.025.7

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ ИДИОМ И
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА СТАДИИ ФОРМИРОВАНИЯ
МЕТАФОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ**

Калашикова Л.В.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: Одной из самых сложных форм метафорического мышления является способность субъекта к интерпретации переносного значения. По мере целенаправленного развития воображения приобретаемая способность к метафорическому мышлению влияет на понимание многих аспектов языка, в том числе корректную интерпретацию идиом и фразеологизмов.

Ключевые слова: метафорическое мышление, познание, идиомы, наглядно-образное мышление, субъект, фоновые знания, проблемная ситуация.

Abstract: One of the most complicated forms of the metaphorical thinking is the subject's ability to interpret the figurative meaning. In the course of the persistent development of imagination the acquired metaphorical thinking ability influences upon comprehension of many language aspects, as well as interpretation of idioms and phraseological units.

Key words: metaphorical thinking, cognition, idioms, eye-mindedness, subject, background knowledge, problem situation.

Связующим звеном между словами и миром служат ментальные модели, аккумулирующие предыдущий опыт, идеи, стратегии, способы понимания [6]. Познавая мир, человек активно использует их с разными целями: для умозаключений и предсказания хода событий; для того, чтобы принимать решения и следить за их исполнением, чтобы понимать явления и объяснять причины и следствия. С помощью ментальных моделей, мы организуем нашу деятельность, придаем смысл жизненному опыту. Язык использует их для создания репрезентаций, аналогичных тем, что хранят опыт и знания, полученные в процессе познания [6].

Языковая картина мира субъекта чутко реагирует на разнообразную информацию, поступающую извне, фиксирует ее, преобразует и делает достоянием его сознания. Невозможно представить человеческую речь, во всех ее проявлениях, без образных, крылатых выражений – идиом и фразеологизмов. Употребление яркого слова, выражения придает ей особую стилистическую окраску, идентифицирует стиль коммуникации, выделяет и характеризует как определенный социум, так и отдельного индивида.

Изучение устойчивых сочетаний слов и их семантических и грамматических особенностей занимает солидное место в языкознании и представлено трудами Балли Ш., Потебни А. А., Шахматова А. А. и Фортунатова Ф. Ф; Поливанова Е. Д., Абакумова С. И., Ларина Б. А. и

Булаховского Л. А. и т.д. Существенный вклад в развитие фразеологии внесли Виноградов В. В., Амосова Н. Н., Арнольд И. В., Смирницкий А. И., Кунин А. В., Телия В. Н., Борисова Е. Г., Добровольский Д. О., Алёхина А. И., Бабкин А. М., Малаховский Л. В., Зимин В. И., Корнев А. И. и многие другие.

Проблема восприятия и понимания идиом детьми – одна из интереснейших проблем современной отечественной (труды Добровольского Д. О., Караулова Ю. Н. [3], Кабаковой С. В. [5], Ковшовой М. Л. [8], Телии В. Н. [14], Цейтлин С. Н. [15] и др.) и зарубежной психолингвистики.

Усвоение языка ребенком осложняется существованием в языке идиом и фразеологизмов – словесными сочетаниями, которые имеют целостное значение. Фразеологизм или идиома очень похожи на предложение или фразу, состоящую из сочетания слов, каждое из которых выполняет свою синтаксическую функцию и имеет свое собственное значение. Вот именно здесь маленького исследователя подстерегает опасность буквального понимания идиомы, фразеологизма, которое уничтожает их функционирование в качестве единой лексической единицы. «Пословное» прочтение отдельных сочетаний рождает образ, который совсем не совпадает с тем, что был заключен в устойчивом сочетании. Более того, в составе фразеологизма или идиомы могут быть устаревшие слова и непонятные выражения, которые осложняют понимание. Появление в речи ребенка фразеологизма или идиомы не дает основание полагать, что их значение понятно ребенку. Ребенок может в большей или меньшей степени догадываться о значении крылатого выражения. Живой креативный ум ребенка тут же готов пофантазировать, контаминируя общий смысл идиом и фразеологизмов, прибегая к грамматическим, лексическим трансформациям, разнообразным синонимическим заменам одного из компонентов или вводу дополнительного компонента, расширяя или сужая их значения. Дети пытаются их мотивировать, устанавливая внутреннюю связь между значением идиомы или фразеологизма и значениями слов, входящих в их состав.

Активное усвоение ребенком языка тесно связано с гармоничным развитием всех познавательных процессов. Действительность и проблемная ситуация оказывают влияние на знание, которое постоянно изменяется, поэтому необходимо приложить максимум усилий, чтобы направить потоки знания в нужное русло [12].

По мнению Гопник Э. [2] маленьким детям трудно фиксировать внимание на каком-то одном предмете или одной вещи. Сознание устроено так, что ребенок воспринимает огромный объем информации о мире из самых разных источников одновременно. Обучаемость и пластичность мозга детей обусловлены отсутствием межфреймовых связей. Будучи очень впечатлительными дети еще не умеют наблюдать. Они концентрируются на одной яркой детали предмета, при этом совершенно игнорируя менее заметные. Эмоции играют главную роль. То, что вызвало неподдельный и искренний интерес, яркие и бурные эмоции, в том числе и отрицательные, незабываемые впечатления, запоминается в первую очередь, даже при наличии образности памяти. Мышление очень конкретно и носит образный характер. Дети легко улавливают внешнее сходство предметов, но еще не умеют видеть их скрытые особенности. В процессе когнитивной деятельности субъект учится воспринимать и интерпретировать окружающую действительность как совокупность предметов, ситуаций для самоидентификации и формирования способности идентифицировать себя относительно этой действительности. Для маленького субъекта это очень сложная задача, справиться с которой ему под силу только с помощью восприятия.

Полностью разделяем точку зрения Гопник Э. [2]: нельзя недооценивать детей в их развитии, это просто другая стадия, они исследуют мир вокруг себя. В этот период дети очень восприимчивы ко всему новому, сознание особенно активно собирает информацию. Взрослые, миновав эту активную стадию, накопив фоновые знания об окружающем мире, обладая богатым набором множественных стереотипических ситуаций и сценариев поведения, начинают избирательно относиться к миру вокруг них. «Дети – взрослые» – стадии

развития человечества, находящиеся в диалектическом единстве, одно обуславливает другое, накопление количества ведет к качественным изменениям.

Субъекту, обладающему наглядно-образным мышлением и небогатым когнитивным опытом, очень трудно справляться с огромным потоком информации. В такие моменты он нуждается в особой поддержке, совете взрослых и дополнительной информации. Способность самостоятельно принимать правильные решения в критических ситуациях, адекватно реагировать на смену внутренних и внешних условий приходит по мере накопления опыта. Сознание должно быть готово «понимать идиомы».

Блестящим примером того, как субъект приобретает способность к пониманию идиом, является фрагмент произведения Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране Чудес» (Carroll Lewis. «Alice's Adventures in Wonderland», Chapter V. «Advice from a Caterpillar») [16]. Не случайно Л. Кэрролл, проявив себя как тонкий детский психолог, приводит свою героиню за советом к умудренной жизненным опытом гусенице. Образ гусеницы метафоричен и несет глубокий смысл. Это – символ многоэтапной трансформации субъектно-объектного (двумерного) сознания, перехода в «куколку», далее, в бабочку, символизирующую трехмерное сознание, открытое познанию, – отражение большого потенциала и трудностей, которые нужно преодолеть на пути к успеху. Трансформация внутренняя и внешняя – метод поиска решения жизненно важных проблем, возможность включить, вызвать к жизни скрытые ресурсы. Внутренние изменения, происходящие с субъектом познания, под воздействием прошлого опыта, направленного на реальность, влекут изменения обстоятельств, в которых он оказывается [18].

В качестве примера – фраза из фрагмента диалога гусеницы и Алисы: «*Explain yourself*» – устойчивое сочетание: «*объяснитесь*» (*to say what you mean in a clear way*); ответ Алисы «*I can't explain myself*» – свободное сочетание (*не могу объяснить, что я собой представляю*); и «*you see*» (*used when you are explaining something*). Согласно Оксфордскому словарю «Oxford Learner's

Dictionary» – идиомы. Идиомы – общий тип фигуры речи, основанный на общих лингвистических определениях, это – комбинация слов, которая содержит значение, которое не может быть понято основанное на буквальном определении отдельных слов.

Кэрролл Л. очень умело воспользовался игрой слов, с одной стороны, ярко и живо вырисовывая своих персонажей, а с другой, обыгрывая индивидуальные особенности понимания идиом. Алиса, как и все дети ее возраста, воспроизводя идиоматическую единицу, опирается не на значение идиомы, а на текущую коммуникативную ситуацию, т.е. контекст (языковое использование), обладающий физическими и коммуникативными параметрами (время, пространство, имена, знаки и символы). Изменение любого из этих параметров приводит к измененной среде интерпретации [13]. Буквально понимая вопрос и опираясь на свой сенсорный опыт и эмоции, Алиса сформировала фразу по предложенной модели, и рассуждая логически, заменила «*yourself*» на «*myself*»: если она непривычного размера, значит это вообще другая девочка. В переводе Демуровой Н. М. [9] получилось очень удачно: «*быть в своем*» и «*чужом уме*».

Буквальное или образное понимание идиомы зависит от того, какой отдел головного мозга активирован во время понимания образного языка. Согласно предположениям нейролингвистов менее знакомые для субъекта выражения обрабатываются в правом полушарии, знакомые – преимущественно в левом полушарии [13]. Исследователи детского словотворчества едины в утверждении, что для ребенка идиомы, фразеологические единицы, представляющие собой целостные семантические комплексы, создают серьезные проблемы при овладении системой языка. По А. А. Залевской [4, с. 196-200] извлечение каждого отдельного компонента обеспечивает буквальное его понимание. Цейтлин С. Н. [15, с. 61] придерживается идеи, что буквальное понимание идиомы или фразеологизма происходит потому, что дети воспринимают их как обыкновенные свободные слова, оформленные в предложение.

Исследование семантической стороны детской речи позволяет проследить процесс овладения речью с учетом изменений взаимосвязей слова и значения. По мере развития вербального значения укрепляется взаимосвязь языка и мышления, формируется способность к обобщению знаний об окружающем мире [11, с. 130; 1]. Практически всегда каждый компонент идиомы воспринимается как отдельное слово [11, с. 131]. По Цейтлин С. Н. [15, с. 62; 10], в случае буквального понимания фразеологизмов, идиом они теряют статус лексической единицы, а их интерпретация вызывает у детей трудности. Всякий раз, при столкновении с трудностями, в процессе эмоционального переживания удач или неудач в ходе достижения цели, происходит установление нейронных связей между структурами сенсорного опыта, подкрепляемых эмоциональным фоном. Л. Кэрролл, сравнивая и противопоставляя разный сенсорный опыт трансформаций гусеницы (материальный мир) и девочки (субъект): «*I'm not myself, you see...*» (Алиса) – «*I don't see*» (гусеница), «*you'll feel it a little queer*» (Алиса) – «*Not a bit*» (гусеница); создает метафору метаморфоз сознания субъекта в процессе познания. Общеизвестно, что внутренние противоречия стимулируют самопознание и формируют адекватную самооценку субъекта [7].

Получив мудрый совет «*Keep your temper*» («*Держи себя в руках*») [16], Алиса корректно определила значение идиомы, интерпретировав ее с учетом сложившейся ситуации, личного опыта и состояния.

Не все так просто, как кажется! В Оксфордском словаре «Oxford Learner's Dictionary» среди значений слова «*temper*» имеется устаревшее значение. Оказывается, в староанглийском «*temper*» определялось как «*a proportionate mixture of elements or qualities*» (пропорциональное сочетание элементов или качеств). Изменение личности в процессе познания должно быть гармонично. Из-за непонимания собственных изменений Алиса ощущает дисбаланс и желание услышать «*вдруг что-нибудь стоящее*». Познавая мир, человек меняется, меняется его мышление «*I can't remember things as I used*», привычное восприятие себя относительно окружающей действительности [7].

На сколько изменяется восприятие окружающей действительности [17], каким должен быть когнитивный опыт, не знает никто, кроме самого субъекта. Из-за постоянных противоречий Алиса теряет ощущение гармонии: «*she felt that she was losing her temper*» [16]. Для уверенности ей «*хотелось хоть капельку подрасти*» (перевод Демуровой Н. М.) [9], в чем сомневается гусеница: «*'Are you content now?' said the Caterpillar*». Значение слова «*content*» в Оксфордском словаре «*Oxford Learner's Dictionary*» – «*content (with something) happy and satisfied with what you have*».

Степень восприятия собственного «я» индивидуальна. В ходе приобретения опыта и формирования межфреймовых связей растет способность субъекта к алгоритмизации поведения. Как результат субъект, располагая набором стандартных когнитивных структур, при решении проблемных задач быстро принимает правильное решение, ведущее к положительному результату [6]. Новые знания через определенный период времени становятся опытом, который далее активно используется субъектом на практике.

Таким образом, способность субъекта к интерпретации переносного значения является одной из самых сложных форм метафорического мышления. По мере целенаправленного развития воображения приобретаемая способность к метафорическому мышлению влияет на понимание многих аспектов языка, в том числе корректную интерпретацию идиом и фразеологизмов.

Буквальная или образная интерпретация идиом зависит от внутренних и внешних факторов. Внутренние факторы, относящиеся к идиоме, например, ее разложимость (прозрачность), частотность, синтаксическая аналитичность; наличие или отсутствие контекста. К внешним факторам относят возраст, общее когнитивное развитие субъекта, разнообразные источники знаний. Субъект должен обладать фоновыми знаниями правил успешного речевого взаимодействия: выбор коммуникативных стратегий, тактик, речевых средств; предупреждение конфликтной ситуации и т.д.

Разнообразные языковые средства отражают динамику детской речи в процессе формирования способности субъекта к интерпретации переносного значения.

Противоречия в сознании индивида свидетельствуют о его активности в процессе познавательной деятельности. Осознание собственного «Я» субъектом неизбежно порождает противоречия, возникающие при взаимодействии субъекта с окружающей действительностью (материальные предметы, социальные и духовные объекты, другие индивиды и т.д.). Приобретаемые знания очень ценны для субъекта. Всякий раз, решая очередную проблемную задачу, он поднимается на качественно новую ступень познания, получая возможность дальнейших интеллектуальных изысканий.

Список литературы:

1. Бородич А.М. Методика развития речи детей: Учеб. Пособие для студентов пед. ин-тов. М., 1981. – 255 с.
2. Гопник Э. Что происходит в голове у ребенка? [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://ideanomics.ru/lectures/13565>].
3. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности. // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 5-15.
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999. – 382 с.
5. Кабакова С.В. Образное основание идиом (психолингвокультурологические аспекты): автореф. дис....канд. пед. наук. М., 1999. – 28 с.
6. Калашникова Л.В. Метафорические аспекты воображения. Роль воображения в решении познавательных задач на этапе наглядно-образного мышления. // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 3(31). С. 177-188. DOI: 10.29025/2079–6021-2018-3(31)-177-188.
7. Калашникова Л.В. Особенности интерпретации идиом на этапе наглядно-образного мышления в процессе когнитивной деятельности субъекта (на материале произведения Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране

Чудес»). Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. №2. С. 103–112. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-2-103-112.

8. Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика ФЕ (когнитивные аспекты): автореф. дис...канд. пед. наук. - М., 1996. – 22 с.

9. Кэрролл Льюис. Приключения Алисы в Стране Чудес Перевод с английского: Демурова Н.М. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <http://lib.ru/CARROLL/alisa.txt>].

10. Ляховская Ю.С. Активизация словаря детей старшего дошкольного возраста: дис. ...канд. пед. наук. М., 1968. – 19 с.

11. Питеркина Ю.С. Фразеологизмы в детской речи. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №108. С. 128-133.. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/108/piterkina_108_128_133.pdf]

12. Понамарева Е.В., Пыльненькая Е.А., Булыгина И.В., Гончарова Н.Г. Проблемная ситуация как условие развития познавательной мотивации развития дошкольника. // Вопросы дошкольной педагогики. – 2017. – №3. – С. 63-68. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://moluch.ru/th/1/archive/63/2354/>].

13. Понимание идиом. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <http://ru.knowledgr.com/19263765/>)].

14. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М., 1996. – 289 с.

15. Цейтлин С.Н. Детская речь. Ребенок осваивает фразеологизмы. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: https://lib.herzen.spb.ru/text/tseytlin_11_10_61_66.pdf].

16. Carroll Lewis. Alice's Adventures in Wonderland. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <http://www.wonderland-alice.ru/translations/english/?curPos=4>].

17. McCloskey M. (2009). *Oxford psychology series: Vol. 47. Visual reflections: A perceptual deficit and its implications*. Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195168693.001.0001..>

18. Siegler R.S. (1991). *Children's thinking (2nd ed.)*. Prentice-Hall, Inc. DOI: <https://psycnet.apa.org/record/1993-97800-000>.

Сведения об авторе

Калашникова Лариса Валентиновна; доктор филологических наук, профессор, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; kkalashnikova@inbox.ru; +7 903 637 4205.

Kalashnikova Larisa Valentinovna; Doctor of Philology, Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Orel, 302028, Russian Federation; kkalashnikova@inbox.ru; +7 903 637 4205.

УДК 811.161.1'37

ОСОБЕННОСТИ СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «УДАЧА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.Л. Макшанцева

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н.А. Добролюбова

г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация: В работе рассматриваются синтагматические особенности языковой экспликации концепта «удача» посредством анализа контекстов стандартной сочетаемости лексем *удача*, *удаться* / *удаваться* и *удачный* как основных репрезентантов концепта. Материалом исследования являются данные словарей сочетаемости слов русского языка. В исследовании

верифицируются и уточняются когнитивные признаки концепта «удача», выявленных на предыдущем этапе анализа словарных толкований лексем.

Ключевые слова: концепт «удача», когнитивный анализ концептов, синтагматическая объективация концепта, контексты сочетаемости, лингвокультурология, русский язык

Abstract: The article presents the syntagmatic properties of language explication of the concept “udacha” (“luck”) through the analysis of standard compatibility contexts of the lexemes “udacha” (“luck”), “udat’sya / udavat’sya” (“to succeed”) and “udacnyy” (“lucky”) as the basic representatives of the concept. The material are the data of Russian word-compatibility dictionaries. The extracted earlier, at previous stage of the word vocabulary definitions research, cognitive characteristics of the concept “udacha” (“luck”) are verified and specified in the work.

Key words: the concept “udacha” (“luck”), cognitive concept analysis, syntagmatic objectification of the concepts, word-compatibility contexts, linguoculturology, Russian language

В работе представлен очередной этап комплексного лингвокогнитивного описания концептуального содержания и языковой экспликации концепта «удача» в русской языковой картине мира. На предыдущих этапах были рассмотрены особенности концептуального содержания и языковой объективации концепта по данным лексикографических источников и в аспекте парадигматических связей и отношений слов — репрезентантов концепта (синонимия и антонимия) [4].

Цель настоящего исследования — проанализировать особенности синтагматической реализации слов *удача*, *удаться* / *удаваться* и *удачный* как основных репрезентантов концепта в контекстах их стандартной сочетаемости.

Материал исследования — данные «Словаря сочетаемости слов русского языка» под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина [8] и «Большого универсального словаря русского языка» В.В. Морковкина, Г.Ф. Богачевой и Н.М. Луцкой [1].

Исследование основано на теоретических принципах анализа ключевых идей русской языковой картины мира, представленных в трудах [2; 3; 6]. В работе использована методика комплексного синхронно-диахронного анализа концептов культуры, разработанная учеными Нижегородской концептологической школы [5; 7].

Итак, на предыдущих этапах предпринятого нами комплексного описания концепта «удача» нами было выявлено 20 когнитивных признаков концепта «удача»: (1) 'благоприятное стечение обстоятельств'; (2) 'желательный результат, нужный исход дела, успех'; (3) 'везение'; (4) 'счастье'; (5) 'тот, у которого все получается, кому все удается'; (6) 'творческая находка'; (7) 'большое достижение в какой-л. деятельности, успех'; (8) 'реализация благоприятной возможности (*модальн.*)'; (9) 'что-то хорошее (*общеоценочн.*)'; (10) 'передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков'; (11) 'то, что дается человеку, извне, со стороны сверхъестественных сил, даром'; (12) 'набор положительных свойств личности, способствующих успешной самореализации человека'; (13) 'пожелание успешного завершения чего-л. (в ситуации речевого акта прощания)'; (14) 'высшая ценность в мире человека (*оценочн.*)'; (15) 'соответствие необходимым требованиям, условиям (*норм.-оценочн.*)'; (16) 'что-то верное, правильное (*норм.-оценочн.*)'; (17) 'оценка каких-л. действий, поступков, мероприятий как сопровождающихся удачами, приводящих к желаемому результату (*модально-оценочн.*)'; (18) 'надежда на благоприятный случай, без приложения усилий, предварительного обдумывания или планирования (=авось)'; (19) 'талант, Божий дар'; (20) 'благополучие' [4].

Далее, согласно принятой концепции исследования, в целях верификации и уточнения объема и содержания когнитивных признаков, выявленных на предыдущих этапах анализа, были рассмотрены особенности синтагматической репрезентации концепта «удача» по данным словарей [1; 8].

УДАЧА. Когнитивный признак (1) 'благоприятное стечение обстоятельств' отражается в контекстах субстантивной сочетаемости: **У. для кого:** (о человеке) ~ для писателя, для художника, для меня, для Ани ... [1].

Когнитивный признак (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)' отражается в контекстах субстантивной сочетаемости: **У. в чём** ~ в каком-л. деле, в делах, в жизни, в любви, в игре, в охоте, во всём ..., — и в контекстах атрибутивной сочетаемости *Большая неожиданная, серьёзная, творческая У.* [8].

Когнитивный признак (7) 'большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂)' отражается в контекстах субстантивной сочетаемости: **У. кого** (о человеке) ~ писателя, художника, актёра, спортсмена, Ани...[8].

В моделях глагольного управления сочетания со словом *удача* отражают следующие когнитивные признаки:

- когнитивный признак (1) 'благоприятное стечение обстоятельств' : *приносить, обещать, предсказывать кому-л. ... У.;* В **У.** (*верить ~ ...*); *Ждать, желать кому-л. ... У.;*

- когнитивный признак (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)' : *Завидовать, радоваться ... чьей-л. У.;* С **У.** (*поздравить кого-л ...*); В **У.** (*[не] сомневаться ~ ...*);

- когнитивный признак (3) 'везение' : На **У.** (*надеяться ~, рассчитывать ~ ...*) [8].

В контекстах субъектно-предикатной сочетаемости слово *удача* отражает следующие когнитивные признаки:

- когнитивный признак (1) 'благоприятное стечение обстоятельств' : У. *радует кого-л.;*

- когнитивный признак (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)' : **У.** *окрылила (высок.) кого-л., вскружила кому-л. голову;*

- когнитивный признак (3) 'везение' : *У. сопутствует* (книжн) *кому-л.* [1].

УДАТЬСЯ / УДАВАТЬСЯ. В контекстах личного употребления (прош. вр. и III л. наст.-буд. Вр.) отражает:

- когнитивные признаки (1) 'благоприятное стечение обстоятельств' и (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)' : **Удался (-ась, -ось, ись) что-л. [кому-л.]**: *жизнь, вечер, прыжок, манёвр, охота, рыбалка* (разг.), *экскурсия, поездка...* [1];

- когнитивный признак (9) 'что-то хорошее (общеоценочн.)' **Удался (-ась, -ось, ись) кто, что**: *рожь, обед, пирог, книга, статья, , какая-л. глава.., — как: вполне, особенно, на славу* (разг.)... [8];

- когнитивный признак (10) 'передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков' : **Удался (-ась, -ось, ись) в кого**: *мать, отец, родители...*[1].

В контекстах безличного употребления отражает:

- когнитивный признак (8) 'реализация благоприятной возможности (модальн.)' : **Удалось (удается, удастся) [что-л.] + инфинитив**: *купить что-л., посмотреть что-л., написать что-л., помочь кому-л. ...; [кому-чему-л.]* : ~ *матери отцу, мне, ему, Анне ... институту, заводу, команде ...; [как]*: ~ *легко, с трудом, быстро ...* [1].

УДАЧНЫЙ. В атрибутивных сочетаниях по модели согласования выражает следующие когнитивные признаки:

- когнитивный признак (1) 'благоприятное стечение обстоятельств' : *У. день, год, начало, конец, исход чего-л., завершение чего-л., жеребьёвка, выбор, стечение обстоятельств ...* [8];

- когнитивный признак (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)' : *У. поездка, поход, экскурсия, охота, рыбалка* (разг.), *прыжок, бросок, удар, игра, попытка...* [8];

- когнитивный признак (9) ' что-то хорошее' (общеоценочн.): **У.** *произведение, книга, роман, фильм, постановка, статья, картина, портрет, рисунок, фотография, снимок, выражение, перевод, работа, выбор, подбор кого-чего-л. (игроков, иллюстраций ..), состав кого-чего-л. (исполнителей, оркестра ..)* ... [8];

- когнитивный признак (15) ' соответствие необходимым требованиям, условиям (норм.-оценочн.)' : **У.** *место, погода, климат, время, час* ... [1];

- когнитивный признак (16) ' что-то верное, правильное' : **У.** *совет, идея, мысль, план, решение, выбор, пример, сравнение...* [1].

В контекстах глагольно-адъективного управления выражает когнитивный признак (1) ' благоприятное стечение обстоятельств' : *Быть, казаться, оказаться* ... **У.** [8].

В контекстах адъективного предложного-падежного управления выражает когнитивный признак (2) ' желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)' : **У. для кого-чего:** *(о человеке) ~ для друга, для меня, для него, для Ани ... для команды, для группы* ... [8].

В контекстах наречного примыкания выражает когнитивный признак (9) ' что-то хорошее' (общеоценочн.)' : *Очень, весьма (книжн.), исключительно, на редкость* ... **У.** [8].

Наречие УДАЧНО в контекстах стандартной сочетаемости выражает:

- когнитивные признаки (1) ' благоприятное стечение обстоятельств' и (2) ' желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)' : **У.** *начаться, закончиться, завершиться, пройти...*;

- когнитивный признак (9) ' что-то хорошее' (общеоценочн.)' : **У.** *сфотографироваться, расположить кого-что-л., подобрать кого-что-л.* ... [1].

В целом анализ стандартной сочетаемости позволил верифицировать такие основные когнитивные признаки концепта «удача», как (1) 'благоприятное стечение обстоятельств' ; (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)' ; (3) 'везение' ; (7) 'большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂)' ; (8) 'реализация благоприятной возможности (модальн.); (9) 'что-то хорошее' (общеоценочн.)' ; (10) 'передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков' ; (15) 'соответствие необходимым требованиям, условиям (норм.-оценочн.)' .

Новых когнитивных признаков на данном этапе анализа выявлено не было, что позволило наметить перспективы дальнейшего исследования, которые связаны с анализом контекстов неузальной сочетаемости слов — репрезентантов концепта. Предполагается, что намеченный на следующих этапах исследования анализ позволит обнаружить значимые семантические и коннотативно-оценочные преобразования указанных лексем, в том числе — смысловые эффекты концептуальной метафоризации и метонимизации по моделям овеществления и одушевления абстрактного понятия, которые характерны для русской языковой картины мира.

Список литературы:

1. Большой универсальный словарь русского языка / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. М.: «Словари XXI века», 2017. 1456 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
3. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
4. Макшанцева А.Л. Концепт «удача» в русской языковой картине мира (по данным лексикографических источников) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 290–295.

5. Радбиль Т.Б. Когнитивистика: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. 375 с.

6. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.

7. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Кол. мон. / Под ред. Л.В. Рацибурской. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.

8. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 1983. 686 с.

Сведения об авторе

Макшанцева Анна Львовна; аспирант, преподаватель факультета дополнительного образования для иностранных граждан; Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова; 603155, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а; anna-makschantseva@yandex.ru; +7-9263777515.

Makschantseva Anna Lvovna; postgraduate student, Teacher of Department of Academic Programs for Foreign Citizens; Linguistic University of Nizhny Novgorod, Minin str, 31a, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation; anna-makschantseva@yandex.ru; +7-9263777515.

УДК 81'1

СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКОМФОРТА НА МОРФЕМНО-МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Фадеева Е.В.

Академия ФСО России

г. Орел, Россия

Аннотация: Статья посвящена проблемам изучения дискомфортного общения. Анализируются языковые средства выражения коммуникативного дискомфорта на морфемно-морфологическом уровне лингвистического анализа.

Ключевые слова: коммуникативный дискомфорт, метакоммуникативный показатель КД, метакоммуникативный дескриптор КД.

Abstract: The article is devoted to the problems of studying uncomfortable communication. The author analyzes the language means of expressing communicative discomfort at the morphemic-morphological level of linguistic analysis.

Key words: communicative discomfort, metacommunicative indicator of communicative discomfort, metacommunicative descriptor of communicative discomfort.

Функциональные особенности языка, эксплицируемые в диалогической речи, являются объектом особого внимания современных лингвистов. Успех и неуспех коммуникации напрямую зависит от используемых коммуникантами языковых средств, способствующих или мешающих реализации целей и намерений участников диалога. Изучая вопросы взаимодействия коммуникативно-целевых характеристик речевого акта и свойств языковых средств, выбираемых участниками диалога, учёные рассматривают благоприятные и аномальные ситуации общения.

Исследованием таких неблагоприятных ситуаций диалогического взаимодействия, как коммуникативные неудачи, конфликты, злоупотребления и осечки, занимались многие зарубежные и отечественные лингвисты, в частности, Дж. Остин, Дж. Серль, Т.А. ван Дейк, Дж. Лич, Г.П. Грайс, Н.Д. Арутюнова, Б.Ю. Городецкий, Л.П. Семенов, И.А. Стернин, В.З. Демьянков, Н.К. Кънева и др. Предметом нашего пристального внимания являются ситуации дискомфортного общения. На сегодняшний день немалое число работ

посвящено проблеме коммуникативного дискомфорта: исследования Л.П. Семененко, Е.М. Мартыновой, И.И. Гулаковой, Н.М. Болохонцевой, Чу Шуся и других современных лингвистов.

Причины возникновения коммуникативно-дискомфортных ситуаций, а также их последствия подробно описаны в монографии Л.П. Семененко «Аспекты лингвистической теории монолога». Понятие «коммуникативного дискомфорта» и метакоммуникативные показатели дискомфорта общения рассматриваются в научных статьях [6, с.259-263; 7, с.307-313; 8, с.66-73]. Приводимые текстовые иллюстрации наглядно демонстрируют наличие сигналов напряженного общения, которые свидетельствуют о существовании определенных трудностей и препятствий, способных помешать коммуникантам реализовать в полной мере свои коммуникативные намерения и/или ожидания. Рассматривая эти «тревожные» сигналы дискомфорта общения, мы полагаем, что носителем таких сигналов могут являться определенные языковые средства, используемые самими авторами анализируемых текстов. При этом также возникает вопрос о целенаправленном выборе участниками коммуникации эффективных языковых средств, использование которых в КД-ситуациях способствовало бы беспрепятственному осуществлению коммуникативных и/или практических интенций говорящего. В процессе выявления и систематизации типовых показателей, обеспечивающих эксплицитное представление релевантных характеристик коммуникативного дискомфорта, мы обратились к корпусу текстов, являющихся фрагментами диалога или авторскими описаниями тех или иных коммуникативных ситуаций, основываясь на исходном предположении о том, что исследуемое нами явление имеет целый ряд устойчивых коррелятов на различных уровнях лингвистического анализа:

2. фонетико-фонологическом (основная единица – фонема);
3. морфемно-морфологическом (основная единица – морфема);
4. лексико-семантическом (основная единица – слово);
5. синтаксическом (основная единица – предложение).

Таким образом, в качестве основного параметра типологизации языковых показателей дискомфорта общения мы принимаем иерархическое системное разграничение языковых единиц, потенциально являющихся компонентами метакоммуникативных дескрипций КД.

В данной статье мы предлагаем рассмотреть языковые средства, используемые в качестве метакоммуникативных дескрипторов КД-ситуаций на морфемно-морфологическом уровне лингвистического анализа.

Основной единицей морфемно-морфологического уровня является морфема. Исходя из функций морфем (словообразующая и формообразующая), мы предположили, что в ситуациях дискомфорта общения коммуникант, испытывающий КД, может образовывать новые слова, используя морфемы или морфы в своей речи, а также, возможно, нетипичное (для нормы русского языка) образование грамматической формы слова. Далее мы попытались подтвердить наше предположение примерами метакоммуникативных дескрипций.

(1) "– Слушал я, слушал, господа, про что вы толкуете, и вижу, что просто вы из пустого в порожнее перепускаете. Ну, положим, что у господ немцев есть хорошая, твердая воля, а у нас она похрамывает – вес это правда, но все-таки в отчаяние-то отчего тут приходиться? Ровно не от чего..."

– Как не от чего? – парень в красной рубашке стал ерепениться – Столкновение будет!

– Ну что же такое, если и будет?

– Они нас вздуют...

– Ну, как же! – старик стал негодовать и нервно разливать чай.

– Да разумеется, вздуют! – парень выскочил из-за стола и начал бегать по избе. – И на вас, стариков, не посмотрят!

– Чтобы ты знал, мы, старики, еще порошу дадим, а вот молодые... Эх, да чего с тобой ругаться, – он вышеркал из избы и сел на крыльцо дымить." [3, с.10]

Данная конфликтная ситуация не вызывает сомнения, что оба коммуниканта испытывают дискомфорт. Причем способов его выражения достаточно много в рассматриваемом примере. Но мы хотели бы сосредоточить ваше внимание на употреблении слова "вышеркал". Безусловно, ни в одном словаре такое слово не зарегистрировано. Большой толковый словарь дает объяснение лишь слову "шаркать" – «производить шорох, шум, трение (при ходьбе, движении)» – и приводит следующий пример: «Старик еле идет, шаркает» [<http://www.gramota.ru>]. Присоединение морфемы (приставки вы-) к основе слова «шаркать» образует новое слово, которое может означать, что коммуникант, испытывающий дискомфорт, пытается прекратить коммуникацию как можно быстрее, но, в силу возраста, не может позволить себе выбежать из избы и унять свое негодование. Таким образом, в данном случае мы имеем дело со "странным" образованием формы совершенного вида, что является языковым показателем коммуникативного дискомфорта на морфемно-морфологическом уровне лингвистического анализа.

Приведем еще один пример такого типа.

(2) "– А ты чего лоботрясничаеть?! – вконец обозлился Емельян Спиридоныч. – Куда *выпялился*?!"

Макар струсил.

– В карты пойду поиграю. А чего делать-то? Коней перековал...

– Бороны надо чинить!

– Там очередь... Не дошло. А Федя еще косится на нас...

Емельян Спиридоныч отвернулся к стенке, сказал с сердцем сам себе:

– Я им покошусь! Обормоты...

Макар поскорее *вышмыгнул* из избы; плохо дело, когда отец не знает, на ком сорвать злобушку: он всегда тяжело хворал с похмелья и ненавидел весь свет [9, с.63].

Следующий пример иллюстрирует неправильное образование грамматической формы слова.

(3) "– С-сука Каравайчук, – проговорила Алина. – Не мог дать квартиру в кирпичном доме...

– Каравайчук – женщина? – не понял Тишкин.

– Почему женщина? Мужчина.

– А ты говоришь: сука.

– Высота два пятьдесят, буквально на голове. А в кирпичных – два восемьдесят...

– А с Каравайчуком ты тоже спала?

– Дал квартиру за выселением. Сюда было страшно въехать..." [5, с.10-11]

В примере (3) коммуникант (Алина) демонстрирует свой КД, оскорбляя человека – виновника ее дискомфорта (т. е. Каравайчук – источник КД Алины), не замечая того, что употребляет существительное женского рода, 1-го склонения ("сука"), которое никак не согласуется с названной ею фамилией, что и замечает ее собеседник.

(4) "– Это хамство! – неожиданно крикнула Гиря и швырнула красный карандаш. – Неужели никто не может сказать Казаковцевой, что в таких кофтах по школе-то не ходят!

– А как же ей ходить? – удивился Борис Евсеевич.

– Как все! – ответила Гиря: на ней был темно-зеленый костюм из чистой полушерсти.

– Что значит «как все»? – возразил Котик. – Тогда уж лучше снова мундиры ввести. Кстати, может быть, их зря отменили!

– При чем здесь мундиры-то? Совесть надо иметь! Она бы майку одела...

– Майки, Евдокия Матвеевна, надевают, – вкрадчиво подсказал Борис Евсеевич.

– Да не цепляйтесь вы к словам-то! – возмутилась Гиря.

Максим Эдуардович вздохнул и отвернулся, точно воспитанный человек, вовлекаемый в магазинную ссору" [2, с.43-44].

Речь коммуниканта, испытывающего КД, изобилует сигналами дискомфорта общения, выраженными на морфемно-морфологическом уровне лингвистического анализа. Евдокия Матвеевна (Гиря) – учитель средней школы, т. е. человек с высшим образованием, который знаком с литературным русским языком и неграмотная речь ей несвойственна. То есть, в данном случае мы не можем говорить о просторечии. Испытывая сильное нервное напряжение, коммуникант часто использует постфикс "-то" (что характерно для просторечия и отдельных диалектов). Это нестандартное употребление аффиксальной морфемы выдает ее дискомфортное состояние. Более того, не справляясь со своими резко отрицательными эмоциями, Гиря неправильно употребляет приставку "о-" в слове "одела". Тем самым нарушая лексико-синтаксические связи в предложении.

Таким образом, коммуникативный дискомфорт может быть выражен на морфемно-морфологическом уровне лингвистического анализа с помощью следующих языковых средств: образование новых слов, неправильное употребление морфем, неверное образование грамматической формы слова.

Список литературы:

1. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс] // <http://www.gramota.ru> – интернет-ресурсы (электронные ресурсы удаленного доступа)
2. Поляков, Ю. Работа над ошибками / Юрий Поляков. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 252, [4] с. – (Геометрия любви) С. 43-44.
3. Рудов П.А. Информативный диалог конфликтного типа: структурно-семантический и коммуникативно-прагматические аспекты: автореф. дис ... кандидата филологических наук. Новосибирск, 2005. 20 с. С. 10.

4. Семенов Л.П. Аспекты лингвистической теории монолога. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. 324 с.
5. Токарева, В. Сальто-мортале : [сб.] / Виктория Токарева. – М.: АСТ: АСТ: МОСКВА, 2010. – 318, [2] с. С. 10-11.
6. Фадеева Е.В. Дискомфортное общение: дискуссионные вопросы // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. №2(37), 2014г. – С. 259-263.
7. Фадеева Е.В. Опыт типологического описания ситуаций коммуникативного дискомфорта по метакоммуникативным показателям // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. №4(54), 2013г. – С. 307-313.
8. Фадеева Е.В. Способы языкового выражения коммуникативного дискомфорта на разных уровнях лингвистического анализа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. №3, 2014г. – С. 66-73.
9. Шукшин В. М. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1. Любавины; Я пришел дать вам волю: Романы / Сост. Л. Федосеева-Шукшина; Вступ. ст. С. Залыгина; Коммент. Л. Аннинского. – М.: Мол. гвардия, 1984. – 702 с. С. 63.

Сведения об авторе

Фадеева Елена Васильевна; Академия ФСО России, 302004, Российская Федерация, Орел, ул. 2-я Курская, д. 54, кв. 41; snigireva.elena@inbox.ru; +79051663235.

Fadeyeva Elena Vasilyevna; The Academy of Federal Security Guard Service of the Russian Federation, 2-ya Kurskaya st., 54, apt. 41, Oryol, 302004, Russian Federation; snigireva.elena@inbox.ru; +79051663235.

ПАРАДОКСЫ СВЕРХСЛОВНОЙ НОМИНАЦИИ (К ВОПРОСУ О ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ/ТВОРИМОСТИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ)

Щекотихина И.Н.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: Рассматривается специфика сверхсловных номинативных единиц с точки зрения их воспроизводимости/творимости в речевой деятельности человека.

Ключевые слова: сверхсловная номинация, свободные и устойчивые словосочетания, воспроизводимость, стереотип, творчество.

Abstract: The article considers the specificity of word-group nominative units in terms of their reproducibility/creativity in human speech activity.

Key words: word-group nomination, free and set word groups, reproducibility, stereotype, creativity.

Вопрос о воспроизводимости/творимости средств сверхсловной номинации представляет отдельный интерес в рамках изучения проблем речевой стереотипности и креативности. Особый статус этих единиц обусловлен, во-первых, раздельнооформленностью их компонентного состава, во-вторых, разнородностью их свойств. Раздельнооформленность номинативного средства обуславливает специфический характер такой характеристики, как «готовый вид», которая кладется в основу способности к воспроизведению в речи. Разнородность свойств выражается в разной степени проявления таких характеристик, как устойчивость и идиоматичность.

По степени устойчивости словосочетания традиционно подразделяют на свободные и несвободные (устойчивые). Несвободные словосочетания, состоящие из слов с ослабленным или утраченным значением, характеризуются устойчивостью и семантической целостностью, вследствие чего они не

конструируются в процессе речи из отдельных компонентов, а используются говорящим как готовые словесные блоки. Свободные словосочетания состоят из слов, сохраняющих свою лексическую самостоятельность, что проявляется в способности замещаться словами соответствующей категории, поскольку синтаксические связи в них являются живыми и продуктивными. Считается, что свободные словосочетания создаются в речи каждый раз заново и распадаются после того, как они были созданы, и составляющие их слова вновь обретают полную свободу вступать в другие комбинации.

Однако исследование проблем сочетаемости дает основания утверждать, что абсолютно свободных сочетаний лексем в языке не существует, есть только разные по возможностям сочетаемости группы слов, «ни одно слово не может вступать в сочетания с каким-нибудь другим словом; каждое слово сочетается с ограниченным количеством других слов, и в каждом случае границы могут и должны быть нащупаны и установлены» [1, с.108]. Таким образом, в сфере словосочетаний очень большое количество единиц составляет промежуточную область между сочетаниями с высокой и низкой степенью сочетаемости компонентов, с высокой и низкой степенью стабильности компонентного состава, с высокой и низкой степенью спаянности значения.

Учеными неоднократно предпринимались попытки обозначить данный пласт словесных комбинаций и систематизировать его. Однако в связи с тем, что свободные словосочетания традиционно относятся к ведению грамматики, а несвободные изучаются во фразеологии, подавляющее большинство классификаций фиксирует внимание на разновидностях сочетаний последнего типа. Число таких классификаций довольно велико. Характер включаемых в них единиц и типологических оснований варьируется также как и трактовки понятий «устойчивость» и «идиоматичность».

Несмотря на разнородность единиц данного типа, исследователи выявляют в них ряд общих свойств. Такие единицы являются целостными узуальными наименованиями и функционально эквивалентны словесным наименованиям. Отмечается связанность значения одного из компонентов,

обусловленная нестандартной ограниченной (серийной или уникальной) сочетаемостью, причинами которой являются действие узуса, традиции, процессы номинации (особенно вторичной, метафорической). Им не свойственны образность (или она является стертой) и экспрессивность. Они характеризуются разной степенью устойчивости, под которой часто понимается «скорее степень неслучайности совместной встречаемости слов» [8, с.577]. Они рассматриваются, с одной стороны, как моделируемые сущности, с другой, как воспроизводимые. Степень их востребованности в речи довольно высока.

С психофизиологической точки зрения, «готовность» этих единиц обусловлена тем, что человек хранит в памяти «следы» их употреблений (как правило, в привязке к определенным контекстам, ситуациям, предметным областям и т.п.). Их существование представляется как «генетически и статистически обусловленная данность» [4, с.53]. Основанием их воспроизводимости можно считать привычность сочетаний, восприятие их как нормальных, естественных средств для наименования повторяющихся или однотипных фактов действительности в типичных речевых ситуациях, т.е. их коммуникативную (функциональную) прецедентность. Вполне очевидно, что «в обыденной речи человек сочетает слова так, а не иначе потому, что привык слышать их именно в таком сочетании» [7, с.68], «все стереотипные (социально значимые) вербальные ассоциации возникают и закрепляются в языковом сознании людей в значительной мере под влиянием текстов как естественный итог постоянного существования человека не только в мире вещей (прежде всего – биосфере), но и в мире слов (лингвосфере)» [6, с.145], поэтому «во многих случаях говорящий сам не может определить, присутствует ли то или иное выражение в его памяти в качестве готового блока, либо является результатом легко опознаваемой, почти незаметной, но все же вторичной аналогической проекции» [3, с.99]. В целом, в языковом континууме наблюдается широкая многоступенчатая градация степеней устойчивости, и в действительности в речи намного больше устойчивых (в той или иной мере) словосочетаний, чем представляется при строгом разграничении языка и речи [5].

Соответственно, характер «готового вида» словосочетания различен. Это может быть целостная форма, соотносимая с определенным содержанием. Это может быть относительно гибкий шаблон (для сочетаний постоянно-переменного состава). Это может быть потенциальная предсказуемость возникновения той или иной комбинации, реализуемая в рамках соответствующей ситуации, типа дискурса, жанра и т.п.

Способность сохранения и воспроизведения целостной формы не связана напрямую со степенью идиоматичности и устойчивости сочетания. Мы полагаем, что не всегда «по мере того, как мы переходим от идиом к словосочетаниям, элементы которых в той или иной степени обособлены друг от друга, <...> можно говорить о том, что они выбираются не совместно, а порознь в процессе развертывания содержательной стороны речи» [2, с.84]. Совместность/несовместность выбора обуславливается степенью привычности и востребованности того или иного сочетания в коммуникативном опыте индивида (и в узусе в целом) и проявляется в скорости установления связи между его компонентами. Скорость установления связи определяется рутинностью коммуникативных задач, многократностью осуществления однотипных речемыслительных операций. Вряд ли человек, произносящий сочетание *проездной билет*, каждый раз прилагает усилия по поиску, выбору и соединению слов «билет» и «проездной». Компоненты этой номинации связаны довольно прочной ассоциативной связью, которая мгновенно активизируется в актуализирующей коммуникативной ситуации.

Полагаем, что аналогичным образом активизируется связь при порождении «более свободного» словосочетания, например, в ситуации, когда студент говорит, что на экзамене ему достался *легкий/трудный билет*. В данной ситуации имеет место уточняющая номинация, актуализирующая признак степени сложности в репрезентации конкретного референта. Логично предположить, что операция приписывания данного признака данному референту (характеризующая предикация) происходит в текущей ситуации, на основании чего следует заключить, что это словосочетание образуется из

отдельных слов в момент речи. Однако мы также можем предположить, что ни данная словесная комбинация, ни данный тип референтов, ни операция соотнесения этого словосочетания с референтом не являются абсолютно новыми в коммуникативном опыте говорящего. Иными словами, в его опыте имеются прецеденты использования такого сочетания для наименования известной категории объектов в определенных жизненных ситуациях.

Даже если предположить, что человек никогда не слышал и не употреблял в речи сочетание *легкий/трудный билет* и впервые совершает действие по приписыванию данного признака данному объекту, то вряд ли совершаемое действие носит характер длительного поиска и выбора слов и синтаксической модели. Это происходит в естественном автоматизированном режиме по аналогии с похожими номинациями, что определяется, во-первых, категориальными свойствами соответствующего класса референтов, во-вторых, типичностью речемыслительных операций, т.е. данное словосочетание оказывается предсказуемым, потенциально существующим в коммуникативной памяти говорящего. И это происходит не потому, что человек знает о наличии в языке данной синтаксической модели и правил ее заполнения словами, а потому, что он неоднократно проделывал подобные операции со схожими объектами, т.е. такая операция для него вполне стереотипна. Тем не менее, мы не можем отрицать фактов обращения к правилам и моделям, т.е. к знаниям о принципах (путях, стратегиях) построения тех или иных типов словосочетаний, что особенно характерно, например, для начальных стадий овладения иностранным языком. Однако, как отмечают исследователи, «именно потому, что всегда одна форма в языке может быть принята за эталон для другой <...>, жестких границ между единицами и правилами не существует» [9, с.135].

Таким образом, чем типичнее содержание, чем чаще оно востребовано, чем больше однозначности в соответствии между этим содержанием и некой формой, тем более это способствует стереотипизации и стабилизации формы.

Творческая новизна возникает в случаях выхода за рамки привычной и предсказуемой сочетаемости. В качестве примера можно привести название

повести В.Аксенова «Звездный билет». Полагаем, что это авторская номинация, т.е. продукт акта творения, а не воспроизведения языкового средства в том или ином готовом виде. Этим словосочетанием персонаж повести называет видимый из окна квартиры кусочек ночного неба, похожий своими пропорциями на железнодорожный билет, пробитый звездным компостером. Само по себе сочетание характеризуется метафоричностью и, соответственно, оригинальностью семантики и сочетаемости. Здесь мы наблюдаем, во-первых, перенос значения на основе внешнего сходства объектов, во-вторых, установление аналогии между объектами земного и космического миров и, в-третьих, перенос значения материального объекта на идеальный. Еще большую метафоричность и символичность это сочетание приобретает в контексте повести. Оно реализует целый комплекс смыслов: романтические настроения молодежи шестидесятых годов, стремление к чему-то новому и неизведанному, к свободе и самостоятельности, желание сделать что-то настоящее, стоящее, вера в свои силы, в счастливую судьбу. В данном контексте звездный билет – это своего рода пропуск в новую, свободную и счастливую жизнь. Это художественный образ, возникший в результате интеграции признаков, относящихся к разнородным ментальным пространствам, что выходит за рамки привычной смысловой сочетаемости.

Однако с момента публикации данного произведения (1961 год) словосочетание *звездный билет* постепенно становится средством типовой номинации. Оно нередко встречается в заголовках и контекстах статей, посвященных В. Аксенову: «Его звездный билет» («Огонёк» №34, 2007), «Звездный билет в рай» («Октябрь» №6, 2015), «Звездный билет» в один конец («Вечерняя Москва» 18.08.2020), «Мой младший брат» стал звёздным билетом в большую актёрскую жизнь для исполнителей главных ролей, молодых тогда ещё актёров: Збруева, Даля и Миронова (Киноexpert.ru 22.02.2009). В этих случаях воспроизведение происходит по принципу цитирования, в чем также можно усмотреть элемент творчества, но, как это ни парадоксально звучит, уже тиражированного. Сочетание *звездный билет* становится все более

популярным и реализует значение пропуска в успешную карьеру: *Пока ей выдан окрыляющий аванс, звездный билет в дорогу, за который, конечно же, придется платить* («Советский экран» № 1, 1977) или объединяет исходный смысл со значением фразеологизма ***вытянуть счастливый билет***: *Я была 19-летней студенткой Щукинского театрального училища, когда меня утвердили на главную роль в фильме "Романс о влюбленных", и я вдруг почувствовала себя человеком, который вытянул звездный билет* («Труд» 18.08. 2007). Более того, в 2008 году в рамках фестиваля «Аксенов-фест» учреждена Международная литературная премия «Звездный билет», присуждаемая с целью выявления и поощрения молодых талантов в сфере литературы и искусства.

Приведенными примерами мы хотели проиллюстрировать мысль об условности понятия «воспроизводимость в готовом виде» и градуальности характера соотношения между готовым и создаваемым, между стереотипным и творческим. Степень стереотипности/оригинальности словосочетания может варьироваться в зависимости от степени отхода от норм предметно-логической, лексемной, грамматической, стилевой сочетаемости, от степени семантических преобразований, от степени «готовности» единицы.

Обращаем также внимание на тот факт, что многие воспроизводимые словосочетания (идиомы, авторские/оказиональные новообразования и т.п.), становясь языковыми/речевыми стереотипами, изначально являются продуктом нестереотипной речемыслительной деятельности, что выделяет их из числа прочих словосочетаний и закрепляет их в памяти в качестве специфических номинативных средств. «Свободные» же номинации привычных вещей являют собой результат штатных лингвокогнитивных действий. Их восприятие и порождение не требует значительных усилий. Сама реальность и опыт общения предопределяют их употребление. Даже в случаях первичного употребления (по сути, создания) они не воспринимаются как неожиданные, нестандартные. Между тем созданные в процессе творчества уникальные и оригинальные средства номинации обнаруживают нетипичные, глубинные свойства и отношения референтов, выражают нетривиальные оценки и т.п.

Список литературы:

1. Аничков И.Е. Труды по языкознанию. СПб.: Наука, 1997. 510 с.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. Москва: URSS, 2009. 383 с.
3. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
5. Кулаева О.А. О внутренней «сцепленности» неустойчивых словосочетаний // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. Вып. 4-1. С. 211–215.
6. Мартинович Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии. 1990. No 2. С. 143–146.
7. Осокина С.А. О степени языковой свободы на уровне сочетаний слов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2011. № 2 (14). С.67–72.
8. Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. От коллокаций к конструкциям // Acta linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т.10. №2. С.568–617.
9. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. 240 с.

Сведения об авторе

Щекотихина Ирина Николаевна; кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; shchekotikhina69@mail.ru.

Shchekotikhina Irina Nikolayevna; PhD in Philology, Associate Professor, Head of the English Language Department, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; shchekotikhina69@mail.ru.

СЕКЦИЯ №6 СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СМИ И ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИИ

УДК 811.111

ГРАФИЧЕСКИЕ И МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ИМПЛИЦИТНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БЛОГАХ

Видинеева Н.Ю.

Пензенский государственный университет

г. Пенза, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу графических и мультимодальных средств имплицитности в англоязычных блогах. В качестве таких средств автор выделяет литуратив, капитализацию, курсивизацию, чередование регистров, а также креолизованные тексты, в частности, Интернет-мемы. Анализ продемонстрировал, что данные средства имплицитно авторские интенции, а также авторское отношение к событиям и феноменам.

Ключевые слова: имплицитность, блоги, литуратив, капитализация, курсивизация, Интернет-мемы

Abstract: The article concerns typographic and multimodal means of implicitness in English blogs. The author identifies lituratives, capitalization, italicization, altering of case and creolized texts, specifically Internet memes. The analysis shows that these means implicate the addresser's intentions and attitudes towards facts and phenomena.

Key words: implicitness, blogs, liturative, capitalization, italicization, Internet memes

Интернет является каналом коммуникации, способствующим расцвету коммуникативной креативности пользователей. Как пишет Е.И. Горошко, «ситуация установления и поддержания контакта приводит к коммуникативному новаторству, делая это общение необыденным и оригинальным. Креативность языковой виртуальной личности в коммуникативном пространстве сети постоянно растет. Причем “рост” этот

идет по всем языковым уровням, что делает сетевой язык уникальным исследовательским объектом <...> Нередко это новаторство выражается в отклонении от графических и грамматических норм» [5, с. 228].

Креативность коммуникантов в сети Интернет находит выход в разнообразных формах языковой игры (ЯИ). В целом ЯИ А.П. Сковородников понимает следующим образом: «Языковая игра – специфическая речевая деятельность, состоящая в таком использовании Стилистических приёмов <...>, которое направлено на создание остроумных, преимущественно комических высказываний и оборотов речи. Под остроумием понимается особая способность ума к изобретению или нахождению речевых оборотов и высказываний, обладающих облигаторно (обязательно) свойствами меткости, оригинальности и неожиданности, и факультативно (не обязательно) – свойствами причудливости, эксцентричности и эпатажности» [7, с. 787-788]. Особые средства ЯИ, присущие Интернет-коммуникации, были описаны Е.Ю. Викторовой [3]. Согласно мнению Е.Ю. Викторовой, «гибридный устно-письменный характер интернет-коммуникации способствует использованию многих приемов ЯИ. Так, с письменной формой связано стремление к эстетизации коммуникации, игра с формой, использование для ЯИ графических, шрифтовых возможностей интернет-сервисов <...>» [3, с. 296]. В своем анализе Е.Ю. Викторова к приемам ЯИ в Интернет-коммуникации относит графические и шрифтовые особенности компьютерного письма, разбивку слова на слоги дефисом, эрративы (слова с нарочитым нарушением языковых норм), нестандартное написание слова, обыгрывающее его значение, голофразис (ликвидация пробелов между словами), иноязычные лексические элементы и иноязычные особенности словообразования, литуратив [3, с. 296-300].

Креативная речетворческая деятельность пользователей сети (в частности, использование различных вариантов шрифтового оформления текстов Интернет-коммуникации), на наш взгляд, способствует усилению семантической сложности коммуникации. За эксплицитно выраженными и

легко инферируемыми смыслами рождаются скрытые, имплицитные смыслы. Интерпретация имплицитных смыслов невозможна без учета как ближайшего лингвистического, так и прагматического контекста (на это указывает, в частности, Дж. Юл [12, с. 42-44]).

Пользователи англоязычных блогов часто прибегают к графическим возможностям компьютерного письма, которые повышают креативность текста и вкладывают в него имплицитные смыслы. Одним из таких средств является литуратив (помещение в текст зачеркнутого элемента: слова или фразы). Термин-понятие принадлежит Г.Ч. Гасанову [4]. Как пишет о случаях литуратива Е.Ю. Викторова, «отношения между той частью текста, которую зачеркнули, и той, что осталась, могут быть разными: ассоциативные; отношения реальности/нереальности, идеальной ситуации/реальной ситуации; отношения, основанные на эффекте обманутого ожидания и т. д.» [3, с. 300]. В подобных случаях, согласно Е.Ю. Викторовой, именно «зачеркнутая часть <...> создает эффект смысловой многослойности» [3, с. 300]. Инферировать имплицитный смысл начертанного таким образом текста, на наш взгляд, возможно, принимая во внимание конвенциональный смысл конститутивных единиц и отношения между частями высказывания:

Perhaps I can explain that at least in part by pointing you at the closest thing I've seen in a public statement to my own opinion, which is a column in the ~~Telegraph~~ Times by Matthew Parris.

[<https://scienceblogs.com/stoat/2016/05/23/say-no-to-brexit>]

Зачеркнутое слово в приведенном примере является никнеймом британской газеты The Telegraph, поддерживающей политику Консервативной партии Великобритании [11]. Мы считаем, что две части предложения – зачеркнутая и не зачеркнутая – находятся в ассоциативной связи друг с другом. Не зачеркнутый элемент ассоциируется с зачеркнутым, перенимая его значение. Таким образом, лексема The Times имплицитно выражает значение «газета, поддерживающая политику консерваторов Великобритании».

Как отмечает Дж. Кристал, некоторые графические особенности языка Интернет-коммуникации являются попыткой заменить просодические и параязыковые элементы устной коммуникации. К таким замещающим средствам он относит чрезмерное использование пунктуации и букв, капитализацию, использование пробелов и специальных символов (например, звездочек и нижнего подчеркивания) [8, с. 37]. Что касается смыслов, передаваемых этими средствами, Дж. Кристал утверждает, что «эти особенности, несомненно, обладают определенной выразительностью, но диапазон смыслов, которые они передают, мал и ограничивается лишь грубыми понятиями, например, чрезмерное акцентирование, удивление и замешательство» [8, с. 38].

В текстах англоязычных блогов мы обнаружили лишь некоторые из средств замены параязыка: капитализацию, курсивизацию, прием чередования верхнего и нижнего регистров. Мы солидарны с Дж. Кристалом в том, что эти средства не могут имплицировать широкий спектр смыслов. Но их связь с параязыком может имплицировать авторское отношение к диктумной части высказывания или авторские намерения, например:

So hard to watch @FoxNews anymore. They are working so hard against the people (viewers) that got them there. Their contributors are a disaster, and all over the place. The Radical Left has scared Fox into submission, just like they have so many others. Sad, but we will WIN! [<https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1282668779575615494>]

Такой прием имплицировать авторское намерение сделать ударение на выделенном элементе, усилить его значение: «Я подчеркиваю, что мы победим». Принцип функционирования верхнего регистра в письменном тексте равнозначен принципу функционирования голосового выделения частей высказывания в устной коммуникации. Таким образом, применение верхнего регистра на письме не только имплицировать авторское намерение, но и трансформирует характер коммуникации, приближая ее к устной.

Подобным образом функционирует и курсивизация (термин заимствуем из работы О.В. Бабенко, И.И. Курмаевой и И.М. Рахимбирдиевой [1, с. 284]):

So it's time to set aside your entitlement for a moment, and it's time to realize that Libertarians and 2A supporters owe you nothing. It's time for you to arm *yourselves* and put *your* money where your mouth is. It's time to *FIGHT YOUR OWN FUCKING FIGHT*.
[https://www.reddit.com/r/Libertarian/comments/hvt860/where_are_the_libertarians_why_are_they_helping/]

Выделение возвратного и притяжательного местоимений 2 лица курсивом имплицитно подразумевает авторское намерение выделить адресата и, как становится понятно из ближайшего контекста, возложить на него ответственность за действия. Сочетание верхнего регистра и курсива усиливает имплицитное намерение автора сделать акцент на фразе: «Я подчеркиваю, что вам необходимо вести свою борьбу».

Чередование верхнего и нижнего регистров как характерная черта Интернет-коммуникации было описано С. Херринг [9, с. 2]. Подобный прием начертания текстового элемента также, на наш взгляд, является инструментом имплицитности:

Seriously, it's painfully obvious that you don't actually think bOtH sIdEs aRe eQuALLy as bad. Of course, you are free think that way, but who the hell do you actually think you're fooling?

[https://www.reddit.com/r/Libertarian/comments/hvtad9/an_observation_ive_made_about_the_both_sides/]

Чередование регистров качественно выделяет фразу из общего текста, фиксируя на ней внимание реципиента. Неконвенциональность сочетания регистров вместе с контекстом создает эффект сарказма, передергивания. Имплицитное авторское отношение к мнению адресата можно описать как «Я не отношусь серьезно к твоему мнению о том, что обе стороны одинаково дурны».

Технические возможности включения в текст различных мультимодальных элементов (изображений, видео и проч.) сделали Интернет-коммуникацию поликодовой. В блогосфере широкое распространение получили так называемые креолизованные тексты. Как указывает Н.С. Валгина, их особенностью является сочетание вербальной и иконической части [2, с.

127]. Особым типом креолизованных текстов, циркулирующих в сети, являются Интернет-мемы. О. Прохазка определяет мем так: «Интернет-мемы – это символы креативности в форме визуального развлечения. Они основаны на использовании юмора, богатой интертекстуальности, нетипичной сочетаемости и актуальности» [10, с. 56]. Все типы Интернет-мемов обладают определенным набором характеристик: вирусность, серийность, реплицируемость, эмоциональность, медийность, полимодальность, прецедентность и имплицитность [6, с. 75-78]. Мы полагаем, что импликационный потенциал Интернет-мема базируется на прецедентности самого мема, феномена, отраженного в нем, а также на максимальной компрессии смыслов. Реципиенту нужно прикладывать дополнительные когнитивные усилия, чтобы интерпретировать авторское отношение к феномену или событию, например:

[https://www.reddit.com/r/BrexitMemes/comments/c5e08p/its_not_very_effective/?utm_medium=android_app&utm_source=share]

Высказывание в верхней части мема *Britain before Brexit* подкреплено изображением могущественного и агрессивно настроенного существа, что имплицитно выражает идею о могущественной Великобритании до выхода из ЕС. Высказывание в нижней части мема *Britain after Brexit* сопровождается изображением погибшей рыбы, что имплицитно выражает обеспокоенность автора угасанием экономической и политической силы государства после отделения от ЕС.

Таким образом, англоязычные блогеры для импликации своих намерений и эмоционального отношения используют различные графические и мультимодальные возможности Интернета как канала коммуникации. Наш анализ позволил выделить и описать лишь некоторые из них: литуратив,

капитализация, курсивизация, чередование верхнего и нижнего регистров, а также креолизованные тексты и их частный вид – Интернет-мемы. Несомненно, дополнить этот список позволит дальнейший анализ англоязычной блогосферы.

Список литературы:

1. Бабенко О.В., Курмаева И.И., Рахимбирдиева И.М. Языковые тенденции в виртуальном пространстве на примере русского и английского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2018. – С. 282-288.
2. Валгина Н.С. Теория текста. М., Логос, 2003. 280 с.
3. Викторова Е. Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) // Жанры речи. – Саратов, 2018. – С. 294–303.
4. Гасанов Г.Ч. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литуративы [Электронный ресурс] Режим доступа: [URL: <http://speakrus.ru/gg/litulative.htm>].
5. Горошко Е.И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 5/ отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орел: ОГИИК, ПФ «Картуш», 2007. – С. 223-237.
6. Канашина С.В. Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. №811. С. 74-80.
7. Сковородников А.П. Языковая игра // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание / ред. А.П. Сковородников. Красноярск, Сиб. федер. ун-т, 2014. 852 с.
8. Crystal D. Language and the Internet. 2nd Edition. Cambridge University Press, 2006. 305 pp.

9. Herring S. Grammar and Electronic Communication [Электронный ресурс] Режим доступа: [URL: <https://info.sice.indiana.edu/~herring/e-grammar.pdf>].
10. Procházka O. Internet Memes – A New Literacy? // Ostrava Journal of English Philology – Ostrava, 2015 – P. 53-74.
11. Urban Dictionary [Электронный ресурс] Режим доступа: [URL: <https://www.urbandictionary.com>].
12. Yule G. Pragmatics. Oxford, Oxford University Press, 1996. 138 pp.

Сведения об авторе:

Видинеева Наталья Юрьевна, преподаватель, аспирант, Пензенский государственный университет, 440026, Российская Федерация, Пенза, ул. Красная, д. 40; ya.natashavidineeva@yandex.ru.

Vidineeva Natalya Yurievna, junior lecturer, PhD student, Penza State University, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, Russian Federation; ya.natashavidineeva@yandex.ru.

УДК 37.018

ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Долгова Е.В.

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации

г. Орёл, Россия

Кравцова А.А.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орёл, Россия

Аннотация: В статье предпринимается попытка рассмотрения проблемы становления и развития онлайн-обучения как актуального формата медиаобразования в высшей школе. Авторами приводятся определения понятий, акцентируется внимание на достоинствах и недостатках онлайн-обучения на сегодняшний день.

Ключевые слова: медиаобразование, медиаграмотность, дистанционное обучение, онлайн-обучение.

Abstract: The article attempts to consider the problem of the formation and development of online learning as an actual format of media education in higher school. The authors provide definitions of concepts, focus on the advantages and disadvantages of online learning today.

Key words: media education, media literacy, distance learning, e-learning.

Возрастающая роль информационного воздействия медиаконтента, а также необходимость логического структурирования его возрастающего объёма по конкретным параметрам обуславливает качественные изменения в образовательном процессе при работе с информацией, о чем свидетельствует государственная программа РФ «Информационное общество» (2011-2020 гг.) призванная повысить уровень цифровой грамотности «с использованием современных информационных, телекоммуникационных и цифровых технологий» [5].

В связи со сложившимися обстоятельствами, как в России, так и в мире в целом возникает насущная потребность развития медиаобразовательной среды в системе российского высшего образования. В контексте данного рассмотрения затронутой проблемы особое значение приобретают такие понятия как *медиаобразование, медиаграмотность, медиакомпетентность*.

Федоров А.В. трактует *медиаобразование* как процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, обучения различным формам

самовыражения при помощи медиатехники, обретения медиаграмотности [3, с.480].

Очевидно, что медиаобразование имеет междисциплинарный характер и составляет неотъемлемую часть содержания разноплановых дисциплин в контексте тематических, инструментальных, технических, историко-логических составляющих.

В узком понимании *медиаобразование* – освоение разнообразных видов компьютерных программ и технических устройств.

Медиаобразование является активно развивающимся направлением в области современной педагогики высшей школы. Однако, отметим, что на сегодняшний день наблюдается отсутствие солидарности в определении данного понятия, что свидетельствует лишь о начале становления медиаобразования как фундаментального педагогического направления.

На сегодняшний день можно выделить следующие направления развития медиаобразования в высшей школе:

1. медиаобразование будущих специалистов: получение профессиональных компетенций и опыта медийных профессий;
2. медиакомпетентность будущих педагогов; повышение квалификации преподавателей ВУЗов в рамках курсов по медиаграмотности;
3. медиаобразование как часть общего образования обучающихся ВУЗов, имеющее междисциплинарный характер;
4. дистанционное медиаобразование обучающихся с использованием мультимедийных средств.

Отметим, что работ, посвященных интегрированному исследованию проблемы применения мультимедийных технологий для развития медиаграмотности обучающихся, в частности касающихся системы дистанционного (онлайн) обучения, достаточно ограниченное количество. Анализ состояния проблемы разработки и применения разноплановых педагогических технологий для развития медиаграмотности обучающихся в системе дистанционного (онлайн) обучения недостаточно изучен на

сегодняшний момент, что свидетельствует об актуальности данного вопроса в научно-методическом аспекте.

Дистанционное обучение не является чем-то новым, но максимально широкое распространение оно получило именно в последнее время. Развитие интерактивных технологий, их возрастающее влияние на все сферы деятельности человека привело к тому, что многие навыки и даже практические умения можно получить, используя интернет ресурсы. Многие исследователи рассматривают дистанционное обучение как наиболее оптимальную форму получения знаний и называют его образовательной системой 21 века [1;4;6].

Для внесения ясности необходимо дать определение понятиям дистанционное обучение и онлайн-обучение, так как между ними очень тонкая грань. Отождествляя обе формы обучения, мы будем отчасти правы, обе формы подразумевают отсутствие физического контакта между участниками образовательного процесса. Дистанционное обучение – это форма получения образования, при которой взаимодействие между преподавателем и обучающимся происходит на расстоянии с помощью мультимедийных технологий. Возникла такая форма обучения в тот момент, когда люди решили фиксировать имеющиеся у них знания, чтобы передать их. С появлением Интернета популярность дистанционного обучения выросла, открылись новые возможности для людей, проживающих в удаленных населенных пунктах, маломобильных групп населения. Онлайн-обучение возникло позднее, оно существует только в сети Интернет. Основным отличием онлайн-обучения от дистанционного является момент получения информации – онлайн-обучение происходит в режиме реального времени, преподаватель взаимодействует с учащимися при помощи специального программного обеспечения, где есть возможность текстовой, голосовой и (или) видеосвязи в режиме онлайн. Такой формат обучения можно считать логическим продолжением дистанционного, где «онлайн» происходит не только передача необходимой информации, но и общение с преподавателем, одногруппниками. Обе формы обучения объединены рядом характерных признаков, таких, как гибкий график

получения информации, индивидуальный темп обучения, постоянная связь с преподавателем.

Можно говорить о разных уровнях онлайн-обучения. Прежде всего, это электронные библиотеки, которые пришли на смену бумажным изданиям. Следующим уровнем можно считать онлайн-организацию образовательного процесса, позволяющую экономить время и повышающую эффективность использования рабочего времени студента [2,с.10].

Формат онлайн-образования зависит от масштаба и глубины освещаемой темы. Наибольшей популярностью пользуется такой формат, как вебинар, который может быть, в том числе и составной частью онлайн-курса, объединяющим несколько уроков, имеющих одинаковую тематику. Онлайн-курс, в свою очередь, может создаваться в рамках онлайн-школы. Еще одним форматом онлайн-обучения является комьюнити, в рамках которого предоставляется доступ к определенному чату или диалогу с ценным контентом в течение какого-то времени.

Как правило, онлайн-обучение происходит на специально созданных для этой цели интернет-платформах. Примером могут служить такие платформы, как GetCourse или JustClick. Данные платформы максимально автоматизированы и участие преподавателя при хорошей технической поддержке специалистов может быть сведено к минимуму. Но организация онлайн-обучения может происходить почти на любой платформе, при условии использования дополнительных инструментов.

Социальные сети расширяют свой потенциал с целью развития возможностей онлайн-обучения. Социальная сеть В контакте позволяет создать тот или иной обучающий курс в закрытой группе или диалоге с возможностью проводить прямые эфиры и обсуждения в группах до 500 человек.

Закрытые аккаунты инстаграм также имеют инструменты для проведения прямых эфиров, создания чатов для обсуждения выложенной в сеть информации, но количество участников ограничивается 32.

Telegram также имеет функциональные возможности для обучения, при условии использования канала и чата для обсуждения.

Наконец, для успешного осуществления онлайн-обучения создаются сайты, имеющие разнообразные функции и возможности для обучающихся, являющихся самостоятельными образовательными платформами.

При имеющемся многообразии форматов и платформ онлайн-образования основным вопросом для преподавателей и обучающихся является качество получаемого продукта и способность сохранить прежний уровень образования. Споры на этот счет актуальны на сегодняшний день, единого мнения не выработано.

Сокращение количества часов, выделенных на дисциплины узкой направленности, невозможность для ВУЗа организовывать курсы для небольшого количества слушателей делает организацию узко специализированных онлайн-курсов очень привлекательным для учебного заведения, таким образом обеспечивая многообразие знаний и возможностей [2,с.15].

К положительным сторонам обучения онлайн можно также отнести гибкость и адаптивность курсов, в которые можно вносить изменения по мере востребованности, их доступность. Широта охвата целевой аудитории определяется только техническими возможностями образовательной платформы. У обучающихся и преподавателей появляется возможность экономить время, не затрачивая его на дорогу до университета и обратно, а так как доступ к онлайн-лекции или курсу остается открытым, то у обучающегося будет возможность повторить материал или лучше в нем разобраться. Правильно выстроенный онлайн-курс и тщательно продуманная функциональная сторона данного курса могут задавать определенный стандарт образовательного продукта, когда слушатели могут успешно сравнить качественный образец с прослушанным курсом в университете.

На наш взгляд, самое большое преимущество от онлайн-обучения получают студенты, уже имеющие работу, а также не имеющие возможности посещать занятия офлайн по тем или иным причинам.

Несмотря на то, что каждый ВУЗ имеет в своем арсенале ряд онлайн-курсов, расширяющих образовательный потенциал заведения, нет однозначного мнения о замене стандартного классического занятия на занятие онлайн.

Несмотря на очевидные плюсы онлайн-обучения в высшей школе, тем не менее, следует упомянуть ряд недостатков, требующих обсуждения и рассмотрения педагогическим сообществом.

Повсеместное применение онлайн-платформ выявило, что на данном этапе существует ряд проблем, в частности:

- отсутствие стандартов на государственном уровне, позволяющих регламентировать ряд параметров использования онлайн-обучения (время, единая образовательная платформа, основные методологические подходы);

- снижение объективности контроля преподавателем в силу невозможности проверки наличия шпаргалок, например, при монологическом высказывании, которое может сводиться к зачитыванию материала с экрана медиаустройства;

- долговременная работа за компьютером оказывает негативное влияние на здоровье обучающихся. Также нет регламентации по поводу количества ежедневных онлайн-занятий.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что онлайн-обучение планомерно становится неотъемлемой частью высшего образования в России. Но говорить о повсеместном его применении в учебном процессе или полном переходе на дистанционное обучение, на наш взгляд, преждевременно в силу отсутствия единого подхода как в разработке теоретического и понятийного аппарата, так и в его практической реализации в рамках высшего образования государственного образца.

Список литературы:

1. Козелков, О.В. Дистанционное обучение в высшем образовании: реальность и перспективы / О. В. Козелков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2017. — № 3–1. — С. 91–93.
2. Кузьминов, Я.И. Онлайн-обучение: как оно меняет структуру образования и экономику университета. Открытая дискуссия Я. И. Кузьминов – М. Карной / Я. И. Кузьминов // Вопросы образования. – 2015. – № 3. – С. 8 – 43.
3. Медиаобразование // Большая российская энциклопедия. Т. 17. М.: Большая российская энциклопедия, 2012. – С. 480.
4. Пиневич, Е.В. Дистанционное обучение: проблемы и решения / Е. В. Пиневич // Международный научный журнал. – 2017. – № 6. – С. 106–110.
5. Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы "Информационное общество (2011-2020 годы)" от 15 апреля 2014 года. №313. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/4137/> (дата обращения: 20.08.2020).
6. Смирнова, Ж.В. Дистанционное образование как процесс управления обучением / Ж. В. Смирнова, Ж. В. Чайкина // Мир науки. – 2017. – Том 5. – № 2. – С. 1–7.

Сведения об авторах

Долгова Елена Викторовна; кандидат филологических наук, сотрудник Академии ФСО, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, 302015, г. Орёл, ул. Приборостроительная, д. 35; elenadolg76@mail.ru; 89050466156.

Dolgova Elena Victorovna, PhD (Philology), Staff Member, the Federal Guard Service Academy of the Russian Federation, Priborostroitelnaya st.,35, Oryol 302015, Russian Federation; elenadolg76@mail.ru; 89050466156.

Кравцова Анастасия Алексеевна; старший преподаватель кафедры иностранных языков Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 302028, г. Орел, ул. Комсомольская, 41, лит.А; kravtsovastacy2012@yandex.ru ; 89102082864.

Kravtsova Anastasiya Alexeevna, Senior Teacher, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 41, Oryol, 302028, Russian Federation; kravtsovastacy2012@yandex.ru ; 89102082864.

УДК 811.161.1

О ФРАЗЕОЛОГИИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Жуков А.В.

*ЛГУ имени А. С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Жукова М.Е.

г. Великий Новгород, Россия

Аннотация: под фразеологией нашего времени понимаются устойчивые обороты, широко употребительные в современном русском литературном языке (в текстах художественной литературы, литературной критики, публицистики и СМИ) и наиболее ярко передающие идеологический и «языковой вкус эпохи».

Ключевые слова: *фразеологизм, норма и употребление, идеология и СМИ, языковой вкус эпохи, лексикографическая практика.*

ABOUT THE PHRASEOLOGY OF OUR TIME

Zhukov A.V.

LSU named after A. S. Pushkin,

Saint Petersburg, Russia

Zhukova M.E.

Veliky Novgorod, Russia

Abstract: the phraseology of our time is understood as stable phrases that are widely used in the modern Russian literary language (in the texts of fiction, literary criticism, journalism and mass media) and most clearly convey the linguistic and ideological "taste of the epoch".

Keywords: *phraseology, norm and usage, ideology and media, language taste of the epoch, lexicographic practice.*

«Не правила язык рождают,
но из употребления оно
извлекаются правила»

[6, с. VI].

«Всякий поворот общественной истории
моментажно создает свою фразеологию,
отличную от фразеологии предыдущей эпохи,
прежде всего в социально-политической сфере»

[3, с.89].

Под *фразеологией нашего времени* условимся понимать наиболее востребованные и употребительные в современном литературном языке устойчивые обороты. Практически определить состав обозначенного виртуального множества достаточно сложно, так как для этого потребовалось бы создать базу данных если не для всех оборотов, то для основной их части

вкупе с контекстами их употребления в различных типах функциональных стилей и соответствующих текстов.

Представление исследователей о характере и объёме новой и коммуникативно наиболее значимой фразеологии современного русского литературного языка может существенно меняться в зависимости от понимания самого термина *фразеологизм*. Показателен в этом плане раздел «Новая фразеология» в книге В.Г. Костомарова «Языковой вкус эпохи», где наряду с собственно фразеологизмами в узком понимании *новый русский, горячая точка, с точностью до наоборот, открытым текстом* и под. приводятся воспроизводимые конструкции *освобождение от налогов прибыли, коммерческие структуры, налог с продаж, торговые отношения с сопредельными странами, адресная помощь немущим, конституционный процесс, переговорный процесс, инвестиционный процесс* и т. п. [3, с.89-99].

Приведённые примеры свидетельствуют об относительности представлений о новой, или современной, фразеологии. Вместе с тем при всех оговорках и допущениях фразеология нашего времени представляет собой несомненную языковую реальность.

Фразеология текущего момента, как и фразеология русского литературного языка, актуальная в предшествующие периоды его развития, с одной стороны, семантически и стилистически разнообразна и в этом плане мало в чём изменилась. С другой стороны, прежние обороты, употребляясь в текстах, отражающих современные реалии, обогатили свои валентные и коннотативные свойства, приобрели новые оттенки значения, иной колорит и значимость. В-третьих, появились фразеологические неологизмы исконного или заимствованного характера (*прораб перестройки, малиновые пиджаки, держать кукиш в кармане, закатывать в асфальт, мочить в сортире, однорукий бандит, оборотень в погонах, скелет в шкафу, сидеть на нефтяной игле, двойные стандарты, мало не покажется, поколение пепси, запасной аэродром, золотой парашют, вишенка на торте* и др.).

Так, для называния неудачников, терпящих поражение в политической борьбе, стали широкоупотребительны заимствованные из англоязычной культуры фразеологизмы *хромая утка* и *сбитый лётчик*. Данные обороты, не имеющие эквивалентов в русском языке, представляют концептуальный ряд, служащий для наименования неуспешных людей, неудачников, лузеров «по жизни»: *слабое звено, мелкая сошка, пятое колесо в телеге, пустое место, шишка на ровном месте* и под.

Фразеологизм *хромая утка*, впервые зафиксированный в нашем «Современном фразеологическом словаре русского языка» [5, с.414] (см. также [4, с.392]), означает политика, утратившего былой авторитет в глазах общественного мнения и не имеющий реальных шансов быть переизбранным на новый срок. В указанном значении в английском языке фразеологизм *хромая утка* (от англ. lame duck) стал употребляться только в последнее десятилетие XX века, первоначально же он означал неудачника, «несчастненького», калеку [1, с.776]. «...*Это как при избрании нового президента – старого называют хромой уткой. Так вот, Адвокат (голландский тренер питерского «Зенита» – А.Ж., М.Ж.) сейчас – эта самая хромая утка. Все знают, что он уходит*» (www.fontanka.ru 31 июля 2009). Приведённый пример употребления фразеологизма демонстрирует расширение первоначального значения английского оборота за счёт переключения оценки с признака физического дефекта на признак утраты прежнего высокого статуса в сфере политики или спорта из-за совершённых ошибок и промахов. Языковая норма, особенно в сфере семантики, всегда сохраняет «про запас» определённый зазор «на случай».

Фразеологизм *сбитый лётчик* в российских СМИ и в пространстве Интернета также активно «набирает обороты», в основном за счёт довольно частого использования в политическом и спортивном дискурсах. «Сбитым лётчиком» называют политического деятеля, а иногда известного спортивного тренера (как в приведённом выше примере), который не только не сумел взять первую высоту, но уже не возьмёт её никогда. Например: *Главное то, что ни к*

сбитому лётчику Ющенко, ни к хромой утке Саакашвили уже никто в мире из серьёзных политиков всерьёз не относится (rupor-naroda.livejournal.com. 26 сентября 2009.).

Вышеизложенные факты позволяют говорить о появлении в русском языковом сознании нового концепта «Лузерство», объединяющего целый ряд ключевых фразеологических оборотов. Этот концепт по природе своего происхождения можно образно назвать «импортным продуктом», который своеобразно трансформируется на русской почве. В структуре данного концепта выделяются лингвистические, социальные, психологические и этические аспекты. Деление всего человечества на «лузеров» и «успешных», обделённых судьбой и преуспевающих в жизни, всё более углубляющаяся пропасть между ними может служить предвестником грядущих социальных катаклизмов.

Как уже ранее отмечалось, современные устойчивые обороты приумножают свои семантико-стилистические, эмоционально-экспрессивные и сочетательные ресурсы, актуализируясь в текстах злободневной направленности. Например: *Жалко только, что такая качественная экспертиза мало чем помогла приоритетным проектам. Выполнить стратегическое поручение Путина – резко повысить инвестиционную привлекательность экономики РФ – с помощью элитных международных консультантов не удалось. Накрылись медным тазом и другие громкие прожекты... Не получилось, нашлись задачи поважнее: в 2017 году Никитину доверили «поднимать с колен» депрессивную экономику Новгородской области. Не сомневаемся, такой мастер обещать поднимет кого захочет!* Сергей Артемов. АСИ не справилось со стратегическим заданием Путина. Московский комсомолец, 2 июня 2020.

Я эту пандемию рассматриваю как некую дымовую завесу. А в реальности за этой дымовой завесой скрывается очень серьёзная схватка за перераспределение влияния, собственности, активов. Сергей Глазьев. Интегральный мирохозяйственный уклад. Завтра, 3 июля 2020.

«Второе дыхание» обретает новая и «хорошо забытая старая» фразеология в текстах современной художественной литературы. В этом отношении весьма показателен роман Юрия Полякова «Любовь в эпоху перемен». Приведём отдельные характерные примеры.

*Умел Шабельский и с хозяином разговаривать. Чуть что не так – сразу заявление на стол и улыбчивая угроза **поднять** в мировом журналистском сообществе такую **волну**, что **мало не покажется**. А Кошмарнику с его мокрой репутацией только волны не хватало.*

*«Кстати, а что у нас с шестой полосой?» – спохватился главный редактор. Там под рубрикой «Социология для бедных» с **колёс** шла статья знаменитого правозащитника Адама Королева.*

*Ренат, потеряв ногу в Чечне, не ездил больше в «**горячие точки**». Он пил и издавал «Отстой» – четырехполосную газетку полуправдинского формата с невнятной периодичностью: есть деньги – есть свежий номер, нет денег – нет и номера.*

*Либеральная **дымовая завеса** сгустилась в тучи, налилась грозovým мраком, грянула уличными беспорядками, ябедами в «**вашингтонский обком**» и такими вот картинками в журналах. Гена посмотрел на обложку «Денди-ревью».*

*– На радио можете не торопиться. – Почему? – удивился спецкор. – Пуртову позвонили из обкома – отсоветовали. – Вот оно у вас как? – Да, у нас так. Обком **держит руку на пульсе**. – Скорее на горле, – добавила Зоя.*

*– Ваше выходное пособие. – Заходьрка выложила на стол толстую пачку денег. – **Золотой парашют**. Наличными, чтобы без налогов. – А я думал, вы жадная. – Я экономная. Будь моя воля, вы бы ничего не получили. Не за что! Скажите спасибо Леониду Даниловичу.*

Таким образом, современная русская фразеология, даже независимо от степени своей фактической новизны, обладает свойством семантической и функционально-стилистической пластичности и мобильности, успешно обслуживая разнообразные виды дискурсов и реализуя соответствующие

коммуникативные и прагматические задачи. Отмечаемое многими современными стилистами сближение в языке и речевой практике разговорно-просторечной и книжной стихий наглядно демонстрируется и на фразеологическом материале. Разумеется, за этими объективными процессами и тенденциями скрываются причины не только собственно лингвистического порядка.

«В расколотом обществе, – верно подметил в этой связи В.Г. Костомаров, – не зная основы, на которой зиждется реальный общественный договор, трудно мечтать о том, что будет с языком, когда восторжествует научное и правовое здравомыслие свободных людей, достигших правды, справедливости, процветания и обретших доверие к власти и умение, преодолевая себя, приходить к согласию» [2, с.23-24].

Основная литература:

1. Большой англо-русский словарь в 2-х томах / Под ред. И.Р. Гальперина. Т. 1. М., 1972.
2. Костомаров В.Г. Язык текущего момента. СПб.: Златоуст, 2014.
3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999.
4. Жуков А.В., Жукова М.Е. Словарь современной русской фразеологии. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 2-е изд-е М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016.
5. Жуков А.В., Жукова М.Е. Современный фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ. Астрель, 2009.
6. Предисловие // Словарь Академии Российской, ч. 1. СПб., 1789.

УДК 81

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ОБРАЗА
ДОНАЛЬДА ТРАМПА В СМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-
ИЗДАНИЙ)**

*Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южного Федерального Университета
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация: Актуальность работы обусловлена потребностью в изучении механизмов создания комического образа политика в текстах СМИ. Цель работы состоит в анализе языковых средств, используемых для создания комического образа президента США Д. Трампа в американских либеральных и юмористических интернет изданиях. Материалом исследования послужили онлайн версии независимых либеральных и юмористических американских журналов.

Ключевые слова: образ политика, комический эффект, политический медиадискурс, политическая модализация.

Abstract: The relevance of the work is due to the need to study the mechanisms of creating a comic image of a politician in the media texts. The purpose of this work is to analyze the language tools used to create a comic image of the US President D. Trump in American liberal and humorous online publications. The research material was the online versions of independent liberal and humorous American magazines.

Keywords: image of a politician, comic effect, political media discourse, political modalization.

Одной из важнейших характеристик политического медиадискурса, под которым понимается «коммуникативное явление, имеющее своей задачей борьбу за власть посредством формирования общественного мнения, с помощью текстов СМИ» [5, с.49], выступает понятие политической модализации. Последняя может быть определена как изложением «событий, связанных с политической жизнью страны, под определённым углом зрения с целью формирования у аудитории позитивного или негативного отношения к ним в желаемом для автора изложения направлении» [2, с.61].

В силу этого тексты СМИ характеризуются учёными как перформативные: они обвиняют, упрекают, оказывают поддержку, изменяют общественное мнение, способствуют политической карьере политика или, наоборот, препятствуют ей [3, с.169]. На службе данных текстов находятся многочисленные средства, одним из которых выступает ирония, являющаяся «эффективным средством негативной оценки и, соответственно, дискредитации противника» [1, с.18].

Ирония и – шире – комическое часто используется журналистами для характеристики таких модальных объектов, как образы политиков. Последнее понятие скорее связано с понятием стереотипа, под которым понимается стандартизированный и устойчивый образ, позволяющий получить обобщенное представление о целой категории однородных явлений или объектов [4, с.93].

Политический образ включает как отражение характеристик политического лидера, так и оценки, мнения, знания, представления реципиентов [6]. В исследовании Н.П. Шелекасовой образ политического лидера определяется как отражение психологических черт политика в сознании избирателя, преломленное через призму глубинных массовых установок [7]. Исходя из приведенных определений, можно предположить, что политический образ, формируемый массовой аудиторией, может конструироваться за счет огромного количества установок, характеристик, мнений и т. д., и может быть, к примеру, не только положительным, серьезным, но и отрицательным, комическим.

Важной задачей для лингвистических исследований является идентификация и интерпретация комического как неотъемлемой части политического образа. Актуальность работы обусловлена потребностью в изучении механизмов создания комического образа политика в текстах СМИ. Цель работы состоит в анализе языковых средств, используемых для создания комического образа президента США Д. Трампа в американских либеральных и юмористических интернет изданиях.

Наш материал показывает, что под огонь критики попадает склонность Д. Трампа к обману. Так, на популярном либеральном веб-сайте [8] «HuffPost», размещено изображение Д. Трампа с заметно-удлинённым носом, которое сопровождается язвительным комментарием автора: «*A Growing Nose Isn't Accurate Enough – to estimate Trump's increasing lies, and ultimately one runs out of space trying to show it*» [9]. Комический эффект в данном примере базируется на аллюзии на склонного к вранью Пиноккио, героя одноимённой сказки, нос которого становился тем длиннее, чем больше он врал. В соответствии с этой аллюзией используются и сравнение растущего носа с увеличивающимися масштабами лжи Трампа (*increasing lies*), осуществляемое с помощью обыгрывания значений синонимов (*growing* и *increasing*), а также гипербола *one runs out of space*, подчёркивающая, что рано или поздно ложь станет настолько большой, что для её изображения просто не хватит места. Таким образом, с помощью данных средств Д. Трамп предстаёт как человек, которому невозможно доверять, так как он постоянно врёт.

Не меньшую критику вызывают высокомерие и заносчивость Д. Трампа, его неуважение к политическим противникам. Примером этого является ироничный заголовок, обнаруженный нами на новостном сатирическом веб-сайте «*The Babylon Bee*»: «*Trump Generously Offers To Give Biden 30-Minute Head Start On All Debate Responses*» [11]. Хорошо известно, что Д. Трамп неоднократно смеялся над медлительностью и даже умственной отсталостью Д. Байдена, придумав для него никнейм «*Sleepy Joe*», который, возможно, является реминисценцией песни с одноименным названием, в которой герой «*Sleepy Joe*» мягко порицается за свою лень. Д. Трамп довольно часто использует это прозвище при упоминании своего соперника. Соответственно, комический эффект достигается за счёт антифразиса (*generously offers*), поскольку на самом деле ни о каком великодушии Д. Трампа в отмеченном заголовке речь идти не может, а также гиперболы-издёвки над Д. Байденом: тридцать минут для ответа на вопрос в дебатах – нереально большая цифра, подходящая только для запредельно медлительного и неумного политика, каковым Д. Трамп считает

Байдена. На фоне заголовка содержащиеся в статье комплименты Д. Трампу («*Trump's scathing wit and daunting intellect*», «*Trump, being generous in demeanor and full of grace*») также воспринимаются как антифразис, т.е. способствуют созданию отрицательного образа американского президента.

В юмористических изданиях высмеивается и такая черта Д. Трампа, как некомпетентность. Например:

Trump then did what he does best and started talking at length about a subject about which he does not know a lot [11].

Комический эффект достигается за счёт использования сочетания несочетаемых значений: в качестве главного достоинства Д. Трампа называется его недостаток (Трамп преуспевает в том, чтобы говорить много о том, в чём не разбирается).

Некоторые издания идут дальше и используют гротеск, описывая глупость и некомпетентность Д. Трампа. Так, например, в сатирической колонке еженедельного журнала «The New Yorker» мы нашли следующий заголовок: «*Trump may not have read brief because he holds reading material upside down*» [12].

Заголовок высказывает предположение, что Д. Трамп испытывает затруднения с чтением, так как располагает документацию для чтения вверх ногами. Заголовок впоследствии дополняется следующими высказываниями, которые придают всему тексту мнимый эффект серьёзности, усиливая гротеск: «*experts suggested*», «*such a practice could have impeded the President's ability to process information on his desk*». Кульминацией статьи является описание спецзадания, порученное Джареду Кушнеру, старшему советнику президента, которому предписывается правильно повернуть бумаги на столе Д. Трампа: «*...Jared Kushner will be tasked with entering Trump's office first thing every morning and rotating all of the papers on his desk until they are in the optimal position for reading*». Таким образом, осмеяние низких умственных способностей Д. Трампа, который не может сам без посторонней помощи правильно повернуть документ для чтения, достигает апогея.

В последнем примере, найденном среди новостных статей сатирического блога «*Huzlers*», высмеивается неэффективность действий или, точнее, бездействие Д. Трампа: «*Donald Trump will end California wildfires by banning wildfires. He is truly making America great again*» [10]. Комический эффект основан на распоряжении Д. Трампа запретить то, что запретить нельзя – стихийные пожары, для предотвращения которых нужны особые меры, а не просто запрет. Сарказм усиливается за счёт аллюзии на излюбленное высказывание Д. Трампа о стремлении сделать Америку вновь великой. Но только здесь это высказывание употребляется как антифразис: нельзя бездействием достичь поставленной цели.

Как мы видим, СМИ пытаются сформировать негативно-скептическое отношение к Д. Трампу, изображая его как обманщика, демагога, высокомерного и просто глупого человека. Для создания комического образа президента США журналисты используют аллюзии, гиперболы, антифразис, гротеск. Цель создания данного образа – убедить аудиторию в неспособности Д. Трампа выполнять обязанности президента.

Список литературы:

1. Боева-Омелечко Н.Б. Средства политической модализации в современном англоязычном медиадискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). – С. 14 – 19.
2. Боева-Омелечко Н.Б., Костенко Т.Ф., Володько В.Г. Контрастная репрезентация политических конфликтов в американском и российском президентских дискурсах // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2016. № 3. – С. 61–68.
3. Коньков В.И. Политический медиадискурс: объём и содержание понятия // Язык в координатах масс медиа: Матер. межд. конф. Варна, 2016. – С. 168 – 170.
4. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

5. Мустафаева Л.П. Политический медиадискурс как коммуникативное явление // Язык и репрезентация культурных кодов. VII Всерос. с межд. участием науч. конф. молодых ученых. Материалы и доклады Часть II. Самара: Изд-во «Инсома-пресс», 2017. – С. 48 – 50.
6. Смулькина Н.В. Особенности восприятия российских политических лидеров в ходе президентской избирательной кампании: дис..канд. полит. наук. – М., 2014. – 198 с.
7. Шелекасова Н.П. Неосознаваемые аспекты образа политика в массовом сознании: на материалах исследований региональных избирательных кампаний 2001 и 2003 гг.: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2006. – 167 с.
8. Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.britannica.com/biography/Arianna-Huffington>]
9. HuffPost [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: https://www.huffpost.com/entry/trump-fuels-his-illegitim_b_14345498]
10. Huzlers [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.huzlers.com/donald-trump-will-end-california-wildfires-by-banning-wildfires-he-is-truly-making-america-great-again/>]
11. The Babylon Bee [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://babylonbee.com/news/trump-offers-to-give-biden-head-start-on-all-debate-responses>]
12. The New Yorker [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.newyorker.com/humor/borowitz-report/trump-may-not-have-read-brief-because-he-holds-reading-material-upside-down>]

Сведения об авторе

Осипова Ольга Сергеевна; преподаватель, аспирант, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного Федерального Университета, 344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42; muse245@mail.ru; +79064199161.

Osipova Olga Sergeevna; faculty member, postgraduate student, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of Southern Federal University; 344006, Russian Federation, Rostov-on-Don, **Bolshaya Sadovaya Str., 105/42; muse245@mail.ru; +79064199161**

УДК 81'42: 808.51

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *GENERATION* В ИНАУГУРАЦИОННЫХ РЕЧАХ Б. ОБАМЫ И Д. ТРАМПА

Синеокова Т.Н.

Нижегородский государственный лингвистический университет

имени Н.А. Добролюбова

г. Нижний Новгород, Россия

В статье анализируются способы вербализации концепта *generation* в инаугурационных речах Б. Обамы и Д. Трампа. Рассматриваются лексические и статистические характеристики его презентации как отражение тех ключевых целей, которые президент ставит перед нацией на определенном этапе ее исторического развития.

Ключевые слова: *концепт generation, инаугурационная речь, президенты США.*

The paper presents an analysis of the ways the concept *generation* is verbalized in inauguration speeches of B. Obama and D. Trump. Lexical and statistic characteristics of its manifestations as a reflection of the key goals the president sets on a certain stage of the nation's historical development are considered.

Key words: *concept generation, inauguration speech, US presidents.*

Концепты, представленные в инаугурационных речах американских президентов, служат важным источником знаний об основных ценностях нации и становятся объектом пристального внимания в современных лингвистических

исследованиях [1, 2, 3, 4, 5, 8 и др.]. Одним из таких концептов является концепт *generation*, отражающий связь текущего поколения с предшествующими и будущими поколениями американцев, преемственность исторических свершений и достижений народа.

Непременное использование данного концепта в инаугурационных речах объясняется не только данью существующей традиции обращения к роли выдающихся «отцов-основателей» страны, заложивших базу политической, законодательной, экономической, духовной жизни американцев. Лексические и статистические характеристики его презентации отражают также те цели и задачи, которые президент ставит перед своим народом в определенный период развития страны, и идеи, которые он хочет актуализировать.

В статье анализируются особенности реализации концепта *generation* в инаугурационных речах Б. Обамы в 2009 и 2013 гг. и Д. Трампа в 2017 г. как с позиций представленности в них исторических ценностей американского народа, так и с позиций отражения целевых установок президентов.

Существительное *generation* является ядерной лексемой, репрезентирующей концепт. Анализ словарной дефиниции позволяет выделить значения предшествующих поколений, настоящего поколения и молодого поколения: “**1a**: a body of living beings constituting a single step in the line of descent from an ancestor **b**: a group of individuals born and living contemporaneously // the younger *generation* **c**: a group of individuals having contemporaneously a status (such as that of students in a school) which each one holds only for a limited period <...> **2a**: the action or process of producing offspring : PROCREATION <...> **3**: the average span of time between the birth of parents and that of their offspring” [6].

Как видно из диаграммы 1, частота реализации лексики *generation* в речах Б. Обамы и Д. Трампа резко отличается. Если в речи Б. Обамы в 2009 г. она используется 8 раз и в 2013 г. — 7 раз, в речи Д. Трампа она зарегистрирована не была.

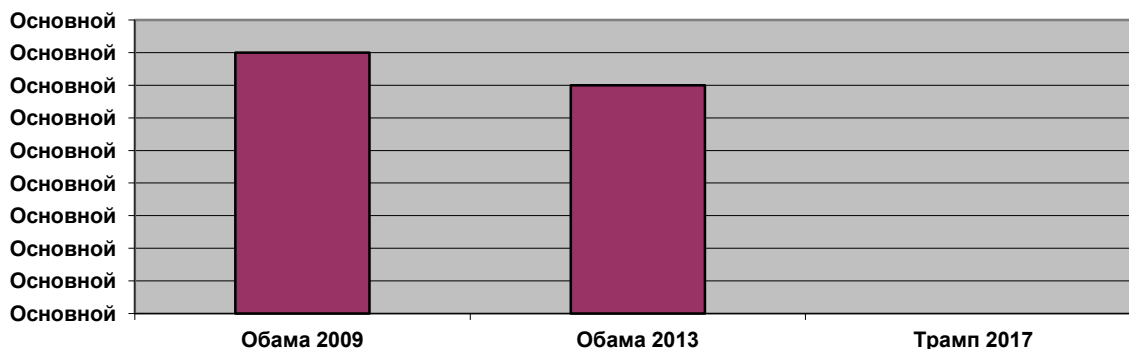

Диаграмма 1. Частота реализации лексемы *generation* в речах Б. Обамы и Д. Трампа

В своих речах Б. Обама апеллирует как к свершениям предков, так и к своим современникам и будущим поколениям:

Recall that *earlier generations* faced down fascism and communism not just with missiles and tanks, but with sturdy alliances and enduring convictions. [7]

So it must be with *this generation* of Americans. [7]

We will respond to the threat of climate change, knowing that the failure to do so would betray our children and *future generations*. [7]

Частота использования лексемы в речах Б. Обамы 2009 и 2013 гг. при обращении к прошлому, настоящему и будущему представлена в диаграммах 2 и 3:

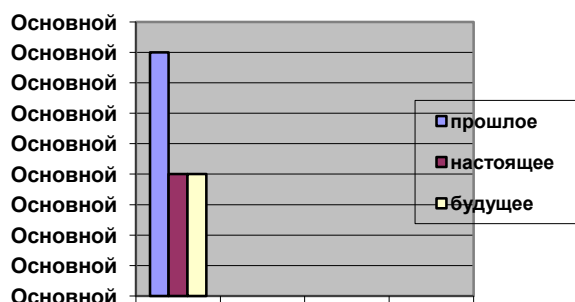

Диаграмма 2. Речь Б. Обамы в 2009

Г.

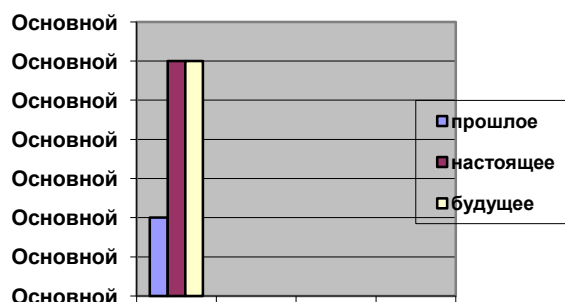

Диаграмма 3. Речь Б. Обамы в 2013

Г.

Как видим, несмотря на примерно одинаковую частоту реализации лексемы *generation* в обеих речах, очевидны различия коммуникативных намерений оратора. В 2009 г. Б. Обама в 4 случаях из 8 отсылает слушателей к

историческим достижениям страны, к ее прошлому, в 2 случаях говорит о своих современниках и в 2 — о будущих поколениях, что может свидетельствовать о стремлении президента в своей первой инаугурационной речи в большей степени апеллировать к свершениям своих предшественников. В 2013 г., вновь получив поддержку страны и вторично победив на выборах, Б. Обама соотносит лексему *generation* из 7 случаев только 1 раз с прошлым и по 3 раза – с настоящим и будущим нации.

Интерес для интерпретации представляют следующие высказывания Б. Обамы в первой (1) и во второй (2) инаугурационных речах:

(1) The time has come to reaffirm our enduring spirit; to choose our better history; to carry forward that precious gift, that noble idea, passed on *from generation to generation*. [7]

(2) The patriots of 1776 <...> gave to us a republic, a government of, and by, and for the people, entrusting *each generation* to keep safe our founding creed. [7]

В первом случае форма причастия *passed* указывает на отнесение оратором действия к прошедшему времени. Во втором случае, поскольку Б. Обама подчеркивает роль исторических событий 1776 г. для всех последующих поколений, данная реализация лексемы отнесена к группе «будущее». Высказывание 2 является также примером репрезентации концепта *generation* иными лексическими средствами (*The patriots of 1776*), рассмотрение которых входит в задачи последующего исследования. Отметим лишь, что в речах Б. Обамы, помимо лексемы *generation*, используется достаточно большое количество репрезентантов концепта, подчеркивающих связь поколений: *declaration made more than two centuries ago; we hold these truths; we continue a never-ending journey to bridge the meaning of those words with the realities of our time; history tells us; the creed our fathers once declared;* и др. [7].

Как было указано выше, лексема *generation* в инаугурационной речи Д. Трампа 2017 г. зарегистрирована не была. В этом смысле его выступление не является исключением. Так, например, данная лексема не использовалась в послевоенных инаугурационных речах таких американских президентов, как

Ф. Рузвельт (1945 г.), Г. Трумен (1949 г.), Д. Эйзенхауэр (1953 г.), Дж. Картер (1977 г.), Р. Рейган (1981 г.). Далее наблюдается тенденция роста частоты ее использования, пик которой приходится на речи Б. Обамы и которая вновь прерывается Д. Трампом.

Д. Трамп обращается к сегодняшнему поколению американцев с призывом восстановить былое богатство и могущество страны для ее дальнейшего процветания. Идея связи с прошлыми поколениями выражена в его речи с помощью глаголов с префиксом *re-* в значениях «восстановление, возобновление, возвращение» (1, 2), с помощью фразового глагола *bring back* (3), а также наречий *again* и *before* (4):

(1) We, the citizens of America, are now joined in a great national effort to *rebuild* our country and *restore* its promise for all of our people. [7]

(2) At the bedrock of our politics will be a total allegiance to the United States of America, and through our loyalty to our country, we will *rediscover* our loyalty to each other. [7]

(3) We will *bring back* our jobs. We will *bring back* our borders. We will *bring back* our wealth. And we will *bring back* our dreams. [7]

(4) America will start winning *again*, winning like never *before*. [7]

Таким образом, традиция обращения к прошлому страны в речи Д. Трампа не прерывается. Напротив, лейтмотивом его речи является обещание возрождения нации, ее политических, экономических, культурных завоеваний. Цель Д. Трампа — убедить своих сторонников и оппонентов в необходимости решить поставленные задачи в ближайшие годы, годы его предстоящего президентства.

Перспективой исследования является анализ особенностей эксплицитной и имплицитной презентации концепта *generation* в инаугурационных речах всех американских президентов; выявление экстралингвистических (политических, экономических, культурных, индивидуально-стилистических) факторов, обуславливающих собственно лингвистические и статистические характеристики обращений к нации.

Список литературы:

1. Акинина П.С. Лингвопрагматические особенности американского политического дискурса (на материале выступлений президента США Барака Обамы): Автореф. ... канд. филол. наук. Тверь, 2019. 20 с.
2. Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л., Шуб М.Л. Лингво-темпоральный анализ инаугурационных выступлений глав США и России // Социологические исследования. — 2019. — № 4. — С. 150–154. Doi: 10.31857/S013216250004022-7.
3. Моргун Е.А. Концептуализация инаугурационного дискурса (на примере инаугурационных речей американских президентов) // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 11 (192). Филология. Искусствоведение. Вып. 42. — С. 81–86.
4. Севастьянова А.Л. Прагмалингвистический анализ ценностно-событийного дискурса (на материале выступлений политических лидеров США): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 202 с.
5. Синеокова Т.Н. Динамика развития концепта FAMILY в инаугурационных речах президентов США // Филология в контексте коммуникации и современной культуры. Т. 1: материалы Международного филологического конгресса / отв. ред. С.С. Бычков, В.В. Катермина, А.М. Прима, А.В. Самойлова. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. — С. 99–106.
6. Generation // The Merriam-Webster.com Dictionary. Merriam-Webster Inc. [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/generation>].
7. Inaugural Addresses of Past Presidents. CBC News. [Электронный ресурс]. Режим доступа [URL: <https://www.cbcnews.com/news/inaugural-addresses-of-past-presidents/>].
8. Taufik H., Mangatur N., Djatmika D. (2019). The Shift Process in Transitivity System on Obama's and Trump's Inauguration Speech: A Translation Study. — Jurnal Humaniora. — Vol. 31. — No. 2. Doi: 10.22146/jh.v31i2.34901/

Сведения об авторе

Синеокова Татьяна Николаевна; доктор филологических наук, профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, 603155, Российская Федерация, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31-а; tns57@rambler.ru.

Sineokova Tatiana Nikolaevna; Doctor of Philology, Professor, Nizhny Novgorod State Linguistics University named after N.A. Dobrolubov, Minin st., 31-a, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation; tns57@rambler.ru.

УДК 908

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ КОНЦА 1940-х гг. О ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ

*Тимошина С.А.
Пензенский государственный университет
г.Пенза, Россия*

Аннотация. Основная цель статьи заключается в том, чтобы исследовать публикации печатных периодических изданий Куйбышевской области конца 1940-х гг. о жизни за рубежом и сравнить характер подачи информации о зарубежной действительности в публикациях внешнеполитического характера и научно-популярных материалах, выявив закономерности освещения, происходящего за границей. Предметом исследования являлись публикации газеты «Волжская Коммуна».

Ключевые слова: печатные периодические издания, СМИ, информация о жизни за рубежом, научно-популярные статьи, внешняя политика.

Abstract. The main purpose of the article is to investigate the articles about life abroad in printed periodicals of Kuibyshev region in the late 1940s and compare the nature of the presentation of information about life in foreign countries in the articles about foreign policy and popular science papers, revealing patterns of coverage. The subject of the research were articles of the «Volzhskaya Kommuna» newspaper.

Keywords: printed periodicals, media, information about life abroad, popular science articles, foreign policy.

В послевоенное время сеть Куйбышевских печатных периодических изданий начала расширяться, газеты увеличивали свои тиражи и печатную площадь [9, Л. 132]. С расширением печатных площадей у местной прессы появилась возможность более подробно писать о происходящем за границей, хотя основное внимание региональные журналисты уделяли освещению событий локального масштаба и событиям в стране. Центральным изданием в этот период в области можно назвать газету «Волжская Коммуна», являвшуюся органом Куйбышевского Обкома и Горкома ВКП(б), а также областного и городского Совета депутатов.

В послевоенные годы куйбышевская пресса, сообщая о новостях из-за границы, размещала на своих страницах публикации самого разного характера: это были и краткие сводки новостей, и аналитические статьи на внешнеполитическую тематику, и научно-популярные статьи.

Из-за обострения ситуации на внешнеполитической арене и охлаждения отношений между СССР, США и Великобританией, бывшими союзниками, на первый план в освещении зарубежной действительности в аналитических обзорах, сводках и даже научно-популярных материалах вышли события в Соединенных Штатах и Великобритании. Основная задача всего массива публикаций об этих государствах в советской прессе в целом и куйбышевских печатных периодических изданиях заключалась в том, чтобы изменить отношение читателей к ним, трансформировав образ этих стран в образ государств-неприятелей, с которыми возможна война в будущем. Выполняя эту задачу, журналисты «Волжской Коммуны» рассказывали о забастовках трудящихся, происходивших в Америке [5, С. 4], фактах линчевания темнокожего населения в Штатах [6, С. 4], процветании фашистских организаций в Великобритании [2, С. 4]. Кроме того, газета размещала на своих страницах подробные аналитические обзоры об экспансии США в другие

страны, в которых говорилось о том, что «заокеанская страна, располагающая свободными ресурсами, стремится приобрести прочные позиции» в государствах Европы и, в частности, в Италии [7, С. 4].

Что касается научно-популярных статей, публикуемых на страницах советской прессы в этот период, то необходимо отметить, что помимо создания негативного образа США и Великобритании, также одной из основополагающих задач публикаций этого направления являлась демонстрация успехов советской науки и ее превосходство над капиталистической наукой. Следует сразу же сказать о том, что размещая статьи на научные темы, «Волжская Коммуна» отдавала предпочтение освещению новейших разработок советских ученых, а также научных сотрудников, ведущих свою деятельность в Куйбышевской области [3, С. 3; 8, С. 2]. Публикации о достижениях их зарубежных коллег появлялись на страницах газеты реже, и площадь, отведенная для подобных материалов, была гораздо меньше. Например, в статье под названием «Экспедиция США в Антарктику», посвященной исследованию Южного полюса, насчитывается всего 8 строк [4, С. 4]. Если говорить о стиле научно-популярных материалов, то здесь в освещении зарубежной действительности у советских журналистов не было единой стратегии. На страницах «Волжской Коммуны» можно было прочитать как статьи с нейтральной подачей информации, содержащие только констатацию фактов без какой-либо критики капиталистических реалий и учета взаимоотношений СССР и Америки, так и материалы, подкрепляющие основную стратегию формирования негативного образа государства-врага. Примером материала, написанным нейтрально, может послужить опять же краткая заметка об исследованиях американских ученых на Северном полюсе [4, С. 4]. Как уже упоминалось, «Волжская Коммуна» могла размещать материалы о развитии военной науки и техники в США и Великобритании, в которых уже открыто говорилось о недружелюбных намерениях этих стран по отношению к СССР и всему остальному миру. В качестве примера публикаций с подобной тенденцией отражения зарубежной действительности можно

привести статью о сотрудничестве Великобритании и США в области разработок атомного оружия и развития военной авиации [1, С. 4], где говорилось о том, что «обе нации в действительности продолжают в мирное время военный союз военного времени». Как видно из вышеприведенной цитаты, данная статья полностью совпадала по характеру изложения с внешнеполитическими обзорами, сообщавшими о захватнических амбициях США.

Итак, проанализировав примеры публикаций «Волжской Коммуны», рассказывающие о жизни в США и Великобритании, следует сделать вывод о том, что информация, подаваемая в аналитических обзорах, сводках и внешнеполитических статьях характеризовалась единообразием, помогая сформировать у читателей стойкое негативное отношение к странам-противникам на начальном этапе «холодной войны», в то время как в процессе освещения достижений зарубежной науки куйбышевская пресса не имела какой-либо единой выработанной стратегии, позволяющей однозначно оценить события и создать отталкивающий образ врага.

Список литературы:

1. Английская газета об англо-американском военном сотрудничестве // Волжская Коммуна. 1947. № 4.
2. Активизация фашистских организаций в Англии // Волжская Коммуна. 1947. № 5.
3. В научных лабораториях // Волжская Коммуна. 1947. № 1.
4. Волжская Коммуна. 1947. №16.
5. Забастовочное движение в США // Волжская Коммуна. 1947. № 5.
6. Кампания в США против линчеваний // Волжская Коммуна. 1947. № 5.
7. Международный обзор // Волжская Коммуна. 1947. № 10.
8. От науки к практике // Волжская Коммуна. 1947. № 1.

9. Самарский Областной Государственный Архив Социально-политической Истории. Ф. 656. Оп. 9. Д. 43. 242 Л.

Сведения об авторе

Тимошина Светлана Анатольевна; преподаватель СПО кафедры «Английский язык» Пензенского государственного университета, 440026, Российская Федерация, Пенза, ул. Красная, 40; timoshina_svetla@mail.ru; 89093169780

Timoshina Svetlana Anatolyevna; teacher of the secondary vocational education of the “English Language” department of Penza State University, Krasnaya st., 40, Penza, 440026, Russian Federation; timoshina_svetla@mail.ru; 89093169780

УДК 81,42

КОНФРОНТАЦИОННАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ САМОЗАЩИТЫ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Хлопотов Я.Ю.

Тульский государственный педагогический университет

им. Л.Н. Толстого

г. Тула, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются конфронтационная коммуникативная стратегия самозащиты и ее тактические способы реализации в современном американском политическом дискурсе в условиях функционально-прагматической трансформации политической риторики. В качестве американского политического дискурса рассматривается особый

подвид институционального дискурса, целью которого является достижение власти в политических субъектах США. Одним из способов заставить политических оппонентов опровергнуть обвинения в свой адрес, отвести от себя негативную или агрессивную информацию и уйти от ответственности за совершенные проступки или преступления являются речевые акты самооправдания. К основным тактикам стратегии самозащиты в американском политическом дискурсе можно причислить оправдание, оспаривание, ответную критику, возмущение и противопоставление.

Ключевые слова: политический дискурс, самозащита, коммуникативные стратегии, речевая тактика, конфронтация, прагматика, риторика, функциональная лингвистика.

Abstract: This article is devoted to communicative strategy of self-defense and its speech tactics in modern American political discourse, while political communication is characterized with functional-pragmatic transformation. American political discourse is regarded as a special subtype of institutional discourse, whose purpose is acceding to power in political subjects of the United States. Using self-defense strategy, speakers try to disprove the allegations, respond to negative and aggressive information and get away with offences and crimes. The main speech tactics of self-defense are justification, challenge, counter-criticism, indignation and contrast.

Key words: political discourse, self-defense, communicative strategy, speech tactics, confrontation, pragmatics, rhetoric, functional linguistics.

Сегодня американская политическая риторика в силу экстралингвистических факторов (противостояния левоцентристских и правоцентристских сил, бипартизма, расового и социального неравенства и др.) имеет деструктивный характер и подвержена трансформационным изменениям, следствием которых является преобладание в речи политиков некооперативных, конфронтационных дискурсивных элементов (оскорблений,

насмешек, издевок, троллинга и пр.) [5; с.20-21]. Соответственно, целью участников американского политического дискурса становится не просто победа на выборах или удержание власти, но и уничтожение публичного образа своих оппонентов с помощью различных вербальных и невербальных тактик, составляющих определенные конфронтационные стратегии [3; с.45-46]. Участниками конфронтационного коммуникативного акта обычно являются субъект высказывания (provocateur), активный участник конфликта (жертва) и пассивный наблюдатель (аудитория). В зависимости от своей коммуникативной роли участник политического конфликта выбирает для себя один из трех основных способов речевого поведения: наступление (атаку), оборону (самозащиту) или оценку (на основе наблюдений за конфликтом). Так, к способам наступления можно отнести тактические приемы стратегии дискредитации, подчинения и убеждения. Их цель состоит в том, чтобы уязвить оппонента, подчинить его волю, склонить к определенным действиям [4, с.77-78]. В качестве одной из ответных реакций на речевую атаку могут быть тактические приемы стратегии самозащиты.

Стратегию самозащиты можно понимать как совокупность речевых действий коммуниканта, направленных на опровержение обвинений в свой адрес, отвод от себя негативной или агрессивной информации и смягчение ответственности за совершенные проступки или преступления [2; с.6]. Целью данной стратегии служит стремление защитить себя, оспорить выдвинутые обвинения.

К основным тактикам стратегии самозащиты в американском политическом дискурсе можно причислить оправдание, оспаривание, ответную критику (контробвинение), возмущение и противопоставление. Целью тактики оправдания является убеждение аудитории в своей невиновности, объяснение своих действий и поступков. Чаще всего это удается реализовать с помощью концепта «правда/ложь», когда политики объясняют свои действия или отвергают обвинения с помощью данных категорий. В качестве основного приема оправдания выделяется использование сложноподчиненных

конструкций с изъяснительными придаточными, в которых аргументируется позиция автора высказывания:

KERRY: So what I'm trying to do is just talk the truth to the American people and to the world. The truth is what good policy is based on. It's what leadership is based on.

The president says that I'm denigrating these troops. I have nothing but respect for the British, Tony Blair, and for what they've been willing to do.

But you can't tell me that when the most troops any other country has on the ground is Great Britain, with 8,300, and below that the four others are below 4,000, and below that, there isn't anybody out of the hundreds, that we have a genuine coalition to get this job done.

You can't tell me that on the day that we went into that war and it started -- it was principally the United States, the America and Great Britain and one or two others. That's it. And today, we are 90 percent of the casualties and 90 percent of the costs. And meanwhile, North Korea has got nuclear weapons. Talk about mixed messages. The president is the one that said, "We can't allow countries to get nuclear weapons." They have. I'll change that (The First Bush-Kerry Presidential Debate. The Commission on Presidential Debates, 30.09.2004).

Данный фрагмент взят из предвыборных дебатов Джона Керри и действующего на тот момент президента США Джорджа Буша-мл. Керри оправдывает свою позицию тем, что хочет донести правду до американского народа и остального мира. Синтаксический параллелизм высказывания позволяет Керри последовательно и структурированно изложить свой взгляд на внешнюю политику США. Во втором и четвертом абзацах он отвергает обвинение оппонента в свой адрес, подчеркивая непонимание (you can't tell me, I have nothing but respect) и лицемерие противника (Talk about mixed messages. The president is the one that said, "We can't allow countries to get nuclear weapons." They have). Активное использование личных местоимение позволяет коммуниканту противопоставить себя действующему президенту и репрезентовать как часть американского народа (I-you-we-they). Отсутствие

номинации Джорджа Буша-мл. по имени подчеркивает высокий статус оппонента и, соответственно, ответственность за ошибки на данном посту. Керри репрезентует себя как кандидата с оппозиционным видением ситуации, готового исправить ошибки правительства Буша (I'll change that).

Близка к тактике оправдания речевая тактика оспаривания и противопоставления. Она реализуется путем совмещения в едином высказывании тактик «анализа-минус» и «анализа-плюс». Так, Дональд Трамп во время предвыборных споров одновременно критикует непонимание экономики Хиллари Клинтон (1) и демонстрирует свои достижения в бизнес-сфере (2):

(1) Our country is suffering because people like Secretary Clinton have made such bad decisions in terms of our jobs and in terms of what's going on.

(2) I am very underleveraged. I have a great company. I have a tremendous income. And the reason I say that is not in a braggadocios way. It's because it's about time that this country had somebody running it that has an idea about money (The first Trump-Clinton presidential debate. The Washington Post, 26.09.2016).

Тактика ответной критики (контробвинения) реализуется чаще всего спонтанно, в качестве реакции на негативную оценку, полученную от оппонента. Данная тактика позволяет реализовать агональную функцию политического дискурса, перейти от самозащиты к нападению. Ответная критика выражается через эмоциональные аргументы, с помощью которых респондент пытается не столько защитить себя, сколько дискредитировать мнение противника:

CLINTON: We have an architect in the audience who designed one of your clubhouses at one of your golf courses. It's a beautiful facility. It immediately was put to use. And you wouldn't pay what the man needed to be paid, what he was charging you to do...

TRUMP: Maybe he didn't do a good job and I was unsatisfied with his work...

CLINTON: Well, to...

TRUMP: Which our country should do, too (The first Trump-Clinton presidential debate. The Washington Post, 26.09.2016).

В данном фрагменте Дональд Трамп эмоционально реагирует на обвинения одного из своих бывших работников, ретранслированное через Хиллари Клинтон. Будущий президент США использует наречие *maybe*, выражающее некую неуверенность в своем мнении, поскольку оно не подкреплено аргументами, но при этом содержит ответную критику в адрес обвинителя. Сочетание *didn't do a good job* указывает на низкие профессиональные качества работника, а грамматическая основа *I was unsatisfied* – на субъективность оценки Трампа, поскольку его личную оценку в данной ситуации сложно опровергнуть. Перебивая Хиллари Клинтон, будущий президент США пытается затронуть проблему халатности на рабочем месте, поскольку она позволяет негативно репрезентовать его оппонента, Следовательно, своей ответной критикой Трамп пытается дискредитировать обвинителя, указать на его нечестность и несправедливость.

Тактика возмущения предполагает негативную ответную реакцию на слова собеседника, эмоциональное отрицание аргументов противника, которое только усиливает конфликт между собеседниками [1, с.172]. Респондент в данной ситуации не столько критикует коммуниканта, сколько пытается упрекнуть его в нарушении морально-этических норм, нелепости высказанных обвинений, абсурдности заявлений. См., например:

TRUMP: If you look at Bill Clinton, far worse. Mine are words, and his was action. His was what he's done to women. There's never been anybody in the history politics in this nation that's been so abusive to women. So you can say any way you want to say it, but Bill Clinton was abusive to women. (The second Trump-Clinton presidential debate. The New York Times, 10.10.2016).

В данном фрагменте Дональд Трамп апеллирует к этическому поведению оппонента, защищая себя от его нападок. Условная конструкция *if* в сочетании с прилагательным в сравнительной степени *worse* указывают на возмущение коммуниканта поведением мужа своего соперника. Оппозиция

«words-action» репрезентует отличие абстрактных высказываний Трампа от конкретных действий Билла Клинтона. Категоричность речи коммуниканта, выраженная конструкциями *there's never been anybody in the history politics* и *you can say any way you want to say it*, позволяет создать негативный фон вокруг мужа своей соперницы, критикующей Трампа за его сексистские высказывания, чтобы путем речевых манипуляций лишить ее в сознании избирателей морального права осуждать людей за подобные поступки.

Таким образом, стратегия самозащиты используется не только для того, чтобы отразить атаку оппонента, но и совершить ответное действие по отношению к нему, дискредитировать соперника с помощью его же слов. Тактические способы реализации данной стратегии позволяют коммуниканту репрезентовать себя перед аудиторией как талантливую грамотную политиканку, готовую выдержать словесный удар соперника и воспользоваться ситуацией в свою пользу. Речевые способы реализации тактики оспаривания и противопоставления заслуживают отдельного внимания и дальнейшего изучения.

Список литературы:

1. Заворуева Л.А. Применение стратегий и тактик речевого поведения в конфликтной ситуации на примере художественных произведений американских и английских писателей // Альманах современной науки и образования. 2011. № 5. С. 170-174.

2. Тютюнова О. Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса: на материале немецких и русских телевизионных передач: автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 25 с.

3. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006. 134 с.

4. Хлопотунов Я.Ю. Речевая тактика дискредитации в американском предвыборном дискурсе // Вопросы прикладной лингвистики. 2017. № 27. С. 77-86.
5. Хлопотунов Я.Ю. Риторика ненависти в американском политическом дискурсе (функционально-лингвистический анализ) // Дискурс профессиональной коммуникации. 2020; 2 (2). С. 20-30.
6. The Commission on Presidential Debates [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.debates.org/>].
7. The New York Times [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.nytimes.com/>].
8. The Washington Post [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.washingtonpost.com/>].

Сведения об авторе

Хлопотунов Ярослав Юрьевич; аспирант, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 300026, Российская Федерация, Тула, пр. Ленина, д. 12; yktula17@gmail.com; +79649887712.

Khlopotunov Yaroslav Yur'evich; Doctoral Student in Philology of Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, prosp. Lenina, 12, Tula, 300026, Russian Federation; yktula17@gmail.com; +79649887712.

**СЕКЦИЯ №7 АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ
И ПАРЕМИОЛОГИИ**

УДК 811.111-811.161

**СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЦИТАТНЫХ ЕДИНИЦ В
СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

Бакина А.Д.

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

Орел, Россия

Аннотация: В статье обсуждаются вопросы, связанные с соотношением семантики фразеологических единиц и цитат. Автор уточняет понятие плана содержания цитатных единиц, вычлняя специфику значения последних в сопоставлении с семантическими особенностями фразеологизмов.

Ключевые слова: воспроизводимость, семантика, специфика семантики, семантическое приращение, цитата, фразеологизм, фразеологическое значение, устойчивость.

**THE SEMANTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS AND QUOTATIONS IN
COMPARATIVE ASPECT**

Abstract: The article discusses the questions pertaining to the correlation of semantics of phraseological units and quotations. The author specifies the notion of meaning of quotations by singling out the specificity of the latter in relation to semantic peculiarities of phraseologisms.

Key words: reproducibility, semantics, the specificity of semantics, semantic complement (increase), quotation, phraseologism, phraseological meaning, stability.

В настоящей статье под цитатой мы будем понимать дословную/недословную, маркированную/немаркированную, более или менее законченную предикативную/непредикативную часть, фрагмент текста (в том числе и его название), при этом текст, его автор или название могут быть как массово известными, «прецедентными», так и нет. Являясь языковым воплощением категории интертекстуальности, позволяющей существование текста в тексте, цитата входит в группу единиц реминисцентного содержания, наряду с крылатыми словами, афоризмами, аллюзиями, фразеологизмами. А.Е. Супрун, рассматривая функционирование и специфику текстовых реминисценций, к числу которых он относит «осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты», отмечает, что «...хотя и имеется некоторый – пусть и расплывчатый, с размытыми границами – план содержания ТР (текстовой реминисценции), но это не семантика в обычном смысле слова – это не отношение к значениям других языковых единиц, это не место в семантической системе, а лишь аналогия подобной ситуации, подобному образу, подобному событию, уже описанному в другом тексте, память о котором сохраняют участники общения» [7, с.17]. Соглашаясь с последним, мы тем самым не отрицаем наличие семантики лингвистического образования, именуемого текстовой реминисценцией, а лишь смеем утверждать, что эта семантика по природе своей весьма специфична. Неоднозначный характер самой этой единицы обуславливает сложность выявления плана содержания цитат. Специфика семантики цитаты обуславливается наличием такого дополнительного компонента в своей структуре, как указания на связь с текстом, породившим цитату. Эта связь предполагает воспроизводимость, но в то же время только ею не ограничивается. Структурно цитата может быть представлена в форме слова, словосочетания и предложения. Эта множественность плана выражения цитаты

неоднократно отмечалась в лингвистической литературе. Так, А.Е. Супрун, рассматривая цитаты в корпусе текстовых реминисценций, считает, что «текстовые реминисценции отличаются от обычных языковых единиц особенностями своей воспроизводимости: воспроизводится план содержания, но не может быть всегда и полностью воспроизведен план выражения, поскольку нет жесткой формы ТР» [7, с.28].

Мы полагаем, что специфика семантики цитаты обуславливается наличием специфического компонента в своей структуре, то есть указанием на связь с текстом. Следует отметить, что эта связь предполагает воспроизводимость, хотя только ею не ограничивается. В связи с этим, возникает вопрос, как в семантическом аспекте соотносятся цитатные единицы и фразеологизмы, которые являются воспроизводимыми единицами.

Оговоримся, что под воспроизводимостью здесь мы будем понимать некое свойство, присущее единицам языковой системы, проявляемое в способности использоваться в речи в готовом виде. В основном воспроизводимость в чистом виде присуща единицам закрытых систем, однако больший интерес представляют случаи воспроизводимости в открытых системах (слова, словосочетания, предложения, текста). Воспроизводимость обусловлена способностью использовать одни и те же элементы для выполнения определенных функций. Главным параметром воспроизводимости цитаты, как части текста является воспроизведение ее *смыслового содержания* (которое связано с исходным контекстом). Цитаты характеризуются наличием обобщенного цельного смысла, вследствие чего оказываются легко воспроизводимыми. Цитирование – это воспроизведение особого рода, отличающееся от воспроизведения других языковых единиц (морфемы, слова, словосочетания и т.п.).

О регулярности воспроизведения устойчивых словосочетаний традиционно говорится в связи с устойчивыми сочетаниями, именующимися фразеологическими единицами. Если свободное сочетание двух или более слов имеет значение, равное сумме значений его составляющих, то в случае

с фразеологизмами как устойчивыми по форме и значению единицами, значение целого не может быть выведено из значений компонентов в их обычном употреблении. Компоненты непродуктивных сочетаний фиксированы в своём составе, а отношения между ними закреплены. Природа воспроизводимости таких единиц – замкнутый микроконтекст, где существуют как формальные связи, так и ассоциативно-семантические, между планом выражения и планом содержания.

Традиционно лингвистами выделяются несколько типов фразеологических единиц: «фразеологические сращения», «фразеологические единства», «фразеологические сочетания» [2], «фразеологические выражения» в дополнение к первым трём [10], фразеологические единицы и идиомы [6], фраземы и идиомы [1], все устойчивые сочетания слов с осложнённым значением [3].

Особой чертой плана содержания фразеологических единиц является семантическая осложнённость, которая «проявляется неодинаково во фразеологизмах различных классов. К различным видам семантической осложнённости относятся: полное или частичное переосмысление значения, необразные преобразования значения, наличие архаических элементов в составе фразеологизмов и др.» [3, с.44].

В основе понятия устойчивости лежит семантический аспект. Говоря о семантике фразеологизмов, лингвисты пользуются разными терминами. Так, В.В. Виноградов предпочитает «единое целостное значение сращений и единств и аналитическое значение сочетаний», С.И. Абакумов говорит «об обобщающем метафорическом значении», А.И. Смирницкий считает, что значение фразеологических сращений (которые в своих работах он называет идиомами) характеризуется семантической цельностью и идиоматичностью. Фразеологические сращения немотивированы и непроеизводны и в этом отношении эквивалентны слову; в их значении нет никакой связи, даже потенциальной, со значениями их компонентов. В.В. Виноградов использовал

также такое понятие, как «семантическая замкнутость», то есть семантическая устойчивость подобных словосочетаний. Значение фразеологизма постоянно.

И.И. Чернышева в своё время отметила особенности фразеологической семантики, отличающие её от семантики лексической: «Если представить значение знаков вторичного образования в виде набора семантических компонентов, то как в слове, так и во фразеологизме будут в качестве обязательных присутствовать денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты. Наличие коннотации – необходимая составная часть значения любого языкового знака вторичного образования» [9, с.7].

«Однако, – пишет И.И. Чернышева, – как способ образования, так и материальное воплощение коннотации в слове и фразеологизме неодинаковы. Если в слове семантический сдвиг создаётся вследствие смены денотата, то во фразеологизме это – полная метафоризация переменного словосочетания или частичная, в зависимости от типа фразеологизма» [9, с.7].

Хотя фразеологизмы и уступают словам в отношении многозначности, в отличие от слова сложность семантической структуры фразеологических единиц объясняется переосмысленным характером фразеологического значения, переплетением в нём различных аспектов, раздельнооформленностью фразеологизмов и сложностью их структуры, диапазон которой очень значителен и охватывает обороты от одновершинных фразеологических единств до сложных предложений. Вследствие этого в различных работах фразеологизм называется сложным знаком, *мегазнаком* или комбинацией словарных знаков или составным аналитическим знаком, раздельным знаком и так далее.

Отметим ещё одну проблему, связанную с семантикой фразеологизмов, – проблему сочетаемости. Составляющие фразеологизмов характеризуются ограниченной сочетаемостью, что накладывает особый отпечаток на специфику их (фразеологизмов) семантики. Дело не только в том, что значение фразеологизма не складывается из суммы значений его составляющих, но и в

том, что эти составляющие образуют значение вследствие своей сочетаемости. Элементы, составляющие устойчивое сочетание, как бы «принимают» только друг друга, и «не терпят» других, «чужих» элементов. Например, в выражении «взять быка за рога», множественное число слова «рог» обязательно, или «быка» нельзя заменить на другое (хоть и рогатое) животное.

Известно, что большинство фразеологизмов характеризуется однозначностью: они имеют лишь одно значение: «камень преткновения» – «препятствие», «витать в облаках» – «предаваться бесплодным мечтам» и т. д. Однако, есть фразеологизмы, обладающие несколькими значениями. Например, фразеологизм «мокрая курица» может означать: 1) «безвольный, бесхитростный человек, размазня»; 2) «человек, имеющий жалкий вид, подавленный; расстроенный чем-либо»; «валить дурака» – 1) «ничего не делать»; 2) «вести себя несерьезно, дурачиться»; 3) «делать глупости».

Многозначность возникает обычно у фразеологизмов, сохранивших в языке частичную мотивированность значений. Например, фразеологизм «боевое крещение», означавший первоначально «первое участие в бою», стал употребляться в более широком значении, указывая на «первое серьезное испытание в каком-либо деле».

Развитию многозначности препятствует тот факт, что фразеологизмы часто образуются вследствие метафорического переосмысления свободных словосочетаний такого же лексического состава. В результате повторной метафоризации одного и того же свободного словосочетания появляются такие многозначные фразеологизмы, которые обладают только метафорическими значениями.

При функционировании фразеологизмов в речи их семантика не претерпевает радикальных изменений; они лишь могут получать *добавочное значение* в контексте, другими словами – происходит обогащение их значения [5]. А.А. Потебня, сочетая понятие системы языка с понятием общего смыслового контекста речи, увидел условия воспроизводимости «ходячих выражений» в их внутренней форме, которая обладает большой жизненной

силой, так как является «постоянным сказуемым при переменчивых подлежащих». Это «сгущение мысли» создает и сохраняет поэтический образ, который и «дает нам только возможность замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами» [5, с.3]. Воспроизводимость таких единиц обуславливает семантические изменения (имеется в виду не полное изменение значения, а получение добавочного смысла по отношению к основному значению).

«Обновление» семантики фразеологизмов возможно при изменении в них (фразеологизмах) количества компонентов. Оно выражается в добавлении уточняющих слов к тем или иным компонентам, что может изменить внешний облик фразеологизма до неузнаваемости, придав ему новую образную форму. Кроме того, «обновление» фразеологизмов ведется посредством разрушения их образного значения. При этом внешне фразеологизм не изменяется, но утрачивает свое метафорическое значение и воспринимается буквально: *Открытое письмо опять получил писатель Иванов. Выяснилось, что его письма вскрывает сосед по лестничной клетке Сидоров.*

Таким образом, фразеологизмы представляют собой устойчивые сочетания слов, характеризующиеся постоянством формы и значения способностью использоваться в речи в готовом виде, то есть воспроизводимостью. Специфика семантики фразеологизмов заключается в том, что значение фразеологизма не может быть выведено из суммы значений составляющих его компонентов. Главной отличительной чертой, конституирующей фразеологизм как таковой, является его семантическая структура. «Фразеологическая единица характеризуется семантической монолитностью при вполне определенной технической раздельнооформленности. Иными словами, составляющие ее элементы выступают как отдельные слова в плане выражения, но утрачивают свою раздельность и лексическую самостоятельность в плане содержания» [8, с.66]. Их семантика характеризуется специфичностью, что обуславливается их воспроизводимостью, т.е. способностью использоваться в речи в готовом виде.

При рассмотрении соотношения семантики фразеологизмов (устойчивых словосочетаний) и значения цитат становится очевидным, что фразеологизмы и цитаты похожи и по специфике плана выражения, выражающейся в относительной устойчивости, заданности состава, и по специфике содержательных сторон этих единиц, проявляющейся в обобщенности их значения, не равного сумме значений, составляющих компонентов. Устойчивость и воспроизводимость в готовом виде есть две основные черты, характеризующие и цитату, и фразеологизм. Наблюдаются случаи перехода одних единиц в состав других. Так, например, в силу многократного использования цитаты значение ее может меняться, кроме того, связь с текстом, породившим ее, ослабевает (или вообще теряется). В таком случае цитата становится полноправным фразеологизмом. О.Меерсон и Ю.М. Михеев выделяют два возможных вида цитирования: нулевой, «когда авторский неологизм остается никем не востребован» и абсолютный, «когда кинутое кем-то словцо так плотно входит в язык, что уже существует в нем полностью лишненное и авторства, а порой и изначального смысла» [4].

Различение фразеологизмов и цитат обуславливается особенностями возникновения данных единиц (в случае с цитатами это имеет прямое отношение к специфике их семантики). Здесь мы имеем в виду тот факт, что фразеологизмы – это оторванные от контекста единицы. Употребляя тот или иной фразеологизм, мы не связываем его с той ситуацией, в которой он впервые был употреблен. В отношении цитат контекстуальный аспект играет большую роль, так как для правильного понимания употребления цитаты необходимо знание ее источника (исходного контекста употребления). Значение словосочетания-цитаты представляет собой структуру, в которой может быть выделен компонент значения, восходящий к тексту, породившему цитату. Семантическое приращение, идущее от исходного контекста, является неотъемлемым компонентом структуры значения цитаты. В случае с фразеологизмами, претекст не является фактором, обуславливающим значение (одно из значений) сочетания. Т.е различие цитатных единиц и фразеологизмов

состоит в том, что цитата, в отличие от фразеологизма, всегда связана (эксплицитно или имплицитно) с исходным текстом.

Список литературы:

1. *Амосова, Н.Н.* Основы английской фразеологии [Текст] / Н.Н. Амосова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 208 с.
2. *Виноградов, В.В.* Лексикология и лексикография. Избранные труды [Текст] / В.В.Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 261 с.
3. *Кунин, А.В.* Курс фразеологии современного английского языка [Текст]: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр.языков / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1986. - 336.
4. *Меерсон, О., Михеев, Ю.М.* Индивидуальный стиль с точки зрения цитат и интертекста [Электронный ресурс] / О. Меерсон, Ю.М. Михеев. // Диалог-2002. Москва, 2002. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru>.
5. *Потебня, А.А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А.А. Потебня. – Харьков, 1894. – 130 с.
6. *Смирницкий, А.И.* Лексикология английского языка [Текст] / А.И. Смирницкий. – М., 1956. – 260 с.
7. *Супрун, А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление [Текст] / А.Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – №6. – С. 17- 28.
8. *Тер-Минасова, С.Г.* Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: «Высшая школа», 1981.-144с.
9. *Чернышева, И.И.* Фразеология современного немецкого языка [Текст] / И.И. Чернышева. – М.: «Высшая школа», 1970. – 200 с.
10. *Шанский, Н.М.* Лексикология современного русского языка [Текст]: Пособие для пед. ин-тов / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1964. – 316 с.

Сведения об авторе:

Бакина Анна Дмитриевна; кандидат филологических наук, доцент, и.о.зав. каф. английской филологии, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95,
E-mail: Heart-anna@yandex.ru +79038804979

Bakina Anna Dmitrievna; PhD in philological sciences, the Head of the Chair of English Philology, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation;
E-mail: Heart-anna@yandex.ru +79038804979

УДК 811.111

ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Дорофеева Д.С.

Бакина А.Д.

*Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева
г. Орел, Россия*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению различных подходов к классификации фразеологических единиц библейского происхождения, критериев, лежащих в их основе, с целью выявления классов и групп фразеологизмов-библеизмов, функционирующих в разных типах дискурса. Поднимается проблема вариативности библейской фразеологии и вопросы соотношения между библейскими фразеологизмами и их прототипами.

Ключевые слова: фразеологизм, библеизм, классификация, прототип, семантика.

Abstract: The article describes different approaches to classification of phraseological units of biblical origin, criteria serving as their basis in order to

identify classes and groups of phraseologisms-bibleisms in various types of discourse. The problem of variability of biblical phraseology as well as questions of correlation of bibleisms and their prototypes are raised.

Keywords: phraseological unit, bibleism, classification, prototype, semantics.

Среди фразеологических единиц особое место занимают фразеологизмы библейского происхождения, поскольку Библия является центральной книгой в христианском мире и определяет видение мира, ценности и нормы поведения.

Будучи одним из важнейших пластов фразеологической системы вообще, библейская фразеология представляет собой интереснейший объект для исследования как отечественных, так и зарубежных лингвистов-фразеологов с самых разных сторон: в структурном отношении, в аспекте возникновения, изменения, развития и перехода из одной группы единиц в другую, с семантической точки зрения, особенно контекстуально обусловленной, с позиции рассмотрения вопросов функционирования фразеологизмов библейской фразеологии, наконец, в сопоставительном аспекте.

Актуальность данной проблематики не вызывает сомнения. Проблема вычленения организованной подсистемы фразеологизмов библейского происхождения из системы фразеологических единиц также, как и их статусность, недостаточно изучены, равно как и вопросы связанные с определением типичных свойств и признаков библеизмов, их связи с порождающими их текстами в семантическом отношении. Достаточно острым является и вопрос, насколько схожими и различающимися по структуре, семантике и функциям выступают устойчивые, «готовые», воспроизводимые единицы, такие как текстовые реминисценции, включающие в себя цитаты, аллюзии, крылатые слова и фразеологизмы, в частности, библеизмы. Дискуссионным можно также считать вопрос о разграничении понятий библейская цитата, библейская аллюзия, текстовые реминисценции библейской направленности, фразеологические единицы библейской этимологии. Наконец, на сегодняшний день не существует единой общепринятой классификации

библейских фразеологизмов, поэтому в данной статье мы рассмотрим существующие подходы к решению вопроса о классификации библейских фразеологизмов.

Библейский фразеологизм может определяться как восходящая к Библии фразеологическая единица, обладающая рядом характеристик, как то: воспроизводимость, семантическая и структурная устойчивость, метафоричность и экспрессивность. Принято также говорить о стилистической и семантической маркированности библейских фразеологизмов, как отличительных чертах.

Понятие «фразеологический библеизм» имеет различные трактовки. По определению О.С. Ахмановой, библеизм - это «библейское слово или выражение, вошедшее в общий язык» [1, с.66]. Общий характер данного определения позволяет относить к библеизмам как отдельные слова и словосочетания, так и пословицы и поговорки.

Понимание данного термина конкретизирует Т.Н. Федуленкова, которая понимает под фразеологической единицей библейского происхождения «устойчивое, воспроизводимое в речи сочетание слов или предложение с полностью или частично переосмысленным значением, возникшее на основе библейского прототипа и восходящее к тексту Библии или библейскому сюжету» [7].

Исследователи предлагают множество вариантов классификации, различающихся критериями группировки.

А. Бирих, Й. Матешич разработали классификацию на основе этимологического признака [2, с.14]:

1. Выражения с целостным значением в самой Библии (*to keep as the apple of smb's eye* – хранить как зеницу ока; *beam in one's own eye* - бревно в собственном глазу; *cast pearls before swine* - метать бисер перед свиньями; *Can the Ethiopian change his skin, or the leopard his spots?* - Горбатого могила исправит).

2. Фразеологизмы, образованные свободными словосочетаниями библейского происхождения (*to hide one's light under a bushel* – зарыть талант

в землю; *to have smb's blood on one's head (hands)* - нести ответственность за пролитую кровь).

3. Фразеологизмы, образованные на основе семантики Библии (*a forbidden fruit* – запретный плод; *a Judas kiss* — поцелуй Иуды; *Noah's ark* - Ноев ковчег).

Ю.А. Гвоздарев выделяет также фразеологические единицы, появление которых обусловлено содержанием Библии в целом: *the end of the World*.

А.В. Гак предпринимает попытку создать комплексную классификацию библеизмов, опирающуюся на два критерия [3, с.9]:

1. Степень связи фразеологической единицы с Библией:

1. Первичные библеизмы - описывают библейскую ситуацию или текст (значение и смысл идентичны тем, которые функционируют в Библии).

2. Вторичные - обладающие меньшей степенью приближенности к библейским текстам (например, единицы, отсутствовавшие полностью или частично в Библии в данной формулировке, но выведенные из ее содержания: *forbidden fruit* – запретный плод, *the prodigal son* – блудный сын)

3. Непосредственные - содержащие отсылку к тексту Библии (цитаты): *The land of promise (the promised land)*. *By faith he sojourned in the land of promise, as in a strange country, dwelling in tabernacles with Isaac and Jacob, the heirs with him of the same promise. [Hebrews XI, 9]; A land flowing with milk and honey (a land of milk and honey) And I am come down to deliver them out of the land of the Egyptians, and to bring them up out of that land unto a good land and a large, unto a land flowing with milk and honey; unto the place of the Canaanites, and the Hittites, and the Amorites, and the Perizzites, and the Hivites, and the Jebusites [Exodus III, 8;].*

4. Опосредованные - заимствованные или содержащие авторские черты фразеологизмы.

2. Семантика:

1. Библеизмы с прямым значением (*the holy of holies* – святая святых; *vanity of vanities* - суета сует; *all in all* - (Бог есть) всё во всем).

2. Библизмы с переносным значением (to eat one's words – взять свои слова обратно; a lost sheep – человек, сбившийся с пути истинного;)

Учитывая достижения вышеупомянутых авторов, А.А.Меликян разработала свой вариант классификации, в основу которой было положено понятие прототипа единицы в тексте Библии [6]. Согласно данному подходу, библейские фразеологизмы могут иметь или не иметь библейский прототип.

Библизмы, имеющие прототип, могут быть трех типов:

1. первичной номинации

2. вторичной - «переосмысленные свободные сочетания слов»:

○ Их прототипами являются словосочетания, употребленные в буквальном значении. Фразеологизмы на их основе созданы в результате переосмысления. Например, фразеологизм *kill the fatted calf* «заклать упитанного тельца» стал обозначать и «угостить лучшим, что есть дома»; *thirty pieces of silver* - «тридцать сребренников» (цена предательства);

○ фразеологизмом становится вариант прототипа (*to live on the fat of the land* — «жить в роскоши» — стал более употребим, чем прототип *eat the fat of the land*);

○ фразеологизмы, прототипы которых — измененные образы в библейских выражениях (*Pride goes before a fall* — «гордыня до добра не доводит» вместо “*Pride goeth before destruction, and an haughty spirit before a fall*”).

3. третичной — библизмы, появившиеся как следствие искажения (*cast in one's lot with smb.* — «связать свою судьбу с кем-либо», возможно, возникло из-за неверного толкования следующего отрывка: “*Cast in thy lot among us; let us all have one purse*” (Proverbs 1, 14), где речь шла о разделе награбленного с помощью жребия).

Наконец, библизмы, у которых отсутствует прототип, делятся на:

1. Фразеологизмы, элементы которых использованы в буквальном значении в тексте Библии по отдельности (*loaves and fishes* — «земные блага»: слова *loaves* и *fishes* упоминаются в разных местах в Евангелии при описании того, как Христос накормил пятью хлебами и двумя рыбами тысячи человек).

2. Фразеологизмы, один или не один из элементов которых не использовался в Библии (a doubting Thomas — Фома неверующий, forbidden fruit - запретный плод, the massacre (slaughter) of the innocents — избиение младенцев).

Помимо этого, единицы, относящиеся к библеизмам, различны по лингвистическому статусу, структурным типам и семантическим характеристикам. Так, в современном английском языке можно отметить два структурно-семантических типа библеизмов – номинативный и коммуникативный.

К номинативным единицам относятся словосочетания и фразеологические обороты с различными доминантными частями речи (субстантивные, адъективные, адвербиальные, глагольные и с частичнопредикативной структурой) [5].

Библеизмы коммуникативного типа представлены единицами с цельнокоммуникативной структурой - пословицами и выражениями «гномического характера». Как правило, они носят универсальный, обобщенный и нравоучительный характер, что позволяет им раскрывать библейское мировоззрение.

Кроме того, библейские фразеологизмы классифицируются по тематическим рубрикам. Так, А.В. Кунин и Т.Н. Федуленкова выделяют две крупные тематические группировки: «Человек и его отношения с окружающим миром» и «Неживая природа» [4, с.252; 7, с.212].

Внутри первой обозначаются следующие подгруппы: «Наименования лица», «Возраст человека», «Поведение человека», «Общество и общественные отношения». Для единиц данной группы характерно обозначение качеств человека, значимых для его наименования. Данные качества могут описывать внутренний мир человека, характер его взаимоотношений с внешним миром и сферу его жизнедеятельности: a lost sheep, an angel of light, an unjust steward, principalities and powers, a good Samaritan.

Вторая группа менее многочисленна по составу и включает две подгруппы: «Абстрактные понятия» со значением времени, количества, начала и конца и «Явления и состояния внешнего мира».

Каждая из рассмотренных классификаций обладает преимуществами, применение той или иной из них обусловлено целями исследователя в изучении библеизмов.

Список литературы:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Либроком, 2014. 576 с.
2. Бирих А., Матешич Й. Фразеология библейского происхождения / А. Бирих, Й. Матешич. Прага, 1999.
3. Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке / В.Г. Гак // Вопросы языкознания. 1997, № 5. С. 3-19.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. Изд. 2-ое. М.: Высшая школа, 1996. 381 с.
5. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания / А.В. Кунин. М.: Изд-во «Международные отношения», 1972. 288 с.
6. Меликян А.А. Классификация библейских фразеологизмов английского языка на основе концептуальных моделей преобразования знания в семантические единицы языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04. - Пятигорск, 1998. - 203 с.3.
7. Федуленкова Т.Н. Тематическая рубрикация коммуникативных ФЕ (на материале английских КФЕ с гиперонимом бедность) / Т.Н. Федуленкова, И.В. Антонова // Язык и общество: проблемы, поиски, решения: Материалы международ. науч.-практ. конф. «XI Невские чтения» / Под общ. ред. Д.Г. Ищук. СПб: Невский ин-т языка и культуры, 2009. С. 212-215.

Сведения об авторах

Дорофеева Дарья Сергеевна; аспирант кафедры английской филологии, магистр лингвистики, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; dsdorofeeva@mail.ru; +79051662932.

Dorofeeva Daria Sergeevna; Postgraduate student at the Chair of English Philology, Master of Linguistics, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; dsdorofeeva@mail.ru; +79051662932.

Бакина Анна Дмитриевна; кандидат филологических наук, доцент, и.о.зав. каф. английской филологии, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95, E-mail: Heart-anna@yandex.ru +79038804979

Bakina Anna Dmitrievna; PhD in philological sciences, the Head of the Chair of English Philology, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; E-mail: Heart-anna@yandex.ru +79038804979

УДК 81'371

МЕТОНИМИЯ В ОБРАЗЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Василенко А.П.

Брянский государственный университет

имени академика И.Г. Петровского

г. Брянск, Россия

Аннотация: В статье рассмотрена метонимия как способ образования фразеологизма. Излагая известные научные взгляды, автор статьи отмечает значительную роль метонимии в процессе современного фразеобразования.

Ключевые слова: метонимия, фразеологизм, метонимический перенос, значение, символ.

Abstract: The article considers metonymy as a way of forming phraseology. Presenting the well-known scientific views, the author of the article notes the significant role of metonymy in the process of modern phraseology.

Key words: metonymy, idiom, metonymic transfer, the value of the symbol.

Метонимия – разновидность тропа, способная по аналогии и ассоциации переносить значение одного предмета или класса предметов на другой. У данного тропа много сходств с метафорой: оба используются в целях придания экспрессивности художественному тексту или речи.

В.Н. Телия отмечает различие между метонимией и метафорой: если посредством метафоры утверждается признак, приведенный в высказывании по аналогии, то метонимия извлекает необходимое свойство из уже существующего в языке предмета ввиду его смежности со свойствами нового обозначаемого слова (понятия, предмета, явления). С этим различием и связан тот факт, что метонимия, и ее разновидность – синекдоха, не находят столь эмоциональный отклик в силу того, что порождает, скорее, некие образцовые символы, нежели законченные образы [2].

Механизм метонимических переносов хорошо разработан в лексике. Однословную метонимию, как правило, выражает имя существительное, также метонимия весьма продуктивна и для фразеологических единиц со значением предметности, процессуальности, качественности [1].

Метонимические фразеологизмы можно подразделять на те, что обладают целостным метонимическим значением, и те, что содержат в себе лишь метонимический компонент.

Как и в лексической метонимии, так и во фразеологической метонимии присутствуют единицы с обозначением предмета и его части.

Например, среди оборотов со значением процессуальности при попытке отразить определенные виды связей довольно часто встречается синекдоха (разновидность метонимии).

Так, при фразеологизации процесса «начать печатать и вводить в денежный оборот страны дополнительное количество бумажных денег» действие может быть обозначено метонимическим началом: *включить печатный станок*.

Или, в противовес, для обозначения неожиданного отсутствия денег используется один из неблагоприятных этапов механизированного труда – *печатный станок сломался*.

Причинно-следственная ассоциация весьма продуктивна для некоторых метонимических фразеологизмов и обнаруживает себя в ряде оборотов: *по звонку* ‘по указанию руководства, начальства’, *сесть в кресло* ‘занять высокий пост’ и др.

Нередки случаи обозначения эмоциональных состояний при помощи физиологических проявлений: *голова болит* – ‘вызывает беспокойство по определенному поводу’.

В современной речи актуальна такая метонимическая модель, при которой группа, совокупность лиц характеризуется определенным предметом (элементом) одежды.

Обозначая различные воинские подразделения, мы говорим: *голубые береты* ‘воздушно-десантные войска’, *черные береты* ‘бойцы ОМОНа’; называя ‘наемный рабочий умственного труда’ говорим: *белые воротнички*, а фразеологизм *тугие кошельки* ‘богатые люди’ отражает связь определенного класса лиц с его постоянным финансовым признаком (соответственно богатые люди имеют много денег).

Современной метонимической моделью является фразообразование, при котором некоторые социально-экономические процессы получают определение по имени какого-либо известного человека. Это происходит при соотношении определенных явлений в обществе с политическими лидерами.

Так, пятипроцентный налог с продажи, введенный в начале 90-х прошлого столетия, стал именоваться как *горбачёвский налог*.

Появление такого устойчивого оборота, как *ножки Буша*, связано с экономическим кризисом в постсоветской России, когда в качестве гуманитарной помощи поступали из США замороженные куриные окорочка.

Возникших по такой аналогии метонимических единиц (не только фразеологических) довольно много. Скажем, метонимически звучат наименования типовых жилых зданий на просоветском пространстве, например, лексемы: *хрущевка, сталинка* и т.д.

Если говорить о перифразах метонимического типа, то здесь имеет место лишь актуализация фразеологических единиц: *пятый пункт* – о национальной принадлежности (как правило, еврейской). Активное употребление подобных оборотов медийной сфере отражает склонность современного языка к эвфемизмам.

Обороты с частично метонимическим значением носят единичный характер: *желтая сборка или белая сборка* – о вычислительной технике, собранной в азиатских странах или странах Европы соответственно.

Структура данных единиц включает в себя сочетание метонимических компонентов: в компоненте, выражающем признак, отражена сложная связь внешний признак деятеля – продукт деятельности, в именном же – результат деятельности обозначается ее процессом. Подобным же примером может стать фразеологическое выражение *писать в стол*, то есть ‘писать произведения без возможности их публикации’.

Фразеологизмы с метонимическим типом связи склонны к созданию символов и квазисимволов (языковых символов).

Собственно символ имеет носителем функции предмет, артефакт или персону, в то время как у квазисимвола носитель функции – языковое значение, ассоциативно подразумевающий определенную идею (здесь нет реалии, а только ее имя).

Например, собственно символом выступает компонент *галстук* в обороте *встреча без галстуков* – то есть ‘общение в неофициальной обстановке’. Здесь *галстук* как раз и является условным символом официальной атрибутики.

Что же касается квазисимволов, то *положить на полку* как раз является таким примером, поскольку компонент *полка* символизирует *запрет*.

Когда именной компонент в обороте приобретает символическую функцию, он начинает приобретать некоторые функции производящей основы: *встреча без галстуков*, *ослабить галстук*, *при галстуке* и т.д.

Таким образом, метонимия играет значительную роль в процессе фразообразования, при этом степень ее участия зависит от того, есть ли в составе устойчивого оборота компонент, базирующийся на ассоциативной связи, или же имеет место метонимическое переосмысление переменного словосочетания.

Список литературы:

1. Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – С. 10 – 11.
2. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименований). – М.: Наука, 1977. – 366 с.

Сведения об авторе

Василенко Анатолий Петрович, доктор филологических наук, профессор института русской и романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского», 241013, Россия, Брянск, ул. Бежицкая, 14, Телефон: +7(4832) 66-64-55; e-mail: institut_filolog@mail.ru

Anatoly Vasilenko, doctor of Philology, Professor of the Institute of Russian and Romano-Germanic Philology, Bryansk state University. I. G. Petrovsky Academy, 14 Bezhitskaya str., Bryansk, 241013, Russia, Phone: +7 (4832) 66-64-55; e-mail: institut_filolog@mail.ru

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРА В АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Дворянинова К.А.

Орловский государственный университет

имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: Популярность исследования гендера в паремиологии и фразеологии подтверждает актуальность настоящей статьи. Гендерная лингвистика – активно развивающееся направление современного языкознания, изучающее языковую репрезентацию пола. Гендерный подход предполагает использование как лингвистических, так и политических, социокультурных, психологических факторов для анализа единиц языка. Исследование паремий с использованием гендерного подхода позволяет выявить традиционные представления о роли женщин и мужчин, бытующие в данном обществе, а также определить особенности концептуализации гендерных стереотипов в сознании людей определенного лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: гендерные исследования, гендер, паремия, паремиология, имплицитные и эксплицитные способы репрезентации гендера.

Abstract: The popularity of gender research in paroemiology and phraseology confirms the relevance of this article. Gender linguistics is an actively developing field of modern linguistics that studies the linguistic representation of gender. The gender approach involves the use of both linguistic and political, socio-cultural, and psychological factors to analyze language units. The study of paroemia using a gender approach allows us to identify traditional ideas about the role of women and men that exist in this society, as well as to determine the features of conceptualization of gender stereotypes in the minds of people of a certain linguistic and cultural community.

Key words: gender studies, gender, paroemia, paroemiology, implicit and explicit ways of gender representation.

В 20 веке возникла гендерная лингвистика, которая занимается изучением того, как гендер проявляется в языке.

Термин «гендер» появился для разграничения понятий биологического и социального пола. Под гендером мы понимаем социально и культурно детерминированные представления о роли женщин и мужчин бытующие в определенном обществе и зафиксированные в языке.

Изначально гендерные исследования в лингвистике возникли и развивались в западной науке. На сегодняшний день в западных исследованиях можно выделить следующие подходы к исследованию гендера: феминистский, социолингвистический, маскулинные исследования (исследования особенностей мужского дискурса), лингвокультурологические и кросскультурные направления, психолингвистический подход.

В России возникновение гендерных исследований относится к сер. 90-х. На базе лаборатории гендерных исследований Московского государственного лингвистического университета сформировалась отечественная школа гендерной лингвистики, представители которой (О.А. Васькова, И.И. Халева, М.Д. Городникова, А.В. Кирилина, М.В. Томская, И.В. Зыкова и др.) сформулировали теоретические и методологические основы изучения гендера в языкознании.

Гендерный подход при анализе пословиц, поговорок, крылатых выражений способствует изучению таких культурных концептов как “фемининность”/”маскулинность”, традиционных представлений о роли женщин и мужчин, характерных для определенного, характерных для определенного лингвокультурного сообщества [Кирилина, 1999].

На данном этапе в языкознании отмечается вопрос о выделении паремиологии в отдельную научную дисциплину. Работы современных учёных в области паремиологии [см. Алефиренко 2009, Бочина 2003, Горбань 2010, Сидорков 2003, Савенкова 2002, Семененко 2012, Абакумова 2014] дают

основание в данном исследовании рассматривать паремиологию как отдельную отрасль лингвистики, занимающуюся проблемами изучения паремий (пословиц, поговорок, примет, поверий, загадок).

Автор принимает установку, что паремия не относится к фразеологическому фонду языка.

Паремия отличается от фразеологизма тем, что представляет собой полное предложение, обладающее не только эмоционально-экспрессивной окраской, но и способное в дискурсе оказывать влияние на реципиента.

Проанализировав различные подходы к изучению пословиц и поговорок в данной статье, мы опираемся на определение термина «пословица» О.Б. Абакумовой, согласно которому пословица представляет «языковой знак гибридного типа с характеристиками текста, актуализованная в речи, пословица представляет оценочное суждение, используемое как средство реализации коммуникативной стратегии говорящего» [Абакумова 2013: 88]. А также на данное определение термина «поговорка - краткое изречение нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только буквальный план и в грамматическом плане представляющее законченное предложение» [БЭС под ред. В.Н.Ярцевой 1998: 377].

Исследование гендерной маркированности паремий, ставит вопрос о том, каким образом фиксируется гендерный компонент. Гендерные маркеры могут быть представлены в паремиях эксплицитно, т.е. содержать слова, указывающие на лиц женского/мужского пола.

Также гендер может быть представлен имплицитно, при этом в паремиях должны быть слова, образно указывающие на качество или признак мужчины/женщины, либо содержащие метафору. К примеру, образ женщины или мужчины может быть представлен с помощью костюмной метафоры.

Пример:(Wear the pants in one's family – быть главой семьи; be a skirt chaser – быть бабником; a blue stocking – педантичная женщина: be under one's heel – быть под каблуком) биоморфной метафоры: (a dolly bird – нарядная девушка, hell cat – злобная женщина, an old goat – пожилой неприятный

мужчина, the gray mare – властная женщина, big ox – сильный неуклюжий мужчина, It is a sad house where the hen crows, louder than the cock – Плох тот дом, где жена главная).

Кроме того, указание на гендер, может представляться с использованием суффиксов. В английском языке тоже есть суффикс –ess, и эта морфема указывает на агента действия женского рода (steward - stewardess, instructor - instructress, master - mistress, poet - poetess, duke – duchess).

На предмет эксплицитного способа репрезентации гендера нами были исследованы 116 паремиологических единицы, содержащие в своей структуре лексемы, обозначающие лиц мужского или женского пола, имена собственные и термины родства. Примеры:

- имена собственные: (*When Adam delved and Eve span, who was then the gentleman - Когда Адам пахал и пряла Ева, где родословное стояло древо?*)
- термины родства: (*Experience is the mother of wisdom – (досл.) Опыт мать мудрости; Success has many fathers, while failure is an orphan - У успеха много отцов, а неудача всегда сирота;*)
- антропометрические лексемы man/woman, boy/girl: (*Never send a boy to do a man's job – Никогда не посылай мальчишку делать мужскую работу; A sieve will hold water better than a woman's mouth a secret - Сито лучше воду держит, чем женщина секрет).*

В отобранных нами 25 паремиях преобладают те, что содержат лексемы с мужским именем. Это можно объяснить традиционным доминированием мужчин в социуме. Как следствие исторических и культурных реалий, мы можем наблюдать неравное участие женских и мужских антропонимов в формировании паремиологического фонда английского языка.

Среди паремий с терминами родства превалируют те, что с фемининной референцией, что может говорить о более важной роли женщин в семейной сфере жизни (*There is no other can take the place of mother - Никто другой не может занять место матери; What mother sings to the cradle goes all the way down to the grave - То, что мать поет в колыбели, остается до самой могилы).*

Большинство паремий с лексемой *man* обладают интергендерной референцией (*Every man is the architect of his own fortune* – *Каждый сам кузнец своего счастья*; *Every man after his fashion* – *Всякий молодец на свой образец*). Андроцентричность английской картины мира подтверждается большим количеством пословиц, употребляемых мужчинами по отношению к женщинам (пословицы о женской болтливости: *A woman's tongue is the last thing about her that dies* – *Язык женщины – последнее что в ней умирает*; об уме женщин: *Women have long hair and short brains* – *Женский волос долог, а ум короток*), т.к. в них содержится оценка (чаще негативная), то есть мужской взгляд на мир и на место женщины и ее роль в этом мире.

Всего из 116 паремий с эксплицитным способом репрезентации гендера 43,1% - содержат мужскую лексему, 37 % - содержат женскую лексему, 19,9% - содержат мужскую и женскую лексему, при этом мужская лексема в структуре паремии стоит перед женской лексемой, выражая, доминантность мужской точки зрения. Исходя из вышесказанного, мы можем заключить что, в гендерно-маркированных паремиях отражается андроцентричность английского языка.

Таким образом, паремиологический фонд английского языка представляет собой часть языковой системы, в которой четко фиксируется гендерный фактор. Проведенная работа показала, что гендер в английских паремиях может быть реализован на уровне структуры и семантики паремии.

Список литературы:

1. Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. – СПб, Алеф Пресс, 2013. – 354с.
2. Бодрова Ю.В. – Русские пословицы и поговорки и их английские аналоги. –М.:АСТ;СПб;Сова,2007 – 159 с.
3. БЭС - Большой энциклопедический словарь./ Под ред. В.Н. Ярцевой.- М.: Советская энциклопедия, 1998. – 684 с.
4. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. - М.: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.

5. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах / А.В. Кирилина // Гендер и язык. — М., 2005. — 155 с.
6. Маргулис А., Холодная А., - Русско-английский словарь пословиц и поговорок; McFarland and Company, Inc., Publishers; Jefferson; 2000 – 487 p.
7. Martin H. Manser - The Facts On File Dictionary of Proverbs. – Martin Manser; associate editor, Rosalind Fergusson. David Pickering. Second edition – 2007, 513.
8. Speake, J. Oxford Dictionary of Proverbs / J. Speake. – New York: Oxford University Press, 2008. – 388 p.

Сведения об авторе

Дворянинова Карина Андреевна; муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение - школа №51 города Орла; учитель английского языка; karinadvoryaninova@gmail.com; +7 920 084 88 28.

Dvoryaninova Karina Andreyevna; municipal budgetary educational institution - school No. 51 of the city of Oryol; English teacher; karinadvoryaninova@gmail.com; +7 920 084 88 28.

УДК 81-116.3

АНАЛИЗ АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И АНТИПОСЛОВИЦ С ПРЯМОЙ МАСКУЛИННОЙ ГЕНДЕРНОЙ РЕФЕРЕНЦИЕЙ В РАМКАХ ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СУПРУЖЕСТВО»

*Кирюхина Н.В.
Орловский государственный университет ОГУ им. И.С.Тургенева
г. Орёл, Россия*

Аннотация: Гендерные исследования в лингвистике представляют собой относительно новую область научного исследования, что не мешает им

являться сегодня одним из самых популярных направлений в исследовании языка. В данной статье мы рассматриваем английские пословицы и антипословицы в рамках гендерного подхода с целью обнаружить культурные смещения и их отражения в гендерной асимметрии языка.

Ключевые слова: гендер, пословица, антипословица, гендерные маркеры, гендерная асимметрия, маскулинность, фемининность.

Abstract: Gender studies in linguistics are relatively new field of scientific research which still is not a hindrance to their popularity in modern language studies. In this paper we analyze English proverbs and anti-proverbs in order to reveal cultural drifts and their reflection in language gender asymmetry.

Key words: gender, proverb, anti-proverb, gender marker, gender asymmetry, masculinity, femininity.

Гендерные исследования в языке представляют собой относительно новую и пока еще не полностью изученную область исследования, но при этом бурно развивающуюся в современном мире, в котором усилились темпы социальных и глобальных перемен.

Особое место в гендерной лингвистике отводится изучению гендерного фактора во фразеологии, поскольку фразеология является настоящей сокровищницей культуры, которая вбирает и накапливает в себе опыт и знания многих людей, бережно передающихся из поколения в поколение. Где, как не в недрах фразеологии, мы можем встретить столько культурно и общественно значимой информации, в ее диахроническом и синхроническом аспектах. Гендерные исследования во фразеологии позволяют нам вывести данные о предшествующем современному видение о культурных представлениях о мужчине и женщине, а также проследить каким образом в языке, как и в культуре, строилась оппозиция мужское/ женское, что в итоге привело к явной гендерной асимметрии языка.

Исследования паремиологического фонда языка с применением гендерного подхода широко описаны в трудах В.Н.Телии (1996), А.В.Кирилиной (1999), Д.Ч.Малишевской (1999) и И.В.Зыковой (2003).

В нашей работе мы придерживались структурного критерия отбора лингвистического материала, а значит, под наше изучение мы, методом сплошной выборки, относим только те пословицы и антипословицы, в которых имеются лексемы *husband, groom, man/ married man*. Все эти лексемы можно было бы отнести к гендерным указателям. Гендерная маркированность, по мнению И.В.Зыковой, складывается из некоторых способов представления в пословицах «гендерных маркеров, т.е.обозначений, отличительным признаком которых является указание на представителей мужского или/и женского пола» [2, с.213].

В диапазон нашего исследования вошли только те пословицы и антипословицы, которые имеют полную гендерную маркированность, то есть те пословицы, в которых семы рода выражены эксплицитно и имплицитно, например: *When the husband's away the wife will play*. Очевидно, что лексема *husband* имеет своим референтом *мужчину*, а при проведении семного анализа мы обнаружим сему *мужского пола*. Для анализа пословиц и антипословиц метод семного анализа является весьма важным и продуктивным, поскольку благодаря нему исследователь может вскрыть имплицитные гендерные маркеры и впоследствии применить семантический принцип отбора паремиологического материала. Под семой, вслед за М.С.Саломатиной и И.А.Стерниным, в нашей работе понимается «компонент значения слова, отражающий отличительный признак денотата слова (предмета, явления, процесса) или употребления слова и способный различать значения слов» [6, с.5]. Отметим, что для гендерных исследований в области паремиологического фонда наибольший интерес представляют семы (микросемы), передающие родовой признак.

Известно, что пословицы конструируют пословичную картину мира, которая является частью языковой картины мира. Именно в пословицах мы

находим то самое «культурно-бессознательное». Пословицы, по справедливому замечанию Е.В.Ивановой, транслируют «принятые в социуме нормы морали, стереотипы поведения, т.е. то знание о мире и человеке в мире, которое является важным для языкового коллектива и поэтому закрепляется с помощью языкового знака» [3, с51]. Отсюда мы можем сделать вывод о том, что в пословицах, равно как и в более современных антипословицах, разнообразным образом представлены культурно обусловленные представления о стереотипных образах мужчины и женщины, о всех сферах жизнедеятельности, прямо или косвенно соотносимых их образами, о типичных характеристиках, качествах или ценностях, традиционно приписываемых мужчине и женщине. В связи с тем, что пословицы и антипословицы способны передавать народные суждения, умозаключения и бытовые представления о мужчине и женщине, мы можем говорить о существовании двух ключевых категорий, одной из которых и было посвящено наше исследование: маскулинности и фемининности. Согласно словарю гендерных терминов, «маскулинность – это комплекс аттитюдов, характеристик поведения, возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную практику той или иной группы, объединенной по признаку пола. Другими словами, маскулинность - это то, что добавлено к анатомии для получения мужской гендерной роли» [8, с.121]. Тогда как фемининность рассматривается как «характеристики, связанные с женским полом» [9, с.208], или «характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе» [1,с. 680].

В нашем исследовании отобранным лингвистическим материалом выступили пословицы и антипословицы с прямой маскулинной гендерной маркированностью с целью выявления культурно обусловленных стереотипных представлений об образе мужа и жениха в англоговорящем сообществе в диахроническом и синхроническом аспекте. Итак, нам удалось получить следующие результаты.

В подавляющем большинстве антипословиц муж предстает в образе жертвы, который, по стечению обстоятельств, несчастен из-за своей жены. А

wife is a woman who stands by her husband through all the trouble he wouldn't have had if he'd stayed single. Справедливости ради стоит сказать, что идея образа «несчастливого мужа» отнюдь не нова, подтверждение чему мы найдем в старых пословицах: *He that has a wife, has strife.* Важным замечанием, на наш взгляд, является тот факт, что в современных антипословицах четко прослеживается тенденция к суровой участи мужчины просто при условии наличия жены. В то время как в традиционных пословицах, наоборот, подчеркивается важность брака для мужчины: *A married man has many cares, the unmarried one many more; A man without a wife is but half a man.* В традиционных пословицах несчастье мужа связано скорее не просто с существованием жены в его жизни, а с отдельными ее характеристиками, такими как вздорный характер или коварный нрав: *Three things drive a man out of his house: smoke, dropping of rain and a scolding wife.*

В антипословицах также широким образом представлен образ молчаливого мужа, который, умудренный опытом, знает о склонности своей жены к ссорам и нравоучениям: *Experience teaches wisdom: the experienced husband has learned to think twice before saying nothing; It is the late husband that catches the lecture.* Тем не менее, мы не можем с такой же уверенностью говорить о существовании образа смиренного и молчаливого мужа в более ранних традиционных пословицах.

Следующей стереотипной характеристикой современного мужа является его в некотором роде неполноценность и склонность к провалам и неудачам и, кажется, заведомо проигрышную позицию навязывает ему его жена: *Behind every famous man there's a woman – telling him he's not so hot; Behind every successful man is a woman who keeps reminding him that she knows men who would have done even better.* Однако мы не можем заявлять, что вышеупомянутые черты можно было бы найти в образе мужа в традиционных пословицах. Муж, в традиционных пословицах выступал скорее как подчиненный: *He that has a wife has a master.* Впрочем, склонность мужа занимать подчиняющееся положение особенно остро и разнообразно отражена в современных

антипословицах: *No man can serve two masters, unless he has a wife and grown-up daughter; A new groom sweeps clean, and also washes dishes.* Современный муж выступает как исполнитель распоряжений жены, а также перенимает на себя традиционно приписываемые женщинам обязанности: уборка дома, мытье посуды и приготовление пищи.

Муж в современных реалиях не свободен в своих желаниях и не имеет права посвящать время своим любимым делам даже будучи дома, поскольку его жена наверняка быстро найдет ему альтернативное занятие. Все, чего остается ждать мужу – когда он останется один: *Home is the only place where a man can do as he pleases – when his wife's away.* Напротив, в традиционных пословицах мы находим идею крепости дома для мужчины, где он, как правило, сам хозяин дома или они вместе с женой выступают как напарники: *A man's home is his castle; Men make houses, women make homes.*

В нашей статье мы пытались обнаружить новые социо-культурные смещения и сдвиги в категориях маскулинности, находящие свое отражение в английском языке, которые впоследствии приводят к гендерной асимметрии. По итогу нашего исследования мы можем заключить о преимущественно негативной коннотации лексем *husband, groom, man (married man)*. Отрицательный и даже вызывающий жалость образ мужа выстраивается в современном англоговорящем сообществе за счет его ассоциации как с выполнением традиционно женских обязательств (уборка дома, приготовление пищи), так и за счет его потакания любым женским (жены и дочери) желаниям и капризам. Примечателен тот факт, что восприятие мужа медленно, но верно ухудшается и занижается в англоговорящем сообществе. Отсюда мы приходим к выводу, что традиционный статус мужа-хозяина дома, главы семьи и образца для подражания постепенно размывается и утрачивает свою актуальность в современных условиях жизни и быта. Однако, исходя из тех результатов, что мы получили, абсолютно очевидно, что образ жены превосходит образ мужа по негативным окраскам, как по уровню паремиологической активности, так и по степени выраженности отрицательных характеристик и поступков. Все эти

факты говорят скорее об андроцентричности, а не гиноцентричности английской картины мира. Несмотря на тот факт, что лексема *wife* выступает более употребительной среди пословиц и антипословиц, что свидетельствует о явном перевесе в заинтересованности общества в женском укладе быта, поведении и личностных характеристиках, в английском лингвокультурном сообществе сохраняется маскулинная картина мира, базирующаяся на мужской системе ценностей.

Список литературы:

1. Гидденс Энтони. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
2. Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии: монография/ Зыкова И.В.- М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 232 с.
3. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та; Филол. Ф-т СПбГУ, 2006. – 280 с.
4. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты: монография/ Кирилина А.В.– М.: Ин-т социологии РАН, 1999 Москва,1999.–189 с.
5. Малишевская, Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «мужчина»/ «женщина»)/ Малишевская Д.Ч.// Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. – 180-184 с.
6. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. – Воронеж: «Истоки», 2011. -150 с.
7. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты/ В.Н. Телия. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. —288 с.
8. Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой / Региональная общественная организация "Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты". М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.

9. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А-О): пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 1999. 544 с.
10. Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs/ Penguin Books Ltd. 2000, 384p.
11. Wolfgang Mieder, Anna Tsthni Litovkina, University of Vermont, 2002 - 260p.

Сведения об авторе

Кирюхина Надежда Владимировна; ассистент кафедры английской филологии, Орловский государственный университет им. И.С.Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; mila0870@yandex.ru; + 8 919 262 5782.

Kirjukhina Nadezhda Vladimirovna; an assistant lecturer at the chair of English philology, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; mila0870@yandex.ru; + 8 919 262 5782.

УДК 811.161

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДВУПЛАНОВОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ В ЭЛЕКТРОННОМ СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННЫХ АКТИВНЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПОСЛОВИЦ

Котова М. Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Системность паремиологического минимума языка проявляется в семантических связях его единиц, в частности, в синонимии, антонимии и полисемии. Целью данного исследования является разработка вопроса о паремиографировании в электронном словаре такого вида многозначности русской употребительной пословицы как семантическая многоплановость. Используя метод сплошной выборки из собственного социолингвистического паремиологического эксперимента среди белорусских и украинских респондентов, автор анализирует способы описания в электронном словаре многозначных русских пословиц и их белорусских и украинских пословичных параллелей. В заключении обосновывается необходимость структурирования дефиниции двуплановой русской пословицы согласно нюансам ее семантической структуры.

Ключевые слова: восточнославянские языки, полисемия, пословица, семантическая двуплановость, электронный словарь.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц» (№ 20-012-00105).

Abstract: The system of the paremiological minimum of a language is manifested in the semantic relations of its units, in particular, in synonymy, antonymy and polysemy. The purpose of this research is to develop the question of paremiographic description of polysemy of a Russian proverb in an electronic dictionary. Using the method of continuous sampling from the sociolinguistic paremiological experiment among Belorussian and Ukrainian respondents, the author analyzes the ways of describing Russian proverbs with semantic duality and their Belorussian and Ukrainian proverbial parallels in the electronic dictionary. In conclusion, the author substantiates the need to structure the definition of this semantic type of Russian proverb according to the nuances of its semantic structure.

Key words: East Slavonic languages, polysemy, proverb, semantic duality, electronic dictionary.

Проблематика семантической двуплановости на лексическом, фразеологическом и паремиологическом уровнях исследовалась в трудах В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, В. М. Мокиенко и др. [3; 5; 6; 8].

Принимая во внимание, что пословица, как логико-семиотический знак ситуации, может включаться одновременно в несколько тематических групп, в которых происходит актуализация того или иного пословичного компонента, в паремиологии выделяется такое понятие как паремиологическая полисемия внутри паремиологической системы любого языка [1; 6].

Семантическая структура заголовочной русской пословицы

Здесь мы рассмотрим паремиографическое описание семантической двуплановости русских пословиц как одно из проявлений паремиологической полисемии в электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц, принципы которого уже были частично изложены в предыдущих исследованиях коллектива [4; 9].

Внутренняя форма пословицы может иметь либо переносный план выражения (быть образной), либо прямой план (не иметь образной основы), либо обладать семантической двуплановостью/многоплановостью (совмещать переносный и прямой планы выражения). Эти три вида семантического содержания пословицы получают полное паремиографическое описание в разрабатываемом в настоящее время электронном словаре восточнославянских пословиц (объемом 500 русских активных пословиц с белорусскими и украинскими параллелями), где предусмотрена структурированная дефиниция пословицы в сочетании с другими лексикографическими средствами.

Словарная статья нашего электронного словаря строится, в основном, в соответствии с лексикографическими традициями, воспринятыми паремиографами [1; 2; 3]. Она состоит из следующих частей: заголовочная русская пословица; отсылка к тематической группе/тематическим группам, куда она включена (новая помета); указание эмоционально-экспрессивной стилистической окраски (факультативная помета); толкование (указание одного или нескольких семантических значений пословицы); контекстная иллюстрация

употребления. Далее в словарной статье приводятся белорусские и украинские пословичные параллели с контекстными иллюстрациями.

Активные белорусские и украинские пословичные параллели

Социолингвистические паремиологические эксперименты, проведенные авторами словаря среди носителей белорусского и украинского языков, выявили степень употребительности современных белорусских и украинских пословиц или отсутствие использования в наши дни пословиц, зафиксированных в хрестоматийных энциклопедических пословичных сборниках [1; 2; 7]. Лакунарность в белорусском или в украинском паремиологическом фонде отражается в словаре в виде буквального перевода русской пословицы на белорусский и украинский язык.

Многозначные русские пословицы, как правило, получают в нашем словаре две дефиниции: толкование прямого значения и толкование переносного значения, в котором ясно ощущается семантическая двуплановость, например:

У семи нянек дитя без глазу. → IV Дом. Семья. Дети. Родители. Воспитание; VIII. Взаимоотношения людей.*

1) О семье, где все балуют ребенка, который в результате оказывается без присмотра. «У семи нянек дитя без глазу. Трудно не согласиться с этой поговоркой, если няньки действуют каждая по своему усмотрению» <https://www.maam.ru/detskijsad/u-semi-njanek-ditja-bez-glaza.html> (16.08.2020)

2) Когда за одну и ту же работу несет ответственность несколько человек, она оказывается невыполненной. «К сожалению, в строительстве сайтов, как и в футболе, у нас разбираются все. Это приводит к тому, что сайт делает вся юридическая фирма. В результате получается как в поговорке: у семи нянек дитя без глаза.» <https://kartaslov.ru/> (16.08.2020).

белорус. *У сямі нянек дзіця без вока.* «А атрымліваецца, як у той прымаўцы, што ў сямі нянек дзіця без вока. Не вельмі бачная пакуль работа ўсіх гэтых арганізацый, хоць узяцца за яе пара» [2, с.251].

укр. *Сім баб, сім рад, а дитя безпуне* [1, с. 102]. «Тут збіглися інтереси одразу трьох міністерств: Міністерства праці та соціального захисту (на території містечка є центр зайнятості), Міністерства освіти та науки (є школа), Міністерства сім'ї, молоді та спорту (є дитячі будинки сімейного типу), — розповідає Віктор Матчук. — Але, як кажуть, *сім баб — сім рад, а дитя безпуне*» <http://www.golos.com.ua/article/214842> (27.04.20)

*Во второй части электронного словаря помещен Тематический указатель русских пословиц, состоящий из двенадцати тематических глав с подразделами и подрубриками. В первой, основной части словаря, в словарной статье, сразу после заголовочной русской пословицы после пометы «→» приводятся названия тематических групп, в которые включена данная пословица в обоих значениях (прямом и двуплановом).

Приведем некоторые другие примеры русских пословиц с двумя значениями из нашего словаря (таких пословиц – около 9 % от общего количества в словаре): *В семье не без урода; Кашу маслом не испортишь; Смотрит в книгу, а видит фигу; Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало* и др.

Типы семантической двуплановости русских пословиц

Анализ видов взаимосвязей внутри семантической структуры русской пословицы позволяет выделить следующие типы многозначности:

а) прямое значение и семантическая двуплановость, например: *Бог дал, Бог и взял.* → IV. Дом. Семья. Дети. Родители. Воспитание; XII 9) Судьба. Бог.

1) О рождении и смерти: человек рождается и умирает по воле Божьей. 2) Что приходит независимо от человека, то и уходит помимо его воли.

белорус. *Бог даў, Бог узяў.* «Я вам давала жывога сына! Дзе ён? Ададце, вярніце мне майго адзінага сына... Супакойцеся... я з вамі. Пойдзем. *Бог даў, Бог узяў.*» Г. Марчук, «Кракаўскі студент», Маладосць № 3, 2003 [2, с. 36].

укр. *Бог дав, Бог і взяв* [1, с. 21]. Через ті чи інші неприємні випадки Господь Бог чогось навчає, до чогось веде, до чогось готує. У випадку

страждання ми можемо тільки покійно його прийняти: «*Бог дав, Бог взяв*» та постійно волати до Бога, лементувати. <https://dyvensvit.org/blogs/1023389/>

b) двуплановость коннотативной оценочности, например:

Обещанного три года ждут. → I. 10) Занятия. Работа. Дело. Ученье. —Отдых. Безделье. Лень. Невежество; VIII 2), 5), 11) Взаимоотношения людей.

1) Утешение тому, кто надеется на выполнение чьего-л. обещания. 2) с издевкой Произносит тот, кто обманул наивного и доверчивого человека, пообещав ему что-л.

белорус. *ср. Абяцанкі — цацанкі, а дурню радасць. “Абяцанкі-цацанкі, а дурню й радасць”* – гаворыць народная прыказка. Вось толькі не хочучь жанчыны, што звярнуліся па дапамогу ў “Дняпровец”, адчуваць сябе дурнямі. То можа і камунальнікі нарэшце перастануць іх такімі рабіць? [2, с.13].

укр. Обіцянка — цяцянка, а дурневі радість [1, с. 103]. «*«Обіцянка - цяцянка, а дурневі радість»*», — це, здавалося б, таке кумедне, але водночас і сумне прислів'я, зважаючи на ситуацію, що склалася сьогодні, півдня крутиться в голові. <https://blog.poltava.to/bublyk/9209/> (дата обращения 21.05.2020)

с) разнонаправленные коммуникационные адресаты, например: *Глаза б мои не глядели!* → IV 5) Дом. Семья. Дети. Родители. Воспитание; VII 2), 9) Любовь. Дружба: Любовь невзаимная; Дружба — неприязнь.

1) Выражение неприязни к человеку, который настойчиво добивается чьего-л. расположения (любви). 2) О ребенке, который расстраивает родителей своим поведением (непослушанием).

белорус. *Вочы б мае не бачылі.* Тады маці вымала люльку з зубоў і, замахнуўшыся на яго, злосна крычала:— Цьфу на цябе! Ты, падкідыш! Згінь, каб вочы мае не бачылі!.. [2, с. 47-48].

укр. Щоб мої очі не бачили [1, с. 38]. Збирай речі і йди геть! Матері твоїй більше немає, квартира моя! *Очі мої, щоб тебе не бачили!* <https://ibilingua.com/zbyraj-rechi-i-umatyvaet-materi-tvoyij-bilshe-nemaye-kvartyra-moya-ochi-moyi-shhob-tebe-ne-bachyly/> (08.05.20)

d) от генерализации к конкретизации, например: *На безрыбье и рак рыба*.

→ VII 5) Любовь. Дружба: Отсутствие выбора.

1) При отсутствии выбора годится любой вариант. 2) Когда нет других вариантов, соглашаются на того претендента, который сам себя предлагает.

белорус. *На бязрыб'і і рак рыба*. А гэта не прэстыжна для фестывалю выбіраць па прынцыпу " *на безрыб'і і рак рыба*", неяк так, калі што не зразумела пытайцеся [2, с. 144].

~ *На бязлюдзі і мы людзі*. Ці сапраўды *на бязлюддзі і мы людзі*? Як раскручвацца творчай асобе? Дзе шукаць аўдыторыю і ладзіць пляцоўку для дзейнасці? [2, с. 143-144].

укр. *На безвідді (безриб'і) й рак риба* [1, с. 20]. Кажуть, *на безвідді і рак риба*, але варто тільки потрапити в "рибні місця", про "раків" одразу ж забувають. Проте вони ж теж люди, мають свою гідність, амбіції, бажання.
<https://uamodna.com/articles/zapasnyy-aerodrom/>(дата обращения 22.04.2020)

ср. *На безлюдді й Хома чоловік* [1, с. 20]. Понад половина потенційних виборців, опозиційних Обамі, не визнають жодного з республіканських кандидатів. Як-то кажуть, *на безлюдді й Хома – чоловік*.
<https://tyzhden.ua/World/41094>(дата обращения 22.04.2020)

В первых трех указанных типах паремиографирования многозначности русских пословиц - прямом значении и семантической двуплановости; двуплановости коннотативной оценочности; разнонаправленных коммуникационных адресатах - белорусские и украинские пословичные параллели обладают семантической двуплановостью, тождественной русской пословице. В последнем случае (от генерализации к конкретизации) русской пословице с семантической двуплановостью *На безрыбье и рак рыба* соответствуют как двуплановая белорусская пословица (*На бязрыб'і і рак рыба*) и двуплановая украинская пословица (*На безвідді (безриб'і) й рак риба*), так и вторая активно употребляемая пословичная параллель с конкретизацией значения (белорус. *На бязлюдзі і мы людзі*; укр. *На безлюдді й Хома чоловік*).

Заключение

Рассмотренные словарные статьи из разрабатываемого электронного словаря современных активных восточнославянских пословиц демонстрируют необходимость тщательного структурирования дефиниции заголовочной русской пословицы на примере семантически двуплановой русской пословицы. В электронном словаре используются принципы и материалы ранее опубликованного русско-славянского словаря пословиц [1], которые в процессе создания словарных статей уточняются и расширяются. Нюансы семантической структуры русской пословицы в некоторых случаях совпадают с семантической структурой белорусских и украинских пословичных параллелей, а иногда дополнительно получают в параллелях конкретизацию в виде пословиц с другой внутренней формой.

Список литературы:

1. Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П. А. Дмитриева. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. – 360 с.
2. Котова М. Ю., Боева Н. Е. Тетради паремнографа. Выпуск 5. Белорусские пословичные параллели русских пословиц паремнологического минимума: Учебно-методическое пособие для студентов / Под ред. М. Ю. Котовой. – СПб.: Изд-во ВВМ, 2019. – 304 с.
3. Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц (опыт составления) // Проблемы истории, филологии, культуры. Выпуск 2 (24). М. – Магнитогорск – Новосибирск, 2009. С. 5-18.
4. Мушчинская В. В. Украинские пословичные параллели в электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц // Русский язык и литература в славянском мире: История и современность :

Материалы Международной научно-практической конференции в онлайн-формате / МГУ имени М.В. Ломоносова, 25 мая 2020 г. – Москва : Издательство Московского университета. С. 45-51.

5. Нистратов А. А. Анализ семантической структуры пословиц и поговорок // Вопросы психолингвистики № 26. 2015. С. 212-221.

6. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.

7. Украинские пословицы: Соціолінгвістичний пареміологічний експеримент [Электронный ресурс] Режим доступа к опросу [URL https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSdH_qyzoYCNGaxvFviucA2xDnEv72e-CoKajJs1oAUI1f4xsQ/viewform]

8. Abakumova O. B. A Cognition-discourse Model of the Sense Actualization of Proverbs // The Second International Conference “Language, Culture and Society in Russian/English Studies”. – London, 2011. – P.110-120.

9. Kotova M. Yu., Mushchinskaya V. V., Sergienko O. S. East Slavonic proverbs with ethnonyms in the electronic dictionary of current proverbs // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. WUT 2020. 10th International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”, 2020. - P. 748-757.

Сведения об авторе

Котова Марина Юрьевна; доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9; m.kotova@spbu.ru; +79213690644.

Kotova Marina Yurievna; Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University, Universitetskaya emb., 7-9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; m.kotova@spbu.ru; +79213690644.

**УКРАИНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ С ЗООНИМАМИ В ЭЛЕКТРОННОМ
СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННЫХ АКТИВНЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ
ПОСЛОВИЦ²⁷**

Мущинская В. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация: Данное исследование является частью научного проекта по созданию электронного словаря современных восточнославянских пословиц, то есть словаря русско-украинских и русско-белорусских пословичных параллелей русского паремиологического минимума, которые сегодня активно используются носителями языка.

В статье рассматриваются русские пословицы из русского паремиологического минимума и их украинские пословичные параллели, содержащие зоонимы, на предмет их употребления в современных средствах массовой информации и других формах интернет-коммуникации.

Ключевые слова: зооним, паремиологический минимум, пословица, украинский язык, электронный словарь современных восточнославянских пословиц.

Abstract: This study is a part of a research project to create an electronic dictionary of modern East Slavic Proverbs, that is, a dictionary of the Russian-Ukrainian and Russian-Belarusian Proverbial Parallels which are actively used by native speakers.

Keywords: Electronic dictionary of current East Slavonic proverbs, zoonym, paremiological minimum, proverbs, Ukrainian language.

²⁷Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Электронный словарь современных активных восточнославянских пословиц» (№ 20-012-00105).

Данное исследование проводится в рамках лингвокультурологии на паремиологическом материале для выявления культурных элементов пословиц. С точки зрения лингвокультурологии, пословицы являются единицами, во внутренней форме которых (или образном основании - термин В.Н. Телия) отражено мировоззрение того или иного лингвокультурного сообщества. Миропонимание, запечатленное в образном основании пословиц, доносит до современников те коллективные представления, которые складывались в процессах культурного освоения мира тем или иным этносом. Именно система образов, закрепленных в пословицах, служит «нишей» для кумуляции культурно-национального опыта описываемых лингвокультурных обществ [3, с. 36].

Данное исследование является частью проекта по созданию электронного словаря современных восточнославянских пословиц. Словарь будет представлять собой словарь русско-украинских и русско-белорусских пословичных параллелей русского паремиологического минимума, которые сегодня активно используются носителями языка. Этот проект осуществляется на кафедре славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Основная цель данного исследования - определить те русские и украинские пословицы с зоонимами, которые действительно активно используются сейчас. Это позволит установить пословичные параллели и лакуны в украинском языке по отношению к пословицам русского паремиологического минимума.

Электронный словарь современных восточнославянских пословиц будет в основном базироваться на пословицах русского паремиологического минимума, выявленных Г. Пермяковым, и его пословичных параллелях в украинском языке, включенных в «Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями» (далее РССПАС). Теоретическое обоснование понятия «паремиологический минимум» было дано в трудах Г.Л. Пермякова.

На примере пословиц с зоонимами продемонстрируем основные принципы описания пословиц в электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц. Пословицы с зоонимами существуют во всех языках, так как образы животных служат одним из средств представлений о мире в различных его проявлениях [2, 22]. Они являются ярким элементом национального характера, особенности и этапы становления которого находятся в центре внимания современной лингвокультурологии.

В РССПАС включены 52 паремии с зоонимами, обозначающие как диких животных (волк, заяц, медведь, мышка, слон и др.), так и домашних (конь, собака, козел, индюк, корова, кот, кошка, курица, лошадь, овца, гусь, свинья, теленок, цыпленок, кобыла и др.). Наиболее частотны паремии с зоонимами: волк - 8, собака - 6, конь - 5.

Рассмотрим пример с зоонимом *волк*.

Русская пословица *И волки сыты, и овцы целы* со значением 'говорится с удовлетворением при достигнутом компромиссе, когда довольны обе стороны' в «Русско-славянском словаре пословиц с английским соответствиями» относится к тематической группе «Конфликтность» в разделе «компромисс -упрямство, непримиримость» [5, 198]. Пословица является исконно славянской, известна русскому литературному языку с XVII века. Противостояние волка и овцы известны из басен, притч и сказок многих народов [1, 115].

Использование данной пословицы в русском языке подтверждает иллюстративной материал, взятый из Интернета.

Заголовок И волки сыты, и овцы целы... Полина уже тогда поняла, что на следующий отпуск точно внезапно заболеет, или хотя бы неожиданно будет завалена срочной работой, которую никак не получается отложить.<...> А когда она встречала всех через две недели дома, и видела их довольные, загорелые лица, и при этом чувствовала и себя отдохнувшей за эти дни, еще больше уверилась, что все сделала правильно. И волки сыты, и овцы целы, как говорится. <https://ilimos.ru/i-volki-syty-i-ovtsy-tsely/>.

Аннотация к книге «И волки сыты, и овцы целы, и пастуху вечная...»...<https://litnet.com/ru/book/i-volki-syty-i-ovcy-cely-i-pastuhu-vechnaya-b222368>.

«Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями» приводит украинскую параллель *І вовки ситі, і кози цілі*. Иллюстративный материал в Интернете показывает, что украинская пословичная параллель активно используется.

Заголовок Податковий компроміс: і вовки ситі, і кози цілі.

<https://i.factor.ua/ukr/journals/bn/2015/january/issue-4/article-5104.html>

Заголовок Щоб вовки ситі, а кози – цілі: що написали в проєкті Українського правопису. *Що єднає правопис і політику, і чи вдасться правописній комісії цього разу нагодувати вовків і вберегти неушкодженими кіз – покаже час. Але на правописні граблі українці наступали зопалу вже не раз. І здається, вчитися на власних помилках поки що не навчилися.*

<http://www.theinsider.ua/art/5b794b602526b/>

Сопоставление русской пословицы *И волки сыты, и овцы целы* и украинской пословицы *І вовки ситі, і кози цілі* показывает, что паремии имеют одинаковую семантику и структуру, но в украинской пословице контрагентом волка выступает коза, а не овца как в русской пословице. Следует отметить, что украинская пословица *Щоб вовки ситі, а кози – цілі*, по классификации В.П. Жукова, является структурным вариантом, который «образуется вследствие видоизменения лишь синтаксической конструкции при сохранении прежнего смыслового содержания и лексического состава пословицы» [4, 2005:17].

Приведем пример с зоонимом *собака*.

Русская пословица *Вот где собака зарыта* со значением ‘говорится при обнаружении (выяснении) чего-л. тайного, что давно не поддавалось разгадке’ в «Русско-славянском словаре пословиц с английским соответствиями» относится к тематической группе «Судьба. Бог» в разделе «Тайное - явное». [5, 202]. Данное выражение является калькой с немецкого и известно многим народам [1, 650].

Использование данной поговорки в русском языке подтверждает иллюстративной материал, взятый из Интернета.

Заголовок «Вот где собака зарыта»: Илон Маск пообщался с подписчиками на русском. <https://www.ntv.ru/novosti/2181520/>

Заголовок Вот где собака зарыта! <http://vspress.ru/vot-gde-sobaka-zaryta/>.

Заголовок Где зарыта собака. В пьесе «Где зарыта собака» душевно и просто звучит любимая тема Алексея Слаповского: как много людей живёт не своей жизнью. Но как немного решается её изменить <https://akimovkmedia.ru/play/199/>.

Александра Сергазинова: **«Так вот где собака зарыта!»** В который раз убеждаюсь, что зачастую собаки умнее своих хозяев. <https://top-news.kz/aleksandra-sergazinova-tak-vot-gde-sobaka-zaryta/>.

Название картины «Так вот где собака зарыта» Художник Валентина Сергеевна Чернышова Графика XX век https://artchive.ru/artists/86419~VALENTINA_SERGEEVNA_ChERNYShOVA/works/608158~tak_vot_gde_sobaka_zaryta.

РССПАС приводит украинскую параллель *От де собака заритий*.

Использование данной поговорки в украинском языке подтверждает иллюстративной материал, взятый из Интернета.

Заголовок Депутат облради Світлана Фочук про те, «де собака зарита» у подіях навколо санаторію «Брусниця». Як депутат обласної ради, що стоїть на сторожі інтересів громади, яка мене обирала, мушу висловитися з приводу подій навколо санаторію «Брусниця». Ділюся своїми думками щодо того, де тут «собака зарита». <https://karpaty.news/chernivecka-oblast/kicmanskiy-rayon/brusnicya/deputat-oblradi-svitlana-fochuk-pro-te-de-sobaka-zarita-u-podiyah-navkolo-sanatoriyu-brusnicya.>

Заголовок Відкриті дані по-українськи: де заритий собака? <https://diem.studway.com.ua/d/vidkriti-dani-po-ukrainski-de-zariti/>.

Документальний фільм «Де собака заритий?» про зоозахистників у Миколаєві та соціальна кампанія на підтримку гуманного ставлення до тварин. <https://biggggidea.com/project/de-sobaka-zaritij-/>.

Заголовок Лавров пошукав «де собака заритий» у Мінських домовленостях. Лавров заявив, що у зв'язку із гальмуванням мінських угод, західні партнери припинили втручатись у відносини України з її сусідами. <https://tsn.ua/svit/lavrov-poshukav-de-sobaka-zaritiy-u-minskih-domovlenostyah-649184.html>.

Заголовок. Страйк медуніверситету: де собака зарита? <https://www.nasze-slowo.pl/strajk-meduniversitetu-de-sobaka-zarita/>.

Ілюстративний матеріал в Інтернеті показує, що в українських текстах фіксується пословиця *ось де собака заритий (зарита)*, трансформована в фразеологізм *де собака заритий (зарита)* шляхом опущення компонента *ось* (рус. *вот*). Це дозволяє використовувати його в якості вопросительного пропозиції, створюючи враження діалогу з читачем. Використання даного фразеологізму в пресі, особливо в складі заголовка, дає дуже точну характеристику всієї ситуації.

Розглядаючи прийоми трансформації прислів'їв на матеріалі чеських і словацьких прислів'їв, О. С. Сергиєнко вважає, що незважаючи на те, що подібного роду деривати зафіксовані в фразеологічних словниках, ці одиниці потрібно відносити до прислів'яних трансформацій, оскільки за своєю семантичною насиченістю вони дуже близькі до породивших їх прислів'їв [6, с. 126]. Порівняння російської прислів'я *Вот где собака зарыта* і української прислів'я *Де собака заритий (зарита)* показує, що перед нами повні прислів'яні паралелі.

В електронний словник сучасних активних східнослов'янських прислів'їв увійдуть російські прислів'я *И волки сыты, и овцы целы*, *Вот где собака зарыта* з російського пареміологічного мінімуму, оскільки вони активно використовуються в сучасному російському мові і історично мають паралелі *І вовки ситі, і кози цілі*; *Де собака заритий* в українській мові.

Пословицы широко используются в различных контекстах, в основном в качестве газетного заголовка, названия фильма, книги, спектакля, картины художника для привлечения внимания аудитории, являясь средством эффективного воздействия на читателя.

Список литературы

**(монографии, статьи в отечественных и зарубежных сборниках,
интернет-ресурсы):**

1. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под. ред. В.М. Мокиенко. - 3-е изд., испр. и доп. Москва, Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. - 926, [2]с.

2. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. Москва, издательство «Индрик», 1997. - 912 с. (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования).

3. Дубровская О.Г. К проблеме отражения национального самосознания в пословично-поговорочном фонде русского и английского // Лингвистические аспекты речевой культуры. Сб. науч. статей. – Тюмень: Тюм. Гос. Университет, 2000. – С. 27-34.

4. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. - 12-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз.; Медиа, 2005. - 537 с.

5. Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. - 360 с.

6. Сергиенко О.С. Нормативность и вариативность чешских и словацких пословиц: [монография] / О.С. Сергиенко. - СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2015. - 296 с.

Сведения об авторе

Мушинская Виктория Владиславовна; кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; v.mushinskaya@spbu.ru +79219987858

Mushchinskaia Viktoriia Vladislavovna; Candidate of Philology, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 199034, Russian Federation, Saint Petersburg, University embankment, 11; v.mushinskaya@spbu.ru +79219987858

УДК 811

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГАДОК)

Прохоренко М.А.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В настоящей статье изложены результаты когнитивного исследования метафоры (на материале загадок). При этом анализируются современные подходы к ее изучению в рамках английского языка для специальных целей.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, метафора, загадки, антропоцентризм, семантика, языковой картины мира.

A COGNITIVE APPROACH TO THE STUDY OF METAPHOR (ON THE MATERIAL OF RIDDLES)

Abstract: This article presents the results of cognitive study of metaphors on the material of riddles. The modern approaches and concepts to their research study within the framework of English Language for Special Purposes are analyzed.

Keywords: cognitive linguistics, metaphor, riddle, anthropocentrism, semantics, linguistic world view.

Лингвистики на рубеже XXI века значительно изменилась. В этой связи отмечается многообразие предлагаемых подходов к решению современных проблем лингвистических исследований. Несмотря на то, что метафору многие ученые относят к «частным» лингвистическим проблемами, тем не менее, она является многофункциональным и многогранным языковым и философским явлением, которое требует научного изучения и дальше. Такой подход в изучении когнитивной метафоры стал решающим в выборе темы данного лингвистического исследования, его актуальность и новизну.

Целью исследования является лингвокогнитивный анализ языковой метафоры в загадках. Поставленная цель определила необходимость решения следующих интегративных задач:

- определить роль и место когнитивной метафоры в социуме;
- определить и описать понятие антропоцентризма как основного принципа метафоризации в когнитивные лингвистики;
- выявить и описать метафорические тематические антропоцентрические сегменты в английских загадках;

Во время исследования теоретического и практического использовались такие методы, как описательный, структурно-семантический сопоставительный.

На протяжении многих лет метафора находится под пристальным вниманием историков, философов, лингвистов, которые пытаются понять и объяснить существование этого феномена. Аристотель и другие античные ученые рассматривали метафору, как номинативно-познавательное и коммуникативное средства общения, являясь неотъемлемой частью философии и языка. Из-за своей сложности и противоречивости, это многогранное явление подвигло различных ученых к его изучению с различных сторон.

Исходя из традиционного лингвистического подхода, который доминировал вплоть до середины XX века, метафорой считался «стилистический и/или лексико-семантический троп или речевой механизм употребления слов и устойчивых словосочетаний (идиом), которые дают обозначение и толкование определенному классу предметов или явлений для номинации объекта из состава другого класса, либо номинации другого класса объектов, аналогичного в определенном отношении данному классу» [2, с. 358]. Такое определение метафоры характеризует ее, прежде всего, как языковое явление и ее изучение являлось приоритетным долгое время.

Однако в ходе развития когнитивной лингвистики, которая изучает соотношение сознания и языка, равно как и роль языка в концептуализации категоризации мира, познавательных процессов и обобщении человеческого опыта, метафора больше стала рассматриваться как вид мышления, познания и объяснения картины окружающего человека мира, а не как языковой инструментальный украшения речи. В этой связи важной мыслью в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», является вывод об истинности знания, который передается посредством метафоры: «Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность, когда обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, по сути своей метафорична» [4, с. 25].

При таком когнитивном понимании метафора представляет собой сложное и многоликое явление, которое базируется на различных ассоциациях, и требует общего знания картины происходящего. К примеру, загадка *What has two hands and a face, but no arms and legs? (a clock)*. Часы здесь переносятся на себя части человеческого тела «руки» и «лицо», заменяя собой «стрелки часов» и «циферблат». Средством ограничения вариантного ряда, отгадывающего служит еще одно отрицание наличия других органов человеческого тела, а именно «no arms and legs». Внимательный человек или ребенок, приходит к отгадке «часы», ассоциируя стрелки часов с руками человека и циферблат – с человеческим лицом.

Когнитивная метафора – явление многоплановое. Так как человеческое мышление имеет ассоциативный характер, то в основе когнитивной метафоры лежит, как правило, перенос лексического значения по любому внешнему признаку. Познавая различные явления, предметы или свойства, мы привыкли сравнивать что-то новое с уже известным, находить общие черты и выделять наиболее существенные. Следует отметить, что разграничение метафорических переносов на основе объективных признаков (форма, назначение, функции и др.) довольно условно, так как в основе такого рода переносов всегда лежат сопоставления на ассоциативном уровне эмоционального восприятия объекта, без которого понятия будут трудно сопоставимы.

Таким образом, по мнению Л.М. Алексеевой, цель метафоризации — это «актуализация результатов глубинных мыслительных процессов не столько для того, чтобы создать единицу номинации, а скорее для того, чтобы представить индивидуальное видение исследуемого явления, используя при этом различные ассоциативные механизмы для генерации нового знания в сознании партнеров по коммуникации» [1, с. 47].

Метафорическое терминообразование в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы является одной из форм реализации принципа *антропоцентризма*, под которым человек понимается как центр мироздания и всех совершающихся в мире событий, поскольку при изучении метафоры только как принадлежности языка исключается человеческий фактор, реальность начинает восприниматься как нечто независимое от человека, в результате чего утрачивается то, что в большей степени определяет новые представления – реальные ощущения, действия, мотивации.

1) *Загадки метафоры – соматизмы* (названия частей тела и внутренних органов человека)

What has an eye but cannot see? (A needle) актуализируется метафорическое значение *eye of a needle* (маленькое отверстие в иголке, через которое продевают нитку)

2) *Быт человека* (загадки метафоры, в основе которых лежат ассоциации с предметами одежды, мебели, обуви и др.)

Feed me and I live, yet give me a drink and I die. (Fire) построена на метафоре, которая описывает условия существования огня (если его питать, он будет гореть, если его залить, он потухнет).

3) *Загадки метафоры – зоосемизмы*

«На одном *быку* семь *шкур*» (лук) [3,156].

Метафора, безусловно, самый распространенный способ образования загадок.

В когнитивной лингвистике человек, его взгляд на мир, его мировидение и мировосприятие, являются ядром языковой картины мира, мир вокруг себя он воспринимает как сложную структуру, которая создана по своему образу и подобию, а метафора при этом представляет человека центром вселенной. Человек «не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создавая при их помощи терминологический аппарат, позволяющий ему общаться с окружением» [5, с. 7].

Таким образом, лексико-семантический перенос занимает ведущие позиции в образовании когнитивной метафоры в загадках.

Анализ теоретических и практических материалов приводит нас к выводу, что, несмотря на то, что метафора относится к «частным» проблемам фундаментальных лингвистических исследований, она является многогранным языковым явлением, требующим своего дальнейшего научного исследования, прежде всего в рамках когнитивной лингвистики, где она рассматривается как вид познания и объяснения картины окружающего мира.

Анализ теоретического и практического материалов показывает, что, в рамках ее когнитивного антропоцентрического восприятия, метафора является универсальным и всеобъемлющим инструментом языка и мышления человека. Именно метафора в когнитивном аспекте все больше привлекает внимание ученых из разных отраслей знаний, в том числе и лингвистику.

Список литературы:

1. Алексеева, Л.М. Термин и метафора. Монография / Л.М. Алексеева. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2010. – 250 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс: теория метафоры / Н.Д. Арутюнова. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
3. Андреева Е.Г., Кукша И.Л. Роль загадки в языковой картине мира (на материале русского и английского языков), 2010. С. 156.
4. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Editorial URSS, 2017. – 256 с.
5. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры: Монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 238 с.

Сведения об авторе

Прохоренко Мария Анатольевна; учитель иностранных языков, Муниципальное бюджетное образовательное учреждение «Михайловская средняя общеобразовательная школа» Орловского района Орловской области; masyane4ka96@mail.ru; +79102054343.

Prokhorenko Mariya Anatolevna; Teacher of foreign languages, Municipal budgetary educational institution "Mikhailovskaya secondary school» Oryol district of the Oryol region, masyane4ka96@mail.ru; +79102054343

УДК 811.111'37

МОДАЛЬНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНТИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Филичкина Т.П.
Академия ФСО России
г. Орел, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу модальности фразеологизмов античного происхождения в англоязычном политическом дискурсе. Субъективные модальности представляют различные оценки, содержащиеся в семантике идиом, которые используются для характеристики событий и их участников. Оценочный потенциал фразеологизмов способствует формированию определенной позиции на окружающую действительность.

Ключевые слова: фразеологизм античного происхождения, политический дискурс, аксиологическая модальность, эмотивная модальность, деонтическая модальность.

Abstract: The article deals with the analysis of the modality of antique idioms in the English language political discourse. Subjective modalities represent different evaluations in the semantics of phraseological units used to characterize current events and their participants. Evaluative potential of idioms shapes public opinion and views to the reality.

Key words: antique idiom, political discourse, axiological modality, emotive modality, deontic modality.

Современный человек существует в мире информации, основными источниками которой являются медийные ресурсы. Медийное пространство – это сфера политических баталий, конфликтов идей, информационных войн. Средства массовой информации формируют наши идеи, убеждения, взгляды на окружающий мир и происходящие события.

Основные функции текстов СМИ – это информирование и воздействие. Для текстов политического дискурса характерна оценочность, эмоциональность, экспрессивность. В этих текстах доминирует функция воздействия. Политическая жизнь социума определяется тем, как участники и события освещаются на страницах прессы.

Политический дискурс, являясь «совокупностью процессов и продуктов речевой деятельности в сфере политических коммуникаций» [1, с. 197], включает сам медиатекст (сообщение), канал передачи, а также

экстралингвистические и когнитивные факторы. К экстралингвистическим факторам относятся социальный и культурный фон, исторический и политический контекст. Когнитивные факторы – это оценка, комментарий, интерпретация событий и их участников, которые представлены в семантике языковых единиц медиатекстов. Следует отметить, что в политическом дискурсе все эти факторы взаимосвязаны и взаимозависимы. Так модальности в семантике лексических и фразеологических единиц могут меняться под влиянием экстралингвистических факторов.

Фразеологизмы занимают особое место в текстах медийного дискурса, поскольку они оценочно и эмоционально маркированы. В статье предлагается рассмотреть несколько примеров использования фразеологизмов античного происхождения в англоязычном политическом дискурсе. Эти фразеологические единицы представляют собой прецедентные феномены, которые связаны с прецедентной исторической ситуацией, прецедентным высказыванием или прецедентным текстом (как правило, мифом).

Фразеологизмы античного происхождения – это устойчивые выражения, в которых используются образы античной мифологии, а также реалии, сюжеты, персонажи, идеи, в которых отражается архаичное, религиозное мировидение древних народов.

Исследуемые фразеологические единицы в своей семантике содержат субъективные модальности, которые представляют собой различные оценки античных событий и персонажей. Субъективная модальность в языке включает аксиологическую, эмотивную и деонтическую модальность. Аксиологическая модальность – это рациональная оценка событий реального мира. Эмотивная модальность включает весь спектр эмоционального отношения к действительности: одобрение, восхищение, восторг, осуждение, порицание, неодобрение, презрение. Деонтическая модальность также является оценкой, которая определяет соответствие действия или состояния нормам социума [5, с. 261-262].

В редакционной статье серьезной британской газеты **The Guardian** **The Guardian view on US-China antagonism** дается анализ глубинных причин конфликта двух мировых держав Китая и США. Их взаимоотношения описываются как «ловушки Фукидида».

*Many of those peering with trepidation into 2019 have first turned to the past, to see what lessons history offers as a great power rises and the hegemon falters. Some look back two and a half millennia to the Peloponnesian war and the idea of the “**Thucydides trap**”: that war is made inevitable by the emergence of a new power (Athens) and the fear of the established leader (Sparta). ... However it plays out in the long run, there is trouble ahead – and not only for the US and China [8].*

Выражение «ловушка Фукидида» означает почти фатальную неизбежность войны в ситуации, когда из двух соперничающих государств у одного растет влияние и могущество, а другое, соответственно, опасается утраты своего политического веса в мире.

Эта ситуация названа именем древнегреческого историка Фукидида, который описал ее в «Истории Пелопонесской войны», когда господствовавшая в Древней Греции Спарта начала тревожиться из-за роста мощи и влияния Афин. Спарта считала, что ее первенство пытаются оспорить Афины. Обе стороны конфликта оказались заложниками «ловушки» – неизбежной войны, вызванной страхом Спарты перед усилением могущества Афин [4].

Фукидид называет два фактора, делающих войну неизбежной: растущее соперничество и страх перед этим ростом. В современном мире Китай растёт быстрыми темпами. Правящая элита США опасается этого роста, и не обосновательно.

Когнитивный анализ семантики данного фразеологизма позволяет определить его модальные компоненты. Аксиологическая модальность (оценка) взаимоотношений Китая и США находится на отрицательном полюсе. Такое противостояние между могущественными державами вызывает тревогу и осуждение во всем мире. Военные конфликты между странами не являются

нормой международных отношений, хотя и случаются в современном обществе.

В статье **Huawei draws line in the sand amid US-China tensions** общественно-политического интернет-издания Asia Times анализируются отношения Китая и США в сфере высоких технологий и торговли.

*Huawei Technologies said the US risks **opening a “Pandora’s box”** along with Chinese retaliation if it chooses to go ahead with the additional restrictions of a Commerce Decree barring any chipmaker using American equipment from supplying Huawei without US government approval [7].*

Президент США своим указом запретил покупать китайской компании Huawei электронные компоненты у американских компаний. Причина конфликта – торговая война между Китаем и США. Вашингтон считает, что Huawei представляет угрозу безопасности Америки, поскольку оборудование этой компании используется государственными и военными структурами США.

Фразеологизм **«открыть ящик Пандоры»** в данной статье характеризует конфликт США и крупнейшей мировой компании в сфере телекоммуникаций Huawei. Это выражение означает действие, которое содержит потенциальную угрозу и может привести к необратимым последствиям. Поведение США в данной ситуации нарушает нормы международного торгового права (деонтическая модальность), отрицательно оценивается (аксиологическая модальность) и вызывает осуждение в мировом сообществе (эмотивная модальность) [3].

Это выражение восходит к древнегреческому мифу, согласно которому Прометей похитил на Олимпе огонь и подарил его людям. Боги разгневались и решили наказать их. Зевс велел создать женщину и послать ее на землю. Брат Прометея женился на красавице, которую боги наделили красотой, коварством, красноязычием и хитростью. Зевс решил подарить им на свадьбу закрытый ящик (сосуд), в который поместил человеческие грехи, болезни, зло и пороки. Бог торговли Меркурий доставил подарок молодоженам и строго-настрою

запретил открывать его. Но любопытная Пандора открыла крышку ящика. Все людские беды и несчастья выскочили из ящика и разлетелись по Вселенной. Женское любопытство сыграло злую шутку со всем человечеством.

В данном контексте фразеологизм используется для образного описания действий США. Компания Huawei считает, что американский президент открывает ящик Пандоры, его указ приведет к серьезным и опасным последствиям для мировой технологической промышленности и в перспективе нанесет вред интересам Америки.

Сингапурский новостной канал опубликовал статью **Commentary: Is the American Dream dead?**, в которой речь идет о том, что «американская мечта» доживает последние дни, поскольку снижаются темпы роста экономики США, молодому поколению остаются большие долги государства, сокращаются пенсионные накопления, пособия для безработных и беженцев.

*The American Dream was always living on borrowed time. ... All told, there is too much debt for the young, too little retirement savings for the post-1945 Baby Boom generation, and a lack of job flexibility and security for the displaced and unemployed. Trying to get ahead has become a **Sisyphean task** [6].*

Выражение **a Sisyphean task** (сизифов труд) означает бессмысленную и изнурительную работу, тяжелое и бесплодное занятие.

В древнегреческом мифе царь Коринфа Сизиф был наказан в загробном мире за земные грехи (хитрость, корыстолюбие, хвастовство) и осужден на бесконечный и бесплодный труд – вталкивать на гору огромный камень, который с вершины скатывался обратно вниз [2].

Современная Америка постепенно теряет влияние и привлекательность в мире. Попытки восстановить былую мощь не приносят желаемого результата. Стремление США преодолеть экономический и политический кризис сравнивают с бессмысленным и бесплодным трудом Сизифа. Бесконечный, тяжелый и безрезультатный труд имеет отрицательную рациональную оценку (аксиологическая модальность), не вызывает одобрения (эмотивная оценка) и не считается нормой (деонтическая модальность).

Таким образом, анализ нескольких примеров использования фразеологических единиц античного происхождения на страницах англоязычной прессы показал, что в семантике этих фразеологизмов содержится мощный оценочный потенциал, который широко используется в текстах политического дискурса для создания определенного мнения о происходящих событиях и их участниках, в частности о взаимоотношениях Китая и США. Образность и оценочность фразеологических единиц античного происхождения оказывает воздействие на мысли и чувства читателей, формирует идеи и взгляды сообщества на окружающий мир.

Список литературы:

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. Москва, 2008. 203 с. [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf>]
2. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords]
3. Статья «Легенда о ящике Пандоры» <https://pointeresam.ru/fact/legenda-o-yaschike-pandory>]
4. Статья «Ловушка Фукидида: перед новой войной» [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://politinform.su/110644-lovushka-fukidida-pered-novoj-vojnoj.html>]
5. Филичкина Т.П. 2017. Идеологическая модальность фразеологизмов в англоязычном политическом дискурсе. Вестник Брянского государственного университета. №2 (32) 2017: исторические науки и археология / литературоведение / языкознание/ педагогические науки. Брянск: РИО БГУ, 2017.
6. «Commentary: Is the American Dream dead?» [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.channelnewsasia.com/news/commentary/america-dream-inclusive-growth-exceptionalism-dead-11822544>]

7. «Huawei draws line in the sand amid US-China tensions» [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://asiatimes.com/2020/05/huawei-draws-line-in-the-sand-amid-us-china-tensions>]

8. «The Guardian view on US-China antagonism» [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/dec/31/the-guardian-view-on-us-china-antagonism>].

Сведения об авторе

Филичкина Татьяна Петровна, кандидат филологических наук, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (Академия ФСО), 302034, г. Орел, Россия, ул. Приборостроительная, д. 35. E-mail: filitchkina_orel@mail.ru

Filichkina Tatyana Petrovna, Candidate of Science (Philology), Staffer, The Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation (The FSO Academy), 35, Priborostroitelnaja St, 302024, Russia. E-mail: filitchkina_orel@mail.ru

УДК 811.161.1

ФОРМА ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Огольцева Е.В.

Московский педагогический государственный университет

г. Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются разные случаи функционирования формы винительного падежа существительного в качестве компонента сравнительных конструкций разных типов. Автор приходит к выводу, что специфика проявления компаративной функции винительного падежа

определяется целым рядом факторов, прежде всего 1) лексической семантикой самого существительного; 2) его грамматическими связями со словами-сопроводителями и другими элементами контекста. Выявляются модели устойчивых сравнений, в структуре которых образ представлен существительным либо субстантивированным прилагательным в форме винительного падежа.

Abstract: The article examines different cases of the functioning of the accusative case of a noun as a component of comparative constructions of different types. The author comes to the conclusion that the specificity of the manifestation of the comparative function of the accusative case is determined by a number of factors, first of all 1) the lexical semantics of the noun itself; 2) its grammatical connections with accompanying words and other elements of the context. Models of stable comparisons are revealed, in the structure of which the image is represented by a noun or a substantive adjective in the form of the accusative case.

Ключевые слова: сравнение, компаративная функция, сравнительная конструкция, винительный падеж, падежное значение, устойчивое сравнение.

Keywords: comparison, comparative function, comparative construction, accusative case, case meaning, stable comparison.

Вопрос о «значениях падежей», по давно сложившейся традиции, достаточно детально рассматривается как в академических грамматиках, так и в вузовских учебниках: приводятся значения общие и частные, «приглагольные» и «приименные», подвергается анализу употребление той или иной падежной формы с предлогами и без предлогов. [3, с. 474 – 482] Винительный (casus accusativus) на фоне других косвенных падежей (например, родительного или творительного) относительно беден значениями. В качестве основного всегда отмечается значение объектное, которое наиболее ярко проявляется при беспредложном употреблении (так называемое «значение прямого объекта»): *писать письмо, любить отца*. Кроме того, возможны два частных проявления обстоятельственного значения – пространственное и временное: *прождать час, пробежать километр*. Более разнообразны значения винительного падежа при

употреблении с предлогами: *в, включая, за, исключая, на, несмотря на, о, по, под, про, с, сквозь, спустя, через* и др.

Совершенно особой функцией винительного падежа, не получившей до сих пор сколько-нибудь системного описания, является функция компаративная, определяющаяся участием этой формы в сравнительных конструкциях разных типов. Подчеркнём, что в большинстве случаев, которые мы будем рассматривать ниже, имеет место не особое «значение» винительного падежа, а именно особая компаративная **функция**. Она проявляется наряду с выше указанными основными значениями данной словоформы, как бы накладываясь, наслаиваясь на них. Однако, по нашим наблюдениям, функционирование формы винительного падежа в сравнительной конструкции накладывает отпечаток и на само падежное значение, несколько видоизменяя его, «приспосабливая» объектное или обстоятельственно-определяющее значение для выполнения особой роли – образного выражения признака. Вместе с тем встречаются и такие типы сравнительных конструкций, которые «специализируются» на выражении образно-компаративной семантики. В рамках настоящей статьи мы дадим лишь самую общую характеристику основных компаративных моделей, в которых образ сравнения представлен формой винительного падежа.

Все эти конструкции можно условно разделить на два основных типа: с выраженным показателем компаративных отношений и без него. Первый тип представлен несколькими конструкциями с лексическим показателем сравнения *похожий* и с союзом *как (словно, точно, будто)*. Рассмотрим их подробнее, используя в качестве иллюстративного материала фрагменты текстов из Национального корпуса русского языка. [1]

1. Конструкцию **«Похожий/походить/походивший на... + сущ. в вин. п.»** можно считать одной из самых распространённых как в разговорной речи, так и в текстах разных стилей и жанров. Это структура, в которой показатель сравнительных отношений выражен лексическим средством – прилагательным, глаголом или причастием, непосредственно и

недвусмысленно выражающими идею сходства, чрезвычайно частотна в художественных текстах: *Добрую память оставил учитель Пётр Ананьич, высокий, обросший бороною, **похожий на медведя** человек, изредка захаживавший в наш дом.* (И.С. Соколов-Микитов. Детство). *Это была высокая и худая старуха, **походившая на сушёную рыбу.*** (Д.Н.Мамин-Сибиряк. Три конца); *Тригорин: Ему не везёт. Всё никак не может попасть в свой настоящий тон. Что-то тут странное, неопределённое, порой даже **похожее на бред.** Ни одного живого лица.* (А.П.Чехов. Чайка). Признаки-основания подобных образных сравнений обычно находят выражение за пределами конструкции, в контексте.

2. Конструкция «Глагол (в любой форме) + союз как + сущ. в вин. п. без предлога» также очень частотна. В её составе глагольная форма выражает признак-основание сравнения, а союз *как* (реже *словно, точно, будто*) выполняет функцию показателя компаративных отношений: *В Благородном пансионе преподавал и учительствовал Кюхля. Мальчишки почитали его **как Бога.*** (Ю.Тынянов. Пушкин); *Увидев маму, замухрышка схватил с подоконника горшок с каким-то цветком и, выругавшись простуженным голосом, кинул его, **как бомбу**, в болонок.* (К.И.Чуковский. Серебряный герб); *Рабочие, которых сгоняли, **как скот**, со всех концов России, пели заунывную песню <...>.* (Д.С.Мережковский. Большая Россия); *«<...> Жеребец ярился и бил копытом. Он, **как былинку**, выносил лёгкое тело Судейкина из конюшни.* (В.И.Белов. Кануны). В роли образа сравнения возможно и субстантивированное прилагательное: *Сильная струя, ударив в лицо, сбила механика с ног. Он закувыркался на палубе, **точно акробат**, и опять поднялся. Двое англичан подхватили его под руки и повели **как слепого.*** (А.С.Новиков-Прибой. Женщина в море).

Нетрудно заметить, что во всех этих примерах форма винительного беспредложного употребляется исключительно с переходными глаголами и выступает в своём самом типичном значении – прямого объекта. Особенность этого употребления определяется лишь компаративной конструкцией с союзом

как, в рамках которой форма управляемого существительного в винительном падеже выступает в специфической образной функции. Вся конструкция представляет воображаемую типическую ситуацию, с которой сравнивается другая ситуация – та, которая непосредственно описывается в тексте: почитать учителя (описываемая ситуация) – почитать Бога (воображаемая ситуация); кинуть горшок – кинуть бомбу; сгонять рабочих – сгонять скот и т.п.

Подобные конструкции с винительным падежом без предлога и с глаголами в роли слов-сопроводителей часто встречается в устойчивых сравнениях: *раздавить как клопа, как муху, как козявку, как таракана; одевать как куколку; выгонять/бросить, покинуть как собаку.* [2]

3. Конструкция «Глагол (в любой форме) + союз как + сущ. в вин.п. с предлогом *на*» имеет несколько вариантов, которые определяются как семантикой глагола (основания сравнения), так и значением существительного – образа сравнения. В частности, в данной конструкции чрезвычайно употребителен глагол *смотреть* и его синонимы (*глядеть, уставиться* и проч.), при этом образ сравнения чаще выражен одушевлённым существительным или субстантивированным прилагательным/причастием: *смотреть как на дурака, как на юродивого, как на идиота, как на божество, как на козявку* и проч. Глагол «смотреть» может выступать при этом не только в прямом значении ‘устремлять, направлять взгляд куда-л., иметь глаза направленными на кого-л.; глядеть’, но и в переносном значении ‘иметь какую-л. точку зрения на что-л., относиться каким-л. образом к кому-, чему-л.’ [4, с. 158] Ср.: *Теперь он [Вронский] ещё более казался горд и самодовлеющ. Он смотрел на людей, как на вещи. Молодой нервный человек, служащий в окружном суде, сидевший против него, возненавидел его за этот вид.* (Л.Н. Толстой. *Анна Каренина*). Однако это лишь тенденция, но не закономерность – у компонентов этой модели может быть и иное лексическое наполнение, ср.: *За моей спиной что ни делается, а моим лицом всё покрывается. **Валят** на меня, как на мёртвого. И ругают за всё: Аракчеев – злодей, Аракчеев – изверг, Аракчеев – гадина.* (Д.С.Мережковский. *Александр*

Г). Как и в предыдущем случае, образ такого сравнения может быть выражен и словосочетанием, в том числе фразеологизмом, внутренняя форма которого актуализируется, «оживает» благодаря употреблению в компаративной конструкции: *Пестель слушал молча, уставившись на него исподлобья пристальным взглядом, с тою же окаменелою неподвижностью в лице. И казалось Голицыну, как некогда Рылееву, что собеседник не видит его, смотрит на лицо его, как на пустое место.* (Д.Н. Мережковский. Александр

Г) Во всех рассмотренных случаях имеет место объектное значение винительного падежа, осложнённое и несколько преобразованное компаративной функцией.

Проявление компаративной функции в рамках данной конструкции возможно и на фоне обстоятельственного (местного) значения: *Однажды [Иван Григорьевич] сказал: «Ты, Никола, как погляжу, умнее меня хочешь быть. Не выйдем». И все мои тайные помыслы как на блюдечко выложил.* (К.Усанин. Пропажа); – *Иду домой, точно на смертную казнь... Что я скажу ей? Пять ночей дома не ночевал, всё пропил и отставку получил...* (А.П. Чехов. Беда). Эта модель довольно часто встречается в системе устойчивых сравнений. Ср., к примеру, синонимический ряд *идти как на казнь, как на каторгу, как на пытку, как на смерть, как на эшафот, как на виселицу*, а также сравнения *спешить как на пожар, идти как на праздник, как на бал, как на свадьбу*. [2]

4. Конструкция «Глагол (в любой форме) + союз как + сущ. в вин.п. с предлогом в»:

Конструкция с предлогом *в* также богато представлена в системе устойчивых сравнений: *как в бездну, как в яму, как в пропасть, как в прорву, как в могилу, как в бочку*. Как и в предшествующем случае, форма винительного падежа выражает здесь обстоятельственное (пространственное) значение.

5. Конструкция «Глагол (в любой форме) + союз как + сущ. в вин.п. с предлогом под». Вероятнее всего, эта компаративная структура представлена единичными случаями: *По нашему краю молодых, рано умерших женщин и*

девиц обряжают, как под венец. (И.С. Соколов-Микитов. Записи давних лет). Сравнение *как под венец* имеет грамматический вариант *как к венцу* и является устойчивым, то есть характеризуется постоянным компонентным составом и воспроизводимым значением 'одевать(ся), наряжать(ся) – красиво, богато, с особой тщательностью'. [2, с. 87] Словоформа винительного падежа в этом случае характеризуется обстоятельственной семантикой, в которой совмещаются значения места и цели.

6. Конструкция «Глагол (в любой форме) + союз как + сущ. в вин.п. с предлогом *сквозь*»: *Перед глазами туман. У меня, кажется, жар. Это малярия. И слышу плохо. – Где танки? Мой голос доходит до меня как *сквозь вату*.* (Г.Бакланов. Пядь земли); *Если Витька дрался или выкидывал ещё что-нибудь нелепое, она поводила плечами и смотрела на него, как *сквозь пустое место*.* (Н.И.Дубов. Сирота); *Сквозь головную муть, как *сквозь сон*, слышал он бормотанье голосов, стук колёс, хлопанье дверей* (А.П.Чехов. Тиф).

Винительный падеж в этом случае выражает определительно-обстоятельственное значение: словоформа «*сквозь что-либо*» выражает способ действия или его качественную характеристику, а компаративная конструкция в целом передаёт, как правило, физическое либо психологическое состояние человека, а также проявлений природы – ветра, дождя, света и проч.: *Было темно и холодно. Как *сквозь сито*, моросил противный осенний дождик...* (А.П.Чехов. Первый любовник); – *Вот места сухонького ищём... Зарядил, видно, наш дождичек, так и *сыплется, как *сквозь решето** (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Бойцы); *Кой-как добрался я в свою каюту; но там было ещё хуже: перегородка, которая находилась со стороны верхней палубы, так раскачалась, что через неё *дуло как *сквозь решето** (В.Я Григорович. Корабль Ретвизан»); *Сквозь тесовую крышу, как *сквозь решето*, струились потоки света* (А.А.Ананьев. Танки идут ромбом). Значение падежной формы в значительной мере зависит от лексического значения существительного: если оно обозначает конкретный предмет (имеющий отверстия или тонкий, прозрачный, легко пропускающий влагу, например, *сито, решето, кисея,***

пелена, кружево и проч.), тогда более отчётливо проявляется пространственная семантика, на фоне которой и воспринимается образ. Если же существительное имеет отвлечённое или вещественное значение, тогда ярче проявляется определительное значение: *помнить/воспринимать что-л./ как сквозь сон*. Примечательно, что в ряде случаев возможно варьирование предлога («сквозь» и «через»): *как сквозь (через) сито, как сквозь (через) кисею*, и это также определяется лексическими свойствами существительного (обратим внимание на то, что в сравнении как сквозь сон замена предлога невозможна: ср. «*как через сон*»).

Ко второму типу мы отнесли сравнительные конструкции без специального средства выражения компаративных отношений.

1. Конструкции «**Глагол (в любой форме) + сущ. в вин. п. с предлогом с**»; «**Существительное (в любой форме) + сущ. в вин. п. с предлогом с**». Эти компаративные конструкции сопряжены с квантитативным (количественным) значением формы винительного падежа, что, соответственно, оказывает непосредственное влияние на их значение: это всегда характеристика величины, размера, количества чего-либо. Количественная сема может находить в пределах этой конструкции и явное лексическое выражение: после глагола или существительного употребляется существительное в творительном падеже, задающее «параметры оценки» и тем самым гиперболически выражающее признак-основание сравнения: *вытянуться (длиной) с коломенскую версту, человечки (величиной) с букашку, слой теста (толщиной) с палец, мышонок (величиной) с напёрсток, картофелины (величиной) с кулак*. Следует отметить, что форма винительного падежа существительного с предлогом *с* всегда, в любых случаях своей реализации выражает значение приблизительного количества, чему соответствует лексическая семантика существительного, обозначающего объекты, поддающиеся «параметризации», «измерению» (*пожить с год, насыпать с пуд* и т.п.). В компаративной конструкции существительное в форме винительного падежа несёт особую функцию: оно не просто называет приблизительное

количество, но несёт образ слишком малого или, напротив, чрезмерного количества чего-л.: *Василий Игнатьевич дышал как загнанная лошадь, **охапки** поднимал с **воз** и всё-таки не успевал копнуть всё сено.* (Ф.А.Абрамов. Алька); – *Ишь какой ты неженка!* – *ответила Фленушка.* – *Самого с **коломенскую версту** вытянуло, а он ровно малый ребёнок пужается.* (П.Н.Мельников-Печерский. В лесах). При этом значение предельного, до чрезмерности, проявления признака актуализируется в контексте самыми разными средствами: усилительными частицами, уменьшительно-ласкательными формами объекта, образа и основания сравнения, экспрессивными синонимами в функции признаков-оснований – «крохотный» (вместо «маленький»), гигантский (вместо «большой»), определениями-конкретизаторами (с *детский кулачок, с лошадиную голову*) и проч.: *Вот и Володька наш! Кажется, велики, и всего с ноготок, а поди-ка, сколько уж денег стоит!* (М.Е.Салтыков-Щедрин. Господа Головлёвы); *Продавец лезет в ведро и достаёт оттуда своими грубыми, жёсткими пальцами нежную **малявку** или **карасика** величиной с **ноготь**.* (А.П.Чехов. В Москве на Трубной площади); *Больше чем на километр простёрлось зеркало пруда, вдали смотрелась в него крохотная, с **напёрсток** величиной, **ветряная мельница**.* (В.А.Солоухин. Тайна безыменного озера).

Интересно, что в силу относительности размерных параметров (длинный – короткий, широкий – узкий, большой – маленький) одно и то же существительное может служить образом как очень малого, так и очень большого размера, в зависимости от объекта образной характеристики. Иными словами, имеет место своеобразная энантиосемия компаративной структуры: Ср.: *Сейчас мимо нас привычно замелькают по сторонам шоссе распутившиеся буки, тополя с крупными, с **детский кулачок**, лопнувшими **почками**.* (Ю.М.Нагибин. Веймар и окрестности); *Дарья Дмитриевна поправляется, хотя и медленно <...>, Кроме глаз, у неё, пожалуй, ничего не осталось – **личико с кулачок**.* (А.Н.Толстой. Хмурое утро).

Некоторые образы большого / малого размера употребляются только с определениями, позволяющими конкретизировать количественную семантику конструкции. В качестве примера можно привести существительное «голова», которое употребляется преимущественно как образ большого размера по отношению ко многим предметам, весьма различным по своему размеру: *Хотелось пить, и мы тут же купили у хозяина плантации несколько кокосовых орехов величиною с детскую голову.* (А.С.Новиков-Прибой. Цусима); *В прибрежном районе осыпи больше развиты, чем к западу от Сихотэ-Алиня. Одни из них состоят из обломков в метр величиною, другие из камней с конскую голову, третьи – с голову человека.* (В.Г.Арсеньев. Дерсу Узала); *А какие были георгины! Громадные, мохнатые, размером с человеческую голову, они окружали дом, точно живые существа.* (Е.Шатько. Дорога в цветущие долины).

Конструкция чрезвычайно активна, о чём свидетельствуют данные художественных текстов и живой разговорной речи, а также примеры, полученные в результате анализа материалов интернет-коммуникации: ср. *люди величиной с кулак, град величиной с куриное яйцо (с теннисный мячик, с двухрублёвую монету), сердце величиной с арбуз, волны величиной с дом, «Алмаз величиной с отель Риц» (название рассказа Ф.С.Фицджеральда), радиотранслятор величиной с муравья, мыльные пузыри величиной с ведро; паук размером со щенка, киберцветок размером с комнату, мини-ПК размером с почтовую марку, астероид размером с дом, отель размером с город, коллаيدر размером с планету и проч. [1]*

Винительный количественный в компаративной функции встречается и в генитивных конструкциях: – *Вот они, любуйтесь, Алексей Иванович! В полной красе, конокрады! Ведь поглядеть – мужчины в расцвете! Плечи – во! Руки – во! А ума – с напёрсток!* (Ю.А.Козлов. Чалый).

2. Конструкции «Глагол (в любой форме) + сущ. в вин. п. с предлогом *в*»; «Существительное (в любой форме) + сущ. в вин. п. с предлогом *в*.

Эти модели также характеризуются прежде всего количественным значением: они выражают, как и в предыдущем случае, количественные признаки – величину (размер) того или иного предмета: *На балы она [Анна Монс] могла убирать себя драгоценностями не хуже других, и на грудь вешала **портрет Петра Алексеевича, величиной в малое блюдо, в алмазах.*** (А.Н.Толстой. Пётр I); *На восходе легко и торопливо выпрастываются из почек маленькие, **в детский ноготок, листочки.*** (В.И.Белов. Весенняя ночь); <...> *Да всей пятернёй-то так по столу и хватит. А **рука-то в ведро величиною** – такие страсти! Ведь если сказать правду, он и усахарил твою матушку, а покойница прожила бы подоле.* (Н.В.Гоголь. Женитьба).

Для данной модели актуальны едва ли не все закономерности, выявленные нами в семантике компаративной конструкции с предлогом *с*. Близость этих двух конструкций особенно очевидна при совпадении и компаративного значения, и образной основы: *На пригретых южных склонах среди прошлогоднего мусора глянули жёлтые **цветы, крохотные, в напёрсток.*** (В.П.Лукашевич. Зимняя дача); *Больше чем на километр простёрлось зеркало пруда, вдали смотрелась в него крохотная, **с напёрсток величиной, ветряная мельница.*** (В.А.Солоухин. Тайна безыменного озера). Или: *Стёкла трамваев покрывались морозным **мхом толщиной с палец.*** (А.М. Минчковский. Мы ещё встретимся); *Вода, проникшая сквозь холст, смешивается с мукой и образует **слой теста в палец толщиной.*** (В.К.Арсеньев. В дебрях Уссурийского края).

Вместе с тем между анализируемыми конструкциями есть и различие, определяющееся именно семантикой предлогов: если употребление предлога *с* чаще связано с необходимостью выражения приблизительного размера предмета в целом, то предлог *в* употребляется для выражения более конкретных количественных параметров, в частности, ширины или толщины: *Вдруг послышались голоса и молодёжь **окружила меня.** Желая завести с ними какой-нибудь хороший разговор, я указал им на мой **можжевелик величиной с палец.*** (М.М.Пришвин. Глаза земли), НО: *Ямщик **сверх полушубка надел халат с высоким стоячим воротником, а сверх воротника ещё навязал себе,***

бог знает для чего, какую-то тряпочку шириною в палец. (В.А.Слепцов. Владимирка и Клязьма). Ср. также: *шины в палец толщиной* (Г.Н.Мельников-Печерский), *слой пыли толщиной в палец* (В.В.Лавров), *карандаш толщиной в палец* (Б.А.Можаев), *самокрутка толщиной в палец* (В.В.Липатов) – и *перочинный ножичек в палец* (Б.А.Можаев), НО: *гадючка с палец* (А.П.Чехов), *крошечный старикан величиной с палец* (С.Георгиевская). Кроме того, синонимия предлогов **в** и **с** в компаративных конструкциях ограничивается одушевленностью-неодушевлённостью: если предлог **с** может употребляться при любом слове с конкретным предметным значением, то предлог **в** – только при существительном неодушевлённом: – *Задача! Сайка – **рыбёшка** маленькая, с палец; белуха – зверь большой, с корову. Вот и пойми, что от чего зависимость имеет.* (Б.Л. Горбатов. Большая вода). Очевидно, что в первом случае замена предлога допустима, а во втором – невозможна.

Конструкция с предлогом **в** встречается в трансформированном виде с количественно-именными сочетаниями в форме винительного падежа: ***Камешек** небольшой, вроде плитки. **Толщиной пальца в три**, шириной в ладонь, а длиной не больше двух четвертей.* (П.П.Бажов); *Есть маленькая серая **птичка**, величиной **в три напёрстка**. Она живёт на пустырях, летом поёт на заборах, а осенью гибнет массами от холода и неуюта. Её зовут «заборный король».* (Константин Паустовский. Дочечка Броня). Таким образом, существительные – образы подобных компаративных структур – выступают как своеобразные «единицы измерения», количественные эталоны и вместе с тем позволяют передать качественные признаки предметов, прежде всего их форму.

3. Совершенно особое место принадлежит фразеологизированным сравнительным конструкциям с квантитативной семантикой: а) «**Глагол (чаще всего *быть, находиться, чувствовать себя*) + на волос(-ок) от + имя в род. п.**»; б) «**Глагол или слово категории состояния + ни на волос(-ок) + сущ. в род. п.**»; «**Не + глагол + (ни) на волос(-ок)**». Две последних конструкции в значительной мере устарели и в современной речи малоупотребительны; первая же довольно часто встречается как в разговорной речи, так и в художественных

текстах: *Гудков наконец обогнал голову колонны и, вырвавшись на свободу, снял пилотку и отёр пот, на последнем десятке километров ему досталось – обгоняя, **шёл** левыми колёсами по обочине, **на волосок от того**, чтобы зарубиться в кювет.* (К.М.Симонов. Последнее лето); *Я правду всю скажу: ведь в ремесле твоём/ **ни на волос добра не видно**.* (И.А.Крылов. Крестьянин и лисица); *Позвольте, позвольте! Это совершенная истина: я с вами **не спорю ни на волос**.* (Н.В.Гоголь. Утро делового человека); – *Всю ночь **напролёт на волос не уснул**. К ранней обедне звонили, как я задремал... Полдни никак?... Эх я!.. Сроду того не бывало.* (П.И.Мельников-Печерский. В лесах). От тех структур, которые были нами проанализированы выше, конструкции с образом «волос(-ок)» отличаются высокой идиоматичностью: построенные по одной фразеосхеме, они содержат в себе заданный, постоянный и конкретный компонент – образ сравнения «волосок» в форме винительного падежа, а остальные компоненты являются переменными, т.е. варьируются, хотя и в жёстких рамках одной модели. Словоформа «на волосок» образно выражает количественную характеристику признака/действия/состояния: это либо полное отсутствие признака, либо его предельное, «критическое» проявление (был *на волосок от гибели* – был предельно близок к гибели; *ни на волос любви* – нисколько нет любви; *на волос не уснул* – совсем не уснул; *ни на волос не спорю* – нисколько, вовсе не спорю и т.д.).

Таким образом, форма винительного падежа существительного (а также субстантивированного прилагательного либо причастия) встречается в целом ряде конструкций с семантикой образного сравнения. При этом частные нюансы проявления образного значения всей компаративной структуры определяются значением падежной формы субстантивного компонента (объектным или обстоятельственно-определятельным), наличием / отсутствием предлога, семантикой предлога (при его наличии), степенью синтаксической распространённости существительного в форме *casus accusatives*, особенностями его лексического значения, семантикой и частеречной принадлежностью слов-сопроводителей.

Винительный падеж существительного – образа сравнения – широко представлен в сфере компаративной фразеологии. Подобные конструкции заслуживают самостоятельного углубленного анализа, поскольку они 1) наглядно демонстрируют культурно значимые смыслы, закрепленные в коллективном языковом сознании; 2) позволяют исследовать фрагмент грамматической системы русского языка в аспекте его образно-компаративного потенциала.

Литература:

1. Национальный корпус русского языка // <https://ruscorpora.ru/new/>
2. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 800 с.
3. Русская грамматика. Том 1. М.: Изд-во «Наука», 1980. 783 с.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П.Евгеньевой. 2-е изд. Т. 4. М.: Русский язык, 1981–1984. 790 с.

Сведения об авторе

Огольцева Екатерина Васильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», 119991, РФ, Москва, ул.Малая Пироговая,1, строение 1, tertiumcomp@mail.ru; 89169737092.

Information about the author

Ekaterina V. Ogoltseva, doctor of Philology, associate Professor, Professor of the Russian language Department, Moscow state pedagogical University, 1 Malaya Pirogovskaya street, building 1, 119991, Russian Federation, Moscow, e-mail: tertiumcomp@mail.ru; 89169737092.

УДК 81'255.2:81'373

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ПРИЕМ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПЕРЕВОДА Г. ШЕВЧЕНКО РОМАНА И. НОЛЛЬ «АПТЕКАРША» НА
РУССКИЙ ЯЗЫК)**

Абарникова А.О., Цуканова Е.М.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме «буквализма» и «вольности» перевода, неразрывно связанной с понятием «межкультурной адаптации», отражающей многогранность и многоаспектность диалога культур в процессе перевода. Основное содержание исследования составляет анализ примеров адаптации переводчиком исходной лингвокультуры к принимающей лингвокультуре.

Abstract: the paper is dedicated to the pressing issue of literal and liberal interpretation in translation closely related to the issue of intercultural adaptation reflecting the multi-facet and multi-aspect nature of culture dialogue in translation. The study is mostly comprised of analysis of samples of translator's adaptation of the source linguistic culture to the recipient linguistic culture.

Ключевые слова: лингвокультурологический аспект перевода, межкультурная адаптация, исходная и принимающая лингвокультура.

Key words: linguoculturological aspect of translation, intercultural adaptation, source and recipient linguistic culture

Примем за исходное, что в широком смысле «под межкультурной адаптацией» понимается процесс вхождения личности в новую культуру, постепенное освоение ее норм, ценностей, образцов поведения. При этом подлинная адаптация предполагает достижение социальной и психологической

интеграции с еще одной культурой без потери богатств собственной» [3, с. 234]. Актуальность исследования процессов межкультурной адаптации в эпоху диалога культур с точки зрения междисциплинарного подхода неоспорима. Как утверждают ученые, в первую очередь социологи и культурологи, современный мир стремительно приобретает черты единого глобального сообщества, в котором различные виды связей, начиная от экономических и политических до образовательных и семейных, настолько тесно и неразрывно связывают народы, что понятие «диалог культур» следует трактовать широко и объемно: «Диалог культур – одна из наиболее значимых для культурной динамики форм культурной коммуникации. В процессе диалога культур происходят изменения культурных паттернов – форм социальной организации и моделей социального действия, систем ценностей и типов мировоззрения, становление новых форм культуротворчества и образа жизни. Именно в этом заключается принципиальное отличие диалога культур от простых форм экономического, культурного или политического сотрудничества, не предполагающих существенных преобразований каждой из сторон» [6].

Определение культуры в связи со сказанным выше также получает новую окраску, интегрируя в себе знания из различных научных областей: «Культура является продуктом совместной жизнедеятельности людей, системой согласованных процедур и способов их коллективного существования, деятельности и взаимодействия, обозначений и оценок, консолидации во имя достижения общих целей, упорядоченных правил и социально приемлемых технологий удовлетворения групповых и индивидуальных интересов и потребностей (как материальных, так и познавательных, символических, оценочных), реализуемых в формах человеческой деятельности» [5].

Для ведения диалога культур необходимы средства, одним из которых призван служить язык. «Язык как орудие вербальной коммуникации является важнейшей частью культуры, и все особенности его структуры и функционирования могут считаться проявлениями культуры соответствующего языкового (или этнического) коллектива» [1. с. 73].

Таким образом, лингвокультурологический подход, объединяющий стратегию неразрывности языка и культуры в описании языковых явлений, мы считаем на сегодняшний день наиболее продуктивным. Применительно же к теории перевода художественного текста, который является объектом данного исследования, «культурно-этнографическая концепция перевода» (в терминологии В.Н. Комисарова) является максимально эффективной, на наш взгляд, в решении проблем «межкультурной адаптации». И.В. Войнич в своем исследовании «Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе» выделяет два вида лингвокультурной адаптации: адаптация к оригинальной и исходной культуре. «Лингвокультурная адаптация реализуется в переводе за счет выбора соответствующей стратегии и методов перевода. Стратегия перевода определяется концепцией переводчика и зависит от цели, которую ставит перед собой переводчик. Достижение этой цели реализуется посредством методов перевода, представляющих собой совокупность мыслительных операций и переводческих решений» [4].

Выбор переводческих решений при переводе художественного текста в процессе меж/лингвокультурной адаптации (в рамках данного исследования эти два термина взаимозаменяемы) зависит от того, какого критерия в эквивалентности перевода придерживается переводчик: «буквализма» или «вольности» перевода. Поскольку, по мнению В.Н. Комисарова, «в художественном переводе основная цель переводчика заключается в передаче художественно-эстетических достоинств оригинала, в создании полноценного художественного произведения на языке перевода. ... Для достижения художественности переводчик порой отказывается от максимальной точности в передаче содержания оригинала» [1. с. 83], можно сделать вывод, что определенная «вольность» в переводе *Г. Шевченко романа И. Нолль «Аптекарьша» на русский язык – это не что иное, как попытка адаптации исходной немецкой лингвокультуры к принимающей русской лингвокультуре.*

Под «вольностью» перевода в данном исследовании мы понимаем использование переводчиком фразеологизмов при переводе свободно

связанных словосочетаний с немецкого языка на русский. Актуализация фразеологизмов в тексте принимающей лингвокультуры, на наш взгляд, объяснима: фразеологизмы – это, прежде всего, специфические единицы языка, которые носят национальный характер и передают из поколения в поколение культуру того или иного народа. В них проявляются особенности любого национального языка, и передается дух и характерные черты нации. Мы бы хотели акцентировать внимание на таких характерных чертах нации как особенности характера. Видимо для того, чтобы «...добиться правильного восприятия содержания оригинала, донести до рецептора перевода эмоциональное воздействие исходного текста» [1. с. 141], переводчик Г. Шевченко употребляет фразеологизмы, характеризуя черты характера главных героев (представителей немецкой лингвокультуры), ориентируясь на реципиентов (представителей русской лингвокультуры), на «стереотипные» черты характера русского человека.

Так, например, в контексте:

ИЯ: Dorit war noch nie schüchtern gewesen. Mit rosiger Gießkannenstimme **fragte** sie meinen jungen Freund **ungeniert**... [7, с.27]

ПЯ: А Дорит, надо сказать, никогда особой застенчивостью не отличалась. И сейчас каким-то ржавым ядовитым голосом она **задала** моему юному бойфренду **вопрос**, что называется, **в лоб** [2, с.31] переводчик заменяет нейтральное по значению словосочетание на фразеологизм, видимо, пытаясь преподнести русскому читателю такую черту характера Дорит как «прямолинейность» на «русский манер», т.е. выражение своего мнения прямо, иногда даже без необходимой гибкости и чуткости, что традиционно относят к типичным чертам характера русского человека.

Перевод следующего контекста:

ИЯ: Als wir endlich im Restaurant saßen, ließ ich mich nach einem anstrengenden Tag erschöpft in die weichen Polster fallen, trank Wein und **löste mich von meiner Starre** [7, с.78].

ПЯ: И только в ресторане, блаженно откинувшись после трудного, тоскливого дня на уютную спинку диванчика и выпив холодного вина, я **сменила гнев на милость** [2, с. 86] «преподносится» переводчиком, на наш взгляд именно так, потому что у русских нет традиций «кровной мести», т.е. русский народ довольно отходчивый. Несмотря на то, что русские – чувствительные и даже эмоциональные люди, они не способны долго держать зло и вскоре прощают обиды. Таким образом, видимо, переводчику хотелось подчеркнуть, что в душе героиня была отходчивым человеком.

Как принято считать, русские довольно сентиментальные люди. В отличие от людей других национальностей, держащих дистанцию, они мгновенно проникаются чувствами, тем самым сокращая эту дистанцию. Ключевой образ открытости русского народа – «душа». Именно поэтому в русском языке существует множество фразеологизмов, содержащих этот образ в своей основе.

Прием замены нейтрального по стилистической окраске глагола фразеологизмом в данном контексте переводчик использовал, как нам кажется, для того, чтобы максимально описать глубину чувств одного из главных героев к своим детским воспоминаниям:

ИЯ: Auch das Pampagras im Vorgarten war mir im Wege - und das wiederum **gefiel Levin**, weil er als Kind mit den hohen Spießen Unfug getrieben hatte [7, с.98].

ПЯ: Мешала мне и кортадерия, разросшаяся у самого крыльца, но **в ней души не чаял** Левин, он еще в детстве любил играть с ее длинными и острыми, как копья, стеблями [2, с. 108].

А в контексте:

ИЯ: Die Ruhe ohne Levin und Margot **tat mir gut** [7, с.139].

ПЯ: Покой, воцарившийся в доме в отсутствие Левина и Марго, был мне словно **бальзам на душу** [2, с. 153] переводчик хотел бы максимально донести до русского читателя чувство удовлетворения и умиротворения, в котором пребывала главная героиня.

Многие исторические события закалили характер русских людей. Это и воспитало в людях выносливость, терпеливость и умение противостоять невзгодам. Раньше они много времени проводили на полях, чтобы прокормить семью, помимо этого часто годы были неурожайными, поэтому приходилось работать в режиме без сна и отдыха, в прямом смысле «не покладая рук».

Использование в переводе контекста данного фразеологизма:

ИЯ: Sie arbeite doch **unentwegt**, behauptete Margot beleidigt und demütig zugleich [7, с.105]

ПЯ: Она работает **не покладая рук**, твердила Марго с видом заносчивым и униженным одновременно [2, с. 116] – это, на наш взгляд, попытка переводчика подчеркнуть, что героиня была достаточно трудолюбивым человеком.

При переводе следующего контекста:

ИЯ: Als ich an einem der nächsten Tage morgens zur Garage ging, **gab** ich dem großen Weidenkorb einen ordentlichen **Tritt**, so dass er umkippte und die welken Magnolienblätter gleich wieder durch die Luft wirbelten [7, с.116].

ПЯ: Несколько дней спустя, направляясь утром к гаражу, я **в сердцах** пнула ногой большую плетеную корзину, — та опрокинулась, и из нее посыпались увядшие лепестки и листья магнолии [2, с. 127] переводчик, видимо, хотел подчеркнуть, что в выборе между разумом и чувством, героиня, как и большинство русских людей (как принято считать) выбирает чувство. Русский народ отличается жизнью и поведением по душе или настроению, например, смена настроения от миролюбия, всепрощения и смирения к беспощадному бунту на полное уничтожение – и обратно. Русский менталитет живет скорее по женской модели: чувство, мягкость, всепрощение, реагируя плачем и яростью на последствия такой жизненной стратегии.

Традиционно русский народ отличает любовь к спорам. Спорит русский человек по разным поводам – от философских и глобальных размышлений до бытовых ситуаций. Причем русский человек спорит не из-за стремления найти истину, а в качестве умственного упражнения, используя спор как форму эмоционального общения друг с другом. Именно поэтому в русской

коммуникативной культуре спорящие столь часто теряют нить спора, легко отходят от первоначальной темы. Предположительно эту черту и «приписывает» переводчик главной героине, используя фразеологизм:

ИЯ: Das stimmte. Doch ich **predigte**... [7, с.192]

ПЯ: Сущая правда. Но я **продолжала гнуть свое**... [2, с. 199]

Таким образом, использование переводчиком различных приемов, допускающих «вольность» (в традиционном понимании этого термина) при переводе художественного текста вполне, на наш взгляд, допустима, поскольку речь идет об адаптации одной лингвокультуры к другой. Употребление фразеологизмов, наполненных не только семантически, но и стилистически, и эмоционально-экспрессивно, при переводе свободно связанных словосочетаний – достаточно смелое, но, как мы считаем, оправданное решение. Исходя из того, что фразеологизм выполняет как собственно языковую, так и культурную функции – образно передает информацию о происходящем в мире и одновременно с этим транслирует культурные смыслы – это некий «ключ» для адаптации как к исходной, так и принимающей лингвокультуре.

Список литературы:

1. **Комиссаров В.Н.** Современное переводоведение. 2-е изд., испр. – М.: Р. Валент, 2011. — 408 с.
2. Нолль И. Аптекарьша. Издательство «Иностранка», М. – 2002. – 272 с.
3. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 368 с.
4. И.В. Войнич «Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе». **Автореф. диссер. на соиск. уч. степ. канд. филолог. Наук.** – Пермь, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://avtoreferat.seluk.ru/at-jazykoznanie/19227-1-strategii-lingvokulturnoy-adaptacii-hudozhestvennogo-teksta-pri-perevode.php>

5. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.1. — СПб.: Университетская книга; ООО “Алетейя”, 1998. – 447 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/culturology20century2volumes1998sl.htm#_Toc299571953
6. Социологический энциклопедический словарь / ред. координатор Г.Осипов. – М.: ИНФРА-М – Норма, 1998. – 488 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://soclexicon.ru>dialogkultur>
7. Ingrid Noll. Die Apothekerin. Diogenes, 1996. – 303 с.
- 8.

Сведения об авторах

Абарникова Анастасия Олеговна, студентка первого курса магистратуры института иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; asyadelfy@yandex.ru, +79102053006.

Abarnikova Anastasija Olegovna, first year master's student of the Institute of foreign Languages, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation, asyadelfy@yandex.ru, +79102053006.

Цуканова Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; tsukanova68@mail.ru, +79038824048.

Tsukanova Yelena Mikhailovna, candidate of philological sciences, associate professor, the Department of the German language, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation, tsukanova68@mail.ru, +79038824048.

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ И СПОСОБЫ ЕГО
ПРЕПОДАВАНИЯ В КУРСЕ ТМК**

*Быльчинская В.С.
Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева
г. Орел, Россия*

Аннотация: Культура и пространство являются неотъемлемой частью понимания мира, следовательно, необходимо хорошо разбираться в этих аспектах, чтобы лучше прочувствовать культуру изучаемого языка. Выявление различных способов преподавания пространственного кода в курсе теории межкультурной коммуникации и сопоставлении данного кода в русской и английской лингвокультурах – один из способов погружения в изучаемую культуру.

Ключевые слова: культура, пространство, пространственный код культуры, мировидение.

Abstract: Culture and space are an integral part of understanding the world, therefore, it is necessary to be well versed in these aspects in order to better experience the culture of the target language. Identifying various ways of teaching the spacial code in the course of theory of intercultural communication and comparing this code in Russian and English linguocultures is one of the ways to better understand studied culture.

Key words: culture, space, spacial culture code, worldview.

По словам В.Н. Телия, культура - «это своеобразная историческая память народа. И язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» [Телия, 1996]. На человека всегда влияет его национальная культура. Всестороннее влияние культуры на личность определяет языковые и

психологические аспекты общения, облегчая общение между носителями одной культуры и усложняя общение между носителями разных культур.

Так же как и культура, пространство является частью миропонимания. Оно характеризуется как ментальная структура, вербализованная в культурном тексте, фокусирующаяся на его обобщённом значении и вытекающая из интерпретационной деятельности получателя.

Познание и освоение пространства каждым народом играет решающую роль в формировании менталитета. Особенности мировосприятия и национального характера определяются территорией, на которой исторически обосновалась конкретная этническая группа.

Пространство – одна из категорий бытия. Вербальное общение между людьми, которые принадлежат разным культурам, происходит благодаря языку. А язык выполняет функцию формирования национально-культурных кодов.

В.Н. Телия считает, что коды культуры - это «те источники окультуренного мировидения, которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода «обозначаемыми» собственно культурных знаков, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой «подоснову» культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» [Телия, 2005: с.38].

Коды культуры имеют определенный набор характеристик. Обычно выделяют три основных характеристики кодов культуры: самодостаточность для производства, трансляции и сохранения человеческой культуры; открытость к изменениям; универсальность.

Базовых кодов культуры не может быть много. Можно выделить следующие коды культуры: антропный (внутри которого — соматический); пространственный; временной; предметный; биоморфный; духовный.

Остановимся более подробно на пространственном коде культуры. Пространственный код, несмотря на изначальную конкретику своего назначения, показывает разнообразную сочетаемость.

1. *Пространственный код* трудно отличить от *соматического*, когда речь заходит о структуре мира. *Под рукой; рукой подать; проникнуть в душу; взять за сердце. As plain as the nose on a man's face.*

2. *Пространственный код*, реализованный вместе с *временным кодом*, дает такое явление, как *хронотоп*. *В двух шагах от победы; в трех минутах отсюда. Time rolls his ceaseless course.*

3. Пространство чаще всего воспринимается как *заполненный контейнер*, то есть как *вместилище предметов, животных, растений и т.д.* (*пересечение с биоморфным и предметным кодами*) *Капля в море, drop in the bucket. Одна капля лжи, портит океан доверия. Не прав медведь, что корову съел, не права корова, что в лес зашла.*

4. *Пространственный код* распознается как таковой, будучи *встроенным* в систему *кода духовного, абстракции*, которая возникает в результате многократного наложения одного кода культуры на другой. *Снаружи мило, а внутри гнило. Fair without but foul within.*

Одним из способов представления *пространственного кода культуры* в языковом сознании являются *фразеологизмы*. Фразеологизм как языковой символ - это символ «с максимально полным семантическим набором, кодифицированным в форме значения в виде макрокомпонентов, охватывающих грамматику, оценку, мотивацию, эмотивность и стилистическую маркированность» [Телия 1996: с.17].

Лингвокультурное понятие «пространство» в русской и английской культурах раскрывает универсальные и уникальные характеристики.

В языковом сознании представителей русской и английской культур есть много общего, универсального, что является свидетельством некоего универсального видения мира у народов, говорящих на разных языках.

Следует также затронуть структуру концепта «пространство». Она включает следующие составляющие: 1) *понятийная, рационально-дискурсивная* как совокупность признаков; 2) *метафорически-образная, эмоционально-чувственная*; 3) *оценочная гносеологически / аксиологически.*

Понятийные признаки необходимы для родовидовой идентификации концепта и сохранения его целостности; *образная и ценностно-оценочная составляющие* концепта «пространство» устанавливают ориентиры и положение конкретного объекта относительно других, находящихся в пространстве.

Онтологическая сущность концепта «пространство» находит отражение в том, что его компоненты вербализованы практически всеми знаменательными частями речи. Пространственные ориентиры объединяются под общим термином «локум» как пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета и характер их взаимоотношений (статический или динамический) [Всеволодова, Владимирский, 1982: с.15]. *Что пожнешь, то и сколотишь, что сколотишь, то и в амбар положишь. Крестьянская доля на широком поле. It is not the fire in the fireplace which warms the house, but the couple who get along well.*

Понятие пространства общее у разных культур, а образы разные. *Баба да кошка в доме, мужик да собака во дворе. Men make houses, women make homes.*

Коды культуры являются шифровкой языковой картины мира той или иной лингвокультуры. Они выражаются в языке посредством фразеологических единиц и пословиц, а также стереотипных образов, эталонов, символов данной культуры. Студентам, которые учатся в языковом ВУЗе, необходимо сформировать иноязычную коммуникативную компетенцию, для этого важно объяснять коды культуры, а в особенности пространственный, в курсе ТМК.

Существует большое количество способов преподавания пространственного кода культуры в курсе ТМК. Мною были рассмотрены следующие. 1) переводы; 2) упражнения на перифраз; 3) упражнения на сопоставление русских и английских фразеологизмов и пословиц; 4) составление диалогов с использованием определенных фразеологизмов и пословиц; 5) тесты.

Мною будет более подробно рассмотрено упражнение на сопоставление русских и английских фразеологизмов и пословиц. Для начала я продемонстрирую анализ каждой культуры по отдельности, а затем проведу сопоставительный анализ.

Рассмотрим понятие пространство в русской лингвокультуре. У русских присутствует своя языковая и экстралингвистическая специфика понятия пространства. Это понятие скорее связано с широтой русской души, открытостью, в отличие от английской замкнутости и изолированности. *Дай душе волю - захочет и поболит. People are lonely because they build walls instead of bridges.*

Ключевым словом для выражения концепта личного пространства в англоязычной культуре служит *privacy*, для которого трудно найти точный эквивалент в русском. Одна из главных задач английского коммуниканта – не допустить вторжения в зону собеседника. *Good fences make good neighbors. Respect is greater from a distance.*

В русском языке понятие «личное пространство» передается описательно (двумя словами). Язык описывает личное пространство, пространство описывается через позицию наблюдателя: «далеко-близко», «свой-чужой», «низ-верх», «пустота-полнота» и т.д. (*Бок о бок, статья плечом к плечу*).

Рассмотрим пример пространственного кода культуры в русской языковой культуре.

В гостях хорошо, а дома лучше. Не указывай на чужой двор пальцем, а то укажут на твой вилами. Ищи счастья на стороне, а дом люби по старине

Данные пословицы соотносятся по принципу «свой/чужой» и описывают то, что человек должен ценить в первую очередь место, где он родился и живет.

Кроме того, можно наблюдать пространство в пословицах со значением «далеко/близко». Например, *Низко — так близко, а высоко — так далеко*. Помимо пословиц можно привести примеры фразеологизмов с таким же значением: *за семь верст киселя хлебать, сто верст до небес и все лесом*. В дополнении, эти ФЕ указывают и на их широту.

Рассмотрим понятие пространства в английской лингвокультуре. В английской лингвокультуре я предлагаю рассмотреть семантическую оппозицию «свой/чужой» на следующих примерах.

East or West, home is best. Home is home, though it be never so homely.

Англичане трепетно относятся к своему дому. Это их личная территория уединения, где они могут чувствовать себя спокойно и в безопасности.

В вербальной знаковой системе устойчивые единицы, которые имеют пространственные значения, отражают положительное или отрицательное восприятие пространства. А.Э. Хабибуллина [Хабибуллина, 2010: с. 10] отмечает, что восприятие мира русскими людьми, в отличие от англичан, таково, что русский человек изначально настроен испытывать скорее негативные, чем позитивные эмоции. Это происходит из-за того, что фразеологических единиц, которые отражают негативные эмоции в несколько раз больше, чем тех, которые отражают положительные эмоции. Русский человек запоминает отрицательный опыт, и это оставляет пятно в языке на фразеологическом уровне. (*Плохое начало не к доброму концу. За недобрым пойдешь, на беду набредешь.*)

Кроме того, необходимо провести анализ русских и английских фразеологизмов в значении далеко/близко.

далеко - *у чёрта на куличках (на рогах), in the hack of beyond.*

близко - *нос к носу, лицом к лицу, face to face with smb; в двух шагах, a few steps away from smb; дверь в дверь, just opposite one's door и т.д.*

Хорошо прослеживается разница русских и английских фразеологизмов в значении «близко». В русском языке, понятие личное пространство шире (человек готов впускать близко людей в свое пространство), чем в английском. Фразеологизмы *нос к носу, лицом к лицу* имеют одинаковое значение для русскоговорящего. Для англичанина же понятие *нос к носу* вообще не существует. Они используют фразеологизм *face to face with smb* (русский аналог *лицом к лицу*). Это происходит из-за того, что допустимая близость в английской и русской культурах отличается, и понятие *нос к носу* считается недопустимым для англичанина, т.к. по причине их менталитета, они не готовы подпускать людей так близко к себе.

Фразеологизмы с понятием «далеко» указывают на удаленное место. В русском языке фразеологизм *у чёрта на куличках* имеет дополнительное

значение «глухого и малонаселённого места». Английский аналог – *the back of beyond*. Кембриджский словарь даёт следующее определение: «a place far away from any big town». (Следовательно, дополнительное значение – *любое* место, которое находится далеко от крупного города.) Можно заметить, что в английской интерпретации вообще не употребляется слово «черт», упор делается на то, чтобы показать «глухость места». Англичане не ассоциируют черта с местом, куда трудно добраться.

Можно также привести примеры пословиц, в которых один и тот же смысл, но разные интерпретации:

- *When in Rome, do as the Romans do.* (Смысл: Следует вести себя так, как это делают люди в том месте, куда ты приехал. Эту поговорку используют часто за границей, когда иностранные нравы отличаются от собственных). Дословный перевод: Находясь в Риме, веди себя так, как это делают римляне. Русский аналог: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят.*

- *The grass is always greener on the other side of the hill.* (Смысл: Людям свойственно хотеть то чего не имеют.). Дословный перевод: Трава всегда зеленее на другой стороне холма. Русский аналог: *Хорошо там, где нас нет.*

Подводя итог, следует отметить, что особенности русского и английского лингвокультурного кода вытекают из особенностей природных условий Англии и России, а также из специфики мировидения, общепринятых социальных норм и культуры в целом. В языке это находит отражение в виде образной лексики, фразеологизмов, пословиц. Более того, в языковых ВУЗах необходимо уделять внимание пространственному коду культуры, так как с его помощью обучающиеся погружаются в культуру изучаемого языка.

Список литературы:

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Текст] / отв. ред. В.Н. Телия. - М., 2006.

2. Всеволодова М.В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке [Текст] /М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский. - М.: Русский язык, 1982.- 262 с.
3. Телия В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений [Текст] /В.Н. Телия // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 30. – М., 2005. – С. 4–42.
4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты [Текст] /В.Н. Телия. – М., 1996.
5. Хабибулина А. Э. Фразеологические единицы, выражающие состояние человека, в русском, английском и татарском языках [Текст]/ А.Э. Хабибулина – М., 2010.

Сведения об авторе

Быльчинская Виктория Сергеевна; магистрант 1 курса ОГУ имени И.С. Тургенева; vikab-01111998@yandex.ru; +79192049890

Bilchinskaya Victoria Sergeevna; the Master's Degree student at the Orel State University named after I.S. Turgenev; vikab-01111998@yandex.ru; +79192049890

УДК 81'373

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н.ХОРНБИ «МОЙ МАЛЬЧИК»)

Гридасов А.К
магистрант 1-ого курса института иностранных языков,
Новикова Т.В
к.ф.н, доцент кафедры английской филологии
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени
И.С. Тургенева»
г. Орёл, Россия

Аннотация: В статье анализируются фразеологические единицы, извлеченные методом сплошной выборки из текста N.Hornby “About a boy” и их соответствия в тексте перевода «Мой мальчик» (переводчик К. Чумакова). Количественный анализ, анализ словарных дефиниций и метод лингвистического наблюдения позволяют сделать обобщения и выводы о специфике работы с данным пластом лексики при переводе.

Ключевые слова: художественный текст, фразеологическая единица, сопоставительный анализ, текст оригинала, текст перевода, переводческая трансформация/ приём перевода.

Abstract: The article analyses phraseological units extracted from N.Hornby’ s novel “About a Boy” and their counterparts in the Russian translation made by K.Chumakova. Quantitative analysis, analysis of lexical definitions and the method of linguistic observation make it possible to come to some conclusions concerning specifics of this layer of lexical units as it is seen in translation of fiction.

Key words: fiction, phraseological unit, comparative analysis, original text, translation text, transformation.

Наше исследование проведено на основе романа английского писателя Н.Хорнби «Мой мальчик» [4] и его перевода на русский язык, осуществленного переводчицей К.Чумаковой [5].

Актуальность темы, связанный с переводом фразеологических единиц с годами не утрачивается, потому что язык развивается, идет процесс глобализации, и чтобы проявить себя в некоторых ситуациях, человек строит речевое высказывание с использованием различных лексических, грамматических и стилистических особенностей. На современном этапе развития науки о языке исследование фразеологических единиц немислимо без изучения национально- культурной специфики, без рассмотрения роли фразеологизмов в репрезентации культуры народа. Методом сплошной выборки из текста оригинала извлечено 100 единиц, для каждой из которых обнаружено

соответствие в тесте перевода. Словарное значение всех единиц выверяется на основе классического англо-русского словаря фразеологизмов А.В.Кунина [1]. В результате проведенного количественного анализа установлено, что из 100 ФЕ оригинала 12% переведено с помощью частичного изменения образа, 28% представлено в переводе за счет сохранения образа. Для перевода 21% примеров переводчица использовала полное изменение образа; и наконец в 39% случаев переводчица обратилась к последнему приёму – опущение образа.

Следовательно, мы видим, что переводчик предпочитает опущение образа, что может быть продиктовано как её личными предпочтениями, так и учётом прагматического фактора, то есть пониманием того, что текст на русском языке адресован, главным образом, подросткам, в речи которых фразеологические единицы функционируют сравнительно редко.

Проиллюстрируем каждый из примеров перевода на конкретных примерах в соответствии с классификацией приемов, представленных в работах О.В.Петровой [2] и Я.И.Рецкера [3].

Пример №1. Сохранение образа

N.Hornby	А.В.Кунин	К.Чумакова
The girl from her class burst into hysterical laughter (p 99)	Burst into laughter – злиться, раздражаться смехом, расхохотаться.	Девочка из ее класса разразилась безудержным смехом. (с 85)

Пример № 2. Частичное изменение образа

N. Hornby	А.В.Кунин	К.Чумакова
He was beginning to feel cheap and churned up. (p 36)	Feel cheap – разг. Испытывать чувство унижения, упасть в собственных глазах.	Уилл ощущал неловкость и замешательство

Пример № 3. Полное изменение образа

N. Hornby	А.В.Кунин	К.Чумакова
They take him to pieces every single day.	to take to pieces – разобрать на части.	Маркуса едят с потрохами.

Пример № 4. Опущение образа

N. Hornby	А.В.Кунин	К.Чумакова
She is just a bit ... I do not know. Under the weather	To be under the weather – быть в отчаяние.	Она немного... не знаю, хандрит.

Пример № 5

N. Hornby	А.В.Кунин	К.Чумакова
Will had spelt it out	-	Уилл разложил ей все по полочкам

В данном примере №5 мы видим, что переводчик перевел английский фразовый глагол to spell out, не являющийся фразеологизмом, с помощью фразеологической единицы русского языка, чтобы компенсировать утрату образного значения в других единицах и тем самым сохранить семантические и лексические особенности оригинального текста.

В целом, проведенный анализ показывает, что в тексте перевода в большинстве случаев сохраняется образное значение исходной фразеологической единицы 61% примеров. Вместе с тем, в тех случаях, когда образ полностью опускается, по отношению к одной единицы, эмфатико-экспрессивное значение другой исходной единицы усиливается, что позволяет сохранять общий баланс стилистической окраски текста. Таким образом, можно

утверждать, что задача переводчицы по преобразованию фразеологических единиц оригинала в этом конкретном тексте выполнена успешно. Основным выводом сводится к следующему: переводчик К. Чумакова смогла представить на русском языке сложный художественный текст в полном соответствии с авторским замыслом.

Список литературы:

1. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь/Лит. ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. Рус. яз., 1984 -944с.
2. Петрова О.В. Введение в теорию и практику перевода (на материалеанглийского языка): Учебное пособие – Н. Новгород: Изд-во: НГЛУ им.Н.А. Добролюбова, 2002, – 84 с.
3. Рецкер Я.И. Пособие по переводу с английского языка на русский язык. –3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1982. – 159 с. –
4. Электронная библиотека. Читаем книги онлайн. Ник Хорнби «Мой Мальчик» перевод Карина Чумакова 2014 [Электронный ресурс] // iknigi.net: информационный портал. М., 2016-2017. URL://<https://iknigi.net/avtor-nik-hornbi/82830-moy-malchik-nik-hornbi/read/page-1.html> (дата обращения: 20.02.2020)
5. Электронная библиотека. Search by author and title. Nick Hornby “ About a boy” оригинал. [Электронный ресурс] ///indbooks.in : информационный портал. NY., 2014-2015. URL://<http://indbooks.in/mirror1/> (дата обращения: 20.02.2020)

Сведения об авторах

Гридасов Антон Кудратуллович; магистрант 1 курса лингвистики, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орёл, ул.Мопра 16; gridasow.toscha@yandex.ru; +79534177614

Gridasov Anton Kudratulloevich, the first year student of Master's of linguistics. Orel State University named after I.S.Turgenev, Mopra street 16, Orel, 302026, Russian Federation; gridasow.toscha@yandex.ru; +79534177614

Новикова Татьяна Васильевна; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орёл, ул.Комсомольская, д 39 Б; nowickowa.tatjana7@yandex.ru; +79208017285

Novikova Tatiana Vasilievna; Candidate of Philology, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st, 39 B, Orel, 302028, Russian Federation ; nowickowa.tatjana7@yandex.ru ; +79208017285

УДК 81-116.3'42

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ПАРЕМИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ

Дровникова П.К.,

Абакумова О. Б.,

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: Статья посвящена исследованиям в области лингвокультурологии и методики преподавания иностранного языка. Результаты исследования указывают на эффективность использования пословиц и поговорок на занятиях по иностранному языку. Паремии помогают в овладениями фонетикой, грамматикой английского языка, способствуют обогащению словарного запаса, а также знакомят учащихся с реалиями английской и американской культуры, с особенностями национального характера, культурными коннотациями и установками культуры.

Ключевые слова: лингвокультурология, паремии, английская культура, обучение английскому языку.

Abstract: The paper deals with problems of research in the field of linguoculturology and methods of teaching a foreign language. The results of the study indicate the effectiveness of using proverbs and sayings in foreign language classes. Paremia helps students in mastering phonetics and grammar of the English language, enrich their vocabulary, and introduce students to the realities of English and American culture, national character, cultural connotations, and cultural attitudes.

Key words: linguoculturology, proverbs, English culture, teaching English.

Интерес современного человека к своему прошлому, истокам своей культуры заставляет его внимательно взглянуться в язык. Проводниками к истокам культуры языка являются пословицы. Это краткие, емкие изречения, содержащие в себе ценную информацию о культуре носителей языка. С их помощью отражение культуры в языке и человеческом социуме способствует познанию других культур и ментальности, служит развитию межкультурной коммуникации. Именно поэтому пословицы занимают особое положение в языке, а их изучение, как объекта лингвистических штудий, является актуальным.

Применение пословиц и поговорок на занятии по иностранному языку способствует лучшему овладению предметом, расширению знания о языке, лексического запаса и условий его функционирования. Пословицы можно использовать на всех уровнях обучения языку.

Предметная область лингвокультурологии имеет различные определения, за основу возьмем формулировки В. В. Воробьева и В. Н. Телии. Исходя из определения В. В. Воробьева [2], «Лингвокультурология – комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления».

Основатель этой науки профессор ИЯ РАН В.Н. Телия [10] дает такое определение: «Лингвокультурология, в отличие от других культурологических дисциплин, призвана изучать живые коммуникативные процессы в их синхронной связи с этническим менталитетом, действующим в данную культурную эпоху».

Лингвокультурология как специальная область науки породила немало продуктивных в современной лингвистике понятий. Наиболее важные понятия – это те, с помощью которых может быть представлена культурная информация в языковых единицах: культурные семы – **ядерные семантические признаки в лексическом значении слов, несущие культурную информацию**; культурный фон – характеристика номинативных единиц, обозначающих явления социальной жизни и исторические события [8]; культурные концепты – имена абстрактных понятий, культурная информация прикрепляется в них к сигнификату; и культурные коннотации – неядерные семы вторичных лексических значений, развивающиеся у одного и того же понятия в различных культурах [8]. Культурные коды – различные образные системы, выполняющие символическую функцию. В основе образов лежат реалии действительности. Под реалиями здесь понимается предмет, свойство, действие, процесс, событие, ситуация, относящиеся непосредственно к данной культуре либо каким-то образом вовлеченные в деятельность человека. Код культуры универсален, в том смысле, что существует во всех культурах и из этого следует, что и во всех языках [4].

Рассматривая английский язык, его носителей и его паремиологическую составляющую, можно смело заявить, что восприятие мира носителями английского языка несколько разнится с восприятием носителей нашего родного русского языка. Мы имеем одну, сформированную картину мира, в свою очередь англоговорящее население – немного иную [3].

Английская культура – индивидуалистическая (по типологии культурных измерений Хофстеде) [11], в которой связи между людьми не так важны; считается, что каждый человек должен сам позаботиться о себе.

Выполнение поставленной задачи превалирует над любыми личными взаимоотношениями, личные цели важнее групповых. В этом типе культуры преобладает осознание своего «Я»; предпочтение отдается соревнованию и конкуренции, а не кооперации и сотрудничеству. Ценится право каждого на личную собственность, частное мнение, свою точку зрения. Подчеркивается важность индивидуальных инициатив и индивидуального успеха, приветствуется умение самостоятельно принимать решения. В английской культуре преобладает мужское начало, в мужской культуре в противовес женской доминируют такие ценности, как настойчивость, жесткость в достижении цели, деньги, материальное благополучие. Английская культура – с краткосрочной ориентацией, в основе которой находится достижение счастья, успеха, материальных благ, уверенности в себе.

В своей семантике пословицы содержат культурную информацию, культурные коннотации и установки своей культуры, являясь одновременно носителями культуры общечеловеческой. Вследствие своего обобщенного характера пословицы можно использовать на всех уровнях обучения языку [5].

Формирование навыков произношения с начала обучения должно происходить в условия реального общения. Поговорки отличаются набором выразительных средств, с помощью которых их легко запомнить. Например, точная ассонансная рифма (ассонанс – приём звуковой организации текста, особенно стихотворного: повторение гласных звуков).

Отработка произношения различных звуков идет с большим интересом, если они представлены через пословицы и поговорки. Учащиеся быстрее запоминают правильное произношение звуков, а также сами пословицы.

Применяя коммуникативную методику при обучении грамматике на интерактивной основе, пословицы можно использовать при изучении различных грамматических форм, например:

Установка: Прочитайте пословицы и подумайте, чему они учат, какой совет дают? Подчеркните количественные числительные линией и порядковые

числительные волнистой линией. Подумайте, какие нормы социального поведения рекомендуют данные пословицы.

Two heads are better than one.

To kill two birds with one stone.

Second thoughts are best.

A bird in the hand is worth two in the bush.

Лексико-грамматическая насыщенность пословиц позволяет их применять также при изучении различных лексических тем. При этом учащиеся могут сами подобрать соответствия на русском языке. Например, по теме «Health» подходят следующие пословицы:

Wealth is nothing without health.

Health is not valued till sickness.

Sleep is a healing balm for every ill.

Для учащихся более старшего возраста предлагается отрывок из художественного или публицистического текста, содержащей в контексте пословицу.

Пословицы и поговорки используются в качестве стимула диалогической и монологической речи, они также могут стать материалом для построения собственных высказываний (построения диалогов), когда обучаемые выбирают пословицу и пишут к ней вопросы, которые бы они хотели задать своему собеседнику [6].

Изучая лексическую тему «Здоровье» («Health»), учащиеся анализируют и изучают тематические пословицы.

Установка: Дети должны выбрать пословицу, которая подходит или характеризует их больше всего и, работая в парах, задавать друг другу вопросы относительно этой пословицы.

Early to bed and early to rise, makes a man healthy, wealthy and wise.

- When do you get up?
- Are you a hard-working person?
- Do you usually plan your next working day?

Таким образом, в процессе обучения пословицы помогают развивать речевые умения на фонетическом уровне, так как могут содержать аллитерацию или ассонанс, иметь четкий ритм или рифмоваться; на грамматическом уровне – при активизации некоторых грамматических конструкций; на лексическом уровне – для обогащения словарного запаса; на уровне текста – для определения цели и мотива употребления пословиц в контексте, осознания главной мысли автора текста, понимания языковой картины мира носителей изучаемого иностранного языка, а также при обучении аудированию и говорению учащиеся приобретают навыки выявления главной мысли, правильного ее оформления в соответствии с требованиями изучаемого языка и его культуры.

В результате работы с пословицами учащиеся усваивают культурные установки англоязычной культуры, социальные нормы поведения, культурные концепты, что способствует лучшему пониманию людей культуры изучаемого языка, формированию вторичной языковой личности обучающегося.

Знание особенностей другой культуры поможет избежать конфликтных ситуаций при общении с ее представителями, в то же время прояснить для себя важные качества и систему ценностей, особенности национального характера носителей своей родной культуры.

Список литературы:

1. Абакумова О. Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: диссертация - Орел, 2014.- 376 с.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология. – М.: Изд-во РУДН, 2008.
3. Гудков Д.Б., Красных В.В. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Науч-ные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 2. М., 1998.
4. Лотман Ю. М. Люди и знаки. / В кн. Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2010. — 704 с.

5. Мильруд Р. П., Максимова И. Р. Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения ИЯ. // Иностранные языки в школе, № 4, 2000.
6. Пассов, Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов — М.: Просвещение, 1991. — 223 с.
7. Пермяков Г.Л. К вопросу о паремиологическом уровне языка. – Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.
8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки славянских культур, 1997.
9. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения- - Воронеж: «Гарант», 2000. – 27с. Изд. 2. испр. 2015.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
11. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. CA: SAGE, 2001. 596 p.

Список словарей:

12. Буковская М.В. и др. «Словарь употребительных английских пословиц, М.: Русский язык, 1990. – 234 с.
13. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М. : РУС. ЯЗ. , 2000. - 512 с.

Сведения об авторах

Абакумова Ольга Борисовна; доктор филологических наук, профессор, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; abakumova-ob@mail.ru; +7 919 205-21-23.

Abakumova Olga Borisovna; Doctor of Philology, Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Oryol State University named after I.S.

Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation, abakumova-ob@mail.ru; +7 919 205-21-23.

Дровникова Полина Константиновна; магистрант 2 курса, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302030, Российская Федерация, Орел, ул. Грузовая, д. 3, кв. 44; linadrovnikova@yandex.ru; +7 920 807-04-41.

Drovnikova Polina Konstantinovna; Master student 2nd year, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Gruzovaya st 3/44, Oryol, 302030, Russian Federation; linadrovnikova@yandex.ru; +7 920 807-04-41.

УДК 811.111

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Калиш Д.В.

*Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
г. Владимир, Россия*

Аннотация: В статье рассматривается структурная организация терминов делового английского, принадлежащих к фразеологическому уровню языка. Опираясь на работы А. В. Кунина и Т. Н. Федуленковой, был произведен отбор языкового материала и выделены наиболее распространенные грамматические модели фразеологических единиц современного английского языка.

Ключевые слова: деловой английский язык, фразеологические единицы, структурный анализ, структурные модели, компонент.

Abstract: The article deals with the structural organization of business English terms belonging to the phraseological level of language. Based on works of A. V. Kunin and T. N. Fedulenkova, the language material has been selected and most common grammatical models of phraseological units have been revealed.

Key words: business English, phraseological units, structural analysis, structural models, component.

Проблема изучения структуры английской фразеологии с давних пор вызывает живой интерес у многих ученых [4, с. 131], поскольку невозможно до конца проникнуть в сущность фразеологических единиц (ФЕ) в условиях, когда их структура остается неизученной [2, с. 105]. В настоящее время актуальным также является изучение структуры деловой фразеологии, которая исследована недостаточно [7, с. 247].

С целью описания структуры ФЕ делового английского в исследовании используются грамматические модели, заключающие в себе следующие символы: символ N, обозначающий субстантивный компонент ФЕ, символ V, обозначающий ведущий глагольный компонент фразеологизма, символ Part I, указывающий на наличие причастия I, символ Prep, обозначающий предлог, символ Adj, отмечающий использование прилагательного [3, с. 106].

Рассмотрению на предмет содержания фразеологизмов подвергся словарь деловых терминов Фридмана. Общее число найденных ФЕ составило 187. При помощи структурного анализа рассматриваемых ФЕ делового английского можно выделить некоторые грамматические модели ФЕ, которые широко распространены в современном языке (о моделировании см. [2, с. 86]):

Модель 1: Adj + N объединяет ФЕ, включающие в себя два словных компонента с постоянной зависимостью, [1, с. 51] и является самой распространенной – 71 ФЕ (37%): *black knight* – фирма, которая делает нежелательную заявку на поглощение компании; *Chinese Wall* – информационный барьер между акционерами и советом директоров или различными частями бизнеса; *golden handcuffs* – использование различных финансовых поощрений, направленных на то, чтобы убедить сотрудника не

менять место работы; *golden handshake* – материальная компенсация работнику (обычно руководителю), уходящему в отставку или увольняемому по не зависящей от него причине; *Pink Sheets* – публикации Национального бюро котировок США. Например:

A person or firm that makes a welcome takeover bid for a company on improved terms to replace an unacceptable and unwelcome bid from a black knight [9, с. 538]

Wall Street insists that a Chinese Wall separates its research and its investment banking activities. [10, с. 90]

Benefit schemes that become more attractive the longer employees stay with the company act as golden handcuffs tying them to the company. [10, с. 247]

When the company was taken over, the sales director received a golden handshake of 25,00 pounds. [6, с. 171]

The company's shares closed at 86 cents on the Pink Sheets. [10, с. 408]

Модель 2: N + N. К данной субстантивной модели относятся двухкомпонентные ФЕ, обладающие устойчивой зависимостью своего состава. Число фразеологизмов с константной зависимостью составляет 27 ФЕ (14%): *bargain hunter* – лицо покупающее товары или ценные бумаги, продаваемые по более низкой цене; *cash cow* – бизнес, который генерирует непрерывный поток денежных средств; *confidence game* (con game, con trick) – схема, по которой мошенник завоевывает доверие своей жертвы, а затем обманывает ее, пользуясь ее денежными средствами (афера); *crown jewel* – наиболее ценная часть бизнеса или предприятия; *decision tree* – диаграмма решений, которая иллюстрирует все возможные последствия действий на разных этапах их выполнения. Например:

Share prices rose as bargain hunters rushed back into the market. [10, с. 41]

Stocks that are cash cows have dependable dividends [8, с. 91]

The so-called bargain was just a big con game! [10, с. 108]

The company needs to raise cash and is selling off its crown jewels. [10, с.133]

Other decision models include decision trees, discounted cash flow, and budgets. [5, с. 95]

Модель 3: Part I + N – модель, объединяющая двухкомпонентные ФЕ с константной зависимостью, составляет 15 ФЕ (7,9%). Группа ФЕ с подобной зависимостью компонентного состава может быть представлена следующими примерами: *floating debt* – краткосрочное обязательство бизнеса, которое постоянно рефинансируется (банковские кредиты со сроком погашения в один год и коммерческая бумага; краткосрочный государственный долг состоит из казначейских векселей и краткосрочных казначейских векселей); *running broker* – брокер по векселям, который сам не дисконтирует векселя, но действует между владельцами векселей и дисконтными домами или банками за комиссию; *sleeping beauty* – потенциальная цель поглощения, компания, обладающая такими характеристиками, как большое количество денежных средств или недооцененная недвижимость и иные активы. Например:

...the replacement of short-term fixed-interest debt (floating debt) by long-term fixed-interest debt (funded debt). [5, с. 150]

Running broker ... acts between bill owners and discount houses or banks for a commision [5, с. 312]

Qualifications for a sleeping beauty include high potencial with bad management or perhaps an undervalued share price. [11]

Фразеологические единицы, построенные согласно данной модели, являются ФЕ с константной зависимостью компонентов. Среди ФЕ, обладающих подобной структурой, встречается единственный случай со сменой глагольного компонента – *sleeping / silent partner* (лицо, которое имеет долю в бизнесе, но не принимает участия в его управлении), где причастие заменяется прилагательным. Например:

In an attempt to crack down on corruption, federal investigators have begun looking into various silent partners that might be financing the drug trade throughout the country. [11]

Модель 4: V + N – глагольная модель, включающая два компонента с константной и константно-переменной зависимостью. Данную модель представляют 14 ФЕ, составляющих (7%) от общего количества выбранных фразеологических единиц: *hit the bricks* – пойти на забастовку (сотрудники выступают против работодателя); *rock the boat* – обострять ситуацию, расстраивать положение дел; *take a bath* – понести большие убытки по спекуляции, инвестициям или продуктам;

The workers hit the bricks again after the company implemented a unilateral pay cut to all employees. [11]

Someone who is rocking the boat is challenging the customary sequence of procedures or events. [8, с. 601]

I took a bath on my XYZ stock when the market dropped last week. [9, с. 676]

Исследовав приведенные данные о структуре ФЕ, можно прийти к выводу о том, что наиболее часто используемой в деловой фразеологии является модель Adj + N (37%). Кроме того, широко распространены фразеологизмы, образованные по грамматической структуре N + N (14%).

Таким образом, настоящее исследование показывает, что деловая фразеология современного английского языка является обширной совокупностью развивающихся выражений, структура которых поистине разнообразна.

Список литературы:

1. Кунин А.В. Английская фразеология: Теоретический курс. М.: Высш. шк., 1970. 344 с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М.: Высш. Шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
3. Федуленкова Т.Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков). Северодвинск, 2006. 554 с.

4. Федуленкова Т.Н. Об общих чертах в структуре соматической фразеологии некоторых германских языков: Сопоставительно-типологическое исследование // Исследования по сопоставительной типологии языков: Межвуз. сб. науч. тр. М.: Московский гос. пед ин-т им. В.И. Ленина, 1982. С. 131-142.
5. Butler B. A Dictionary of Finance and Banking. Oxford: Oxford University Press, 1997. 388 p.
6. Collin P.H. Dictionary of Business. London: Peter Collin Publishing, 2001. 486 p.
7. Fedulenkova T. Idioms in Business English: Ways to Cross-cultural Awareness // Domain-specific English: textual practices across communities and classrooms / Giuseppina Cortese & Philip Riley (ed.). Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Mein; New York; Oxford; Wien: Lang, 2002. P. 247-269.
8. Jack P.Friedman. Dictionary of Business Terms. NY: Barron's Educational Series, 2000. 759 p.
9. Pallister J., Isaaks A. Oxford Dictionary of Business. Oxford: Oxford University Press, 2002. 564 p.
10. Parkinson D. Oxford Business English Dictionary for learners of English. Oxford: Oxford University Press, 2005. 616 p.
11. The Free Dictionary by Farlex. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 22.08.2020).

Сведения об авторе

Калиш Дарья Валерьевна, студентка третьего курса, Владимирский государственный университете имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, 600000, Российская Федерация, г. Владимир, ул. Горького, д. 87.

Kalish Daria Valerieivna, third year student, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Gorky Street, 87, Vladimir, 600000, Russian Federation.

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ПОСЛОВИЦЫ В ДИСКУРСЕ ПО МОДЕЛИ КДМ

Кибизова Е.Р.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В статье производится анализ перевода пословицы в дискурсе по модели КДМ д.ф.н., профессора Абакумовой О.Б. В качестве дискурса был взят отрывок из книги Джонатана Свифта «Вежливые беседы».

Ключевые слова: Дискурс. Пословица. Анализ. Перевод. Коммуникативная ситуация.

Abstract: The article analyzes the translation of a proverb in discourse according to the KDM model of Doctor of Philology, Professor O.B. Abakumova. An excerpt from the book «Polite conversation» by Jonathan Swift was taken as discourse.

Key words: Discourse. Proverb. Analysis. Translation. Communication situation.

Для анализа коммуникативного эпизода по модели КДМ Абакумовой О. Б. был взят отрывок из книги Джонатана Свифта «Вежливые беседы» [5, p.215, 1738].

Lady SMART breaks a tea-cup.

Lady Answ. Lord, madam, how came you to break your cup ?

Lady Smart. I can't help it, if I would cry my eyes out.

Miss. Why, sell it, madam, and buy a new one with some of the money.

Col. 'Tis a folly to cry for spilt milk.

“’Tis a folly to cry for split milk.” – Это безумие/глупо - плакать из-за пролитого молока (дослов. перевод).

Впервые данная пословица была задокументирована в сборнике пословиц Джеймса Хауэлла (James Howell) в 1659 году и звучала она следующим образом: *“No weeping for shed milk”*. Сейчас она звучит так: *“It is no use crying over spilt milk”* [8, с.365].

Смысловые аналоги среди русских пословиц: *“Слезами горю не поможешь”*; *“Потерянного не воротить”*; *“Что сделано, то сделано”*; *“Что упало, то пропало”*; *“В слезах горя не утопишь”* [3, с.494].

В книге Джонатана Свифта «Вежливые беседы» данное высказывание принадлежит одному из действующих лиц диалога (Полковнику), который хочет подбодрить огорчённую Леди Смарт, разбившую чайную чашку. Этой фразой, он как бы подчёркивает то, что Леди сокрушается о чём-то очень незначительном, вместо того чтобы просто сделать выводы и больше не допускать ошибок, или же просто смириться с произошедшей ситуацией.

Kommunikativa (коммуникативная составляющая). Согласно понятию коммуникативного действия по Ю. Хабремасу, действующие лица (Aktoren) рассматриваются, как говорящие (Полковник) и слушающие субъекты (Леди Смарт). Коммуникативная составляющая в данном случае - ориентирование на достижение взаимопонимания (собственно коммуникативное действие). Полковник хочет донести до Леди Смарт бессмысленность её страданий по весьма незначительной потере.

Konstativa (констативная составляющая). Пропозиция пословичного высказывания выражена предикатом *to cry for* (плакать по/из-за).

Логическая структура: *что есть что(глупо)?*

Семантический класс предиката: состояние переживания по недостаточно серьёзному поводу.

Наложение фреймов как процесс разворачивания пословичного сценария:

Образный фрейм: на уровне внутренней формы пословицы представлена ситуация состояния переживания человека по поводу пролитого молока и разбитой чашки, которую собрать и склеить не представляется возможным. Данная метафора как бы подчёркивает необратимость ситуации.

Обобщенный фрейм: на уровне обобщенного фрейма обращаем внимание на третий тип логико-семиотических моделей в классификации Г.Л. Пермякова (если одна вещь связана с другой вещью и при этом обладает каким-то свойством, то и другая вещь обладает таким же свойством) [4, с.239]. Поскольку в пословице разбитая чашка с пролитым молоком обладают свойством невозвратности, то человеку дается совет принять случившееся как факт и не печалиться по пустякам.

Окказиональный фрейм: в данной пословице окказиональный фрейм выражается в индивидуально-авторском контексте применения словосочетания «пролитое молоко», как лексического средства художественной выразительности для усиления ситуации необратимости случившегося, но при этом её крайней незначительности в масштабах происходящего. В конечном итоге, всё сводится к тому, что неприятности могут быть гораздо более плачевными, чем разбитая чашка, и в данном контексте это можно считать благоприятным исходом событий и принимать случившееся со спокойным сердцем.

Representativa (экспрессивная составляющая). Говорящий искренен. Его оценка ситуации отрицательная (Полковник возмущается безумию Леди Сمارт, т.к. она горюет по разбитой чашке, что в его понимании - крайне глупо). Преобладающий компонент пословичного высказывания – иллокутивный с использованием перлокуции с целью воздействие на адресата, на его мышление. Иллокутивная сила пословичного высказывания направлена на изменение мышления адресата. Иллокутивная цель пословичного высказывания: эксплицитный репрезентатив (говорящий убеждает

слушающего, что не стоит тратить время и нервы на бесполезные переживания); имплицитный директив (говорящий неосознанно приказывает слушающему не унывать, не падать духом и собраться с силами).

Regulativa (регулятивная составляющая). Опираясь на нормы рационального утилитарного поведения, говорящий осуждает глупость поведения слушающего. Следуя классификации видов деонтических норм поведения В.И. Карасика, отметим восьмой класс о нормах благоразумия, который гласит: «Не следует постоянно тревожиться», «Не следует суетиться» [2, с.28-29]. Нарушитель утилитарных норм демонстрирует свою несостоятельность и причиняет вред прежде всего себе (чрезмерные переживания и тревоги негативно сказываются на нервной системе человека).

Анализ коммуникативной ситуации, представленной в отрывке художественного текста, с применением когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла пословицы в дискурсе показал, что пословица действительно является тактическим средством реализации коммуникативной стратегии говорящего. Проанализировав коммуникативную ситуацию, мы отмечаем, что, действительно, слёзы и уныние не могут исправить положение дел, к тому же, в христианстве, уныние есть страшный грех и порок человеческой души. Но в наших силах попытаться решить проблему, насколько это возможно. Если же ничего изменить уже нельзя, стоит успокоиться и жить дальше, пытаясь избегать подобных ошибок. Говорящий в приведённой коммуникативной ситуации, как бы намекает: «Было бы из-за чего расстраиваться», вот так и пословица говорит нам о том, что сетования, а тем более по пустякам, зачастую уже ничего не могут изменить в сложившейся ситуации и являются глупой тратой времени и собственного здоровья. То есть в данной коммуникативной ситуации проявляется практичность и рационализм английского национального характера, преобладание рассудка над чувствами, контроль над эмоциями, которому учат английских детей с детства.

Список литературы:

1. Абакумова, О.Б. Пословица в художественном тексте и когнитивно-дискурсивная модель ее актуализации / О.Б. Абакумова // Ученые записки Орловского государственного университета: Научный журнал. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». – Орёл, 2011. – №1(39). – С. 122-129.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.:Гнозис, 2004. С.28-29.
3. Маргулис А., Холодная А. Русско-английский словарь пословиц и поговорок, 494 с., 2016.
4. Пермяков, Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише) /Г.Л. Пермяков. М.: Наука, 1970. 239 с.
5. Jonathan Swift «Polite conversation», p. 215. 1738.
6. Habermas, J. The Theory of Communicative Action /J. Habermas. Vol.1 Reason and the Rationalisation of Society. Boston: Beacon Press, 1987.1080p.
7. Howell James Paroimiographia Proverbs, or, Old sayed savves & adages in English (or the Saxon tounge), Italian, French, and Spanish, whereunto the British for their great antiquity and weight are added ... / collected by J.H., Esqr. London: Printed by J.G., 1659.
8. The Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford: Oxford University Press, 2009. 365 с.

Сведения об авторе

Кибизова Елена Руслановна; студентка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; lenakib96@rambler.ru; +7 (953) 473-47-76.

Kibizova Elena Ruslanovna; student, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; lenakib96@rambler.ru; +7 (953) 473-47-76.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АКТУАЛИЗАЦИИ
СМЫСЛА ПОСЛОВИЦЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
ПОСРЕДСТВОМ МОДЕЛИ КДМ**

Кононова М.В.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам выявления и актуализации смысла пословицы в художественном дискурсе. Анализ проводится посредством когнитивно-дискурсивной модели (далее КДМ), предложенной профессором Абакумовой О.Б., на материале англоязычного художественного текста. Показано, что пословица является тактическим средством реализации коммуникативной стратегии говорящего.

Ключевые слова: пословица, художественный текст/дискурс, когнитивно-дискурсивное моделирование, модель КДМ, перевод.

Abstract. The article covers problems of proverb sense identification and actualization in the discourse of fiction. The analysis is made by means of cognition-discourse model (CDM model) suggested by Professor O.B. Abakumova is based on the English text of fiction. The analysis proves that proverb is used as the tactical means of speaker's communicative strategy.

Keywords: proverb, text/discourse of fiction, cognitive-discourse modeling, CDM model, translation.

«Пословица понимается как гибридный знак, практическое оценочное суждение, фразеологизм со структурой предложения, содержащий эксплицитный или имплицитный совет, рекомендацию и используемый говорящим как тактическое средство реализации выбранной им коммуникативной стратегии. Пословица обычно образно мотивирована и

содержит в своей семантике указание на деонтические нормы поведения, принятые в данной культуре, которые наиболее ярко проявляются в контексте их употребления» [1, с.11].

Для выведения смысла поговорки в художественном тексте предлагается использовать **когнитивно-дискурсивную модель (КДМ) актуализации смысла поговорки в дискурсе**, предложенную О.Б. Абакумовой [1, с.10-16].

В качестве примера работы с КДМ рассмотрим поговорку в коммуникативном эпизоде романа Пелема Гренвилла Вудхауса «Дева в беде»:

“They say prison life often weakens the intellect, father,” said Maud. She moved towards the door and turned the handle. Albert, the page boy, who had been courting earache by listening at the keyhole, straightened his small body and scuttled away. “Well, is that all, Aunt Caroline? May I go now?”

“Certainly. I have said all I wished to say.”

“Very well. I’m sorry to disobey you, but I can’t help it.”

“You’ll find you can help it after you’ve been cooped up here for a few more months,” said Percy.

A gentle smile played over Maud’s face.

“Love laughs at locksmiths,” she murmured softly, and passed from the room.

“What did she say?” asked Lord Marshmoreton, interested. “Something about somebody laughing at a locksmith? I don’t understand. Why should anyone laugh at locksmiths? Most respectable men. Had one up here only the day before yesterday, forcing open the drawer of my desk. Watched him do it. Most interesting. He smelt rather strongly of a damned bad brand of tobacco. Fellow must have a throat of leather to be able to smoke the stuff. But he didn’t strike me as an object of derision. From first to last, I was never tempted to laugh once.”

«**Love laughs at locksmiths**» - nothing and nobody can keep lovers apart. The proverb dates from 1803, when it was used as the title of a play by George Goldman. Proverb expressing similar meaning: *Love will find a way* [6, с.177].

Дословный перевод: Любовь смеется над цепями, замками [букв. слесарями]. **Русский аналог:** Любовь на замок не запрешь; любовь не знает

преград [3, с.472]. Говорит о том, что любовь не терпит несвободы, ограничений. Ее нельзя закрыть на замок, ограничить, она все равно проявит себя. Наиболее часто в английских и русских фразеологизмах встречается мысль о том, что «любовь – это сила». В этом случае **любовь часто персонифицируется** и наделяется человеческими способностями – *love laughs at locksmiths*. Подобные метафорические описания являются **свидетельством эмоционального отношения англичан к любви как всемогущей силе**. Эта мысль развивается далее во фразеологизмах и пословицах, утверждающих, что любовь свободна и независима, ею нельзя управлять [5].

Коммуникативная ситуация: помимо главной героини Мод Марш в данной сцене представлены несколько персонажей, каждый из которых на протяжении всего романа вносит свой вклад в разрушение мечтаний о любви девушки. Родственники убеждают Мод, что ей придется побороть свое глупое, как им кажется, чувство, если она не хочет просидеть взаперти замка еще несколько месяцев. Однако девушка, не отрекаясь от своей любви, едва слышно констатирует, что любовь на замок не запрешь. Здесь же, не расслышав ответ дочери полностью, отец в недоумении, зачем смеяться над замками, начинает вести речь о том, как на днях слесарь починил один из замков в его кабинете.

Kommunikativa (коммуникативная составляющая): говорящий (Мод - главная героиня романа) использует стратегическое действие, направленное на желание оставить последнее слово за собой, не изменив собственного мнения. Говорящий при таком типе действия настроен на свой личный успех без учета интересов слушающего, т.к. люди в данном случае рассматриваются как препятствия в достижении эгоистических целей. Девушка отмечает (при этом, произнеся данную реплику тихо, едва слышно), что ее любовь к молодому человеку никому не удастся запереть, причем в буквальном смысле. Даже если взаперти сам человек, его чувства проявят себя, несмотря ни на что.

Konstativa (констативная составляющая), отражающая когнитивное использование языка: наложение трех типов фреймов и разворачивание пословичного сценария.

- **Образный фрейм:** Любовь смеется над цепями, замками [букв. слесарями]. Анализируемый коммуникативный эпизод подсказывает, какой именно перевод следует отобразить. Внутренняя форма данного пословичного высказывания построена на метафоре, которая показывает прочность и силу чего-либо через слово «цепи» или слово «замки», а также черту закрытого образа жизни в английской культуре. Однако при последующем анализе ответа отца девушки можно заметить, что в оригинале речь идет о слесарях, которые чинят не цепи, а именно замки, поэтому для адекватного перевода всего коммуникативного эпизода и его связи с пословицей необходимо за основу перевода на русский язык взять именно слово «замки». Таким образом, точный эквивалент приводимой пословицы в русской культуре отсутствует. Кроме того, при анализе данного отрывка наблюдается параллель между принадлежностью Лорда к высшему классу общества и высоким статусом любви в английской культуре. Сам того не осознавая, иронично передавая внешность слесаря, который чинил замок в ящике стола, Лорд пытается презрительно описать представителя более низкого класса, ровно как и любовь в пословице смеется над любыми действиями слесаря по ее закреплению.

- **Обобщенный фрейм:** Если одна вещь обладает каким-то (положительным) свойством, а вторая не обладает им, то первая вещь предпочтительнее второй (четвертая логико-семиотическая модель Г.Л. Пермякова) [4, с.19]. Происходит сравнение такого чувства как любовь с находящимся под замком живым существом, которому удастся выбраться. Оба элемента обладают данной характеристикой, тем не менее, если любовь смеется над замками, значит, настоящее чувство прочнее и надежнее любого замка.

- **Окказиональный фрейм:** Главная героиня Мод Марш пытается вырваться из фамильного замка, чтобы встретиться со своим возлюбленным, который даже не подозревает об этих чувствах. Этому всячески препятствуют члены ее семьи, каждый из которых имеет свои планы на устройство дальнейшей жизни девушки. Однако, когда ей это всё-таки удастся, она волей случая встречает другого молодого человека – свою настоящую любовь,

окончательно разочаровавшись в том, кто ею совершенно не интересовался. Таким образом, вырвавшись «из цепей и из-под замков» фамильного замка и самой семьи, Мод, для любви которой не было преград, нашла свое счастье.

Representativa (экспрессивная составляющая): модальность эпистемическая, аксиологическая и деонтическая. Иллокутивная цель пословичного высказывания – эксплицитный репрезентатив (ассертив) и косвенный директив. Пословица указывает на веру героини в то, что никто и ничто не сможет помешать развитию настоящего большого чувства.

Regulativa (регулятивная составляющая): пословица в контексте представляет собой косвенный речевой акт. В данном коммуникативном отрывке слушающие (в силу тихо произнесенного высказывания) не смогли разобрать смысл, вложенный героиней. В итоге, достоверно понять, что имела ввиду девушка, им не удалось. Однако в результате данное пословичное высказывание оказалось адресовано самой героине. «Любовь смеется над замками» стало ее девизом на протяжении всего романа: вырвавшись из замка навстречу, как она думала на тот момент, судьбе, девушка впоследствии нашла свою настоящую любовь, преград для которой никому не удалось создать. Полагаем, что анализируемая пословица, как отражение национального сознания в целом, а здесь как отображение характеристики главной героини и замысла автора художественного произведения, базируется на компиляции этических норм взаимодействия и жизнеобеспечения («Нельзя быть трусом», «Следует надеяться на лучшее») и утилитарных норм реализма («Следует полагаться на себя») [2, с.28]. Связано это с тем, что, как описано выше, девушка не собирается обманывать саму себя, бояться гнева семьи, но заключает, что ее счастье только в ее собственных руках.

В рамках проводимого исследования хотелось бы отдельно остановиться на описании культурного фона романа. Главная героиня находится в буквальном смысле в заточении, т.к. члены ее семьи всячески препятствуют устройству жизни девушки по ее планам и запрещают ей покидать фамильный замок. Любовь Мод пытаются ограничить, но девушка настойчиво продолжает

бороться за свое счастье. Английский фамильный замок – усиление эффекта затворничества и «ухода» в свое собственное жизнеустройство, поэтому это еще один замок на пути девушки к своей любви.

Как уже было отмечено ранее, Лорд, как представитель высшего класса общества, через описание внешности иронично высмеивает слесаря, как представителя более низкого класса, что параллельно сравнимо с наивысшим положением любви в английской культуре относительно кого-либо, пытающегося помешать ее силе. Кроме того, нельзя забывать об адаптации оригинального произведения к культуре переводящего языка (ПЯ). В этом случае речь идет о том, что нельзя перевести на русский язык данную поговорку с использованием слова «слесарь», поскольку, несмотря на то, что в русской культуре даже в тот исторический период были мастера-замочники, однако люди не жили в замках, чтобы ограждать и запирались на все замки. В связи с этим, необходимость использовать слово «слесарь» в переводе отпадает. Проще указать в переводе сам предмет для запираения и, таким образом, показать отсутствие запрета для любви. Усиливает данный эффект то, что в поговорке *love laughs at locksmiths* фиксируется ироничная оценка смеха, т.е. любовь настолько сильна, что для нее не может быть никаких преград. Не стоит также забывать, что ирония как компонент стиля коммуникации свойственна английскому национальному характеру и часто присутствует в различных ситуациях общения. Фразовый глагол «смеяться над кем-либо» выражает отрицательную коннотацию «высмеивание». Таким образом, **явление смеха оказывается объективацией триумфа любви.**

Лингвокультурологический анализ данного текстового отрывка показал, что при переводе поговорки *love laughs at locksmiths* следует учитывать особенности культуры ПЯ, т.е. русской культуры в данной ситуации, и переводить не дословно, а искать подходящий по смыслу и культурной составляющей аналог. В данном коммуникативном эпизоде с учетом всех выше описанных обстоятельств в качестве окончательного варианта перевода предлагаем «*любовь смеется над замками*». На наш взгляд, он превалирует над

другими известными вариантами, поскольку позволяет сохранить игру слов в реплике девушки и последующем ответе ее отца.

Список литературы:

1) Абакумова, О.Б. Лингвокультурологические аспекты перевода пословиц // Проблемы теории, практики и дидактики перевода – Н. Новгород : Сборник научных трудов, 2019. – 405 с.

2) Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – С.28-29.

3) Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь. / А.В. Кунин. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.

4) Пермяков, Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1979. – 671 с.

5) Шутенко, Е.А. Функционирование фразеологических единиц, отражающих концепт «Любовь» в русском и английском языках. / Е.А. Шутенко. – Альтернант-2014 [Электронный ресурс, режим доступа - <https://conf.grsu.by/alternant2014/index-128.htm>].

6) Dictionary Of Proverbs by Manser, Martin (Ed.) [Электронный ресурс, режим доступа - https://archive.org/details/DictionaryOfProverbs_201303/page/n189/mode/2up?q=love+laughs+at+locksmiths].

Сведения об авторе

Кононова Мария Валерьевна; студентка II курса магистратуры по направлению подготовки «Лингвистика» профиля «Теория перевода и межкультурная/межъязыковая коммуникация», Орловский государственный

университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; kononova-mari-1996@mail.ru.

Kononova Maria Valerievna; second-year student of the master's degree in Linguistics of the profile "Theory of translation and intercultural/interlingual communication", Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Orel, 302028, Russian Federation; kononova-mari-1996@mail.ru.

УДК 81'37:398.91

ДЕОНТИЧЕСКИЕ НОРМЫ И УСТАНОВКИ КУЛЬТУРЫ В ПОСЛОВИЦАХ О СЧАСТЬЕ

Леонидов И.А.

Орловский государственный университет

имени И.С. Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: в статье рассматриваются концепты культурной установки и деонтической нормы на примерах анализа русских и английских пословиц о счастье.

Ключевые слова: деонтические нормы, социальные нормы, установки культуры, пословицы, счастье.

Abstract: the article examines the concepts of a cultural set and a deontic norm on the examples of an analysis of Russian and English proverbs about happiness.

Key words: deontic norms, social norms, cultural sets, proverbs, happiness.

Лингвокультурология и паремиология определяют пословицу как емкое поучительное изречение, заключающее в себе народную мудрость. Но что

подразумевается под понятием «народная мудрость»? Первое слово отвечает за культурную составляющую, культурную установку, которая переходит из поколения к поколению, от родителя к ребенку. Мудрость связана с опытом и уроком, вынесенным из него, который формирует социальную или, как ее еще называют, деонтическую норму. Рассмотрим, как данные термины определяются в науке.

Телия В.Н. определяет установки культуры, как своеобразные «идеалы, в соответствии с которыми личность квалифицируется как «достойная/недостойная». По ее мнению, культурные установки вырабатываются на протяжении исторического пути, проходимого народом, который откладывается в социальной памяти и формирует установки. Помимо прочего нас отличают от животных правила и установки, о которых мы договорились друг с другом. Именно они отделяют нас от хаоса, упорядочивают нашу жизнь, поэтому существует необходимость их соблюдать [5, с. 13-24].

Писарская Т.Р. и Якименко Н.Е., в своей статье, анализируют более ста паремий по тематике взаимоотношений детей и родителей. На основе их исследования можно сделать выводы о том, что установки культуры, как способ вербализации культурных смыслов, могут фиксировать действительность не только с позиций «достойно/недостойно», «хорошо/плохо», но и отражать объективную реальность нейтрально, а затем прибегать к аксиологической оценки посредством экспрессивно окрашенной лексики. Национально-культурное представление о той или иной ситуации характеризуется множеством культурных установок, отражающих данную ситуацию с разных позиций [4, с. 91-94].

Для того, чтобы разобраться в понятии деонтических норм, обратимся к исследованию В.И. Карасика [2, с. 32]. По мнению автора, данные нормы неоднородны, и их лингвистическое исследование позволяет понять инокультурные ценности в разных лингвокультурах. Нормы имеют прототипный характер, т.е. мы храним в памяти знания о типичных установках,

действиях, ожиданиях ответных действий и оценочных реакциях применительно к тем или иным ситуациям.

Нормы поведения, которые выводит В.И. Карасик из пословиц, могут быть сгруппированы в следующие классы: нормы взаимодействия («Нельзя причинять вред своим»), нормы жизнеобеспечения («Следует трудиться»), нормы контакта («Следует быть честным»), нормы ответственности («Нужно отвечать за свои действия»), нормы контроля («Следует быть справедливым»), нормы реализма («Следует полагаться на себя»), нормы безопасности («Следует быть осторожным») и нормы благоразумия («Нужно следить за своим здоровьем»).

Первые пять групп являются этическими нормами поведения. Они характеризуются одномерным измерением: критике подвергается тот, кто проявляет недостаток морального качества.

Нормы взаимодействия являются наиболее важными для общества, их нарушение подрывает самые глубинные основания общественного устройства, именно поэтому к предателям и трусам повсеместно относятся с презрением. Эти нормы не только закреплены в неписанных моральных правилах поведения, но и фиксируются в юридических кодексах.

Нормы жизнеобеспечения относятся к сфере морали, хотя их нарушители (лентяи, неряхи, паникеры) причиняют вред как окружающим, так и самим себе.

Нормы контакта, ответственности и контроля представляют собой уточнения этических правил поведения в трех весьма важных для общества аспектах — в общении, адекватной самооценке и руководстве людьми.

Оставшиеся три группы — нормы реализма, безопасности и благоразумия — можно отнести к числу утилитарных. Нарушитель утилитарных норм демонстрирует свою несостоятельность и причиняет вред прежде всего себе. Утилитарные нормы допускают двустороннее измерение, осуждению подвергается как слишком малая, так и слишком большая степень качества: следует быть осторожным, но не следует быть чересчур осторожным (это

граничит с трусостью) или недостаточно осторожным (это безрассудство). Отметим, что недостаточное проявление качества осуждается с утилитарных позиций, а избыточное проявление этого же качества — с моральных [2, с. 36-37].

Теперь рассмотрим то, как проявляются культурные установки и деонтические нормы при анализе конкретных пословиц. На основе выборки пословиц, удалось выделить следующие культурные установки, связанные с тематикой счастья:

Причины счастья (в английском причины могут быть абстрактными (*Kindness brings happiness*) или конкретными (*Happy wife, happy life*). В русском причина счастья отсутствует (*На счастье нет закона*), объясняется везением (*Счастливый и в огне не сгорит, и в воде не потонет*), или прочими аспектами (*Кто запаслав, тот и счастлив*).

Отношение к его «добыванию» (в обоих менталитетах проступает понимание, что счастья нужно добиваться самому, однако пословиц с таким смыслом в русском языке значительно меньше (*Everyone is the maker of his own fate; Человек сам кузнец своего счастья*).

Отношение к удаче и ее недолговечности (англоговорящие относятся к удаче с презрением (*Luck and laziness go hand in hand;*), при этом выделяется недолговечность удачи (*Luck has but a slender anchorage*). Русские также понимают, что счастье не только не может длиться целую вечность (*У счастья – короткие ноги*), но может смениться несчастьем (*Счастье с несчастьем через межу живут*).

Предполагаемые последствия счастья (У русских последствия бывают не только нежелательными: *Бедность учит, а счастье портит*), но и вполне положительными (*Горе старит, а счастье красит*). Англичане не думают о том, что последует после достижения счастья потому что они не думают о счастье, как о некой конечной цели).

Универсальной чертой в обеих культурах является важность счастья по сравнению с другими ценностями (*Правда – хорошо, а счастье – лучше; Better be lucky born than a rich man's son*) [3, с. 40-41].

Продемонстрируем деонтические нормы английской и русской лингвокультур путем противопоставления пословиц данных культур. При анализе, помимо других методов, была использована когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословицы в тексте [1, с. 122-128]. Краткости ради, в этой статье будут освещены только выводы анализа.

Первые две пословицы затрагивают роль упорной работы человека в создании своего счастья. Английская пословица призывает к упорному труду – «*Every man is the architect of his own fortune*», русская, наоборот, предупреждает об опасности чересчур активных действий – «*За счастьем человек бежит, а оно у ног его лежит*». Таким образом, рекомендуемая норма поведения в социуме в английской лингвокультуре – быть индивидуалистом, брать ответственность за свою жизнь, не полагаться на других, в русской – не прилагать чрезмерных усилий для достижения целей, а искать возможности в уже сложившейся ситуации.

Вторая пара пословиц связана с тенденцией русских и англичан связывать счастье и несчастье между собой. Русским примером выступила пословица «*Не было бы счастья, да несчастье помогло*», английским – «*Every bitter has its sweet*». Деонтическая норма в русскоговорящем обществе – осознавать беды и горести в полной мере, но также находить что-то хорошее и позитивное, в связи со сложившейся ситуацией, в англоговорящем – не огорчаться при неудачах, горестях, так как за ними всегда последует что-то хорошее.

Третья пара пословиц имеет дело со стихийным счастьем – удачей. В английском языке это слово воспринимается негативно – ассоциация с ленью, глупостью, невежеством - или нейтрально. Для примера использовалась пословица «*Luck is the idol of the idle*». В русском языке концепт удачи преимущественно позитивен из-за его схожести с концептом счастья, в данном

исследовании использовалась пословица «*Удача – спутник смелого*». Общественная норма поведения англоговорящих – надеяться не на удачу, а на свои силы, русскоговорящих – готовиться к худшему, но верить в возможность лучшего.

Четвертая пара поможет убедиться в том, что счастье занимает одну из верхних позиций в системе ценностей двух культур. Русская сторона представлена пословицей «*Не родись красивым, а родись счастливым*», английская – «*Happiness is better than wisdom*». Норма поведения для носителей русского языка – ценить успехи в образовании, карьере и семейной жизни выше, чем красивую внешность, а у носителей английского – ценить в первую очередь счастье и радость, а уже потом знания и учебу [3, с. 42-43, 46, 47, 49, 51-53, 55-56].

Таким образом, нам удалось приподнять завесу над проблематикой культурной установки и деонтической нормы, а также раскрыть национальную специфику счастья представителей английской и русской лингвокультур.

Список литературы:

1. Абакумова О.Б. Пословица в художественном тексте и когнитивно-дискурсивная модель ее актуализации / О. Б. Абакумова // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. №1. С. 122-128.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. -Москва: Гнозис, 2004. 390 с.
3. Леонидов И. А. Культурные установки в английских пословицах о счастье и их русских аналогах в режиме он-лайн. Выпускная квалификационная работа бакалавра. Орел, 2020.
4. Писарская Т.Р. Якименко Н.Е. Установки культуры в лингвокультурологии // Современные тенденции развития науки и технологий.

Периодический научный сборник по материалам XII Международной научно-практической конференции Белгород, 31 марта 2016 г. 2016. № 3-4. С. 91-94

5. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13-24.

Сведения об авторе

Леонидов Илья Андреевич, магистрант 1 курса, ОГУ имени И.С. Тургенева.

E-mail: leonidov.ilya@yandex.ru

Leonidov Ilya Andreevich, Master Degree student, Orel State University named after I.S. Turgenev.

E-mail: leonidov.ilya@yandex.ru

УДК 811.111

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ГАЗЕТНЫЕ ЗАГОЛОВКИ: АНАЛИЗ ТРУДНОСТЕЙ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК.

Проконина Н.И.,

Бакина А.Д.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: В статье исследуется проблема перевода англоязычных заголовков на русский язык. Особое внимание уделяется рассмотрению различных экспрессивных средств, характерных для английского и русского языков.

Ключевые слова: СМИ, прецедентность, заголовок, публицистический текст, экстралингвистические средства.

Abstract: The article examines the problem of translation of English headlines into Russian. Particular attention is paid to the consideration of various expressive means that are typical of the English and Russian languages.

Key words: Mass media, precedence, headline, publicistic text, extra-linguistic means.

Ни для кого сегодня не секрет, что средства массовой информации (СМИ) постоянно окружают почти каждого жителя нашей планеты, если не говорить, что абсолютно всех. И вовсе не удивительно, что именно в XXI веке, в эпоху информации и глобализации, произошел настоящий расцвет СМИ, когда любому обывателю доступна работа с электронными гаджетами и устройствами. Так, будучи дома, на улице или в транспорте, пролистывая журнал или просматривая новостную хронику в газете, человек невольно сталкивается с различными проявлениями СМИ. Такая информационная насыщенность в повседневной жизни только увеличивает роль СМИ в обществе.

Язык СМИ представляет собой отдельную нишу для исследователей-лингвистов, являясь лингвистическим воплощением публицистического стиля. Публицистический, в частности газетно-публицистический стиль, речевые особенности которого оформились именно в периодических печатных изданиях и прежде всего в газетах, сегодня функционирует не только в печатных, но и в электронных средствах массовой информации: его было бы также справедливо назвать «телевизионным» стилем. Другое название - общественно-политический стиль - точнее указывает на тесную связь обсуждаемого стиля с общественной и политической жизнью, но здесь стоит вспомнить, что данный стиль обслуживает и неполитические сферы общения: культуру, спорт, деятельность общественных организаций (экологических, правозащитных и др.).

Основными функциональными нагрузками публицистического стиля являются информационная и воздействующая функции.

Информационная функция текстов, относящихся к этому стилю речи, состоит в том, что авторы таких текстов имеют целью информировать как можно более широкий круг читателей, зрителей, слушателей о значимых для общества проблемах и о взглядах авторов на эти проблемы. Информация в публицистических текстах не только описывает факты, но и отражает мнения, настроения, содержит комментарии и размышления авторов. Публицист стремится писать, прежде всего, о том, что вызывает интерес у определенных общественных групп, выделяя те стороны жизни, которые важны для его потенциальной аудитории.

Информирование граждан о положении дел в общественно значимых сферах сопровождается в публицистических текстах осуществлением второй важнейшей функции этого стиля - *функции воздействия*. Цель публициста состоит не только в том, чтобы рассказать о положении дел в обществе, но и в том, чтобы убедить аудиторию в необходимости определенного отношения к излагаемым фактам и в необходимости определенного поведения. Публицистическому стилю присущи открытая тенденциозность, полемичность, эмоциональность, что как раз и вызвано стремлением публициста доказать правильность своей позиции.

Функция воздействия является для публицистического стиля системообразующей, именно она выделяет этот стиль среди других разновидностей литературного языка. Хотя эта функция характерна также для официально-делового и разговорного стиля, на отбор языковых средств она активно влияет именно в текстах публицистических.

Конкретным языковым результатом, продуктом газетно-публицистического стиля является статья, структурно представленная такими элементами, как название, вводка и сам текст статьи.

Заголовок – это «визитная карточка» прессы, первый сигнал, стимулирующий к прочтению газетной статьи, поэтому крайне важно, чтобы он

был привлекательным и неординарным, что и осуществляет основную задачу СМИ, оказывая тем самым воздействие на аудиторию. В то же время заголовок, предваряя текст, обязательно содержит тематику или суть газетной заметки, зачастую позволяя обозначить отношение автора к той или иной проблеме.

Перевод заголовков - ответственная и серьезная задача, подчас требующая творческого подхода и лингвистического мастерства, и может вызывать ряд трудностей. Проблема является достаточно острой, о чем свидетельствует тот факт, что переводчики допускают значительное количество ошибок при передаче заголовков. Переводу газетных и журнальных заголовков (содержащих в своем составе фразеологические единицы) уделяется немало внимания в лингвистических исследованиях, где по-прежнему отсутствует единообразный, стандартный подход. Лингвистами рекомендуются различные стратегии, приемы и методы перевода, детерминированные индивидуальными предпочтениями и личным видением проблемы, поднимаемой в статье, заглавие которой переводится.

При переводе газетного заголовка автор помимо уверенного знания языка и владения навыками перевода должен учитывать прецедентность аутентичного текста, обладать творческим мышлением, способностью умело использовать разнообразные лексические, стилистические и фонетические средства выразительности, синтаксические конструкции и многое другое.

Как правило, газетные заголовки написаны «телеграфным языком», который способствует раскрытию и осуществлению всех необходимых функций заголовка: рекламно-экспрессивной, графически-разделительной и номинативно-информативной. Первая функция ответственна за формирование интереса у читателей. Вторая – отвечает за изоляцию заголовка в статье и реализуется с помощью различных экстралингвистических средств, таких как жирность и размер шрифта, использование цвета, графических элементов, а также приемов верстки, то есть правильное размещение материалов на газетной странице. И, наконец, третья функция дает представление о проблематике статьи [2, с. 58].

В англоязычной прессе зачастую сам заголовок лишь развивает воображение читателя, функцию раскрытия краткого содержания статьи выполняет подзаголовок или же небольшая аннотация после заголовка. Например: «Why the future of work might be «hybrid»» («Почему будущее работы может стать «гибридным»»). Данный заголовок не сообщает никаких конкретных сведений, представленных в дальнейшем в статье. Так и остается невыясненным вопрос, о какой профессиональной сфере идет речь и что подразумевается под так называемым «гибридным» будущим.

Содержание статьи становится ясным только после приписки, данной ниже заголовка: «Companies are looking to the post-Covid future. For many, the vision is a model that combines remote work and office time» («Компании предвидят будущее после Covid. Для многих – это модель, сочетающая удаленную работу и традиционный способ работы»).

В русскоязычных публицистических текстах подзаголовки или аннотация – большая редкость, и их «при переводе на русский язык следует опускать. Подзаголовки сохраняются только при переводе очень длинных выступлений, докладов и теоретических статей и только в том случае, если они непосредственно связаны с содержанием материала» [5, с. 400].

Далее хотелось бы отметить значительную долю глагольных вопросительных заголовков (заголовков, которые имеют в своем составе глагол), которые на русский язык часто могут переводиться дословно, при этом сохраняя вопросительную форму предложения. Например, «Is it too late to save nature?» («Неужели уже слишком поздно спасти природу?»). Как видим, в данном случае смысл заголовка никак не искажен, и более того, автору русскоязычного заголовка при переводе удалось оставить структуру общего вопроса.

Еще один пример вопросительного предложения: «Could seaweed be the fuel of the future?» («Ученые ЕС изготовили топливо из водорослей»), однако в переводе на русский язык вопросительный знак опущен. Можно предположить, что автор, руководствуясь синтаксическими структурами, популярными в

отечественной прессе, а именно – утвердительно предложения, имел цель более четко и определенно анонсировать тему статьи.

Особую сложность представляет перевод заголовков, содержащих глагольное сказуемое в личной форме, но без употребления подлежащего. Дословно такого рода заголовки перевести не удастся, а сохранить глагольность предложения возможно лишь с помощью восстановления опущенного подлежащего, но для этого придется тщательно разобрать всю статью целиком. «Поэтому глагольные заголовки подобного типа лучше всего переводить назывными предложениями» [5, с. 400]. Приведем один из примеров: «Expect no change in North Korea» («В Северной Корее изменений не ожидается»).

Чтобы быть максимально доходчивыми, заголовки носят разговорный характер, часто строятся на базе общеупотребительных слов и выражений, всем известных пословиц, поговорок и цитат: «Debate rivals hammer Bloomberg over «stop and frisk» policing in NYC» («Майкла Блумберга «проработали» на партийных дебатах»). Выражение «stop and frisk» означает официальное разрешение полиции задерживать и обыскивать подозреваемых [6]. Речь в статье идет о несогласии однопартийцев Блумберга с проводимой им политикой, в частности, с тем, что, пока Майкл Блумберг возглавлял мэрию города, полиция Нью-Йорка с согласия мэрии без каких-либо причин задержала и обыскала «5 миллионов молодых чернокожих мужчин» [1]. Дабы создать не менее броский заголовок, переводчик применил переносное значение слова «проработать», то есть «подвергнуть суровой или недоброжелательной критике» [3]. Перевод заголовка удачный в лексическом и стилистическом плане, в плане передачи атмосферы описываемого события, но в отличие от английского оригинала была утеряна конкретика конфликта Блумберга с его однопартийцами. Другой пример – ««Speak English» in order to work in UK, Britain tells post – Brexit migrants» («Великобритания ужесточает миграционную политику»). В оригинале прямая речь делает заголовок более просторечным, выигрывая при этом внимание читателей. Русский перевод полностью

соответствует заявленной тематике в английском варианте, но более сухо и конкретно, представляя информацию более серьезно.

А чтобы сделать заголовок более энергичным и выразительным, журналисты нередко прибегают к заголовкам с двоеточием, после которого расшифровывается предмет обсуждения. Довольно часто такие заголовки пишутся в «настоящем простом времени» («Dubai acts to stem the tide of single use plastic» («Дубай откажется от одноразового пластика»)), даже в случаях, когда речь идет об уже произошедших событиях. Дело в том, что «настоящее простое время» придает заголовку особую живость, приближая описываемые события к читателю и делая его участником этих событий. «Однако, если действие, указанное в заголовке, уже закончилось к моменту публикации материала, в русском переводе следует использовать прошедшее время» [5, с. 401]. К примеру, «Scottish economic advisors hold first post-Brexit meeting» следует перевести как «Шотландские экономические советники провели первую встречу после Брексита».

Заголовки, отсылающие к явно прошлым событиям, написаны в «простом прошедшем времени», и при переводе на русский язык данный тип заголовков никаких трудностей не вызывает – переводится прошедшим временем: «Welcome Back: Lakers, LeBron Headed to Conference Finals» («С возвращением: Лейкерс и Леброн вышли в финал конференции») или «Heatwave shatters September records in western Europe» («Сильная жара побила рекорды сентября в Западной Европе»).

Для выражения будущего времени в заголовках часто используется инфинитив, который часто отсутствует в переводе: «Afghanistan war: US and Afghan Taliban to start partial truce» («Война в Афганистане: США и афганские талибы начнут частичное перемирие»), «President Putin to visit France» - «Президент Путин планирует рабочую поездку во Францию»).

Также отличительной особенностью английских газетных заголовков является распространенность в них эллиптической формы пассивного залога с опущением вспомогательного глагола to be для описания событий как в

прошедшем, так и в настоящем времени [4, с. 8]. Например, «German man shocked to see marriage proposal on Google Maps» («Немец шокирован, увидев предложение о браке на Google Maps»).

Итак, очевидно, что газетный заголовок, наделенный разнообразными экспрессивными средствами языка, создает определенные трудности при переводе, именно поэтому очень важно и необходимо учитывать, что подвергаемые переводу газетные заголовки должны четко соответствовать нормам родного языка и содержать тот объем информации, который требуют эти нормы.

Список литературы:

1. Лазарева Э.А. Заголовок в газете. Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1989. 96 с.
2. Слепович В.С. Курс перевода. Минск: ТетраСистемс, 2005. 318 с.
3. Царева Е.Е. Специфика перевода газетных заголовков // Вестник Казанского технологического университета. 2010. С. 398-406.
4. Караева Е. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://ru.euronews.com/2020/02/20/us-democratic-debate-bloomberg>
5. Проработать [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/985802>
6. Stop and frisk. [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://www.dictionary.com/browse/stop-and-frisk>

Сведения об авторах

Проконина Наталья Игоревна; магистрант, 2 курс, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д.95; prokoninanatalie@mail.ru.

Prokonina Natalia Igorevna; Candidate for a Master`s degree, the 2nd course, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; prokoninanatalie@mail.ru.

Бакина Анна Дмитриевна; кандидат филологических наук, доцент, и.о.зав. каф. английской филологии, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95,

E-mail: Heart-anna@yandex.ru +79038804979

Bakina Anna Dmitrievna; PhD in philological sciences, the Head of the Chair of English Philology, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation;

E-mail: Heart-anna@yandex.ru +79038804979

УДК 811.163.41

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКО-СЕРБСКИХ ПОСЛОВИЧНЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ С ОБРАЗНОЙ ОСНОВОЙ

Репина А.Д.

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена сопоставлению русско-сербских пословичных параллелей с образной основой в рамках лингвокультурологии. Изучение лексики и паремий одного языка на фоне другого позволяет выявить отличительные черты мировосприятия носителей этих языков. Материалом для исследования послужили результаты паремиологического социолингвистического эксперимента, проведенного в 2003-2005 гг. в Сербии под руководством М. Ю. Котовой. Использовался метод сплошной выборки.

Цель состоит в том, чтобы выявить сходства и различия русских и сербских паремий с образной основой, а также культурные установки и специфику близких лингвокультур. Анализ паремий показал, что большая часть сербских пословиц с образной основой содержит отличные от русского языка языковые средства, образы, лексику и грамматические структуры, а меньшая часть – имеет общую с русскими пословицами основу.

Ключевые слова: лингвокультурология, образность, русский язык, сербский язык, сопоставительная паремиология.

Abstract: The article is devoted to the comparison of Russian-Serbian proverbial parallels with the figurative basis within the framework of cultural linguistics. The study of the vocabulary and paremias of one language against the background of another allows us to reveal the distinctive features of the worldview of the speakers of these languages. The material for the study was the results of a paremiological sociolinguistic experiment conducted in 2003-2005 in Serbia under the leadership of M. Yu. Kotova. The method of continuous sampling was used. The goal is to identify the similarities and differences between Russian and Serbian paremias with a figurative basis, as well as cultural attitudes of similar linguistic cultures. Analysis showed that most of the Serbian proverbs with a figurative basis contain linguistic means, images, vocabulary and grammatical structures that are different from the Russian language, and a smaller part has a common basis with Russian proverbs.

Key words: contrastive paremiology, cultural linguistics, imagery, Russian, Serbian.

Введение

Язык неразрывно связан с культурой, так как через него в любой культуре происходит процесс становления мировоззрения и передачи знаний носителей данного языка. Сравнение и установление общих и различных черт мировосприятия носителей родственных языков происходит посредством

изучения лексики и паремий одного языка на фоне другого. Объектом исследования являются русские и сербские образные паремии, содержащие в себе систему ценностей этих языков.

Изучение русских и сербских паремий в рамках лингвокультурологии

Язык составляет важную часть культуры народа, живущего в определенное время и в определенном месте, выражая ее и являясь «обязательной предпосылкой развития культуры в целом» [3, с.12]. Язык - сложная знаковая система и может быть инструментом для передачи и хранения информации о своеобразии народа, национальном видении мира и культуре.

Вопросами о связи языка и культуры занимается лингвокультурология – современная научная дисциплина, возникшая на стыке филологии и культурологии, которая изучает взаимосвязи языка и культуры и особенности одной культуры на фоне другой [4]. То, как человек видит и воспринимает мир, отражено «в языковых знаках, и путем исследования и интерпретации этих знаков в их взаимосвязи может быть воссоздан взгляд на мир или языковая картина мира языкового коллектива» [8, с.223].

Паремия является объектом паремиологии – «филологической науки о паремиях» [5, с.3]. Паремии – это «афоризмы народного происхождения, характеризующиеся лаконичностью формы» [1, с.240] и назидательным смыслом. Основные разновидности паремий составляют пословицы и поговорки. Паремии выражают специфику народа, поэтому занимаясь сопоставительной паремиологией и лингвокультурологией, можно найти различия или же сходства в культурах разных народов (см. работы М.Ю. Котовой [5], Н.Ф. Алефиренко [1], В. В. Воробьева [3], Е.И. Зиновьевой [4] и др.). В последние годы появился и ряд исследований по русско-сербской сопоставительной паремиологии: М. Младенович [7], М. Николич [9], К. Перич [10] и др.)

Типы русско-сербских пословичных параллелей

В ходе нашего исследования к русским паремиям были отобраны сербские пословичные параллели с образной основой на основе словаря М. Ю. Котовой «Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями» [6]. Критерии отбора из сводного списка сербских пословиц с образной основой были следующие: достаточное количество информантов, выбравших именно данный инвариант; контекстные иллюстрации, подтверждающие использование данных инвариантов. Для классификации и дальнейшего описания выбранных паремий мы используем классификацию С. Флорина и С. Влахова. Вслед за ними мы разделили паремии на 3 группы:

1. Полный эквивалент. К паремии русского языка можно указать сербскую паремию равноценную переводимой единице. Такие паремии не должны иметь различий в смысловом содержании, метафоричности и эмоционально-экспрессивной окраски и «должны иметь приблизительно одинаковый компонентный состав» [2, с.184]. Например: русск. *Если гора не идёт к Магомету, Магомет идёт к горе* - серб. *Ако неће бријег Мухамеду онда ће Мухамед бријегу (брегу)* /букв. Если не холм к Магомету, тогда Магомет к холму/ [РССПАС № 84, с. 43]. Данная паремия является интернациональной, так как ее происхождение связано с притчей из Корана, а, значит, сербская пословица является полным эквивалентом русской пословицы. Различием этих пословиц является написание имени нарицательного Мухамет, что обусловлено фонетическими особенностями языков. Существительное *брег (бријег)* с сербского переводится лексемами *холм, горка*, близкими по значению к русскому *гора*.

2. Неполный (частичный) эквивалент. Паремии русского языка соответствует сербский эквивалент, который можно назвать полным, но не во всех ее значениях. Например: русск. *Лучше синица в руках, чем журавль в небе* – серб. *Боље врабац у руци, него голуб на грани* /букв. Лучше воробей в руке, чем голубь на ветке/ [РССПАС, № 374, с. 140]. В русской пословице *синица* – что-то маленькое и незначительное, а *журавль* – большое и прекрасное. В

сербской же вместо синицы – воробей, а вместо журавля – *голубь*, но он не в небе, как журавль, а на ветке.

3. Аналог. Пословица сербского языка, выступающая параллелью к русской пословице, содержит другой образ, но описывает ту же ситуацию. Например: русск. *Жизнь прожить – не поле перейти* – серб. *Живот није мачји кашаљ* /букв. Жизнь – не кошачий кашель/ [РССПАС, № 135, с. 60]. В русской пословице сложности жизни противопоставляется переход по полю, что представляет собой простое действие, а в сербской – кошачий кашель. В русской противопоставляются глаголы, в сербской – существительные.

Выводы

Из сводного списка было выбрано 93 параллели сербских пословиц к русским пословицам с образной основой. Самой большой оказалась группа аналогов, насчитывающая 53 параллели; самой маленькой – полные эквиваленты, 17 параллелей; группа неполных эквивалентов насчитывает 23 пословичных параллели. Из данной статистики можно сделать вывод, что большая часть сербских пословиц с образной основой содержит отличные от русского языка языковые средства, образы, лексику и грамматические структуры. Меньшая часть – имеет общую с русскими пословицами основу. Группа неполных эквивалентов является второй по количеству паремий, что говорит о близости культур. Пословицы, попавшие в эту группу, не имеют слишком ярких различий с русскими пословицами. Например, могут различаться наименования птиц: *ворон* и *врана* /букв. ворона/, *синица* и *вராбац* /букв. воробей/, *журавль* и *голуб* /букв. голубь/; использоваться образы разных животных, как *собака* и *зец* /букв. заяц/, *волк* и *зец*, *собака* и *куче* /букв. щенок/, *собака* и *пес* /букв. пес/. Было выявлено небольшое количество сербских пословиц, содержащих собственно сербскую лексику, используемую исключительно в данной культуре и подчеркивающую ее специфику. К пословицам, содержащим такую лексику относятся: русск. *Кошка из дому, мышки в пляс* – серб. *Кад мачке нема мишеви коло воде* /букв. Когда кошки нет,

мыши хоровод водят/ [РССПАС, № 184, с. 77]; русск. *Вода(капля) камень точит (долбит)* – серб. *Зрно по зрно погача, камен по камен палача* /букв. Зерно к зерну – лепешка, камень к камню – палата/ [РССПАС, № 46, с. 30]; русск. *Русский человек задним умом крепок* – серб. *Касно Марко на Косово дође* /букв. Поздно Марко на Косово пришел / [РССПАС, № 471, с. 172]; русск. *Назвался груздем – полезай в кузов* – серб. *Ко се у коло хвата у ноге се узда* /букв. Ко идет в хоровод, на ноги надеется/ [РССПАС, № 91, с. 45-46]; русск. *Горбатого могила исправит* – серб. *Ко ће исправити криву Дрину* /букв. Кто исправит кривую Дрину/ [РССПАС, № 85, с. 43-44]; русск. *От добра добра не ищут* – серб. *Тражи хљеба преко погаче* /букв. Ищет хлеб поверх лепешки / [РССПАС № 111, с. 52]. В данных пословицах используются такие слова, как *погача, коло*, содержатся имена собственные, связанные с культурой и историей народа: *Марко, Косово, Дрина*. Количество таких пословиц в нашем материале составляет примерно 5 % от общего количества сербских пословичных параллелей к русским пословицам с образной основой.

Список литературы:

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалавриатского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта.Наука. – 2009.
2. Влахов С., Флорин С. Непере译имое в переводе. М.: Издательство «Международные отношения», 1980.
3. Воробьев, В.В. Лингвокультурология. М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2006.
4. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике. Учебник / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. – СПб: Нестор-История, 2016.
5. Котова М.Ю. Лекции по сопоставительной славянской паремиологии. Учебное пособие для магистрантов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010.

6. Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. СПб, 2000.
7. Младенович М. Оппозиция «работа–безделье» в русских поговорках (на фоне сербского языка): лингвокультурологический аспект: ВКР магистра. СПбГУ, 2018. [https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/13029/1/VKR__Mladenovich_Majya.doc]
8. Мршевић-Радовић, Д. Фразеологија и национална култура. Библиотека „Књижевност и језик“, књига 26. Београд: Друштво за српски језик и Књижевност, 2014.
9. Николич М. Национально–культурный компонент семантики родства–свойства в русской и сербской языковой картине мира: кандидатская диссертация. РУДН, 2016. [<https://studizba.com/files/show/pdf/52256-1-avtoreferat.html>]
10. Перич К. Контекстная реализация в интернет-пространстве сербских пословиц с абстрактными существительными: ВКР магистра. СПбГУ, 2018. [https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/13043/1/PerichK_dissertaciya.pdf]

Сведения об авторе

Репина Анастасия Дмитриевна; студентка 4 курса бакалавриата специальности «Иностранные языки: Сербский язык», Санкт-Петербургский государственный университет, Филологический факультет, научный руководитель – проф. М. Ю. Котова. 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9; st062798@student.spbu.ru; +79624446335

Repina Anastasia Dmitrievna; 4th year student of the Bachelor's degree in "Foreign Languages: Serbian Language", St. Petersburg State University, Faculty of Philology, scientific supervisor - prof. M. Yu. Kotova. 199034, St. Petersburg, Universitetskaya embankment, 7-9; st062798@student.spbu.ru; +79624446335

**АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНОГО ЭПИЗОДА ПО МОДЕЛИ КДМ В
РАМКАХ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ**

Тимофеев А.А.,

Абакумова О.Б.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева

г. Орел, Россия

Аннотация: Статья посвящена проблемам изучения актуализации смысла пословицы в религиозном дискурсе для последующего перевода. Анализ проводится посредством когнитивно-дискурсивной модели (далее КДМ), предложенной Абакумовой О.Б. в рамках докторской диссертации. В данной статье речь идет об использовании модели на материале англоязычного религиозного текста (отрывка из Нового Завета). Подобран перевод пословицы с сохранением смыслов.

Ключевые слова: пословица, религиозный текст/дискурс, когнитивно-дискурсивное моделирование, перевод.

Abstract: The paper covers problems of proverb's sense actualization in the discourse of religion for the purpose of the following translation. The analysis is made by means of cognition-discourse model of proverb's sense actualization (CDM model) and is based on the text of New Testament. The analysis helps to translate the proverb, preserving the original meaning.

Key words: proverb, text/discourse of religion, cognition-discourse modeling, translation.

Для анализа нами была выбрана коммуникативная ситуация, представленная в Новом Завете (Matthew 7:1-20) [10]. Рассмотрим данный коммуникативный эпизод:

« ¹ **Judge not, that you be not judged.** ² For with the judgment you pronounce you will be judged, and with the measure you use it will be measured to you. ³ Why do you see the speck that is in your brother's eye, but do not notice the log that is in your own eye? ⁴ Or how can you say to your brother, 'Let me take the speck out of your eye,' when there is the log in your own eye? ⁵ You hypocrite, first take the log out of your own eye, and then you will see clearly to take the speck out of your brother's eye.

⁶ Do not give dogs what is holy, and do not throw your pearls before pigs, lest they trample them underfoot and turn to attack you.

⁷ Ask, and it will be given to you; seek, and you will find; knock, and it will be opened to you. ⁸ For everyone who asks receives, and the one who seeks finds, and to the one who knocks it will be opened. ⁹ Or which one of you, if his son asks him for bread, will give him a stone? ¹⁰ Or if he asks for a fish, will give him a serpent? ¹¹ If you then, who are evil, know how to give good gifts to your children, how much more will your Father who is in heaven give good things to those who ask him!

¹² So whatever you wish that others would do to you, do also to them, for this is the Law and the Prophets.

¹³ Enter by the narrow gate. For the gate is wide and the way is easy that leads to destruction, and those who enter by it are many. ¹⁴ For the gate is narrow and the way is hard that leads to life, and those who find it are few.

¹⁵ Beware of false prophets, who come to you in sheep's clothing but inwardly are ravenous wolves. ¹⁶ You will recognize them by their fruits. Are grapes gathered from thornbushes, or figs from thistles? ¹⁷ So, every healthy tree bears good fruit, but the diseased tree bears bad fruit. ¹⁸ A healthy tree cannot bear bad fruit, nor can a diseased tree bear good fruit. ¹⁹ Every tree that does not bear good fruit is cut down and thrown into the fire. ²⁰ Thus you will recognize them by their fruits. »

Judge not, that you be not judged – «Не суди, чтобы тебя не осудили» (дословный перевод). *Не суди, да не судим будешь* (аналоговая русская пословица).

Значения пословицы:

1. «If you judge or condemn someone else, you stand to be judged or condemned according to the same standard; do not judge unsympathetically or hypocritically.»

2. «It is not your place to judge or condemn other people, because others are sure to find things for which to judge or condemn you. This more common interpretation of the phrase ignores the line in the Bible that follows: «For with the judgment you pronounce you will be judged, and with the measure you use it will be measured to you» [12].

Коммуникативная ситуация: Фраза используется Иисусом Христом во время Нагорной проповеди.

Нагорная проповедь — собрание изречений Иисуса Христа в Евангелии от Матфея, преимущественно отражающих моральное учение Христа [11]. В главах с 5 по 7 Евангелия от Матфея повествуется о том, что Иисус произнёс эту проповедь (около 30 года н. э.) на склоне горы своим ученикам и толпе людей. Евангелие от Матфея поднимает вопросы, касающиеся учеников Христа, Церкви, Царствия Небесного, а также светского мироустройства [9]. Также считается, что в Нагорной проповеди сосредоточено основное содержание христианского учения, именно так к этой части Евангелия относятся многие религиозные мыслители и философы, например Лев Толстой, Ганди, Дитрих Бонхёффер, Мартин Лютер Кинг. Такое воззрение является одним из основных источников христианского пацифизма [11].

В данном и последующих предложениях (Матфей 7:1-5) Иисус призывает слушающих отказаться от лицемерного поведения и обратить внимание на него в человеческом обществе.

Однако, высказывание, ставшее впоследствии паремией, можно толковать по-разному в различных контекстах. Так, можно сказать, что «не суди, да не судим будешь» стоит в оппозиции к ветхозаветному «око за око» (см. Матфей 5:38-42: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою,

обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся»). Отрицание права судить отрицает право наказывать без суда. Видна коннотация с «So whatever you wish that others would do to you, do also to them, for this is the Law and the Prophets» (Матфей 7:12) – прослеживается переход от принципа талиона к золотому правилу нравственности [6]. (Талион (лат. *tālĭo*, от *talis* – такой же) – категория юриспруденции и морали, также известная как равное (симметричное) возмездие. Принцип назначения уголовного наказания за преступление, согласно которому мера наказания должна точно, буквально соответствовать вреду, причинённому вследствие совершения преступления («око за око, зуб за зуб») [5].

В то же время можно отнести это высказывание к деятельности осуждаемых Иисусом книжников и фарисеев (см. Матфей 5:20: «Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное»), в частности – к деятельности Синедриона [8].

Kommunikativa. Данное высказывание Иисуса – собственно коммуникативное действие, нацеленное на взаимопонимание и совершенное в интересах слушающего [1]. Говорящий стремится достичь взаимопонимания с адресатами (учениками/апостолами и слушателями из народа). Он надеется убедить слушающих в правоте своей позиции при помощи аналогий, притч, апелляции к авторитетным источникам (Ветхий Завет). Говорящий предполагает, что действие совершается во благо адресатов.

Konstativa. Пропозиция данного пословичного высказывания представлена предикатом **not to judge** (не судить, не осуждать).

Логическая структура: не делай чего? чтобы не быть каким?

Семантический класс предиката: отсутствие действия, выражающее значимое отсутствие противодействия (действия, направленного на выполняющего изначальное действие).

Образный фрейм: на уровне внутренней формы паремии представлена ситуация, когда человек, отказавшийся от осуждения, сам не становится предметом осуждения. Поскольку в данном фрейме можно усмотреть корреляцию с золотым правилом нравственности, известным и понятным в той или иной степени всем людям, говорящий использует вышепредставленное выражение в проповеди, чтобы доносимая им информация была понятна всем слушающим, и наглядно иллюстрировала неприглядность лицемерия.

Обобщенный фрейм: на уровне обобщенного фрейма представлена ситуация, когда действие одного человека, направленное на другого (во вред другому), может привести к реакции – обратному действию, направленному на первого человека. Если есть одно действие, то есть и другое. Таким образом, данная пословица представляет собой второй тип логико-семиотических моделей в классификации Г.Л. Пермякова («если есть одна вещь, то есть и другая») [7].

Окказиональный фрейм: на уровне конкретной референтной ситуации представлен Иисус Христос, проповедник, который обращается к своим ученикам и части населения Иудеи, призывая их к нравственному совершенствованию через соблюдение определённых предписаний и запретов.

Representativa. Модальность высказывания в данном случае *эпистемическая* (Иисус убеждён в истинности, правоте своей позиции) и *деонтическая* (он побуждает слушающих не быть лицемерными, даёт им определённое правило поведения [2]). Иллокутивная сила: *эксплицитный директив*. Оценка ситуации положительная (Иисус убеждён в истинности произносимого и в силе воздействия проповедуемых им духовных ценностей и уверен, что народ прислушается к нему).

Regulativa. В пословице фиксируются нормы взаимодействия («нельзя причинять вред своим»), нормы контакта («следует быть честным», «следует думать об интересах других людей») и нормы контроля («следует быть справедливым», «нельзя руководить [здесь – судить], не имея на это права») [4].

Таким образом, анализ бытовой коммуникативной ситуации, представленной в религиозном тексте, с применением когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла пословицы в дискурсе, разработанной О.Б. Абакумовой [1] показал, что пословица действительно является коммуникативным действием, ведущим к взаимопониманию сторон и совершенным в интересах слушающих.

Полагаясь на приведённый выше анализ, мы считаем предпочтительным следующий перевод представленной пословицы: «*Не суди, да не судим будешь*». Данный перевод сохраняет оригинальный набор смыслов и таким же образом отсылает к тексту Библии.

Список литературы:

1. Абакумова, О.Б. Когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословицы в дискурсе и возможности ее применения в художественном тексте / О.Б. Абакумова // Язык. Культура. Коммуникация. Проблемы теории, практики и дидактики перевода: Сборник научных трудов. Вып. 22. – Н. Новгород: НГЛУ, 2019. – С. 10-16.
2. Байдицкая Л.И., Сабурова Н.А. Деонтическая модальность и лингвистические средства её репрезентации в кодексе профессиональной этики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2015. №5 (19).
3. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1993. 1371 с.
4. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. / В.И. Карасик. М.:Гнозис, 2004. – С. 28-29.
5. Корсаков К. В. Талион // Философский словарь по правам человека. — Екатеринбург: АМБ, 2006. — С. 560—562.
6. От Талиона к Золотому Правилу. Специфика нравственного требования. 2. «Золотое правило» в истории этики // Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности — М.: МГУ, 1974.

7. Пермяков, Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1979.
8. Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eleven.co.il>. – Дата доступа: 30.08.20.
9. Harris, Stephen L., Understanding the Bible. Palo Alto: Mayfield. 1985.
10. King James Authorized Bible (1st Revision Cambridge), 1629.
11. «Sermon on the Mount.» Cross, F. L., ed. The Oxford dictionary of the Christian church. New York: Oxford University Press. 2005.
12. The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www idioms.thefreedictionary.com>. – Дата доступа: 30.08.20.

Сведения об авторах

Абакумова Ольга Борисовна; доктор филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; abakumova-ob@mail.ru; +7 919 205-21-23.

Abakumova Olga Borisovna; Doctor of Philology, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; abakumova-ob@mail.ru; +7 919 205-21-23.

Тимофеев Андрей Алексеевич; Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; screwnut152@gmail.com; +7 903 881-30-46.

Timofeev Andrei Alexeievich; Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; screwnut152@gmail.com; +7 903 881-30-46.

Научное издание

**ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ:
ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ**

**Материалы
IV Международной научно-практической конференции
(13 октября 2020 года, г. Орёл)**

Материалы печатаются в авторской редакции

Технический редактор А. Д. Бакина
Компьютерная вёрстка Е. В. Дормидонтова

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»
302026, г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95,
oreluniver.ru.

Подписано к печати 15.10.2020. Формат 60 x 84 1/16.
Усл. печ. л 37,38 Тираж 100 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе ОГУ имени И. С. Тургенева
302026, г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95